

К 80-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
И 50-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Приокские зори

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2010

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2010 — 3(20)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Стратегия, тактика и академия..... 3

ПОВЕСТЬ

Тамара Булевич. Дед Игнат..... 5

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Ирина Кедрова. Предслава — княжеская дочь..... 24

Наталья Квасникова. Крылья ангела..... 33

Денис Козенко. Красота по-русски..... 36

Игорь Нехамес. Горький мед (цикл рассказов)..... 39

Яков Шафран. Так чувствует сердце (цикл рассказов)..... 52

Алексей Яшин. «...Когда усталая подлодка»: Северные рассказы Николая Андреяновича..... 62

Александр Томазов. Запах земляники. Вентал..... 76

Галина Ключникова. Тринадцатый уровень..... 81

Роман Романов. В Прибытково..... 85

Геннадий Маркин. Кумовья из Лежепековки..... 87

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. *Personalia*..... 94

Владимир Сапожников. Я помню — мне сказал отец..... 100

Леонид Адрианов. Не читает сегодня Россия..... 102

Александр Бывшев. Случай в пути..... 105

Галина Винокурова. Анне Ахматовой..... 108

Николай Бухаринов. В деревне..... 111

Людмила Авдеева. Свой почерк..... 115

Сергей Лебедев. В родных местах..... 124

Евгений Пахомов. «Ты жив, так радуйся, Хайям»..... 128

Галина Беспалова. Журавлики несбывшейся мечты..... 135

Кирилл Усанин. Возвращение к другу..... 138

Владимир Резцов. Несколько слов о любви..... 141

Александр Хадарцев. Стихотворения..... 142

Александр Волин. *Personalia*..... 148

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

Узловское литературное объединение: Николай Боев, Василий Мишин, Сергей Гардер, Ольга Невенченко, Елена Киселева, Лала Ахвердиева, Лев Кальянов, Юрий Юрков..... 152

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Наум Ципис. Прогулки с Мадонной. Возвращение Мадонны: эссе..... 169

РАСКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Николай Макаров. Полинкины рассказы про деревню..... 189

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Евгений Елисеев. Музыкант..... 197

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»

Сергей Мурашев. Рассказы..... 234

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Наталья Парыгина. Слово о писателе; Николай Дружинин. К родному дому..... 243

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

Борис Петров. Концерт в осенних сумерках. Хозяин старого пчельника..... 250

Сергей Ставер. Письма из прошлого..... 258

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Владимир Куликов. В этот дом мне легко приходиться... Светлый художник..... 263

Ирина Кедрова. Академия российской литературы действует..... 273

Вячеслав Лютий. Терпение земли и воды (Поэзия Дианы Кан и современность)..... 277

Эдуард Анашкин. «...И пела русалка...»..... 282

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 287

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.

Адрес: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@yahoo.com; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула)

Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула)

Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам.

главного редактора по сибирским регионам

Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель

правления Союза писателей России

Виктор ГРЕКОВ (Белев)

Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом

критики

Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)

Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники)

Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)

Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь

Владимир МИРНЕВ (Москва), президент

Академии российской литературы

Олег ПАНТЮХИН (Щекино)

Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)

Наталья ПАРЫГИНА (Тула)

Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии

Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)

Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор

Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК

Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)

Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент

Академии российской литературы

Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*

— *журнал «Подъем» (Воронеж)*

— *«Литературная газета»*

— *газета «Российский писатель»*

— *газета «Тульский литератор»*

— *газета «Щекинский вестник»*

— *газета «Комсомольская правда» в Туле*

— *газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)*

Журнал издается попечительством и финансированием Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Тульской писательской организации СП России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2010

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА И АКАДЕМИЯ

Академия российской литературы еще молода, но достаточно активна. Активны и инициативны академики «первого призыва». Брендом — извините за чужеземное слово — Академии стали серии книг современной поэзии и прозы. Это удачное начало ее деятельности, ее тактики, выражаясь военным языком. На очереди — формирование долгосрочной стратегии.

Конечно, статусу общественных академий за двадцать лет существования этого института, нового для нашей страны, очень сильно повредила их многочисленность, узкоспециальность кружкового типа, а порой и чисто коммерческая цель их создания. Очень ревностно отношение к ним и го-сакадемий, особенно Российской академии наук (РАН), члены которой уничижительно именуют «общественников» «академиями парикмахерских наук»...

В то же время сама идея общественных академий, непривычная для России — равно как для предшествовавших СССР и Российской империи, — никакого негатива в себе не несет. Например, на Западе, включая американский континент, такové, как правило, подменяют собой отсутствующие го-сакадемии. Разумеется, они лишены качеств абсурдности (см. выше)... и профанации («всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд», — вроде как Бернард Шоу сказал).

Чтобы не потеряться в сонме то ли ста, а может, и двухсот общественных академий, имеющих сейчас быть в России, названия которых порой знают только их участники, а то и вовсе одно руководство — генералы без армии, — нашей академии уже сейчас, наряду с тактикой, следует определиться и со стратегией. По своей научной специальности являюсь членом ряда российских, зарубежных и международных академий, вхожу в региональные руководства некоторых из них. То есть, вопросы тактики и стратегии мне достаточно знакомы. Полагаю, что мое мнение вполне может претендовать на заслуживающее внимание. Итак, по пунктам конкретизации.

К счастью, по самому своему определению АРЛ лишена двух самых основных «парикмахерских» признаков. Во-первых, это первая литературная академия в стране. Есть, правда — с центром в СПб — достаточно солидная Петровская академия наук и искусств, но в ее деятельности все же преобладают сугубо научные интересы. Опять же не угрожает АРЛ и пресловутая «узкоспециальность», ибо литература — понятие очень широкое. Напомним, что основанная Петром Первым первая же академия в России основным предметом изысканий

* См. очерк Ирины Кедровой в рубрике «Литературоведение, литературная критика, рецензии» в настоящем номере журнала.

и исследований имела русскую словесность и филологию...

Во-вторых, не имея и даже не надеясь умозрительно на какую-либо «копейку» от государства и мифических — существующих только в воспаленном воображении функционеров СМИ — меценатов, тем не менее АРЛ толерантности к коммерции не испытывает. Да если бы и захотела, все одно бы не получилось ничего: книги не бананы, спросом у 95÷98 % нынешнего населения России не пользуются.

... А вот «вырваться» из изобилия общественных академий, создать свое, неповторимое лицо и самоутвердиться — это вполне реально. Повторюсь: тактика академии с изданием двух серий книг современной поэзии и прозы уже сделала свое дело, название академии на слуху читающей публики страны. Не только Москвы и Подмосковья.

Умелая тактика суть проводник большой стратегии. Для литературной академии это опять же изустное и печатное слово, которое всегда было сначала. Здесь АРЛ чрезвычайно повезло, ибо на момент ее создания уже активно работали Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с его альманахом, де-факто ежемесячным одноименным названием и «толстый» литературный журнал «Приокские зори». На страницах этих, фактически всероссийских, изданий члены академии, ее единомышленники представлены в должной полноте. А если учесть, что оба эти журнала имеют свои «Библиотеки», в которых за год издается до двух десятков авторских книг?

Вообще говоря, целесообразно не только фактически, но и по статусу сделать «Московский Парнас» и «Приокские зори» печатными органами академии. Это повысит реноме изданий, но при этом не «нагрузит» АРЛ финансовыми и иными хлопотами. Ибо журналы как издавались заботами их главных редакторов и подвижников — членов редколлегий, так и будут издаваться. Как это у нас с Л. В. Ханбековым получается издавать журналы — в срок, без пропусков, без сдвигания номеров, главное, без какого-либо финансирования? — Не спрашивайте, пусть наша головная боль останется при нас...

Другой существенный момент стратегического характера: расширение инфраструктуры академии, выход ее за «пределы МКАД'а», создание укрупненных — на первых порах — региональных отделений, хотя бы в условных рамках административных федеральных округов. Естественно, все это должно совершаться без «размывания» академии и снижения требований к творческому уровню кандидатов и членов академии. Как подсказывает личный опыт: региональное отделение по численности не должно превышать восьми-десяти членов, принятых в АРЛ — с утверждением в Президиуме — в течение 3—4—5 лет.

При таком расширении инфраструктуры также желательно ввести практику периодических съездов и пленумов академии, причем проводимых не только в Москве, но и в провинциальных отделениях.

Творческие семинары по жанрам, проведение региональных конкурсов, особенно поэтических, расширение сотрудничества с Союзом писателей России и другими писательскими организациями — все это должно иметь место.

И, конечно, учреждение литературных премий. Здесь также имеется задел: «Московский Парнас» ежегодно называет своих лауреатов за лучшие публикации года в журнале (альманахе), а «Приокские зори» открыли третий сезон всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Уже сейчас можно их «перевести» в ранг академических.

...Глаза боятся, а руки делают. Но начало ведь положено? Дело за всеми нами.

Алексей Яшин, академик АРЛ

ПОВЕСТЬ

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ДЕД ИГНАТ

Булевич Тамара Анатольевна — зам. главного редактора «ПЗ» по сибирским регионам, поэтесса, писатель, член Союза писателей России, член Международного Союза писателей «Новый Современник». Опубликованы книги: сборник стихов «Моя планета», прозы «Медвежий угол», «Фрося-Ефросинья» — эта повесть удостоена в 2008 г. Международной литературной премии с вручением Золотой медали имени Константина Симонова. С циклами стихов, повестями и рассказами стала соавтором 27 коллективных сборников, изданных в Москве, Ванкувере (Канада), Красноярске. Живет в г. Красноярске.

Напряженный жаркий день иссушил, измучил. Путевые рабочие едва держались на ногах, угрюмо, в полном молчании собирая в брезентовые мешки инструменты и поджидая электричку, которая избавит, наконец-то, от адского труда в глинистой пыли, от липучей мошки, писклявого комарья, нещадно грызущих, неистребимых, не дающих открыть рта.

Игнат Демин запозднил. Сегодня бригада завершала намеченный по станции Снежница текущий ремонт и отсыпку полотна. Завтра сам начальник дорожной службы пути Ефремов будет на приемке. Но Игнат был спокоен: все сделано на совесть. Мужики не подвели, как бывало в первые годы их совместной работы.

От похвал бригадир воздержался. «Завтрашний день покажет, что наработали».

Похоже, приближалась гроза. Во второй декаде августа погода обязательно портилась, это и к бабке не ходи. Ненастье дня на три выбивало из графика. Только тайга радовалась дождю, упиваясь изобильной, еще по-летнему теплой, живительной водичкой, пополняя подземные водоемы и набираясь жизненных сил, чтобы весной вытолкнуть к свету новую зеленую поросль.

Игнат гнилой поры не выносил. Она совпадала с подготовкой закрепленного за бригадой участка к зиме, безжалостно актируя золотое время проливными, непрекращающимися сутками дождями.

«Потом попробуй, навестай! Руки и спины у людей не железные», — сокрушался он, заранее зная, что последующие дни будут авральными, нервными и до глубоких сумерек.

Прошло семь весен, как Игнат купил дом в Снежнице. Купил для собственного удобства: работа рядом, не нужно тратить бесценные часы на электрички. Но главной причиной все же послужило то обстоятельство, что здесь о прошлой жизни Игната никто не знал, и легче было начинать жить с чистого листа. Хотя и в родном Минино, его узнала только товарка тещи.

Придя домой, Демин первым делом занес в сени горшки с геранью, которую и так немало потрепал усиливающийся ветер. Обычно герань, лаская взгляд хозяина, рядами стояла на специально сбитом для нее из тесаных листовых досок подмостке. Она подковой окаймляла ухоженный рубленый дом, тревожа и радуя бело-розовым буйством шаровидных соцветий. Тихими заревыми вечерами он подолгу любовался ими, находя душе отраду и успокоение.

Второй дом обустроил в полном соответствии с родовым, Деминским. При живых родителях на широких, белых подоконниках от весны до зимы цвела — полыхала герань. Мама Люба пользовалась ее округлые короновидные, иногда окаймленные бурым кольцом листья при зубной боли. Всегда клала их приправой к дичи и к телятине.

Игнат спустился вниз огорода, где пушистыми зелеными веточками, как крылышками, взмахивали недавно высаженные им, но уже бойко ухватившиеся за дерновую, исконную землю кедрята. На этот «детсад» наткнулся случайно у платформы Рябинино, во время обеденного перерыва, поднявшись на таежный взгорок. Среди вековых в три обхвата сосен и пихт, давно прижилось и кедровое семейство. В густом смолянистом дурмане над головой Игната распластались опахалом лапы кедров, еще не старых, щедро увешанных зреющими зеленовато-бурыми шишками.

«Надо в сентябре прийти сюда, пошишковать», — подумал тогда Игнат и уже направился к пологому откосу, чтобы спуститься вниз к бригаде, когда на открытом всем ветрам месте обнаружил с десяток годовалых кедрят. «Вот куда вас занесло! Тут с северной стороны вам не выжить».

Спустившись к мужикам, попросил помочь ему выкопать и доставить кедровый «выводок» — малолетнее чудо — в его огород. Всех до единого. Городские мужики удивлялись его нескрываемой радости спасителя.

— Живешь в тайге и тайгу на огороде разводишь. Зачем тебе это?

Игнат добродушно улыбался, отшучивался.

— Ленив стал далеко в кедровники ходить. Старею. Глядишь, доживу до их зрелости. Орешек соберу и вас угощу. Кедр в людской заботе и ласке быстрее обычного растут...

Мужики недоуменно пожимали плечами.

К ночи непогода черной мглой нависла над горами, тайгой и поселком. Небо напоминало крутящийся калейдоскоп с мрачными, не предвещающими ничего хорошего картинками. Вдруг оно вскипело и порвалось на мелкие сизые лоскутки, которые неистово метались от горизонта к зениту и обратно, уплотняясь в многослойный на полнеба пирог. И в то же мгновение отягощенный, почерневший изнутри, пирог взорвался, клокоча и распадаясь на светящиеся огненными разрядами тяжелые тучи. Одна за другой, они падали вниз, образуя над землей свинцовое, мечущееся в разные стороны воздушное месиво. Казалось, вот-вот небо проткнется очередным копьём молнии, разверзнется спасительными водами, и сразу же снимется напряжение, яростное противостояние непримиримых небесных стихий.

Более месяца над Снежницей властвовал зной. И теперь небо, припомнив давно забытые земле-матушке обещания, решило помочь ей: залить изнуряющее и жгучее лето, заслонить собою от пышущего жаром солнца.

Игната беспокоило завалившееся весной дерево — сушняк, прозванное им веду-

ном. Оно повисло на сосне у забора, крепко зацепившись верхними сучьями, как крюками, за ее мощные ветки. В безветренные дни дерево сохраняло полное безмолвие, но чуть всколыхнется порывом легкого ветерка сосна, и ведун начинал выводить свою грустную песню, напоминающую то скрип несмазанной двери, то рык зверя, то вскрик лопнувшей струны. Иногда предупредительно и четко выговаривало: «Не подходи!» Но чаще всего громко насвистывало соловьиные разбойничьи напевы. А то вдруг тревожно вскрикивало незнакомым голосом испуганной птицы.

Игнат научился «расшифровывать» загадочную музыку ведуна, который точнее метеослужбы предсказывал направление ветра, погоду на предстоящий день. При работе на путях это очень помогало: он знал, откуда дует ветер, с какой стороны выставить сигнальщика, куда лучше высыпать щебенку, чтобы меньше мужикам глотать известняка.

Сейчас же Игнат вслушивался в громкий плач и воющие, протяжные всхлипывания ведуна, что-то прикидывал, высчитывал в уме, явно боясь за кедрят: свалится мертвое дерево на них, заломает, подомнет. Но одному ему было сложно что-либо предпринять.

«Все недосуг, безголовому, сушняк распилить на чурки под опята! Загублю кедрят!» И, едва не падая под тяжестью, волоком притянул из сарая поочередно три спиленных двухметровых рельса. Прислонил их к забору. «Так-то надежнее. Примут удар на себя, если случаем ведун завалится».

Еще раз осмотрев огородное хозяйство и убедившись в его полной готовности выстоять надвигающуюся бурю, он медленно, прихрамывая, направился в дом.

Не включая света, не ужиная, прошел в душевую. Там долго фыркал, постанывал от удовольствия и плескался в ниспадающем потоке прохладных бодрящих струй. После часового купания, завернувшись в цветастую льняную простыню, лег в кровать.

Несмотря на усталость, Игнат долго не мог заснуть. Со своей привычкой, едва коснувшись подушки, и до первых рассветных всполохов утопать в Морфеевых объятиях, он расстался, когда перевалило за пятьдесят. Бывало, бессонными ночами успевал прожить не одну жизнь, всякий раз перекраивая их по-новому и снова не удовлетворяясь ими. Ничего не менял только в солнечном детстве. Там все устраивало. Это было счастливое, безоблачное мгновение его жизни с живыми родителями, ночевками со старшими ребятами у таежных костров на берегу горной речушки Минки, пробуждением под ласковыми щекотаниями зари, тихим и безмолвным подъемом, чтобы — не дай Бог! — не вспугнуть, не насторожить хитроумных, чернобоких хариусов.

Мальчишкой любил подолгу глядеть на далекие мерцающие звезды, следить за облаками и в грозу, надежно спрятавшись от дождя под непромокаемыми лапами пихты, наблюдать за столкновением туч и рождением молний. В селе знали, что их Игнат, когда вырастет, обязательно станет летчиком.

Но грянула война. Мечты в одночасье рухнули.

Большая семья Григория Демина жила в старом просторном пятистенке, доставшемся по наследству от деда Семена. С южной стороны его, в сторону речки и леса, тремя террасами спускался обширный огород.

Лучи восходящего солнца ласкали высокое крыльцо с резными и точеными перилами да мощеную камнем дорожку, упирающуюся в литую из чугуна калитку. Она разделяла подворье на две половины.

На его чистой стороне, как звал дед, в пяти метрах от ворот, размещалась отцова кузня. До войны он выполнял мелкие заказы для нужд станции и селян. Старая, замшелая пихтушка, распластавшая нижние ветки по земле, отделяла кузню от бани. А сразу за той, до самого забора вдоль метров на сто тянулась некопаная, исконная земля, на которой просторно кудрявились три щедро плодящих кедра, помнивших тепло рук и прапрадеда Порфирия. За ними бойко нарастали разновозрастные, шуст-

рые кедрята. А попеременно с ними росли сибирские, необыкновенной красоты березы, своими тонкими, белоснежными стволами и кружевной кроной уносящиеся далеко в поднебесье.

На другой половине усадьбы в сараях содержался домашний скот и птица. Расписным теремком возвышался амбар для муки и зерна. А за ним в ряд — сеновал с конюшней для двух лошадей. Здесь же под высоким навесом стояли рабочие сани и для деловых выездов бричка, украшенная литьем и витой кожей.

Этот отчий уголок Игнат Демин свято пронесет в памяти сердца по всей жизни, мысленно прикасаясь к нему, своему истоку, набираясь ума и сил.

Война забрала у Игната старших братьев Алексея и Антона, сестру Марию, которых он почти не помнил и узнавал только по фотографиям на стенах. Они белозубо улыбались, присматривали за ним, когда он, еще дошкольник, оставался дома один.

Отец вернулся с войны больной, с открытой, незаживающей раной на груди. В бане маленький Игнат видел, как у отца из раны струйкой по животу стекала кровь. Мама Люба, хорошо знавшая таежные лечебные травы, ничем помочь не смогла, а в городскую больницу на лечение и перевязки он съездил всего три раза. «Что бестолку-то мотаться туды-сюды! Откуда деньги брать?»

Григория не стало в канун лета, когда Игнат перешел в шестой класс. Люба тяжело пережила его смерть, обессилила, и, словно вырванный с корнем цветок, сникла.

Так черным крылом смерти война достала и ее, казалось бы, в далеком сибирском тылу. Потеряв троих детей, мужа, она уже не находила в себе силы жить. Тоска и горе душили ее.

— Виновата перед тобой, Игнатушка, сынок мой любимый, ох, виновата! Зачем было рожать, чтобы потом обречь кровинку свою на горькую сиротскую долю?! А что не жилища я, так не жилища. Сердцем чую, долго не протяну.

Игнат в это время растирал аптечной настойкой ее постоянно остывающие ноги. Ему очень хотелось, чтобы мать осилила болезнь, поскорее поздоровела. Он жалел ее и не допускал мысли, что она может оставить его...

— Мама, ты обязательно поправишься! Поправишься! Попьешь, поешь...

Не раз, искренне, с мальчишеской горячностью и верой произносил Игнат эти слова, считая их самым лучшим лекарством.

Но иногда и сам, видя ее состояние, начинал плакать навзрыд, скулить и завывая. Совсем как щенок. По вечерам пытался что-то сочинять для нее, на его взгляд, очень смешное. Фантазировал, мечтал, как выучится на летчика и обязательно прокатит мамулю с ветерком по синему небосклону, чтобы у нее от радости и страха аж дух захватывало!

Бывало, по ночам мать плакала и не могла заснуть. Тогда Игнат придумывал одну за другой смешные мальчишеские небылицы. Он сделал бы для мамы все невозможное, только бы утихли ее боли, и она заулыбалась, как прежде.

— Разве мы одни осиротели?! Нам в школе сказали, что тридцать мининских мужиков осталось в живых, а уходило на войну сто двадцать два. Если из-за фашистов в могилы все хорошие люди лягут, не слишком ли жирно будет фрицам?! Так одни нелюди и останутся на земле. Зачем тогда было с ними воевать братьям и папке? Они же победили! И ты победи!

Как мог, взывал сын к матери, возвращал ее к жизни. Но не смилившееся с утратами и вдовьей участью Любино сердце продолжало страдать и рваться. Она чахла, медленно умирая и давая Игнату один наказ за другим.

Вскоре Игнат остался круглым сиротой, один-одинешенек, без пригляда и опоры. От детдома наотрез отказался. И в этом его поддержали сельсовет, школа, соседи: парнишка охотно учился, при больной матери сам хозяйничал по дому, не баловал.

В четырнадцать лет Игнат обогнал ростом всех станционных сверстников и выглядел вполне взрослым. Селяне говорили: «В отца-богатыря уродился и ростом, и внешностью».

Окончив семь классов, он поступил вместо Омского летного военного училища в железнодорожный техникум. «А на кого дом-то отцов бросишь?!»

Сын исполнил материнский наказ. Этот-то исполнил, но если бы все так...

К полуночи над Снежницей поднялся сильный ветер. В неистовом буйстве столкнулись вечные соперники — ветер и вода. Их нешуточная схватка за властное обладание красавицей Землей с переменным перевесом сил затянулась до утра. Мощные, ревущие и стонущие порывы «саянца», казалось, отрывали и поднимали вверх тяжелый Игнатов дом. Он отчаянно скрипел углами, дверными навесами, стучал, бил в набат скобами и штырями просмоленных ставен. Неистово грохотала задвижками печная труба, и протяжно завывал камин.

Но уже спустя мгновение, ветер внезапно затихал, и было слышно, как свирепо и неистово обрушивались на землю ливневые воды, грозя смыть с нее все живое и неживое и утопить в грязевом потоке.

Игнат беспрестанно взбивал подушку, будто она была виновницей его бессонницы. Даже думать ни о чем не мог. Ворочался с боку на бок, томился, вслушивался в грохочущую над его головой грозовую бурю, ожидая чего-то еще более страшного и непоправимого.

И только предрассветное светлеющее небо утихомирило ее.

Игнат открыл ставни, распахнул окна. Дом наполнился свежестью и ароматами отмытого до иголочки бора, подпирающего поднебесье мощными верхушками хвояков.

Предзоровая дымчато-лиловая тишина повисла над тайгой.

Наспех набросив на плечи казенный брезентовый плащ, Игнат прытко помчался в огород. На нижних лапах пихты, красующейся посреди картошки, нахохлившись, сушил перышки летний выводок из четырех мородунок, по-местному — куведренников. Обычно верткие, живые, доверчивые и любопытные, сегодня при приближении Игната они после тяжелой ночи и голоса не подали. Их мокрые буровато-серые с темными пестринами одежды слиплись в комок. Белые брюшки почернели. Видимо, держались, бедолаги, коготками за землю у самого у ствола, чтобы не быть унесенными бешеной ночной бурей. Родителей с ними рядом не было. Но вскоре послышалось их далекое «куведрюю — куведрюю».

«Не пройдет и месяца, как кулики помашут мне крылышками до следующей весны», — подумал Игнат и заспешил к кедрятам.

Те издали весело подмигивали ему брильянтовыми капельками затаившегося на их длинных хвоинках дождя. «Слава Богу! Живы мои пострелята!».

Бессонное настроение мигом улетучилось, а тело наполнилось прежней упругостью, здоровым желанием незамедлительно насытиться нехитрой деревенской едой.

И последующие события дня сложились для Демина удачно. Можно сказать, заладились. Начальство похвалило бригаду за «добротный, профессиональный, ремонт», пообещало выдать премию и предоставить отгулы. За лето их у «деминцев» накопилось более двух недель.

Игнат после отъезда комиссии продолжал, сам не зная, отчего, улыбаться. Душа чему-то тихо радовалась. Хвалил мужиков за толковую, в «один кулак» работу, что делал крайне редко.

Вечером затеял уборку. Ценил порядок и, не ленясь, наводил, поддерживал его. Крашенных полов не любил. Раз в год шлифовал половицы, а потом мыл их до янтарной чистоты зольной водой. Они светились, дышали теплом и уютом. В обуви по ним не ходил, и гостям велел разуваться в сенях.

Он домывал последнюю ступеньку крыльца, когда стукнула щеколда калитки. На вымощенной дорожке стояла почтальонка Нюся. «Чего ее принесло-то?!»

Лицо Игната отразило крайнюю внутреннюю раздраженность и досаду. Благодарный настрой вмиг улетучился.

— Доброго вечера, Игнат Григорьевич!

— Доброго, доброго...

Не очень-то приветливо отозвался он. Нюся робко приблизилась к крыльцу. Игнат, не торопясь, отжал половую тряпку и аккуратно повесил ее на крюк для просушки. Нюся протянула ему неопрятную руку, но он сделал вид, что не заметил ее и сухо спросил:

— С чем пожаловала почта?

Нюся открыла подбитую с изнанки чертовой кожей холщевую, давно не стираемую сумку и прошуршала какими-то бумагами.

— Да куда она завалилась, проклятушая!

— Что потеряла-то?

Он вовсе не ожидал, что Нюся действительно принесла ему какое-то известие. Родных никого в живых не осталось, с друзьями по службе и бамовцами обменивался поздравительными открытками на День флота да под Новый год.

— Так зачем, спрашиваю, пришла?!

Возмущенно и громко почти прокричал Игнат, подойдя к Нюсе вплотную и готовясь, как в прошлые разы, выставить ее вон.

— Фу, Нюся! От тебя, как от бомжа, несет денатуратом!

— А тебе-то что?! Святого из себя корчишь! Чем ты лучше меня?

— Твоя правда, Нюся! Мы были с тобой грязью одной канавы. Теперь между нами — разница. Я из нее не сразу, но все-таки выполз, выкарабкался. Отмывался и буду отмываться! А ты гляди, не утони по уши! Хотя, не мне судить тебя...

Игнат замолчал, и Нюся тут же гонористо, злобливо подхватила их невеселую беседу.

— И я об том же! Чай, не жена, не любовница, чтобы смел повышать на меня голос.

— Да не доведи Господи! Был же дурачиной! — отмежевался от нее крестом Игнат.

— Стало быть, помнишь, дружок милый, наше золотое времечко! Ты мной и пьяной не брезговал.

Игнат заскрипел зубами, лицо залилось краской:

— Кого помню, это не твоя печаль! Ты хоть при службе воздерживалась бы от спотыкача — подзаборника! Ненароком казенную сумку потеряешь или на бутылек махнешься, не глядя.

— Так чо воздерживаться-то? Вредны они, воздержания-то, от умных людей слыхивала. Да и вечер на дворе. Не в кабинете народ принимаю. На свежем воздухе себя прогуливаю. Вчерась, как дурочка, за тобой по селу гонялась! У дежурной на станции о твоём пребывании спрашивала.

— А что мне там делать?

— И домой два раза бегала. Закрыто. Больно нужно, ходить потемну к лесу самому! Государство за мои труды копейки платит, на обувку не хватает. Эта уж изодралась до дыр. Как видишь, лодыря не гоняю. На двух станциях, в Милино и Снежнице, два раза в неделю почту разношу. А улицы-то! Не асфальт городской.

И, помолчав, сменила гнев на милость. Ее землистое, морщинистое лицо расплылось в пьяной улыбке:

— По старой любви к тебе мотаюсь, изменщик проклятый! Живешь-то у лешего на рогах!

Она выложила на гераневый подмосток содержимое сумки и принялась нервно вытряхивать газеты, перебирать свертки и письма.

— Ты из меня слезу не дави, не выжмешь! А что до денег! На обувку ей не хватает! Брось пьянки — гулянки, поищи место поденежнее. Не на два дня в неделю.

Зная Нюсю, Игнат и рубля не дал бы ей из сочувствия или жалости: сей же час проплет с собутыльниками, а тем более не собирался объясняться по поводу задержек с работы.

— Вот еще одна дурочка с переулочка покуролесить с тобой хочет. Зовет приехать к ней. Слушай! Вот это да! Как же я раньше не допетрила. Это ж твоя любезная женушка отыскалась! Так по ней, горемычный, сох, что, исстрадавшись, со мной да еще с десятком сучек бездомных шашни водил, кобелина несусветный!

Зло и больно кусала Игната Нюся.

— Чего мелешь-то, чокнутая!

— А ничего!

Его уже начало трясти, предательски дергалось веко от общения с ненавистой женщиной.

— Дак, вот же она, зараза! В пачку газет воткнулась! Срочная, с уведомлением! Не захочешь, да вручишь!

Игнат в нетерпении хотел выхватить телеграмму из грязных Нюсиных рук.

— Не хватай! Не баба! Прежде в журнале распишись, такая у нас формалистика, понимаешь ли.

Он поставил подпись напротив своей фамилии и стал читать, ничего толком не видя и не соображая.

— Ну, чо, Игнат Григорьевич, я пошла?

Замерла в ожидании благодарности Нюся.

— Иди, иди! Небось, заждались тебя дружки твои.

И, взяв под руки словно вросшую в землю Нюсю, выставил бывшую подружку за калитку. Потом спешно поднялся в дом, помыл с мылом руки, достал с книжной полки очки и хорошенько протер их. Читал почти по буквам:

«Адрес: Станция Снежница Красноярского края.

Кому: Демину Игнату Григорьевичу.

Служебные отметки: Срочная! С уточнением улицы и дома проживания адресата».

А далее следовал текст: «Жду тебя по адресу город Новосибирск зпт улица Пролетарская зпт дом 9 зпт квартира 17 тчк О выезде дай телеграмму тчк Встретим тчк Демина Полина Егоровна».

В голове у Игната зашумело, как вешняя вода на порогах речки Минки, щеки зажгло пуще парной, а от стука сердца рубашка на груди ходуном ходила. «Так и Кондратий хватит!» И, взяв из шкафа недопитую с майских праздников бутылку водки, налил до краев граненый стакан, залпом выпил.

Давненько такого себе не позволял. В Снежнице пьяным его никто не видел. Хмелея, плакал и читал, вновь плакал и вновь читал напечатанные телеграфным аппаратом строчки, не веря глазам своим.

«Во, как крутит меня судьба — кручина! Кидает из омота в полымя, непутевого. Через год шестьдесят стукнет, а придется еще, чую, по судам помотаться. «Встретим». Стало быть, понадобился моей Полине развод. Приспичило! А что! И ей, праведнице, в счастье, хоть на старости лет, пожить охота. Права Нюся. Подлюка я, подлюка! Настрадалась со мной Полюшка, душа невинная. Стыда, грязи да людских пересудов нахлебалась досыта. С первого года замужества получала от меня добра ложки, а дерьма дрожжи. Переживания Поли, слезы ее мимо совести пропускал. Да и была ли она во мне, совесть-то? У жены на виду мог флиртовать с такими вот Нюсями, Люсями. Забыл, гаденыш, материн наказ: «Подавься одним яблочком!» В святой смысл не вдумы-

вался. Где там! Пришлось бы самому себе на хвост наступить. Вот и добегался с пестиком по тычинкам: голубу свою потерял. Теперь, видать, навеки».

...В далекие годы молодости, после службы на флоте, поработал бравый да пригожий Игнат Демин еще и матросом на рыбном плавзаводе. Скопил немало денег и вернулся в родное Минино тузом козырным. Налюбоваться на себя не мог. Как же! Первый парень на селе. И пошло-поехало! Сколько девок попортил, доброе имя им замарал. Никак в толк не брал, что доведет его ухарская дорожка до срамного тупика. Так и случилось! Сельчане стали судачить об его «подвигах» и непристойном поведении.

— Что с парнем стряслось? Смирный да работающий был. Летчиком мечтал стать, нас подвигами прославить. А прославил чем?! Ох, кабы, отец его увидал! Голу задницу при всем честном народе кнутищем исполосовал бы!

Но Игнат продолжал из одной бабьей постели в другую перелетать и долетался. Честь свою потерять — дело нехитрое, быстрое. Да вернуть ее не скоро удастся.

Через год из завидного жениха в кутежника превратился. О работе по железнодорожной профессии и надеяться не приходилось. Там люди строгих правил нужны. Две сберкнижки извел на пустые забавы. Деньги, они — вода в дырявых руках. Меж пальцев быстро утекло и отцом нажитое, и свое, заработанное на море добро. Друзей да подружек по гульбищам сразу поубавилось: самому жить стало не на что.

Бывшие соседи, люди степенные, из уважения к памяти родителей приютили Игната в своем доме. Но и им скоро надоело по утрам двери ему отворять.

Как-то за завтраком хозяйка завела с ним разговор о женитьбе.

— Не обижайся, Игнат. Уж вдоволь вроде нагулялся, пришло время прибиться к одному причалу. Своим углом обзавестись, семьей. Не мальчик! И, если советом не побрезгуешь, приглядишься к внучатой племяннице мужа, Полине Неверовой. Девушка видная, ученая, ничем не балована. Работает фельдшером в медпункте, живет одна. Дом Поле достался по наследству от отцовской матери, бабушки Степаниды, умершей недавно от глубокой старости. Полина-то врачом хочет стать.

— А что за люди, Неверовы?— с легкой грустинкой в голосе поинтересовался Игнат.

В разговор вступил хозяин Михаил Иванович, двоюродный брат Егора Неверова.

— От века плотницких дел мастера. Дома строили — любо-дорого посмотреть, что изнутри, что снаружи. Картина маслом! Если не хочешь идти по своей путевой профессии, попросись к Егору в бригаду. При желании многому обучит. Умелые руки да усердие помогут тебе заработать хорошие деньги. Обзаведешься хозяйством, машину купишь. Спрос на толковых плотников всегда велик, сам понимаешь. А то, как погляжу, за минувший год сбережения за отцов-то дом точно в пивном баре угрохал. Нехорошо это, нехорошо.

Михаил Иванович крикнул, покраснел до испарины и, промокнув вспотевший лоб рукавом фланелевой рубахи, не допив чай, вышел во двор.

Игнат, к сожалению, понял одно: надо искать другое жилье и попросился на квартиру к буфетчице Евдокии Мурзиной. С устройством на работу не торопился.

Овдовевшая весной Дуся по убитому в Чечне мужу, офицеру-десантнику, траура не соблюдала. Новому постояльцу была очень даже рада. Угождала во всем. Поила, кормила. Дело дошло и до совместной постели. Жить бы да жить при Дусе припеваючи, только ее старшая дочка воспротивилась, из-за Игната устроила с матерью ссору. И даже драку!

Кричала на все село, что повесится, если та не прекратит устраивать в доме притон. А Демина так огрела чашкой по голове, что лицо его залилось кровью. Пришлось идти в медпункт.

При заполнении карточки пришлось сознаться: и жить негде, и с работой вопрос не решается. Впервые, глядя в глаза худенькой, обаятельной и голубоглазой фельдшерице Полине Егоровне Неверовой, ему стало стыдно за себя, двухметрового лоботряса.

Выйдя с перевязанной головой из медпункта, Игнат направился тогда к Михаилу Неверовым и попросился пожить еще несколько дней, пока подыщет подходящее жилье. Вечером они отправились к брату поговорить о работе.

Михаил Иванович чин-чином отрекомендовал постояльца. Конечно же, авансом! В надежде, что беспутно проведенный год послужит тому уроком.

Оказалось, Егор Ефимович хорошо знал родителей Игната и с радостью принял его в бригаду подсобным рабочим. Узнав, что Игнату негде жить, предложил комнату с отдельным входом в своем доме. Бесплатно. Им вдвоем с женой Галиной Петровной и трех комнат достаточно.

По всему было видно, Игнат показался Егору Ефимовичу, который пригласил хозяйку, познакомил и твердым голосом наказал:

— Прошу любить и жаловать. Относись к нему, как родному сыну.

Проснувшись наутро после получения телеграммы, Игнат заспешил на перегон. Выдав бригаде задания на неделю, поехал электричкой к начальнику с заявлением на использование отгулов «по срочным семейным обстоятельствам». В подробности личной жизни Игнат его не посвящал, обронил вскользь, что надо забрать жену из Новосибирска. А тот благодарил за работу, лукаво улыбался и намекал «на скорое вручение именитому бригадиру высокой награды».

— На собрании чтоб был с супругой!

Дождь провожал Игната до вагона. И потом порывисто стучался, бился в окно купе быстрыми, косыми брызгами.

«Когда теперь мои мужики займутся делом, одному Богу известно. Завалим график к едрене-фене!».

Он поставил в рундук подаренную бригадой на день рождения небольшую дорожную сумку, из настоящей кожи, с множеством накладных карманов и блестящих замков. Аккуратно повесил на плечики промокший до нитки новый светлый плащ и стал выкладывать на столик малосольные огурчики собственного приготовления и пирожки с капустой из вокзального буфета. Достал и завернутые им в фольгу вяленую грудинку с копчеными крылышками курицы. В поездках любил плотно, вкусно поесть и не отказывал себе в этом. В дверь постучали.

— Входите! Что стучаться-то! Не дома, ведь.

В купе вошла промокшая до неузнаваемости и синевы соседка Таня Скурыдина. Игнат вскочил ей навстречу.

— Вот радость-то! В селе недосуг повидаться и поговорить по-человечески, так случай в дороге свел. Скидывай скорее мокрые тряпки, а не то простудишься. Я выйду пока, и готовься к ужину.

— Сейчас, Игнат Григорьевич! Сбегаю в тамбур, бабуле помашу. Отец с мамой в смене. И ей не велела приезжать. Так нет же! Послушалась! Как теперь доберется обратно по такой непогоде! Не простудилась бы.

Поезд медленно оттолкнулся от перрона, и девушка вернулась в купе.

— Ну, и дождина! Льет без устали день-деньской. Полные кеды воды. А джинсы, хоть выжимай. И зонтик не помог.

Игнат направился к проводнице за горячим чаем.

— Мне не до чаев еще! Надо билеты собрать, постели разнести. Не успели от во-

кзала отъехать, а уж чай подавай им! — откликнулась из своего закутка недовольная хозяйка вагона.

— Куда мы сбежим-то! А билеты при посадке начто проверяла?! И постели подождут, не ночь, — укоризненно покачал он седой чуприной. — Озябшим людям согреться помочь да вещи посушить — вот это срочно, это по-людски! Чем они виноваты, что на стихию управы нет. Ты лучше не ворчи, а поспешай в купе со своими услугами. Пассажиры спасибо скажут, и тебе прибыльно, — улыбнулся неожиданно. — Гляди, настучу твоей начальнице Ларисе Ивановне. На пенсию ее никак не отпускают. Умница! И добрейшей души человек. А мы с ней когда-то техникум оканчивали.

— Да-а-а?

— А то!

Проводница подобрела, загремела подстаканниками. По вагону разлился аромат настоящего индийского чая.

— В седьмое принесешь четыре стакана. И с двойным сахаром! Печенье не забудь!

Настроение у Игната заметно улучшилось, и он заторопился в купе.

— Так-то оно здоровее будет, — одобрительно отметил Игнат, увидев Таню в длинном махровом халате и войлочных домашних тапочках.

— Что, Танюш, так рано в институт торопишься?

— Решила до начала семестра поискать работу. Впереди госэкзамены, и прощай, студенчество. Радоваться бы, а тревоги больше, чем радости. Теперь до нас никому никакого дела. Не распределяют, не приглашают. Совсем не так, как было раньше. Вроде, и вовсе врачи не нужны. Взвалили учебу непосильной ношей на родительские плечи. Спасибо отцу с матерью да бабуле Фисе. Не быть бы мне врачом. А когда получу диплом, опять беда. Надо умудриться место по специальности найти, чтобы копейки получать...

Задумчивое, погрустневшее Танино лицо изменилось, повзрослело. Игнату тут же передался минорный настрой ее души.

— Нет радетеля за многотерпимый народ наш, нет! В мои годы, если было стремление и мозгов хватало — учись! А нынешние господа-демократы рогами в кошельки народные уперлись. Дырявляют, тянут из них, как могут. И добро народное не под нас, под себя гребут. От молодежи, поросли земли нашей, отделились. Мол, живите и растите, как придется — можетя!

Делился наболевшим возмущенный Игнат.

Не хотелось ему талдычить с Таней беседу на эту тему, сто раз переговоренную с мужиками. Надо ли девчонке эту боль слушать? А не мог молчать. В бригаде только Перебежкин и был всем доволен. А что ему горевать! Сын в богатенькие выбился. Беззащитную тайгу-матушку нещадно и безнаказанно который год рубит. Строевой лес вагонами за кордоны гонит. У Перебежкиных о завтрашнем душа не болит! Нагребут богатства немерено и сбегут куда подале. И нет им ни стыда, ни суда. А лес наш гибнет. Сосновый да кедровый подлесок, чуть подросший, колесами да гусеницами заминается. Будто, добро лесное не для всех нас веками накапливалось, а для одних Перебежкиных.

В купе вошла проводница и принесла поднос с чаем.

— Ну, спасибо, хозяйюшка. Ко времени угодила. Сейчас с Танюшей ужинать будем. Садись и ты за компанию, коль не побрезгуешь.

Галя зарделась веселым румянцем.

— Нет уж, кушайте без меня на здоровье. Я привыкла чаевничать ближе к ночи, как управлюсь. Хозяйство всего — ничего, а хлопотно.

Татьяна достала к ужину плотно укутанную бабой Фисой кастрюльку с молодой

картошкой. Желтенькая, кругленькая картошечка душисто дымилась, освободившись из под сберегаемых ее тепло одежек. Игнат тоже придвинулся поближе к столу.

— Давно дома гостишь? С родителями и Анфисой Митрофановной изредка пере-говариваемся через огород, а тебя с весны не видел.

— Проходила специализацию в клинике областной.

— Вон оно что! Это дело нужное...

— Но успела до дождей погрибовать да поягодничать с бабулей!— радостно до-ложила Таня. Исконно снежнички слова! Игнат за семь лет, прожитых здесь, при-вык к местному говору и находил в нем особую сочность и точность обозначенного им предмета или действия. Они доставляли его слуху приятную отраду.

— Это хорошо, что родной дом не забываешь! Не отгораживаешься от села, как иные, образованность да занятость. Чувырлиным языком душу не засоряешь. Умни-ца! А то, послушаешь, хоть на автобусной остановке, хоть в кафе каком — уши вянут от мата! Будто, ничему не учили в семье и школе. Дикари! Двух слов без мата не свяжут. Я — работяга, не пайныка, но мата стыжусь. И в бригаде — строго-настрого. Запретил этой нечистью оскверняться. Поначалу, помню, даже бузили. Теперь уж семь лет на путях вместе. Маты не гнут. Иногда у кого изо рта и выскочит лешак, так тут же извиняется, мол, нечаянно.

Татьяне особенно пришились по вкусу куриные крылышки. Шоколадного цвета, вымоченные перед копчением в соевом соусе с медом. Вкуснотища!

— Ешь, ешь, Танюша! Я их целый килограмм взял. Хватит нам и позавтракать. Вижу, в городе замоталась, не до еды было.

— Да-а... Проголодалась, а в кафе... Цены! Не по моему карману. Про столо-вую, у кого спрошу, в ответ руками разводят. Как будто в городе одни миллионеры живут.

Поужинали. Оставшуюся еду Таня завернула в чистые салфетки, придвинула по-ближе к окну и прикрыла бабушкиным полотенцем.

— Игнат Григорьевич, расскажите что-нибудь о себе. Живем огород к огороду, а друг о друге ничего не знаем.

— Да, суетно живем. Все, как у роботов, с утра до ночи по программе расписано: работа, дом, постель, работа. Одна отдушина — полочется у самого забора тайга. С ней часто говорю как с мудрым собеседником. В свободные дни хватаю короба — и ну грибничать да ягодничать. На болоте уж брусника созревает. Вернусь домой, опять в зиму наберу до краев бочонок, а в нем более пяти ведер.

— Как хранить-то?

— Она, Танюш, сама себя, словно девица, хранит. Не дается на погибель ни од-ному микробу. Заливаю доверху колодезной водицей, и так она до следующей осени, до самой последней горсточки целехонька будет. Вы — ягодничаете?

— У бабули в тайге свои потаенные фазенды. Там и черники полно, и клюквы с брусникой. Ее спросите. Вам-то она откроет много секретов. Уважает. Говорит, такие мужики, как Игнат Григорьевич, не пьющие и не гуляющие, на сотню — один. Дедуля мой Прохор Степанович, земля ему пухом, до последнего дня самогонкой за жизнь цеплялся. Советы врачей и мои на смех поднимал, о лекарствах и слушать не хотел. Умер-то совсем не старым. Бабушке скоро шестьдесят, они одногодки, а деда пятый год как нет.

— Значит, Митрофановна — моя ровесница! А я думал, она намного старше меня.

— Жизни ее не позавидуешь, оттого и рано состарилась. Деда Прохор смолodu горячего норова был. Ее, круглую сироту с детства, за безмолвную рабу держал. А сам попивал да погуливал. О покойниках плохо говорить грешно, но деда только к старости образумился. Перед смертью у Бога прощения за грехи тяжкие просил, руки бабулины целовал... А Вы не такой!

— Что ты! Грешнее меня-то никого на белом свете нет.

— Неправда. Ваша жизнь в поселке у всех на виду. Никто худого слова не скажет. Вчера вечером почтальонка Нюся чушь про Вас понесла. Так бабуля и слушать не стала, за ворота выпроводила. Не терпит перегара. Дедовым, видно, по горло надышалась.

Они надолго замолчали, размышляя каждый о своем. Татьяна принялась перелистывать свежую «Комсомолку». Потом, отложив ее, встала и внимательно посмотрела на лежащего Игната. Его лицо отображало тягостное состояние души.

Потом она о чем-то долго и сосредоточенно думала. Наконец-то, решившись, робко спросила:

— Игнат Григорьевич, а у вас внуки есть?

— Нет у меня никого, Танюша. Один я, как перст, один.

— А можно, я буду называть вас своим... дедом? У меня ни одного деда в родне не осталось. Кто погиб на войне, кто спьяну рано умер.

Таня по-детски сложила красивые пухлые губки бантиком. На глазах ее бусинками выступили слезы. Вот-вот разревется.

— Дедо-ом?!

Игнат от неожиданной просьбы растерянно привстал, молча посидел на полке, обхватив кудлатую шевелюру руками. Потом спешно вышел в коридор, в каком-то забытье постоял у раскрытого окна, широко расставив ноги и едва удерживая равновесие. И только спустя какое-то время, словно вернув себя из далека, опять тяжело опустился на краешек Таниной полки.

— Что и сказать тебе, девка, не знаю.

В его бездонно глубоких черных глазах теплилась, боясь погаснуть, радость.

— Ты со мной, Танюшка, только через забор здравствовала да, посмеиваясь, поглядывала. Ничегошеньки-то обо мне не знаешь, какая быстрая река несла меня по жизни, о берега била. Не раз на опечек бросала. А ты зовешь в кровную родню! В деды!

— А что означает «опечек»?

— В Минино старые люди так отмели называли. Плавать там — волны нет, только бродом.

— Трудно вам жилось, Игнат Григорьевич? Я ж и в самом деле ничего не знаю про вас, но по душе вы мне. Как родной...

— Трудно, говоришь? Это с какой благодати на себя смотреть. Раньше бы бесстыдно закивал головой. Теперь скажу, больно гонористый был. Норов свой тешил, впереди себя нес. Поперек его ничьего слова не допускал. Где там!

— По вас не видно! Бабуля — та и вовсе святым называет. Все в пример деду ставила.

Помолчали. Дождь прекратился, и первые звезды мерцали над горизонтом. Поезд с усилием преодолевал подъем, заметно сбавил скорость.

Игнат Григорьевич опять встал, подошел ближе к окну. Таня притулилась рядом.

— Молодец, Енисеюшка наш, молодец! Такой крутизной много водицы от Оби в свое русло заманил. Мудрен, батенька, мудрен. Оттого велик да могуч!

— По водному богатству ему в России равных нет,— оторвавшись от книги, живо откликнулась Татьяна.

— А сколько тебе лет, Танюш? В молодые-то годы я на спор угадывал: на год-два ошибался—не больше, а нынче не то... Старею.

— Скоро двадцать шесть. Школу окончила в семнадцать, а потом три года подряд в мединститут поступала. По конкурсу не проходила. А денег лишних в семье не было, чтобы взятки-то давать.

— Значит, можно с тобой обо всем говорить, как со взрослой?

— Разумеется! Сама за шесть-то лет вольной студенческой жизни досыта нахлебалась. Родным ничего не говорю, а вам скажу: перед последним курсом замуж собралась. После практики жениха хотела домой привезти родителям на показ. А он за три месяца моего отсутствия успел с какой-то медсестрой в больнице сойтись. Та забеременела и женила его на себе. Теперь не верю ни в какую любовь! Обман все это. Игра. Вот смотрю на вас и удивляюсь. Серьезный вы человек. И чистый. Мало таких мужчин.

— Не торопись, милая, на божничку садить! Давай-ка еще чайку попьем. Заодно и побеседуем.

Девушка уютно уселась за столиком, раскладывая домашнюю выпечку, а Игнат пошел за чаем. Вернувшись, похвалил проводницу:

— Зла на меня не затаила. Весь вагон чайком побаловала. Сейчас и нам принесет.

— Возьмите деньги, Игнат Григорьевич. Теперь я угощаю.

— Чего ты на самом-то деле! В жизни копейки от женщин не брал! Упаси и помилуй от сего греха!

— Ладно! Сочтемся! Бабулиными шаньгами! — смеясь, примирилась Татьяна.— Люблю их, с домашним творожком, на взбитых сливках. У-у! Пальчики оближешь! Откушайте, Игнат Григорьевич, на здоровье!

— Не откажусь, хотя надо бы в мои годы сторониться сдобы всякой, а я, как малый ребенок, падок на сладкое да скоромное.

Поезд покатил с горки, теперь в сторону Оби, выбивая на все вкусы ритмы и подпрыгивая на стыках. «Рихтовка на этом перегоне хреновата. Огрехов наоставляли. Надо путейцам подсказать»,— подумал Игнат. И с острасткой поглядел на Татьяну.

— Ну, слушай, козь сама захотела. В те годы я работал плотником, и мы с Полей, Полиной Егоровной, доживали в семейном браке десятый год. Детей не было, хотя Поля последние годы непрестанно лечилась у городских докториц, ездила на курорты. Честно признаюсь: чего-то я недопонимал что ли, но к малышам вовсе не тянуло. Это теперь весь дрожу, как младенца вижу. А тогда в башке дури всякой сполна было. Чужие бабы с ума сводили. Одним словом, не стойкий был, порченный... А Полина, вроде как, и не замечала моих измен. Но потом ей надоели мои бесконечные оправдания и вранье, вранье! Чего было клясться, дураку, если у всех на виду пьяные гульбища хороводил. И стали мы чаще и чаще ссориться с Полей, а мирились с трудом.

Татьяна настороженно притихла, не веря ушам своим.

— Игнат Григорьевич, а вы не оговариваете себя? Семь лет огород в огород живем, ни одной, простите, бабы не видали. Да и от неусыпных глаз деревни еще никто не спрятался!

— Так теперь все по-другому! Она, Полюшка-то, в сердце моем одна-одинешенька. Последние семь лет нет у нее соперниц. Кабы, мне, поганцу, так вот по всей жизни любовь сберечь, жили бы мы сейчас с Полей и радовались. Нет же! Метался ошалело от одной крали к другой. Устала Поля моя со мной, ох, как устала! Чужой стал для нее. Грязный. Родители ее и вовсе со мной здороваться перестали. Во, до чего достукался! Не мальчиком же, однако, был. Великовозрастным!

— Неужели правду разносит по селу пьяная Нюся?!

Она брезгливо отодвинулась от столика в угол полки, прикрыла высокие колени цветастой простыней и метнула в Игната из круглых синих глазищ пучок возмущенных искр.

— Нюся? Она и есть...тьфу-у...ходячая страница моей постыдной жизни. Не отмежеваться, не отмыться! Хоть и немало воды утекло.

— !!!

Щеки у Танюши горели, словно от жаркого костра. Она не поднимала на соседа глаз. Другой реакции от нее Игнат и не ожидал, а потому решил-таки закончить рассказ и этим навсегда отгородиться от юной соседки глухой стеной.

— Однажды Поля уехала на лечение в город, ее должны были положить дней на десять, а я остался хозяйевать. Тут-то и подловила меня развеселая почтальонка Нюся, приехавшая в Минино пожить у тетки. Честно скажу, бабенка она была ничего, смазливая, и, со слов деревенских знатоков, умелая в обращении с мужиками.

Поздним вечером Нюся сама, без моего приглашения, заявила в наш с Полей дом. В руках полная сумка бутылок самогона — первачка и закуси. Что было дальше и рассказывать-то противно. Пошло, как в срамном кино. Напились до поросячьего визга и остекленения. Завалились на крахмальные белые простыни...

А в это время Поля вернулась домой последней электричкой. Картину застала, хоть маслом по холсту пиши... Растормошила и вытолкала нас голых из дома, хлеща поганым веником. А меня и навсегда из своей жизни вытолкнула... Больше мы не виделись...

Утром я уехал к другу в город, а еще через два дня мы укатили с ним на БАМ. И там долго еще мучили меня кошмарными историями всякие Нюси, Муси, пока однажды не приснился мне жуткий сон. Ты знаешь, Тань, в самый канун моего юбилея. Пятерик стукнул...

Будто стою я в Минино на Караульной горе с отцом и матерью. Все с головы до ног в грязи. Родители плачут. Подвели меня к обрыву. Отец сердито стал трясти надо мной старый, знакомый с детства, сермяжный ремень, а мать говорит: «Просила тебя, сынок: подавись одним яблочком! А ты всякого дерьма в рот напихал. Горько здесь позор твой перед селянами несть!» И вмиг исчезли.

Проснулся я, будто роем пчел покусанный. В ту ночь больше глаз не сомкнул. Утром на перегон, на работу, не поехал, отпросился. Тогда, на БАМе-то, укладчиком пути работал. После сновидения утро огнем горело.

Из общежития никуда не выходил. Лежал и, как книгу, перелистывал жизнь свою по годам и весям. Словам материным дивился: откуда про меня узнала и отцу доложила. Одним словом, стыдобища, срамота! На работе в передовиках хожу, а личную жизнь кобелю под хвост засунул.

На следующий же день написал заявление об увольнении. Начальник и слушать не хотел. «Мы тебя, говорит, ко второму ордену представили, а ты дезертировать вздумал! В самое горячее время — в кусты?! Легкой жизни захотел? Не дури, Игнат Григорьевич, называй истинную причину, а лучше бери кайло и догоняй товарищей. Скоро Тынду сдавать под ноль. Мне люди позарез нужны, каждый рабочий человек на вес золота, а ты сопли-нюни распустил».

Смуrow — такая фамилия у нашего начальника была, — никогда не кривил душой. Это все знали.

«Вот гляжу, — это он мне, — и по-мужицки люблюсь. Красавец, трудяга беззаветный. Руки золотые и силушка, как дар Божий, выделены. Что же случилось с тобой?! Тысячи мужиков во сто крат грязней тебя душой и телом, — и ничего, живут. Не спешат каяться. А ты, видите ли, прозрел. Очень ко времени! В святое заявление подаешь или куда выше? Смотри у меня, герой!»

А я ему: «Иван Петрович! Христом Богом прошу! Отпусти! Голова серебрится, а я по-человечески и не жил. Куражился. Окромья работы, светлого пятнышка во мне нет. Бобылем мыкаюсь: пьянки да гулянки. Чужие постели согреваю. Радости от них — ни на шишку кедровую. В мои-то годы любовными играми заниматься! Грех один. Сердце стал чутя. Видать, и его терпению пришел конец. Сам себе противен. Нет сил далее душу на потеху чертям выставлять. Не уеду домой, считай, с горки еще круче покачусь. Сжался ты надо мной, Петрович! Сам-то, небось, женат?»

«Ну ты даешь, Григорыч! Да я,— смеется,— со своей Зинулей ни на день не расставался. В первых палатках жили вместе. Ночами свое одеяло — ей, чтоб, не дай Бог, не простыла. Сам, бывало, полушубком накроюсь — и здоров-счастлив! — Вспомнил Петрович, расчувствовался.— Теперь-то что! В своем доме живем. Дочек растим. Поздние они у нас. Дорого достались... Приперло, говоришь? Понимаю». Вошел он, наконец, в мое положение. Понял, что совесть меня гложет за порученные воронью могилы отца с матерью, пропитый отцов дом...

А когда понял, за голову взялся: «Да, ты, Игнат Григорьевич, достал меня. Такое душевное многоборство дорогого стоит! Силен, ты батенька, силен! Ни водка, ни бабы твои, бесстыжие, не одолели тебя. Нет, не одолели! Прости, но поначалу я не врубился. Чуть по башке тебе не врезал! Думаю, чокнулся он, что ли, какими-то глупостями мозги мне компостирует. А дослушал до конца крик твоей проснувшейся души и все понял! Зауважал. Ей-богу, зауважал! Не припомню еще такого разговора с мужиками нашими, не припомню. Не хотел отпускать, но теперь знаю, не легкой жизни ищешь. Война с собою — самая кровавая и жестокая».

Долго мы тогда изливали друг другу душу. Иван Петрович рассказал о своих опечках да порожках. Подрался с дуру в студенчестве. В тюрьму угодил. Почти пять лет учебы, как и не бывали. Вышел — пришлось заново отвоевывать все, что в одночасье по глупости утратил: доброе имя, институт, доверие... Хорошо хоть, Зина его в нем не усомнилась. Дождалась и верность сохранила.

«Ладно, Игнат Григорьевич! — пожал он мне руку.— В деле — ты мужик геройский! Сильный духом! Верю, что и личную жизнь на рельсы поставишь. Цены тебе не будет. Может, и твоя Полина Егоровна простит тебя, подлеца эдакого, когда свидитесь. Буду весточки ждать. Новую свадьбу сыграем. Сгожусь за посаженного отца? А орден твой в Красноярск пришлем. Попросим железную дорогу с почестью вручить его».

И подписал мне увольнение с переводом в родные края.

Чай давно остыл, но девушка и не вспомнила о нем, задумчиво жуя ватрушку:

— И вы поехали в Минино к Полине Егоровне?

— Поехал?! Полетел птицей впереди локомотива. А Полюшка-то моя там давно уже не жила. И дом ее снесли под новую школу. Расстроился, конечно, отправился к нашему, деминскому. Что годы сделали с ним! Нерадивые хозяева не берегли, и сильно под разрушили его. От подворья тоже ничего не осталось. Только старые кедры стояли. Не поверишь, показалось мне, что они, завидев, протянули ко мне свои ветви. Остальные деревья, судя по пням, по надпилам, давно сгорели в печи.

Не вытерпел, постучался в слетевшую с петель входную дверь. Вышел пьяный мужик и назвался хозяином. Сергеем. Уже в начале нашего разговора я возмутился отношением к дому. Он не обиделся: «Тут нас, хозяев, говорит, перебивало, счету нет. А мне не до дома. Я из Чечни вернулся контуженый, больной на голову. Родители померли, да и я скоро вслед за ними отправлюсь. Если сочувствуешь, подкинь на бутылку. Со вчерашнего дня ничего не ел». «Зато пьешь, видать, беспробудно», — некстати связвил я. «Да, пью! — заволокнулся он.— А что остается делать бедному солдату. Власть-то наша, новая, она что?! Пенсию отвалила — на лекарства не хватает, а тем более на жизнь по-человечески. Спасибо, хоть Нюська, посудомойка, подружка моя, подкармливает нас с сотоварищами обедками с буфетных столов, а то бы давно с голоду, как псы бездомные, подошли. Но и Нюскиной подработке конец приходит. Видите ли, пьет с клиентами и выпрашивает у них чаевые на бутылку. Так это из-за нас. Подумал и решил я свалить на сытую житуху к тетке в Богучаны. К рыбной Ангаре поближе. Там, хоть как-то, даст Бог, прокормлюсь, пока не помру».

«Слушай, Сергей! — говорю.— Продай мне дом! Это же мой родной дом. Ро-довой! Тут прадеды и дед на свет появились. Отсюда ушли на фронт и погибли в боях

два брата и сестра. В его стенах упокоились мои родители. А я после их смерти, безмозглый, за бесценок потерял его. Но дело не в деньгах. Не могу жить без этой пяди земли. Как оторвался от нее, мотаюсь по свету, словно перекасти-поле, без корней и доли. Понимаешь ли ты это или нет?!»

Сергей оказался понятливым и отзывчивым. Не стал из меня жилы тянуть. «Нет вопросов, если есть, чем платить. В поселке, сам знаешь, с покупателями негусто. Вся работа — в городе, а для станции нужны специалисты в их железном деле. Не для меня, контуженного, ихняя дорога. Завтра же едем в райцентр бумаги делать. А я-то хотел, дурак контуженный, пустить квартиранткой Нюську. Она бы со своими собутыльниками спалила твой дом начисто».

А я ему: «Ты только, вроде, ее своей подружкой называл, или я ошибаюсь?».

«Какой там! Это от нищеты несусветной. Не на кого мне, кроме Нюски, опереться. За кого и за что воевал, если никому оказался не нужным?!»

Горько и безответно сокрушался Сергей. Жаль стало его безмерно, как сына вроде. По возрасту-то он мне в сыновья и годился. Пожал ему руку, протянул тысячу рублей. Как залог и доверие. «Ни фиги себе! — обрадовался парень. — Это же, считай, моих полпенсии! От пуза сосисок наемся. Запах мяса забыл. Во, житуха! Ты не беспокойся, — говорит мне, — не пропью. На подкорм пойдет. Отощал малость».

Не веря удаче с покупкой дома, отправился я в поселковую администрацию разузнать, куда выехали Полина и Неверовы. Там оказалась приятельница моей тещи, признала меня и сказала, что все Неверовы перебрались в Новосибирскую область. Никому из сельчан не писали, и адреса их ни у кого нет. Осталась одна надежда на паспортную службу. Послал запросы в адресные столы. Пришли два ответа, но оба не подтвердили прописку Полины и ее родителей ни в городе, ни в области.

Каким-то десятым чувством, Танюш, именно в эти горькие минуты уверовался я, что непременно найду Полю. Обязательно! А себе дал зарок: переломлю себя, навсегда отрекусь от былой жизни. Авось и Господь смилуется, сведет с Полиной путями, только ему ведомыми.

Недели через две оформил купчую на родной дом. Проводил Сергея к тетке и принялся за ремонт. Три месяца бамовского отпуска посвятил воскрешению отцовского дома. Все делал своими руками. И железнодорожникам спасибо. Поддержали, подбодрили. Начальник путейского участка предложил возглавить путейскую бригаду, закрепленную за станцией Снежница. В Мینیно-то свободных рабочих мест не оказалось, я согласился...

— Ну, что? Что дальше?!

Татьяна, слушая, вновь придвинулась к столику, задумчиво поправляла стопку аппетитно дышащих шанег, обхватывала ладонями, будто грела их.

— А дальше жил и работал по соседству с тобой. Легких хлебов, Танюш, не бывает. Но БАМ научил многому. Там я прошел рабочие университеты. И знаешь, дева, потихоньку-полегоньку и тут вывел свою бригаду в передовые. Мужики почувствовали, что могут горы свернуть, если все с умом делать. Стали неплохо зарабатывать, реже тянуться к рюмке. Поначалу-то мой сухой закон многим не пришелся, иные и вовсе грозились уволиться, скандалили, а я никого не задерживал. Готов был написать на заявлении «не возражаю» в любое время. Стал загружать их работой, не оставляя времени на перекуры и чаепития. Так и втянулись в ритм. Любо-дорого. Теперь благодарят. Особенно их жены.

— А как с розыском Полины Егоровны? — кусала пухлую губку его соседка, то хмурясь, то веселясь глазами. — Надоело? Бросили?

— Эх, ты, еще во внучки просилась! «Бросил...» Вот, еду к ней! Может и замужем за кем давно, но я зачем-то понадобился, коль призывает.

— Сама отыскалась?!

— Да! Нюся принесла вчера срочную телеграмму.

— Боже мой! Радость-то какая!

— Ой, Тань, не знаю, радоваться или главная печаль моей жизни еще впереди,— лицо Игната потускнело, посерело вмиг. Видно было, как болит, страдает от неизвестности его душа.

— Что встревожило-то вас?

— А ее слова: «Сообщи о приезде. Встретим». Стало быть, не одна будет встречать. С кем же еще, как не с мужем! Сыном-то или дочкой Бог нас не порадовал. Развода, стало быть, просить будут. А я ни за что не дам! Не дам. Полю любил и люблю. Только раньше большим дурнем был. На пятаки со шлюхами свое счастье разменял. Другим я стал. В ногах у Поли буду валяться, прощения вымаливать, но никому ее не отдам! Не отдам, и все тут!

— Это как же, Игнат Григорьевич?!— вдруг возмутилась девушка.— Говорите, что любите свою Полюшку, а счастья ей не желаете! Вдруг она нашла свою половинку — и счастлива?! А потом... Потом вдвойне неправы вы.

— Это в чем же? — нахмурился Игнат.

— По закону-то если не было у вас совместных детей, то давно и без вашего личного участия в ЗАГСе развели бы...

— Что же выходит, с дитем она? — непривычно дрогнул его густой ровный баритон.

— Вполне может быть...

— Н-да,— только и крикнул Демин, скребя лопатистой пятерней затылок.— Как же оплошал?! Оплошал...

— Не судья вам, Игнат Григорьевич,— давясь подступившими вдруг слезами сказала девушка.— Вы сами себя наказали — и...

— Ну, что ты, Тань? Успокойся,— Игнат осторожно погладил тяжелой, как камень, рукой вздрагивающую девичью спину.— Что плачешь-то?

— Что-что! Говорю, досталось вам — врагу не пожелаешь! Не позавидуешь... Лишились любимой жены, по уши нахлебались грязи. Теперь-то чисты, но как... Не всякий мужчина на такой подвиг решится! Многие из них не считают измены предательством любви. Даже кичатся «победами».

— Хватит героить меня! Скажи лучше: не раздумала в деды-то взять? В силе твое пожелание?

— Да о чем речь! Конечно, в силе! Вы мой де-душ-ка! — прокричала она на весь вагон. И, вслушавшись в наступившую во всех купе тишину, повторила еще громче:

— Мой дед! Мой!

Игнат разволновался. Стоял, не зная, куда деть руки.

— И ты для меня, Танюш,— внученька моя. Единственная! Будешь самым родным человечком!

— Не шутите, Игнат Григорьевич?

— Нет. Совершенно от души.

— Вот и я... искренне.

Игнат пристально посмотрел на Татьяну. Она тоже отчего-то расплакалась, и ее крашенные ресницы источали мутные ручейки.

— Ну-ну! Не разводи мокроту, коли радость у нас.

И принялся тщательно вытирать ее щеки.

Забрезжил рассвет, когда поезд на полном ходу вкатился в городские окраины. Розоватые всполохи утренней зорьки игриво отражались в лужичках недавно умытых улиц, мокрых от росы фонарях, нескончаемых витринах магазинов, в каждом окошке серых многоэтажных домов. Вскоре они заиграли радужными, пляшу-

щими зайчиками в купе, где без сна и покоя всю ночь просидел Игнат. «Что еще замутит со мною судьба-судьбинушка?!» Но мысль оборвалась, едва мелькнув и смутив сознание: поезд, пытая и скрипя тормозами, уже останавливался у светящегося чистотой и облаканного первыми лучами восходящего солнца перрона.

Пассажиры растянулись по коридору длинной змейкой, толкая дорожную кладь по мере продвижения впереди идущих. Открыв на секунду дверь в коридор, Игнат тут же захлопнул ее.

— Тань! Давай, выйдем последними, не люблю толкаться среди сумок и чемоданов.

А сам прилип к окну, надеясь отыскать среди встречающей толпы дорогое ему лицо. «Узнаю ли Полюшку, любушку мою...» И вдруг сорвался с места, распахнул купе, полетел птицей к выходу, расталкивая всех и извиняясь. В «полете» зацепился о длинную ручку чей-то спортивной сумки. Повалился на пол. Поднялся. И через мгновение слетел со ступенек тамбура. Не помня себя, оказался у ног статной седовласой женщины с малышом на руках.

— Поля! Неужто вижу тебя, моя Полюшка! Ну, здравствуй, родная...

Слезы рекой полились по его небритому, шершавому лицу, безупречно ухоженному саянскими свежими ветрами да сибирскими морозами.

— С приездом тебя, Игнат! — и подала ему на руки мальчонку. Тот, видя плачущую бабулю, насупил и тоже готов был сиюминутно расплакаться.

— Так что ты хотел сказать, Гришуня? Скажи скорее! — опередила она намернувшиеся на его черные звездочки слезы.

— Здраствуй, деда Игнат!

Малыш потрогал пухленькими ладошками развевающийся на ветру дедов чуб. Потом прижался к нему всем тельцем, заулыбался, обнял за шею и, поцеловав деда в мокрый нос, громко крикнул:

— Я Глиша Демин!

Игнат был на грани чувственного обморока, но сумел справиться с собою. Только со слезами ничего поделать не смог. Они продолжали омыwać осунувшееся, поблекшее за бессонную ночь лицо.

— Родные мои! Да как же мне горько жилось-то без вас-то. Почему, Полюшка, молчала ты, скрывая от меня такое счастье? А где сын с невесткой?

— Они работают за полярным кругом. В Талнахе, где-то под Норильском. Оба в прошлом году политех окончили. Металлурги. А мы с Гришей хозяйничаем.

— Ты ни разу не писала мне?

— Первые годы не писала. Обида душила. Потом тайно от родителей несколько писем посылала в Минино на имя начальника почты, чтобы письмо вручили тебе лично. Безрезультатно. А родители, царство им небесное, и слышать о тебе не хотели. Из-за нас они сорвались с родного гнезда и покоятся теперь на чужбине. Папа, умирая, наказывал не искать тебя. Но последние три года, сразу после рождения внука, вместе с сыном Егором ищем тебя. Не раз писали и в сельсовет, и на почту, и по адресу твоих родителей, где ты семь лет тому назад прописался, но ответа так и не дождались. Уж не знали, что и думать. А тут пришла мне в голову мысль написать в отдел кадров железной дороги. Спасибо им! Ответили, что работаешь бригадиром на станции Снежница. Там и живешь. У кого — не написали. Я позвонила Егору, и мы решили послать тебе телеграмму с уведомлением. Наш сын ничего плохого о тебе не слышал. Когда повзрослел, сказала ему, что характерами, мол, с отцом не сошлись. Такое и у любящих друг друга случается.

Игнат сразу же догадался, в чьи руки попадали Полюшкины письма в Минино, и какое обстоятельство заставило вручить ему телеграмму в Снежнице. Но сейчас ему было не до Нюсиных пакостей и ее женской мести: всего его, до последней живой

клеточки, переполняла радость встречи. Не иначе, по божьему повелению его повинившейся судьбе. Теперь ничто и никогда не отнимет у него этого счастья, не разлучит с ним, не обездолит.

Опомнившись, Игнат отыскал глазами Татьяну. Она улыбалась, стоя на ступеньках тамбура.

— Дедуля! Я здесь! Прими вещи!

По лицу Полины пробежала быстрая тень.

— А это кто с тобой? — спросила она омертвевшим голосом и поспешно забрала внука. Игнат бережно спустил со ступенек Татьяну.

— Знакомься, свет-Полина Егоровна, внучка Татьяна.

Видя неловкое и горестное смятение на лице Полины Егоровны, чуткая Татьяна тут же сняла ее нервное напряжение.

— Вы только не переживайте понапрасну! Игнат Григорьевич — мой названный дед. Вчера в поезде упростила его стать дедом. Моим родным дедулей!

Глаза Полины Егоровны, хоть и оставались еще по-прежнему взволнованными и влажными, но уже светились веселыми огоньками нового утра.

— Вот и славненько! И у меня появилась давно желанная внучка.

Еще не уверовавшая в счастливое завершение многолетней разлуки с любимым, Полина медленно выходила из душевного оцепенения. Придя в себя, поцеловала Татьяну и прижала ее к груди.

Снующие туда-сюда пассажиры быстрыми водами обтекали их со всех сторон. Но каждый, проходящий мимо, краешком взгляда успел запечатлеть в памяти сердца пульсирующий радостью, обнимающий все стороны света островок настоящего человеческого счастья.

Через неделю Игнат с Полиной и внуком вернулся в отчий дом. Свежевыкрашенный перед отъездом забор голубым пояском окаймлял ухоженное и цветущее подворье. На фоне раскидистых кедров, чудом спасшихся от бездумного топора, в объятиях огненно красной и бело-розовой герани обновленный дом смотрелся огромным янтарным самородком.

Игнат, держа Гришу на руках, подвел жену к околку молодых кедрят. Под порывом свежего ветерка они дружно склонили изумрудные пушистые головки к ногам хозяйки.

В тот же день Демин отослал Ивану Петровичу Смурову в Тынду обещанную весточку: «Срочно выезжай в Минино Я в полном порядке Ждем Все Демины Полина внук Григорий и твой навечно Игнат».

А вокруг по всей Караульной горе уже пылала багряными пожарищами золотая осень.

НОВЫЕ РАССКАЗЫ

Ирина Кедрова
(г. Москва)

ПРЕДСЛАВА — КНЯЖЕСКАЯ ДОЧЬ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат литературных премий, профессор.

Грустила Предслава, дочь киевского князя Владимира, сидя у окна светлицы. Смотрела на сад, на спуск с Горы, на которой раскинулся княжеский терем, на протекавший вдали Днепр, воды которого спешат далеко-далеко, где сражается с врагами земли русской Любомир, славный гридень ее отца.

Семнадцать лет Предславе, и душа наполнена любовью, грустью и бедой.

Трудная жизнь родителей сказалась на детях. Иначе и быть не могло. Когда-то в борьбе двух князей — новгородского Владимира и полоцкого Рогволода — новгородцы разбили полоцкое войско, убили князя и его сыновей.

Княжеская дочь Рогнеда оказалась пленницей. Пыталась убить Владимира, этого сына рабыни, возмечтавшего, чтобы княжна стала ему женой. И совсем не думала, что полюбит князя и, по славянскому обычаю, разует его.

Владимир же, увидев красавицу княжну — светловолосую, с голубыми глазами, выдававшими в ней дочь Севера, — сам влюбился и позвал за собой в Киев, который спешил отвоевать у вероломного брата Ярополка.

От ночного безумства, охватившего молодые тела Владимира и Рогнеды, родился сын Изяслав.

Покинув возлюбленную пленницу, Владимир разбил Ярополка и стал киевским князем.

Он покорял земли и воинов храбростью и удальством, а женщин — мужской силой и красотой. Высокий и статный, с глубокими, все понимающими глазами, с мягкой и доброй улыбкой, с проникающим в уши и сердце голосом. Перед ним не могла устоять ни одна женщина, не устояла и оставшаяся вдовой жена Ярополка, красавица-гречанка Юлия. Да и Владимир не удержался от женских чар, назвав и ее, вслед за Рогнедой, своею женой. Тогда языческому князю не возбранялось иметь множество жен и наложниц. И детей у него было много. До Изяслава рос уже в княжеском доме старший сын Вышеслав.

Гордая Рогнеда вынужденно терпела соперниц. Она любила и была счастли-

ва, когда муж призывал ее к любви. От этой любви родились сыновья Мстислав и Ярослав.

Вела Рогнеда хозяйство княжеского дома, воспитывала сыновей, ждала мужа из военных походов. Однажды, возвратившись с очередной победой, поведал князь Владимир жене, что в далекой стране стал христианином, примирился с византийскими императорами и, чтобы те — хитрецы-обманщики — не изменили договору с Русью, женился на Анне, сестре императора. Скоро законная супруга русского василевса, как титуловали Владимира в Византии, прибудет в Киев, преодолев на ладье долгий путь, а Рогнеде придется вместе с детьми покинуть княжеский терем. Однако князь, любя ее и заботясь о детях, дарит бывшей супруге село Предславино и свою последнюю мужескую милость.

Милость последней не была. Она породила дочку, названную Предславой, а позже, время от времени, дарились и другие милости, от которых появился на свет Всеволод.

Предслава вспоминала детскую жизнь в селе, в котором родилась.

Оно раскинулось на берегу живописной реки, местами напоминавшей своими изгибами шею лебедя и от того, наверное, называвшейся Лыбедью. Бревенчатый высокий дом скрывался за дубовым частоколом. Рядом с домом раскинулись хозяйственные пристройки, огород и сад. Конечно, были у княгини слуги, помогавшие вести хозяйство, и дружинники, оберегавшие ее семью. Но Рогнеда, с детства привыкшая вникать во все домашние дела и неустанно трудиться, сама занималась хозяйством, приучая к этому маленькую дочку.

Рано утром выбегала Предслава во двор, подлетала к матери, которая, казалось, отсюда и не уходила, целовала ее и начинала кормить кур и уток. Старшие братья — Изяслав и Мстислав — часто уезжали на ловы и похвалялись охотничьими трофеями, а Ярослав — любимый Предславин брат — много читал, размышлял и рассказывал сестре о подвигах русских воинов.

Брат и сестра дружили, играли в защитников земли русской, бегали на речку. Бросались в мягкие волны Лыбеди, охлаждавшей детей после бешеного бега.

— Ярушко, я дальше тебя заплыву. Попробуй, догони,— зазывно кричала сестра, опередив брата и кидаясь в речные волны.

Конечно, он мог ее догнать и перегнать, но щадил силы и самолюбие любимой сестры.

— Славинька,— предлагал он новое развлечение,— пойдем по ягоды. Я место ягодное знаю. Матушку угостим.

— Ярушко, а почему матушка грустная и плачет иногда?

— Грустит она по батюшке, он что-то давно не приезжал.

Однажды вечером Предслава, увидев плачущую мать, подошла к ней и спросила:

— Ты что, матушка, плачешь?

Мать прижала девочку к себе, поцеловала, стала разглаживать ее волосы.

— Как ты на меня похожа, Славинька. Вырастай красавицей. Полюби князя верного, стань ему доброй женой.

Не все могла понять Предслава, только чувствовала: материнские слезы от одиночества и горя.

Скоро после этого разговора изменилась их жизнь. Приехал отец, долго беседовал с матушкой. Спорили о чем-то непонятном. Предслава слышала, как кричал отец:

— Ты понимаешь, что я обязан защитить княгиню Анну и детей наших? Ревнует она, требует, чтобы ты уехала подальше.

— О ней ты думаешь и о детях ее? А я? Из-за тебя я осталась без отца и братьев. Защитить меня некому. Теперь ты требуешь, чтобы исчезла из твоей жизни. А как же наши дети?

— Подумаю я о них, Рогнеда. Не оставлю.

Вроде бы помирились, и пошел князь отдохнуть в Рогнедину светлицу. Что там произошло, Предслава не знает. Много позже Ярослав рассказал ей тайное: мать попыталась ножом убить отца, тот увернулся, и сам изготовился поразить ее мечом. Тогда-то в светлицу ворвался Изяслав, встал, сжав руки в кулаки, между родителями и гневно крикнул: «Убей и меня, отец, чтоб не было свидетелей этого злодейства». Не выдержал тот сыновнего взгляда, развернулся и умчался в Киев. А через несколько дней прибыл от него посыльный с княжеским наказом.

— Повелел великий князь Владимир тебе, Рогнеда, вместе с сыном Изяславом отправиться в город северной земли Изяславль. Остальных детей — Мстислава, Ярослава, Всеволода и Предславу он забирает в Киев, будут жить в его тереме.

— Когда же повелел мне князь ехать?

— Сейчас и отправляйся.

Ничего больше не спросила Рогнеда у посыльного. Собрала небольшие пожитки, переговорила с Изяславом, простилась с детьми и навсегда пропала с глаз Предславы, оставшись в ее сердце сильной и гордой, любящей женой и матерью. Уезжая со старшим сыном, не знала Рогнеда, что непраздна и носит под сердцем новую жизнь.

Родится у нее дочка. Гориславою назовет ее Рогнеда. Станет девочка последним утешением матери, да недолго проживет на земле. И с отцом не увидится.

Так Предслава возвратилась в отцовский дом. Нерадостен он для маленькой княжны. Отец — всегда занятый, в постоянном попечении о русских землях, мать далеко в северных краях, мачеха — холодная красавица Анна — занята своими сыновьями, Борисом и Глебом. Нет у нее сердца для чужих детей. Братья, сумевшие сойтись со сводными, заняты воинскими доспехами и мужскими занятиями. У каждого из них есть воспитатель, который учит скакать на коне, биться врукопашную, охотиться на крупного зверя. А княжеская дочь — одна, бродит по терему, никому не нужная, никем не любимая.

Однажды привезли с охоты раненого Ярослава. Крепко поранил княжич ногу и с тех пор охромел. От воинских занятий не отказался, но еще больше углубился в чтение мудрых книг. Братнина хромота снова их сблизила.

— Ярушко, была бы я птицей, улетела бы к матушке. Прижалась бы к ней, горемычной. Нет мне места в отцовом тереме, да и сердце его для меня закрыто.

— Ну что ты, Славинька? Любит он тебя. Говорит: ты на матушку похожа. А и действительно. Матушка наша красивая была — статная, высокая, глаза сияли звездами, волосы светлые по плечам растекались, как реки. Какая она теперь? Брат Изяслав стал совсем взрослым, девятнадцать ведь ему. Мстислав-то на четыре года брата младше, а уже настоящий воин — удалый да сильный, никто лучше него копьем да мечом не бьется. Эх, нога меня подвела!

— Не тужи, Ярушко. Ты тоже — сильный и ловкий, даже с такой ногой. А уж ум у тебя — ни у кого такого нет. Быть тебе первым князем.

— Нет, ладушка, первым князем будет Борис. Он — сын византийской царевны, а отец желает мира с Византией. Из-за этого нашу семью разрушил, мать сослал. Никогда этого не прощу! Изводит себя, да поделом ему.

— Что ты говоришь? Он ведь нам отец кровный, мы в его доме живем.

Горько на душе у Предславы, обида княжну изводит. Не ее одну, все Рогнедины дети мучаются несправедливостью, свалившейся на них. Только не знают, что еще большее горе ждет впереди.

Вскорости пришло известие из далекого Изяславля о смерти Рогнеды. Не стало больше матери у детей, некому прижать к груди, молвить слово доброе, защитить от бед и неправды. Горевал и великий князь. Собрал он детей своих в трапезной, чтобы успокоить. Глянул на дочь Предславу и залился слезами:

— Всегда любил я, дети, вашу мать, жену мою Рогнеду. Судьба нас развела. За то и страдаю.

Молчали сыновья, оглушенные горем. Не нашли они в своих сердцах добрых слов отцу. Только Предслава промолвила:

— Батюшка, не убивайся так. И тебя матушка любила. Помню, как плакала она от тоски по тебе. Надо жить, батюшка. Ты — князь, под твоей защитой земля русская.

— Ох, Предслава, говоришь ты, как мать. Всегда меня Рогнеда понимала, всегда помнила, сколь тяжек мой земной путь. Вам, сыновья мои, пора становиться княжескими помощниками. Думаю отправить вас в города русские: будете со мной Русью управлять.

Князь Владимир больше ничего не сказал, повернулся и вышел.

— Так, — с обидою в голосе произнес Мстислав. — И нас подальше услать хочет.

— Мешаемся мы, видно, в доме его, — поддержал брата Ярослав. — Он и Всеволода отправит землями управлять?

— Ты думаешь, я не смогу? Я всего-то на три года тебя младше! — отвечивал младший брат.

— Братья, не спорьте, — повелел Мстислав. — Нам вместе держаться надо. Если отец не хочет жить с нами, поедem к Изяславу. Гориславу увидим. Какая она, сестра наша, что растет без отца и без матери?

На том и порешили. Да забыли, что все в киевских землях делается по велению князя. А князь, желавший примириться с Рогнедиными детьми, не знал, как это сделать. Понимал: виноват перед ними.

Месяца через два повелел всем сыновьям собраться в Золотой палате. Приехал Изяслав со скорбной вестью: умерла маленькая Горислава у него на руках.

Золотая палата княжеского дворца служила важнейшим событиям. Здесь советовался князь с боярами и воеводами, принимал иноземных послов, вершил людской суд. Сверкали серебром и золотом висающие на темных рубленых стенах доспехи, стояли у стен знамена русских князей — Игоря, Святослава, Владимира. У дальней стены на помосте возвышались два кресла с резными поручнями. На одном из них восседал Владимир. Другое когда-то занимала Рогнеда. Теперь это место княгини Анны, но княгиня в Золотой палате не появилась.

Братья стояли в задумчивости. Зачем их вызвал отец?

Молчали бояре, ожидая княжеского решения. Бояре и воеводы из всех детей князя Владимира особенно привечали Бориса и Глеба. Понятно, один — наследник отца, и второй может стать таковым. Молчал и Добрыня — дядя князя по материнской линии, когда-то его воспитатель, а теперь — первый советник и помощник в военных походах. Всех Владимировичей любил Добрыня, только вида не показывал, поскольку мальчишкам суровость нужна, а не ласка.

— Собрал я вас, чтобы совет держать и решение принять, — начал говорить князь Владимир. — Трудные времена мы переживаем. Много сил и лет я потратил, чтобы укрепить русскую землю. Но теперь одному мне не справиться. Хочу направить вас, сыновья мои, в разные края. Будем вместе управлять. Хочу, чтобы вы честно правили и жили друг с другом в дружбе. Матери у вас разные, да отец один. Каждый из вас мне люб и дорог. Согласны ли вы помочь?

— Согласны, отец. Коли нужна поддержка, мы готовы. И куда же нам ехать? — спросил Изяслав.

Об Отечестве думал князь, да о сынах своих. И теперь желал речь вести так, чтобы запала она в молодые души. Говорил спокойно, строго глядя, тщательно подбирая нужные слова.

— Думаю я так: в Новгород поедет Вышеслав. Когда-то новгородцы меня приня-

ли, с ними я начинал княжеский ратный путь. Изяслава хочу направить на родину матери — в Полоцк. Жители Полоцка с радостью примут сына Рогнеды — любили ее там и чтили за ум и храбрость. Ярослав поедет в Ростов. Там нужен рассудительный княжич, умеющий убедить и договориться. Глеб отправится в Муром, Святослав — в земли древлян, Всеволод — на Волынь. Волынские бояре просили меня назвать их город Владимиром. Пусть будет так, и поедет Всеволод во Владимир Волынский. Мстислава ждут в Тмутаракани. А Святополк — племянник мой, которого назвал я сыном своим, отправится в Туров. Так порешил я, дети мои.

— А куда же поеду я? — спросил Борис.

— Ты, Борис, останешься со мной. Будешь в Киеве помогать. Мне уже трудно княжескую дружину в походы водить, на тебя надеюсь.

— Княже, дозвожь и мне спросить, — вступил в разговор Добрыня. — Не пойму, как малолетние сыновья твои землями управлять станут?

— Пестунов посылаю с ними. Пусть помогают до взросления малых сынов моих. Будут им добрыми воспитателями, как ты когда-то меня растил вместо отца моего, князя Святослава, жизнь свою в походах проводившего. Ты, Добрыня, будто забыл об этом? А я помню и прошу тебя отправиться в Новгород. По старой памяти там тебя примут, а с тобой и Вышеславу легче справиться с новгородской вольностью.

Молчали сыновья. Одни радовались, предвкушая освобождение от отцовского надзора и самостоятельную жизнь, другие сомневались, надо ли так откровенно извлекаться от них. Печалился Глеб: ему вовсе не хотелось уезжать от отца и матери, нежно им любимых. Печалился Борис, считая, что он ничуть не хуже братьев и способен, как они, отправиться в дальние края.

— А что будет с Предславой? — спросил Ярослав.

— Дочери до замужества живут в отцовском доме, и Предслава по-прежнему будет жить в княжеском тереме. Коли вопросов больше нет, идите и собирайтесь в дорогу.

Выйдя из Золотой палаты, Ярослав направился в светлицу сестры, чтобы поведать ей о скором отъезде из отцовского дома. Вечерело рано, Предслава сидела в полумраке и смотрела на огонек свечи, да на тени, возникавшие на стене.

— Славинька, родная моя, уезжаю я с братьями. Отправляет нас отец в разные края. Не хочет он видеть нас рядом с собой, не хочет, чтобы мы вместе держались. Я в Ростов еду, взял бы тебя с собой, да отец не отпускает. Говорит: будешь в тереме жить, пока не найдется тот, кого разуть тебе придется.

— Ох, братец, как же мне без вас жить? Княгиня Анна — женщина жесткая, не любит меня, я ей Рогнеду напоминаю. Матушки нет, а она вся ревностью исходит. Уж и стараюсь на глаза ей не попадаться, — Предслава заплакала. — Нет мне счастья. Куда податься? Молюсь, прошу Господа, чтобы забрал меня к матушке. Встретилась бы я с ней.

— Ну что ты, Славинька, печалишься? Потерпи немного. Закреплюсь в Ростове и возьму тебя к себе. Никто нас разлучить тогда не сможет.

— Знаешь, Ярушко, ко мне матушка во сне приходила, просила, чтобы я отца простила и помогала ему, как она прежде.

— А про нас матушка говорила?

— Горюет, что не может нам помочь. Скучает сильно об Изяславе. Говорит: отец никогда не простит ему, что за нее вступился. Уверена в Мстиславе. Он, говорит, славный воин. Тебя называет добросердом. Бойтся, как бы Всеволод не стал, как отец, женолюбом. Без матери мальчик растет, без женской ласки, станет искать ее по свету.

— А про то, что Горислава ушла на небо, матушка знает?

— Конечно, матушка смотрит на нас с неба: все знает. И с Гориславой встрети-лась на небесах. Вот я и думаю: раз я никому здесь не нужна, мне бы к матушке уйти.

— Сестренка милая, мысли твои понимаю. Только не спеши. Раз матушка просила отца поддержать, надо ее слово выполнить.

Рассталась сестра с братьями. Грустно потекла ее жизнь. Держал Предславу лишь материнский наказ.

Через год — новое горе: умерли в Новгороде Вышеслав, а в Полоцке — Изяслав. Тяжело отец пережил смерть сыновей. Хоть и верил, как христианин, в загробную жизнь, да мечтал на земле примириться с ними, терпеливо ждал, когда те поймут его муку княжескую, из-за которой не волен в делах и поступках, а должен радеть о земле русской да о народе.

Вызвал князь в Киев Ярослава и направил правителем в Новгород, а в Ростов на смену брату отправился Борис.

Прошло еще время. Выросла Предслава в красивую девушку. Пятнадцать лет — взрослый возраст, пора женихов выбирать. Но не спешит с этим князь Владимир, да и сердце дочери все заполнено любовью к отцу. Однако природа берет свое.

Как-то днем сбегала Предслава по лестнице с верхних палат в сени и увидела высокого и статного гридня, стоявшего на охране княжеского терема. Глянула в его теплые карие глаза и обожглась огнем. Не раз она видела этого гридня среди других, но молчало сердце, и вдруг оно забилося, и странное смятение, незнакомая доселе стыдливость охватили княжну.

Гридень Любомир давно служил князю Владимиру и не раз встречался с Предславой. Нравились ему эта девушка, да не смел с нею заговорить. Она — княжеская дочь. А кто он? Разве породнится с ним великий князь? Разве ответит на любовь гридня гордая девушка, которая даже не глянет в его сторону? Почему же остановилась на нижней ступеньке лестницы и смотрит на него? В сенях никого не оказалось, хотя обычно здесь полно народа.

— Тебя зовут Любомир? — спросила княжна, и нежно прозвучало его имя в девичьих устах. — Ты, кажется, давно служишь отцу?

— Верно, — ответил Любомир, и горло его словно перехватило.

— А что ты такой сердитый?

— Я не сердитый, только, княжна, не след тебе со мной разговаривать.

— Почему?

— Ты — княжна, я — гридень.

— Мне отец не запрещает разговаривать с гриднями, — гордо ответила Предслава и пошла дальше.

Другой раз они встретились в саду. Предслава сидела на лавке, вышивала украшение рубашки. Мимо проходил Любомир.

— Куда спешишь, гридень? Даже слов мне добрых не найдешь? — Предслава улыбнулась и рукой показала ему, чтобы подошел. — День замечательный, поговори со мной.

— О чем?

— Расскажи, как воюют наши воины. Раньше мне брат Ярослав рассказывал, только далеко он.

Любомир стал рассказывать о товарищах, сначала робко, подбирая каждое слово. Не учен он с княжнами беседовать. Потом увлекся, разговорился. Глядел в голубые глаза, широко распахнутые ему навстречу, на мягкую и грустную улыбку девушки, на пышные светлые волосы, подхваченные лентой. Ему казалось, что на всей земле они остались вдвоем. А Предслава слушала и подчинялась бурной радости собеседника. Голос его то решительный, то робкий. Глаза его смотрят так, словно вбирают ее в себя. Нет, не уйти ей от этих глаз. Волосы его разметались мощной темной копной. Так и хочется рукой их коснуться.

С этого дня начались встречи княжны и гридня: робкие и тайные. Разве можно

княжеской дочери гридня любить? В глубине сада укрывались в шалаше, любовно сделанном Любомиром из ветвей, сделанном так, чтобы никто не догадался, что это чье-то укрытие. В сениях, когда там никого не было. На реке или в лесу, когда удавалось Предславе вырваться из княжеского терема. Эти встречи были редкими и краткими, иногда прерывавшимися надолго, поскольку Любомир находился в походе. Тем не менее, даже ожидания делали Предславу счастливой. Должно же у нее быть счастье? Не для горя она родилась.

— Ладушка моя, Славушка,— говорил Любомир,— нет мне жизни без тебя. Может, к Ярославу попросимся? Не зверь же он. Сама говоришь: брат тебя любит.

— Судьба ты моя, судьбинушка. Боюсь: Ярослав нас не поймет. А батюшка должен понять. Мать его, сказывают, была простой ключницей у княгини Ольги. Пойду к нему, брошусь в ноги, скажу: либо с тобой, либо в омут речной.

— Нет, не отдаст мне князь свою дочь в жены. Он в родстве с византийскими императорами.

— Отец любит меня. Говорит, что я ему Рогнеду напоминаю да молодость его счастливую. Люди его святым называют, для многих он добро делает. Неужели дочь свою в реку отправит?

— Ты об этом, моя ладушка, и не помышляй. Если что с тобой случится, я себе не прощу.

Так и уговаривали друг друга потерпеть. Думали, передумывали, что делать. Да судьба, видно, у Предславы несчастливая. Увидел их кто-то, рассказал княгине. Та кричала мужу, что не допустит родства с безродным слугой. Князь Владимир грозно повел бровями. Долго молчал, а потом стукнул кулаком по стене так, что стена задрожала, и уехал из терема на ловы. Несколько дней пропадал, когда же вернулся, вызвал к себе Любомира. Долго с ним беседу вел, а потом уехал Любомир защищать границы русские от печенегов.

Терпеливо ждала Предслава своего гридня, года два прошло. Думала, как отца убедить, чтоб вернул ей счастье. Вдруг пришло известие о том, что печенеги перебили отряд русских воинов, и погиб ее Любомир. Погибли у Предславы и надежды на счастье. Свалило горе княжну. Заболела так сильно, что и не ждали от нее выздоровления.

Во сне приходила к ней матушка:

— Славинька моя, любушка, не оставляй отца и братьев родных. Нет у них другой женской ласки, кроме твоей.

— Зачем ты меня, матушка, родила, а счастья не оставила?

— Не только для счастья живет человек, доченька. Терпи на земле. Здесь счастье обретешь, когда его достойна станешь.

Приходил во сне Любомир:

— Ладушка моя, Славушка, не болей за меня. Живи, моя ягодка, а я на тебя отсюда люблю.

— К тебе хочу, Любомир. Возьми меня с собой.

— Не могу я этого сделать, Славушка. Ты — живи, болезнь тебя отпустит.

Молитвы ли Рогнеды и Любомира помогли, организм ли молодой выдержал, кто знает, только месяца через два поднялась Предслава и вышла на солнышко в сад. Прошла на ту скамейку, на которой прежде сидела с любимым, к месту, где стоял шалаш, уничтоженный по указу княгини. Ночью спустилась в сени, замерла, прижавшись к стене, слышавшей когда-то любовный шепот княжны и гридня.

Жила Предслава и не жила. Душа девичья омертвела.

Подолгу сидела Предслава у раскрытого окна, смотрела на небо, слушала шелест листьев и ветра. Ей казалось, что мать и Любомир смотрят на нее сверху. Разглядеть бы их, увидеть грустные и красивые глаза матери, нежную улыбку друга. Расслышать бы в шорохе листьев их голоса. Для чего живет княжна на земле?

Скоро в тереме появилась новая жизнь: дочь Владимира и Анны, прозванная Доброгневою. Княгиня, ослабев от родов, не могла выхаживать девочку. Предслава как только взяла ее на руки, вспомнила сестру Гориславу. Прижала малышку к груди, и показалось ей, будто Доброгнева — ее дочка, Любомиром подаренная. И хотя были у малышки няньки, никого, кроме матери и кормилицы, Предслава к ней не допускала.

Недолго после родов прожила княгиня. Умерла. И поняла тогда княжна, зачем жить осталась. Заменяла Доброгневе мать.

Князь Владимир слабел, нуждался в женской заботе. Раздумывал о детях. Сыновья его при деле — выросли, правителями стали, а дочери — беззащитные. Одной мужа надо подыскать, а другая — совсем малютка. Предслава нянчит ее как мать. Напоминает ему своей заботливостью Рогнеду.

Святополк — племянник, сыном нареченный — женился на дочери польского короля Болеслава, даже не спросив княжеского дозволения. Рассердился на то князь Владимир.

Болеслав — мудрый король, желая укрепить связи с влиятельным русским князем, не раз уговаривал того породниться. Владимир молчал. Теперь они стали родственниками. И все же Болеслав снова заслал сватов в княжеский терем, пожелав взять в жены Предславу. Не хотел старый князь расставаться с дочерью и лишать малышку заботливой сестры, однако пришло время подумать о счастье Предславы.

— Решай, дочь, сама, — сказал он.

Отказалась Предслава от замужества. Любила она Любомира и другого в мужа не желала. У нее на руках была маленькая девочка, рядом жил стареющий, хоть и властный еще, отец. Предслава взяла на себя теремное хозяйство. Нет, не уедет она из отцовского дома.

Трудно ей управлять хозяйством. И не потому, что не умеет. С малолетства мать к труду приучала. Только княжеский терем — клубок чьих-то недомолвок и недовольств. Слабеть стал Владимир, и это сразу почуяли бояре. Замышляли они недоброе против великого князя. Искали ему замену. Среди домашних людей, когда-то боявшихся глаза поднять на князя, начался разброд. Чувствовала Предслава измену, которая прокралась в княжий терем.

А жизнь приготовила новые испытания. Умер великий князь Владимир. Святополк утвердился на киевском престоле. Убил братьев — Бориса, Глеба и Святослава. Тайно от него послала Предслава в Новгород к Ярославу страшную весть: «Отец наш умер. Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, на Глеба послал дружину. Берегись его!» Святополк взбесился, узнав об этом послании.

— Ты зачем хромого предупредила? Хочешь, чтобы он сюда пришел? Он придет, а я его убью, и тебя в монастырь отправлю, — кричал он сводной сестре.

Предслава и не рада, что брата известила: не потерпит тот вероломства Святополка, придет к Киеву. Но, возможно, тогда будут они вместе, и будет рядом с ней родная душа? Вызвал Ярослав Святополка на бой, разбил киевскую дружину и пришел в Киев. Радостно Предславе: любимый брат рядом. Рассказала ему о своей жизни, о последних днях отца. Поделилась с ним и любовной печалью.

— Ничего, Предслава, будем теперь вместе жить, — ответил брат.

Только вскоре двинулся на Киев с большим воинством король Болеслав, вознамерившийся вернуть зятю великокняжеский престол. Ярослав, вынужденный оставить сестер, укрылся в Новгороде. Болеслав, войдя в Киев, получил власть над дочерьми Владимира. Ворвался в светелку Предславы и силой овладел княжной, боявшейся лишь одного: вдруг сестренка, спавшая тут же, проснется и испугается страшного вида поляка. Так стала Предслава наложницей Болеслава. Не женой, как предлагал он раньше, а бесправной рабыней.

Отправляясь в Польшу, король прихватил сестер Ярославовых, защищая себя от

мести русского князя. Одно удерживало Предславу в новой тягостной жизни — следовало защищать Доброгневу от грубых нехристей, каковыми считали на Руси католиков. Только через пятнадцать лет, после смерти Болеслава, смогли сестры вернуться в родные земли, которыми теперь безгранично управлял князь Ярослав.

— Что же ты думаешь делать? — спросил брат в день встречи.

— Нет мне места среди людей. Грех на мне непростительный, — грустно произнесла Предслава.

— Разве ты виновата, что король Болеслав так с тобой поступил, и никто не смог тебя защитить? Твои грехи Господь отпустит. Отца и братьев всегда поддерживала, сестру вырастила. Не мучь себя.

— Отпусти меня, Ярослав, в Предславинский монастырь. Там мое место. Хочу посвятить себя Богу, молиться за вас за всех: за мать и отца, за братьев и сестру.

Ничего не ответил брат. Понял: решение сестры твердое. Молчал он при расставании, сжав зубы. Плакала Доброгнева.

— Что ж ты плачешь? Не на смерть меня посылаешь, голубушка.

— Ты же мне матерью была. Как я жить без тебя стану? — слезы текли по щекам сестры, и страх стоял в ее глазах.

— Ты стала взрослой, моя девочка, — Предслава ласково вытерла ей слезы. — За тебя король Казимир сватается. Выйдешь за него, он тебе защитником станет. Родись ему детей. И будешь меня вспоминать, а я за вас молиться буду.

Рано утром уехала Предслава из княжеского дома. Вскорости из монастыря сообщили, что нет больше в миру Предславы, есть монахиня Елена.

Гордая, сильная, умная, выносливая княжна закончила трудный земной путь в стенах монастыря, расположившегося на месте села, в котором родилась и провела счастливое детство.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

КРЫЛЬЯ АНГЕЛА

— Привет, Санек! Что это с тобой?
— А что?
— Да идешь и все в землю глядишь...
— Куда ж мне еще глядеть — в небо, что ль?..
(Из случайно услышанного разговора)

Если вы никогда не держали собаку, но вдруг она появилась в вашей жизни, то новые знакомства не заставят себя ждать. Множество историй будет рассказано на прогулках, — и не только о меньших братьях. Пес, имеющий к вам непосредственное отношение, располагает к откровенности большинство прохожих. Кто-то изобразит это в лице, другой обронит слово, третий разразится выразительным речитативом. Не всегда впечатление окажется приятным, однако жизненный опыт ваш пополнится. Необходимость гулять тоже вносит в режим свою долю разнообразия.

Очень редко добрым летним утром в небе можно заметить необычные облака в виде крыльев ангела. Они огромны, отчетливо просматривается каждое бело-прозрачное перо, а вокруг — синева безупречной глубины. Что это, — прихоть воображения или великое чудо снисхождения к человекам? Как-то раз увиделось, — выпало одно перо, плыло за крылом, догнать не могло. Люди спешили по делам, а трава молчала под ногами, улыбаясь незатейливыми цветами, но не смягчился ничей взгляд, не поднялись тяжелые от суетных забот головы.

Из-за угла школьного забора навстречу мне вышла худенькая, маленького роста женщина. Ее сопровождали несколько разнокалиберных, хоть и не слишком крупных, собак и две удивительные кошки, способные подолгу чинно шагать следом, не отставая ни на шаг. Я уже кое-что знала о ней. Она недавно, как и все мы, обосновалась в нашем новеньком, с иголки, микрорайоне. Свой однокомнатный мир хозяйка наполнила самой радостной и безупречной любовью. Бог дал ей детское сердце, которому не суждено было повзрослеть никогда, и бесхитростный разум двенадцатилетней девочки. Видя четвероное горе, она не могла сказать себе: «Жаль, но всем я помочь — не осилю, да и других дел невпроворот», отвернуться и пойти прочь. Скоро население ее квартиры выросло в большую, довольно беспокойную семью, хотя дружную и жизнерадостную. Хвостатых этих ребят ей удавалось любить так, как немногие человечьи матери любят своих бесхвостых. Целые дни она их кормила, чесала, купала, играла и возилась с ними самозабвенно — была неслыханно счастлива.

Не знаю вашего мнения, но лично я давно этого не умею. Косые насмешливые взгляды с детских лет научили стыдиться всего теплого и чистого, горячо вспыхивающего в душе при виде чужого страдания, неважно, относились подобные чувства к человеческому сословию или нет. Они не исчезли, но стараются оставаться невидимыми для окружающих.

Женщину, о которой я рассказываю, снисходительно называли слабоумной, и даже заядлые собаководы полусочувственно посмеивались над ней. Как водится, ее доброта помешала соседям. Неумеренность данной черты характера часто вызывает стремление ограничить таковые проявления у своих близких. Прокрустово ложе для человеческих душ. Неизвестно, правда, разрешено ли кому бы то ни было устанавливать пределы. Видимо, где-то внутри начинает неудобно и колотить воровчаться собственная несостоятельность в этом вопросе, заставляя индивида принимать меры для спокойствия своей персональной совести.

В свежий и чистый воскресный день решительный и безапелляционный звонок раздвоил судьбу маленькой женщины.

Она вернулась после долгой и радостной прогулки со своими питомцами. Дверь еще не была заперта и сразу открылась. На пороге стоял молоденький, но уже хмурый милиционер, а за ним толпа соседей, старательно возбуждающих в себе состояние негодования. Недоверчивый и внимательный человек заметил бы, что лица некоторых персонажей содержали намек на безудержное и недоброе любопытство. Вдруг воспользовались и тут же прятались осторожные гадюки улыбок.

Хозяйка и лопухий щенок вдвоем вышли к незванным посетителям и поглядели на них с одинаковым простодушным выражением.

— Здравствуйте! — приветливо сказали оба, один по-собачьи, другая на русском языке.

Никто не ответил, даже милиционер. Истерично приподнятым, раздраженным голосом, уверенный, что говорит «сурово и жестко», он произнес:

— Соседи ваши жалуются на ваши несознательные поступки. Собаки ваши с кошками им мешают, шумят и гавкают день за днем...

— Ночью тоже, — поторопился добавить щуплый мужичонка, пьяница, которому в разное время суток доводилось исполнять в подъезде обрывки народных песен вопреки желаниям слушателей. Никто, однако, не напомнил об этом вслух — цель была ясна, и ее единство сплотило всех. Одобрительный хор голосов прогудел полное согласие.

— А что же делать? — растерялась хозяйка, — Они не могут совсем молча, они живые...

— В том и дело, что живые, — встрял опять пьяница, — если бы плюшевые, тихо было бы...

— Заведите себе игрушек, да картинок навешайте, будет красиво и без претензий...

Посыпались советы, один злее другого, женщина, часто моргая, смотрела на подступавших к ней людей. Она испугалась, ничего не понимала, но чувствовала себя в чем-то виноватой. Взяв на руки лопухого щенка, обняла его инстинктивным жестом защиты.

— Все, тихо, граждане, — неожиданно веско сказал милиционер. — Вопрос ясен. Займемся изъятием.

Он забрал у хозяйки щенка. Ей не пришлось в голову помешать этому. Дверь в квартиру распахнулась, и толпа азартно бросилась ловить животных. Все вокруг завизжало, замыкало, заверещало.

— Зачем вы?.. Куда их?.. — беспомощно лепетала женщина.

Кроме пьяницы, тащившего старую бесхвостую кошку, никто не услышал этих слов.

— В приют! — глумливо заорал он. — Не поняла, что ли? — и, дразня ее, вывалил слюнявый, обшарпанный, нечистый язык.

Невозмутимый лифт доставил вниз дикое стадо, издающее множество звуков. Женщина судорожно прислушивалась, пока не заглохли отчаянные визги и востор-

женная матерщина. Затем вошла к себе, машинально закрыла дверь. Из-под дивана выползла последняя кошка, прильнула к ногам хозяйки. Та села на пол, обняла ее, чувствуя страстную радостную благодарность к ней, перемешанную с темным горем. Долго и тяжело плакала, содрогаясь, захлебываясь, как ребенок.

— В приюте им будет хорошо,— говорила она кошке, понемногу успокаиваясь.— По телевизору показывали, как там собачки живут...

Никаких сомнений в словах пьяницы у нее не возникло.

Однажды бедняжка поведала мне эту историю.

— Соседи у меня хорошие,— рассказывала женщина,— разрешили оставить последнюю кошечку, когда узнали о ней. Одна даже в тот приют ездила, говорит, все здоровы, щеночки подросли, но мне туда ехать не велела, далеко очень. Я теперь бездомных собачек просто кормлю, домой не забираю, раз милиционеры не позволяют... А поглядите, какие сегодня утешительные облака. Точно ангельские крылья.

Больше я никогда не видела ее. Кто-то сообщил, что она заболела и умерла, спросила другого — ответил, нашлись, мол, родственники, увезли в далекий город. Имени маленькой женщины я не знаю, может, и говорили мне, по неясным приметам, совсем не о ней.

Недавно слышала в автобусе болтовню двух теток. Как я поняла, они давно не встречались. Сказано ими было много, но мне запомнилось только это:

— Сначала думала, с новой квартирой не повезло. Рядом одна полоумная жила, бездомное зверье собирала у себя. Шум, гам, вонища! Нет, не то, чтобы правда грязно, она убирала за ними, но всех раздражало... У меня племяш как раз милицейский колледж заканчивал. Я его подговорила, он мента изобразил, зверье у ней отобрали, подальше завезли и в расход, конечно... Ей сказали, что всех их в приют отправили. Она в самом деле на голову слабая была, поверила... Но я там уже не живу, ближе к центру квартиру купила.

Денис Козенко
(г. Самара)

КРАСОТА ПО-РУССКИ

Я — Козенко Денис Борисович, из Самары, с недавних пор — начинающий, с позволения сказать, прозаик. Пишу Вам по рекомендации Ханбекова Леонида Васильевича. С 2009 года являюсь членом литературного клуба «Московский Парнас». В одноименном альманахе в 2009 году было опубликовано два моих рассказа. В конце того же года вышла небольшая книжица моих рассказов «Говорят, судьба», и я был принят в Международное сообщество писательских союзов. Леонид Васильевич посоветовал обратиться к Вам на предмет опубликования моей прозы в журнале «Приокские зори».

Есть на Волге, чуть пониже Тольятти, удивительное, сказочное место — остров Середыш. Удивительность его и сказочность происходят главным образом не из красоты необыкновенной здешней природы, но из чистоты и опрятности, что для нынешнего Поволжья — явление крайней редкости. Исколесив всю Самарскую и близлежащие области вдоль и поперек, могу с уверенностью сказать — немного найдется мест, сравнимых именно по чистоте с Середышем. Такому феномену я лично вижу три главных причины. Первое — все-таки остров представляет собой часть Самарской луки, национального парка. Худо-бедно, но за ним следят. Периодически наезжают всякие природоохранные инспектора, развешивают таблички, дескать — территория национального парка, высаживаться строжайше запрещено. Но народ не больно-то и высаживается.

Вряд ли кого-то пугают эти запрещающие таблички, тут в дело вступает причина номер два: с точки зрения рыбалки Середыш, скажем прямо, заметно проигрывает. Есть на Волге куда более рыбные места. А потому браконьеров и рыболовов-любителей здесь отродясь не видывали. Простые отдыхающие тоже не часто балуют остров своим присутствием, и — слава Богу. Ведь у нас в обязательном порядке принято на летний отдых захватить помимо водки и удочки. И неважно, что, напившись, мало кто имеет желание разматывать снасти. Главное — принцип. Не на пьянку едем, а на рыбалку. На практике все наоборот получается, но это дело десятое. И кто же теперь поедет отдыхать на остров, где вся рыбалка заранее обречена на неудачу?

И, наконец, причина третья. Исключительно удачное естественное, географическое положение острова относительно течения Волги и местной розы ветров. Весь мусор, плывущий по реке, не прибывает к островному берегу, а наоборот — словно вымывает и уносит прочь, дальше, вниз, где он благополучно и оседает на других островах.

По большей части Середыш окаймлен достаточно широкой полосой песчаного пляжа. Песок на острове желтый, мелкий и... плотный, хотя применительно к песку это и не самое подходящее слово. Дело вот в чем. Песок здесь никто не тревожит, не шепуршит его своими пятками. Не бегают дети, не скачут волейболисты. От такого

одинокости и невнимания песок слеживается настолько плотно, что напоминает скорее снежный наст. Его поверхность такая ровная и гладкая, что поневоле задумываешься — а песок ли это? К тому же, когда ступаешь из воды на берег, то он скрипит, хрустит под ногами, точно январский снег.

За пляжем берег сразу и круто поднимается, и вся середина острова представляет собой небольшое плато, заросшее соснами и редкими лиственными деревьями, названия которых я не знаю. По земле можно смело ходить босиком, благо покрыта она густой и мягкой травой. Кое-где встречаются земляничные полянки. И нигде ни бумажки, ни бутылки, ни ржавой банки консервной. Словом, настоящий рай на земле, хотя рыбаки вряд ли со мной согласятся.

Пару раз во время наших ежегодных походов мы останавливались на Середыше переночевать, покупаться, да просто отдохнуть. Но недолго, все-таки мы и сами рыбаки, и ждут нас места хоть и не столь красивые, но богатые судаком, щукой и очень любимой мною красноперкой.

В этом году путешествовал с нами новый член экипажа, некто Вовка. Всю дорогу мы ему пели песни о Середыше, и когда, наконец, пристали к берегу, высадились, Вовка первым делом вымолвил: «Действительно — хрустит!» Это он о песке, не наврала, стало быть.

Прямо напротив острова — одна из Жигулевских гор, у подножия которой живописно расположилась небольшая турбаза. А где-то выше, по склону горы, проходит железнодорожная ветка. Поздним вечером, когда стемнеет, очень весело и приятно наблюдать с острова, как по горе светящимся червячком тащится пассажирский поезд. А снизу, с турбазы, доносятся взрывы хохота, и восторженные крики оповещают о том, что диск-жокей на танцплощадке сейчас поставит особенно популярную в этом году песню. Звук по воде разносится чрезвычайно хорошо.

Мы же поем у костра свои песни, пьем чай с конфетами. Нежданный порыв ветра вырвал у Вовки из рук конфетный фантик и понес вдоль берега. Наш новый матрос резво вскочил с места, словно молодой лось ринулся вслед беглецу, и в отчаянном броске настиг клочок цветастой бумажки. Торжественно, на вытянутой руке принес его к костру и устроил показательное сожжение. Проникся человек здешней чистотой, я так это понимаю.

От Середыша до Самары долетели за один день, благоприятствовал сильный и попутный ветер. Сроду бы не стали останавливаться, но нужно было пополнять запасы провианта и питьевой воды. Договорились по телефону с друзьями, обещали подвезти все необходимое прямо на берег. Обозначили место встречи. А надобно заметить, что таких мест в Самаре, где вот так запросто можно проехать на самый берег Волги, осталось, мягко говоря, немного. И дело не в какой-то необыкновенной заботе городских властей о чистоте береговой зоны. Просто в свое время хапнули, кто сумел, землицы на зеленых склонах практически задарма, понастроили коттеджей, перегородили все проезды шлагбаумами — все, приехали. Частная территория. И лишь где стоят пристани паромной переправы еще можно пробраться на своей машине до самой воды. В одно из таких мест мы и направили свой челн.

Да уж, непросто вот так сразу, после Середыша приставать к городскому берегу. Испытание не для слабонервных. Во-первых, пришлось заранее прыгнуть в воду в башмаках с толстой подошвой, дабы, не дай Бог, не распороть ногу о битое стекло. Да и расчистить площадку для нашего тримарана, поплавки у него нежные, надувные. Вопрос, как говорится, не столько в эстетической стороне, сколько в практической. Нам еще неделю путешествовать, судно беречь надобно. И руки-ноги тоже. Весь берег усыпан использованной пластиковой посудой, пивными бутылками, которые «благодаря» оригинальной форме не берут ни в одном пункте приема стеклотары. Проглядывающий кое-где среди гор мусора песок имеет нездоровый серый цвет.

Неподалеку от подъездной дороги растут полукольцом такие же серые кусты. Внутри полукольца уютно пристроилась компания бомжей. Вялыми, заторможенными движениями разливали какую-то бормотуху, не спеша, словно смакуя, выпивали, шушукались о чем-то и гнусно смеялись. Ладно, хоть друзья быстро подъехали, не сильно задержимся в этой тухлой гавани. Однако, машину поближе подгонять не стали, справедливо опасаясь за целостность колес. Пришлось коробки таскать метров двадцать, как раз мимо теплой компании. Погрузка уж близилась к концу, как я стал свидетелем удивительной сцены, навсегда врезавшейся мне в память. Пьяный бомж вывалился сквозь кусты в обнимку с такой же пьяной бомжихой, прямо мне под ноги. Намерения у бомжа были вполне очевидные. Он неуклюже лапал свою подругу, одновременно пытаясь сорвать с нее вонючие лохмотья. Вот уж не ожидал! Я почему-то и не думал, что бомжи тоже занимаются этим. На нас они не обращали ни малейшего внимания. Наверное, страсть поглотила всецело. Бомжиха притворно и неактивно отбивалась.

— Вань... ну ты это... ну перестань.

— Почему? — уныло мычал Ваня, скорее для приличия, нежели действительно хотел получить ответ.

— Ну... ты меня сначала поцелуй,— игривым до невозможности голосом скрипела обольстительница.

— Это еще зачем? — искренне изумился Ваня, и на секунду даже приостановил свои попытки овладеть желанным телом.

Ответ бомжихи поверг меня, как сейчас принято говорить, в шок. Я аж коробку с тушенкой выронил от удивления, и, кажется, от испуга. Впоследствии все уши своим друзьям прожужжал этим фантастическим рассказом, но мне никто не верил. А ведь ничего фантастического она не сказала. Ответ ее был прост и по-своему красив:

— Как это — зачем? Ну я же все-таки женщина.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ГОРЬКИЙ МЕД
(Цикл рассказов)

Родился в 1956 году. Член Союза писателей РФ, член Союзов журналистов России и Москвы, член-корреспондент Академии российской литературы. Лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова. Лауреат литературной премии «Московский Парнас» за 2007 г. Поэт и прозаик, известный публицист. Автор пятнадцати книг стихов и прозы.

ГОРЬКИЙ МЕД

Сколько себя помнит Зинаида Петровна, она всегда была пасечницей. Когда-то ее дедушка приохотил. Сначала помогала ему, лет примерно так с одиннадцати: разводила дымарь — специальное приспособление, которое раздувало дым и отпугивало отбившихся от роя пчел, потом научилась собирать воск, пергу, разбирать ульи. Дедушка ее хвалил.

А сегодня у Зинаиды Петровны день был особенный — ей исполнилось шестьдесят лет. И решила она, что пора бы и девятилетнего Антона, первого любимого внука, приохотить к пасечному делу.

Откуда мы все знаем, когда и как полученные в жизни навыки нам могут пригодиться?

Мальчик с удовольствием согласился помогать бабушке. Тем более, что раньше пчелок он боялся. До сих пор в семье из уст в уста передавалась история о том, как мама Антона, она же — дочка Зинаиды Петровны, в шестилетнем возрасте решила поиграть с пчелкой. Пчелка миролюбиво сидела на цветке и собирала нектар. Девочка подкралась к ней и схватила пчелку в кулачок. Через мгновение крик стоял такой, что даже из соседних домов мужчины повыскакивали с топорами и вилами в руках — думали, что случилось что-то ужасное. Сначала опухла ручка, потом стало опухать лицо — пришлось везти ребенка в больницу и вводить специальную сыворотку. Только на четвертый день ребенок стал приходить в себя. Вот как бывает: мама пасечница, а дочь безумно боялась любых крылато-кусачих тварей. Вот и Антону она строго-настрого наказала не подходить близко к ульям. Но мальчику же хотелось!

Зинаида Петровна с особой тщательностью одела на ребенка специальный костюм, приторочила сетку по возрасту и росту ребенка. В общем, внучек был со всех сторон защищен. На всякий случай в руки, защищенные перчатками, бабушка дала ему дымарь.

Прошли три улья, подошли к четвертому. Вдруг зоркий мальчик закричал бабушке:

— Не подходи к улью, не подходи, баба! Посмотри, на полочке лежит и шевелит лапками какая-то непонятная большая пчела!

Зинаида Петровна отстранила ребенка — мало ли что! А сама осторожно в своих высоких сапогах подкралась к улью. На летке лежала пчеломатка. Длинной она была примерно почти с два спичечных коробка — около 10 сантиметров, а грозный вид ей придавала широкая голова с вращающимися глазками. Пчеломатка время от времени быстро вращала головой и шевелила лапками.

— Антон, иди сюда, не бойся! — ласково заговорила успокоенная Зинаида Петровна. — Это пчеломатка. Раньше она была хозяйкой пчелиной семьи. Как я тебе рассказывала, пчеломатка — хозяйка всего улья. Ее слушали и ей подчинялись и рабочие пчелы, и трутни. Вот ей исполнилось два года. Она стала слабеть, перестала успевать за всеми следить. Мед становился хуже по качеству. Тогда пчелы на своем собрании выбрали другую пчеломатку.

— А эту, старую, куда же? — поинтересовался Антон.

— Вот она им уже не нужна. Они вытолкали ее из своей семьи, — пояснила бабушка.

— А почему они не стали продолжать ее кормить? Она же столько сделала для них. А многих даже воспитала и научила добывать нектар из цветов!

— Все ты правильно говоришь, внучек. Но такова жизнь пчелиной семьи. А то, что они добыли, они пчеломатке давать не хотят.

— Так они что, куркули? Жадины? Такие же плохие, как Сысоевы?

— Ну, внучек, Сысоевы — наши соседи, о них плохо говорить нельзя.

— Почему нельзя? — Мальчик стоял на своем. — Ты же сама возмущалась, когда 80-летнего дедушку Сысоева отвозили в дом престарелых. Тетя Валя, которая жена дяди Вити, который сын старика Сысоева, решила перевезти его туда. А все молча с ней согласились. А ты же сама кричала на дядю Витю, стыдя его. Так, значит, дедушка Сысоев — ненужная пчеломатка? — Мальчик задавал этот вопрос уже сквозь слезы.

Зинаида Петровна вдруг почувствовала, как стало сдавливать сердце, что ей не хватает воздуха. Она сорвала с себя сетку, и стала дышать ртом. Но воздуха все не хватало и не хватало. Она вспомнила материнский совет, что надо делать в этом случае. Нужно взяться правой рукой за мизинец левой руки и массировать его до тех пор, пока в самой маленькой фаланге не почувствуешь покалывание. Тогда приступ отступит.

Внук удивленно смотрел на бабушку и раз пятнадцать, наверное, задавал один и тот же вопрос: «А тебя в пальчик пчела сейчас укусила?» Зинаида Петровна видела, как внучек открывает рот, но вопроса его не слышала: очень шумело в ушах и почему-то давил затылок. Но минут через десять стало отступать. А мальчик все задавал и задавал один и тот же вопрос и плакал навзрыд — так ему было жалко бабушку. Наконец она услышала вопрос и согласно осторожно покивала головой. Говорить Зинаида Петровна почему-то не могла. Она медленно дошла до колодца, который давным-давно был оборудован на пасеке, спустила ведро вниз: цепь, разматываясь, ускоряла движение, а ведро билось о стенки колодца. И этот гул, привычный гул, почему-то способствовал тому, что гипертонический криз прошел сам по себе. Подбежал внук, стал помогать ей поднимать ведро.

Зинаида Петровна подумала про себя, что мальчик-то жилистый. Такой в жизни не пропадет. Ведро удалось поставить на бетонный край колодца. Зинаида Петровна сняла подвешенный тут же небольшой черпачок, зачерпнула и полила ключевую воду себе на голову, на лицо. Сначала было жутко холодно, даже больно, но потом стало приятно, пелена ушла с глаз. Уже разоблачившись от пчеловодческой амуниции и побросав все у крыльца, чего раньше Зинаида Петровна себе не позволяла, она бесильно присела на крылечко и вдруг поняла, почему так разнервничалась: неужели внук ее, вот этот Антошечка, любимый ею первый внук с выгоревшими от солнца волосами, когда-нибудь ее, как дедушку Сысоева, тоже отвезет в дом престарелых?

ПЛАТА ЗА ПОДВИГ

Когда-то это было довольно-таки неблизкое Подмосковье. Жил себе в Матвеевском в собственном доме Иван Данилович Голубев с многочисленным семейством, состоявшим аж из семнадцати душ. Когда колхоз развалился, то выделили Ивану Даниловичу огромный пай — по числу едоков. В начале XXI века стали приходиться к Ивану Даниловичу разные люди, которых он многочисленной родне представлял «лихими людьми», и все уговаривали старика отдать землю. Пытались действовать и через 55-летнего сына, и через 30-летнего внука, и даже через семилетнего Сему — правнука. Как-то он сел играть с дедом в шашки и после очередного неудачного хода, в результате которого потерял сразу три шашки, грустно вздохнул и философски промолвил:

— Вот так, деда! Хранишь, бережешь, а потом раз — и потерял. Я шашки потерял, а у тебя какие-нибудь лихие ловкие люди землю отберут!!!

— Кто это тебя, поганца, обучил такому?! — осерчал Иван Данилович.

Правнук испугался строгого дедова голоса, заплакал-захлюпал носом и убежал на всякий случай, а то вдруг дедушка обидеть захочет. Он знал-видел, что дедушка очень сильный и лучше ему под руку не попадаться.

Прибежала сноха — жена внука и стала было заступаться за ребенка:

— А чего вы моего обидели? Если мальчик не нравится — не водите.

Чтобы сноха не пыталась взять власть, даже хоть в одном жизненном эпизоде, осерчавшему Ивану Даниловичу пришлось цыкнуть и на нее:

— С людьми, особенно с молодежью, сладу нет — все хотят на своем настоять! Лучше пойду, со свиньями поиграю.

Он встал из-за стола, аккуратно сложил шашки, положил их на полочку, потому что знал, что еще не однажды пригодятся. А потом, важно вышагивая, пошел в сарай. Почесал за ухом свиноматку, шикнул на крысеныша, который неведомо каким образом оказался в углу сарая. Про себя подумал, что, вот, где-то запропастилась любимица семьи кошка-крысолов. Трехцветной масти и тигровой раскраски в полосочку, а то бы крысенышу несдобровать — мигом бы придушила.

От одного загончика пошел к другому, где сидел его лучший друг — восьмилетний свин Борис. Когда-то хотели полуторагодовалого кабанчика забить на мясо и сало, но Иван Данилович не дал, ибо уж больно смышленным оказался поросенок. То изображал, как собака крадется, то вставал на две задние ножки и кружился вокруг, танцуя вальс. Очень он был угоден Ивану Даниловичу. Но и это еще не все. Родился он пятнадцать минут первого утра первого января 2001 года. Так сказать, первый поросенок нового тысячелетия и нового века.

Свин встал на задние лапы и стал пяточком тыкаться в живот Ивану Даниловичу.

— Ну, ну, хватит, однако, — умиленно отодвигал от себя свина правой рукой хозяин. — Замусолишь всю фуфайку — потом не отстираешь.

Борис все понял и опустился на четыре ножки. Несмотря на то, что весил он без малого полтора центнера, был сноровистым и грациозным. Иван Данилович угостил его кусочком сахара и приоткрыл калитку. Борька выскочил на волю и радостно закружился вокруг хозяина.

— Ну, давай, пойдём, по двору побегаешь! — согласился с желанием животного хозяин. Борька носился по двору как угорелый, а за его свиной радостью слегка презрительно наблюдал кане корсо — мохнатая широколобая рослая собака родом из Италии. Собака считала выше своего достоинства допускать хотя бы малейшую шалость, ведь она была не простая собака, а породистая!

Вдруг скрипнула калитка. Трое наголо стриженных в коротких кожаных куртках молодых людей бесцеремонно вошли во двор и поинтересовались:

— Вы — бывший колхозник Голубев?

— Ну, я, — отвечал Иван Данилович.

И по тому, как нагло вели себя эти парни, и по тому, какой у них был «прикид», Иван Данилович понял, что его ждут какие-то неприятности. Было обидно еще и потому, что трое сыновей были на работе, четверо внуков также отсутствовали, так что на помощь ему прийти могли лишь две невестки да жена одного из внуков, с сыном которой — своим правнуком он недавно играл в шашки.

Чтобы показать свою «крутизну» и припугнуть 76-летнего старика, старший из неожиданных незнакомцев сразу взял быка за рога. Он вскинул правую руку и раздался сухой щелчок. Кане корсо прощально взвизгнул и забился в смертных судорогах возле конуры. Парень хрипло захохотал:

— Дед! Не выполнишь то, что мы скажем, пойдешь за собакой следом.

Внешне Иван Данилович был спокоен, но внутри все оцепенело, ибо он понял, что эти ребята не остановятся ни перед чем. Не на кого было надеяться, а ставить женщин под удар, в том числе, да еще и вместе с правнуком — бесчеловечно. Тянуть время представлялось излишним.

— Слушаю, — нарочито серым невзрачным голосом дал согласие участвовать в диалоге Голубев.

Меткий стрелок гоготнул, спрятал пистолет и расслабился — защитников у старика больше не было. Один из гостей представился:

«Познакомьтесь это — нотариус, а этот человек поможет произвести расчеты и посодействовать в учете всех интересов. Девяносто тысяч долларов за землю — и все довольны».

Иван Данилович глубоко вздохнул и подумал про себя, что всякому делу есть начало, а всякому времени есть свой конец. И нужно оставить себе огород, соток двенадцать-четырнадцать земли, а на остальное махнуть рукой — устоять против черной силы не было никакой возможности. Единственное, что мог себе позволить Иван Данилович при подобных условиях, так это отказаться приглашать «гостей» в дом. Встали возле поленицы с дровами. Нотариус засуетился, доставая экземпляры договора купли-продажи земельного пая. И вдруг раздался жуткий вскрик, который перешел в предсмертный вой. Посреди двора корчился убийца собаки. Хряк Борис мгновенно пересек полдвора, при своей массе, помноженной на скорость, ударил в спину ненавистного врага — мгновенный перелом позвоночника. Стоящий рядом с нотариусом парень сунул было руку в карман, но проворный хряк уже атаковал и его. Противник свиньи охнул, схватился за правое бедро и с диким стоном упал на землю. Хряк напрыгнул на него и стал бодать головой подобно разъяренному быку. Поблудневший испуганный нотариус захлопнул книгу, сдернул ее с поленицы, прижал к груди и умоляюще смотрел на Ивана Даниловича.

— Сам не знаю, что это со свиньей произошло, — удивился хозяин. — Встаньте за моей спиной и так и стойте.

Шустрости нотариуса позавидовал бы любой спринтер. Он мгновенно оказался за спиной Ивана Даниловича.

Свинью еле удалось отогнать. Заперли в сарае. Грозные похрюкивания раздавались минут двадцать, пока одна из снوخ не высыпала хряку Борьке ведро запаренной картошки с морковью и не посыпала еду обильно сахаром: животное довольно зачавкало.

Из ближайшей амбулатории приехала врач на «скорой». Сбитый хряком первый бандит в медицинской помощи уже не нуждался. Второго положили на жесткие носилки-щит и с большим трудом подняли в нутро машины «скорой помощи» — весил он, наверное, не меньше хряка. Милиция приехала только через час, следователи долго ходили возле убитого пса, что-то вымеряли. Пистолет нашли в куртке первого

бандита. Розыскники покивали друг другу — собака погибла от его выстрела. Так и не поняли причину смерти первого бандита: кто на него кинулся и кем был нанесен смертельный удар. Понятно, что 76-летний дедушка на подобные подвиги был неспособен.

А через два дня к усадьбе Ивана Даниловича Голубева подъехал неприметный грузовичок с матерчатым верхом, по бокам которого было написано «Районный мясокомбинат». Двое ловких людей набросили на хряка Борьку веревки, поставили настил, по которому сноровисто подняли его в грузовичок. Свин недоуменно хрюкал и пытался посмотреть в глаза хозяину. Иван Данилович отвернулся, а потом медленно пошел по двору в дом. Впервые в жизни он не закрыл за собой ворота — поступил не по-хозяйски.

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В один из январских выходных дней на кухне у семьи Слепцовых между супругами возникла небольшая размолвка:

— Сидишь, все кроссворды разгадываешь! — попрекала мужа Василия благоверная. — Сходил бы хоть на рынок, ведро картошки купил. Надоело есть пельмени да лапшу.

Муж покаянно покивал головой и стал одеваться, хотя из семейного уюта в стылый пятнадцатиградусный мороз уходить ой как не хотелось.

Зато на рынке повезло. Приехавший из города Сасово Рязанской области продавать собственную картошку и моркошку (как выражаются, говоря о моркови, сами рязанские — И.Н.) хотел побыстрее распродать свой товар, а потому соглашался на скидки почти в половину меньше ранее назначенной цены. Хорошо, что Василий взял с собой тележку. Потому и купил целый мешок. Споро привез поклажу домой, поставили мешок на кухне, настелили газет и аккуратно разложили картофель — сохнуть от налипшей земли.

А на следующий день вечером читал Василий на кухне газету и прихлебывал чай. Вдруг ему показалось, что по полу мелькнуло что-то маленькое черное. Василий удивленно похмыкал, но не придал этому значения. Зато через несколько дней супруга продемонстрировала ему разорванный целлофановый пакет и несколько обгрызенных макарон:

— Вася, а у нас мышка завелась.

— Дорогая, откуда на седьмом этаже может быть мышка?

— Не знаю, но вот видишь!

Погрешили было на четырехлетнего сына: может быть, он играл с макаронами и погрыз, покусал — разорвал пакет. Напрямую спрашивать у ребенка ничего не стали.

Зато Василий, возвращаясь на следующий день с работы, зашел на рынок, встретил того же рязанского продавца и поинтересовался:

— А не могла ли мышка попасть вместе с картошкой в мешок?

Тот охотно подтвердил догадку и достал небольшую бутылочку, в которую налил темно-коричневую вязкую жидкость:

— У вас какая-нибудь старая зубная щетка дома есть? Намажьте кусочки картона, в нескольких местах положите. Мышка пробежать будет — обязательно завязнет.

Разложили картон в нескольких местах. Ходили осторожно, сына на кухню не пускали. И доморощенным охотникам — супругам Слепцовым — улыбнулась удача: собиравшийся ранним утром на работу Василий зашел на кухню, включил свет и увидел приклеенного к картонке мышонка. Вдруг он услышал, как сзади по коридору топает малыш. Он тоже зашел на кухню и радостно закричал:

— Папа! Папа! Смотри! К нам в гости мышка пришла!

Мышонок, неестественно нахохлившись, сжался.

— Папа! А почему у него слезки текут?

Василий не заметил, как малыш встал на четвереньки и подполз к страдающему мышонку. Отец подхватил малыша на руки и строго сказал: «Быстренько спать! А мышонок кушать хочет, я его накормлю!» Прибежавшая из ванны жена схватила сына и унесла в детскую. У Василия окончательно испортилось настроение. Он собрал все картонки, в том числе и ту, к которой приклеился мышонок, и засунул в полиэтиленовый пакет. На улице выбросил в мусорный бак. День прошел суетливо, как-то нерадостно. А в ушах все слышался сыновний голос: «Пап! А почему мышка плачет?»

Вечером жена приготовила ужин и начала хвалить картошку:

— Смотри, сасовская картошка-то вкусная, рассыпчатая! И хранится хорошо зимой.

А малыш все ходил по кухне, заглядывал по углам и спрашивал:

— Папа, а когда мышка кушать придет?

БОГИ БАРБУДКИ

1

В начале марта в средней полосе России рассветает поздно. Хмарь висит вокруг, а солнечные лучи с трудом пробиваются к земле. В одиннадцатом часу утра поезд прибывает на узловую станцию — в один из райцентров Брянской области. Кто-то дремлет в купе, кто-то читает, но все реагируют на визгливый голос проводницы:

— Уважаемые пассажиры! Стоянка поезда 35 минут! Можете выйти на перрон, однако далеко не уходите.

В окна стучат небольшими удочками. Выглядываю и вижу, как замотанные в платки старухи и женщины средних лет протягивают вверх какие-то пакеты. С утра уже поддавший попутчик, рыхловатый мужчина лет 35-ти, круглолицый, с добродушным выражением лица, радостно крикает:

— Эхма! Щас возьму картошечки с солеными огурчиками. А может, у какой бабки и наливочка домашняя к поезду принесена! Так время до обеда весело и пройдет.

Я переспрашиваю еще раз название станции и понимаю, что это конечный пункт моего маршрута — мне как раз в одно из учреждений этого городка и надобно прийти не позднее 12-ти часов, чтобы выполнить данное мне важное поручение. Попутчик идет следом за мной, радостно балагурия в предвкушении удовольствия. Едва спускаюсь на перрон, как меня окружают с десяток пожилых женщин и с ласковой настойчивостью уговаривают:

— Поешьте домашненького! Поешьте тепленького! У нас все уже упаковано! Пятьдесят рублей!

Я смотрю на пластиковые коробочки, разделенные на три отсека. В одном из них, самом большом, картошечка, которая плавает в постном масле. В другом отсеке несколько малосольных огурчиков, а в третьем — небольшой желтенький стаканчик. Это, видимо, или самогон, или домашняя наливка.

Хвалю перронных продавщиц:

— О, как у вас сервис налажен! Уважаєте, однако, покупателя!

Да неужели!!! Лишь бы вы купили, а мы и приятного аппетита пожелаем, и покажем, где вход в вокзал, чтобы в нормальных условиях могли покушать! Да там и буфет есть еще!

Не знаю, у кого и прикупить, тем более, что наборы различные — есть и с колбасочкой, и с кусочком хлебушка, правда, и цена поболее. А выпивать с утра, идя в

присутственное место, совершенно нельзя. И вдруг чувствую на себе чей-то взгляд. Оглядываю лица продавщиц и вдруг вижу перед собой открытое русское лицо, обрамленное тонкой узорчатой шалью. В народе такие шали зовут «пушинками», потому что они с виду тонкие, но зато очень теплые благодаря козьему пуху. Она ничего не предлагает, а просто держит у ног большую туристическую сумку, из которой исходит парок. Я сразу иду по направлению к ней. За спиной слышу визгливый завистливый голос одной из товарок:

— Барбудке опять повезло! И почему все у нее сразу берут?!

— Ничего, быстрее продаст — быстрее уйдет! А у нас еще семь поездов впереди!

Эта крепкая сплоченная когорта знает расписание движения поездов, знает, где какой вагон останавливается — все поделено без всякой сухаревской конвенции, но с чисто провинциальным практицизмом. «Мое не трожь, а я к тебе на территорию не влезу!» Насколько я понимаю, эти два вагона были как раз территорией Барбудки.

Судя по пластиковым пакетам и по моему аппетиту, я понимаю, что могу съесть и несколько порций. Спрашиваю у нее, а она мне в ответ ласково улыбается и говорит, что осталось три упаковки, в одной из которых домашняя капуста, а в двух других — картошечка и огурчики с хлебом.

Вызвалась меня и проводить. Вход в вокзал находится где-то сбоку, проходить надо через длинный пахнущий рынком, мрачноватый коридор, где стены выкрашены темно-зеленой масляной краской, а тусклые лампочки не навевают радостных мыслей. Однако попадаем в довольно просторное помещение зала ожидания, где установлены несколько столиков, на которых стоят подставки с салфетками, горчицей, солью и перцем.

Как и всякая хозяйка, которая сама готовила снесь, моя продавщица-проводная сервировала столик, пожелала мне приятного аппетита, а сама уселась напротив, радуясь тому, как я улетаю все за обе щеки.

После еды как не поговорить! А потому интересуюсь:

— А почему вас называли Барбудкой? Что это за прозвище какое-то непонятное?

Женщина вздыхает, и говорит:

— Вот сейчас мне пятьдесят три года. А называли меня так двадцать три года тому назад. — Замолкает, горестно вздыхает. Натруженной рукой смахивает слезинку с левой щеки, а потом предлагает:

— А если хотите поговорить по душам, приглашаю на обед!

Тут я, как и все москвичи, проявляю бестактность — протягиваю ей деньги. В ответ вижу укоризненный взгляд. Уговариваемся о встрече.

На удивление быстро решил все свои командировочные вопросы. Прежде, чем идти в гости, нашел продуктовый магазин и накопил всякой снесь, чтобы хоть как-то отблагодарить за вокзальное угощение.

2

За что люблю маленькие города, так это за ухоженность дорог, за приветливость жителей, за их словоохотливость, когда интересуешься, как пройти к нужному месту. Для местных общение с приезжим — уже событие:

— А чей-то приезжий из Москвы туда-то к тому-то идет? Интересно! Да неужели!!!

Несколько раз переспрашивал дорогу. Дом Валентины Павловны многие знают, несмотря на то, что в райцентре живут без малого тридцать тысяч человек: кто-то с кем-то учился, кто-то состоит пусть и в дальнем, но родстве, у кого-то дети учились вместе или ходили в Дом пионеров, а то и занимались вместе в музыкальной школе или в спортивной секции, а у кого-то родня соседствует. Вот через эту-то родню Валентину Павловну и знают. Так и дошел я до нужного мне адреса.

Дом выглядел также завлекательно по-доброму, как и ласковый взгляд Валентины Павловны. Первый этаж — из добротного белого кирпича, а второй, мансардно-чердачный, — деревянный. Крыша покрыта оцинкованным железом — надолго хватит противостоять осенне-весенним дождям, да снегам. Едва нажал на кнопку звонка возле калитки, как хозяйка вышла на крыльцо, кутаясь от ранне-весеннего холода в телогрейку. В горнице меня поразила божница. Вместе соседствовали и старая икона, и цветная литография из «Огонька» с изображением «Троицы» Андрея Рублева и черно-белый портрет Фиделя Кастро. Лампадка потрескивала и давала ровный слегка голубоватый свет.

— Сначала гостя попотчую, а потом поговорим, — предложила Валентина Павловна.

Пришлось поднять тост и за хозяйку, и за ее гостеприимство, и за уютный дом, и за будущие радости.

Этому тосту хозяйка обрадовалась больше всего, даже чуть-чуть всплакнула.

В это время раздался мелодичный звонок — кто-то пришел.

— Это свекровь моя, Матрена Николаевна, — засуетилась Валентина Павловна. К нашей трапезе и к беседе присоединилась невысокая чистенькая старушка, слегка иссохшая от времени и, возможно, от пережитого горя, ибо глазницы у нее были все в морщинах, что является неременным доказательством частых расстройств. Невольно вспомнилась пословица «Слезы горе вымывают, да следы-морщины оставляют».

3

Валентина Павловна по-бабьи приперла щеки кулачками и тяжело вздохнула:

— Ой, чего нам только пережить пришлось с этой радиацией! На реке Припять 26 апреля 1986 года в Чернобыле произошла авария на атомной электростанции. Радиация дошла и до Брянской области. Большая беда пришла в райцентр: ребятишки гуляли весь день до позднего вечера, а уже 27-го апреля у некоторых пошла кровь из носа, стали чесаться веки. Мой Андрюшечка начал исходить кровью. Спасибо матери-свекрови: и тампоны с постным маслом в ноздри засовывала, и забили двух курочек, их печень в мясорубке измельчили и давали пить-есть вместе с гранатовым соком. Кровотечение прекратилось. Мы никто не понимали: что за напасть такая! А ведь моему ребеночку было всего десять с половиной лет! Но также заболели и его сверстники, и ребята постарше, и помладше. Врачи терялись и не могли правильно поставить диагноз. А 28-го пошли слухи про радиацию. Я послала мужа в Москву, чтобы все разузнал и купил счетчик Гейгера. Он обернулся за день — чуть свет выехал на проходящем поезде и ближе к полуночи вернулся. Приехал весь бледный, губы искусаны, в глазах страх. Он привез московские газеты, он пересказывал различные новости. Но, самое главное, в районе станции метро Красногвардейская он нашел больницу, где лечат от радиации. Там же неведомыми путями прошел на территорию, поговорил с несколькими врачами и в аптечном киоске купил необходимые на первое время лекарства. Денег не хватило — все лекарства импортные, в основном швейцарские и немецкие, а потому он снял с себя золотые часы и продал охраннику практически задешево.

Так время в нашей семье Наумовых остановилось. Андрюша таял на глазах. Свекровь стала бегать по знахаркам и по приворотницам. Сыночку в постель набрасывали гречишную шелуху и давали пить крапивный отвар — четыре раза в день. Корень ревеня выжимали и эти капли в чистом виде заливали моему ребеночку в нос. Он вырывал пипетки из моих рук, кричал. Боже мой, сколько сил приходилось тратить на уговоры! Но кровотечение мы сумели остановить. А уже через три недели не стало его лучшего товарища, с которым они в классе сидели за одной партой и вме-

сте играли на улице. Я Андрюшечке об этом больше года не говорила — так мне врач посоветовал.

Кормили нешлифованным рисом. Кашка была жиденькая-жиденькая, иначе он есть не мог. На голове были какие-то пятна типа лишая. Какими только мазями ни мазали, а помогла мазь Вишневского. Сыночек даже во двор стеснялся выходить — так весь пропах разными лекарствами. Купать его было нельзя, потому что начиналась аллергия. Приходилось брать большую лейку, специально купили капроновую на 4 литра, и поливать его. Затем медленно промокали воду. И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц. А на местном погосте появилась целая аллея из четырнадцати друзей Андрюшечки. Мама-свекровь какие только молебны ни заказывала, по каким пустыням ни ездила — наш мальчишечка если и не слабел, то и особых улучшений у него не было.

Каждый день приходилось менять постельное белье. Все семейные запасы быстро иссякли. В то время из Иваново приезжали женщины, которые торговали комплектами постельного белья, которое им выдавали на фабрике частично вместо заработной платы. Когда женщины узнали о пришедшей в семью Валентины Павловны беде, то продавали ей все максимально дешево — сострадали.

4

И вдруг семье Наумовых повезло: выявляя хронических больных, особенно детей, облздравотдел подал заявку в Минздрав СССР на включение группы детей из Брянска в общий список для лечения на Кубе.

— И соседки, и родня мне советовали не делать этого, не отдавать свою кровиночку, — вспоминает Валентина Павловна.

— Я очень колебалась, муж от переживаний вообще почернел. А тут пошла я с подружкой навестить могилу Витюшечки, лучшего друг моего Андрюшечки, и смотрю: на четыре могилы стало больше. Прямо на кладбище мне сделалось плохо. Хорошо, что у кого-то были с собой таблетки от сердца, иначе там бы я и осталась. Плакать я уже не могла — я давно уже вся исплакалась. Пришла домой, а муж только с одним вопросом: «Ну?» Я сказала, что сын должен лететь на Кубу. А соседки шипят мне в ухо:

— Что же ты, Валюха, своего сына не любишь? Неизвестно где и помрет.

Так я разругалась со всеми соседками. От нашей Брянской области поехало девятнадцать детей, мы, матери, старались вообще не смотреть в глаза друг другу. И чужих детей жалко, а своих еще больше. Мы дали сами себе молчаливую клятву: при детях не плакать. А Андрюшечка все держал мою руку и спрашивал: «Мама, ты меня не бросаешь?» Каждое его слово — он у меня кусочки из сердца вырывал.

Не было его почти полгода. Новости узнавали через Москву, потому что до Кубы не дозвониться. Я настолько нервничала, что сына не вижу, что решила даже по родне деньги собирать — на Кубу ехать. Но разлуку нам скрашивали — каждые двадцать дней присылали рисунки детей. Там среди детишек тест такой был — какой я вижу маму, какой я понимаю жизнь. Тамошние врачи в том числе и через рисунки проверяли эффективность лечения. Оказывается, ребенок в рисунке выражает свое состояние. Я все эти рисунки хранила и сравнивала. И поняла, что он не умрет, а вернется ко мне живым.

Через полгода Андрюшечка с друзьями вернулся. Никто не умер. Те, кто не мог ходить — ходить стали, те, кто мог ходить — стали более выносливыми. У всех ребят прекратилось кровотечение из носа, все они научились плавать. По вечерам я слушала диковинные рассказы Андрюшечки и с трудом верила тому, что он говорит. Жили они в домиках типа барака на берегу океана, принимали строго по часам таб-

летки, выпивали по целому кокосу на двоих. А еще их сажали в шезлонги на берегу океана рано утром и по вечерам и заставляли смотреть вдаль и делать дыхательную гимнастику. Болезнь перестала прогрессировать.

Когда я приехала с Андрюшечкой домой, то столько завистливых взглядов мы с ним почувствовали! Тогда же я фотографию Фиделя Кастро прикрепила на самое почетное и оберегаемое в нашем доме место. По ночам стала молиться, обращаясь и к Фиделю Кастро тоже. Сыночек рассказал мне, что Фиделя Кастро друзья называли «Барбудо» — «Бородач».

Еще через полтора года сын во второй раз поехал на Кубу. Приехала другая чиновница из облздрави и попыталась исподтишка вымогать деньги. Говорила о том, что как везет вашим детям, что они еще раз побывают на Кубе, что это она изо всех сил старается и для моего Андрюшечки тоже. Мы ей дали сто рублей, чтобы ненароком не нагадила и не помешала его лечению. Двое наших соседей своих детей посылать отказались. Хочу сказать, что они потом пожалели об этом: одна девочка через три года умерла, а у мальчика произошла дистрофия мышц ног и ходить он самостоятельно не может. Андрюшечка во второй раз пробыл на Кубе четыре с половиной месяца. Когда приехал обратно, то я посмотрела ему в глаза и поняла, что он будет жить.

Пригласила бабушку Надю-приворотницу. Она ходила вокруг двенадцатилетнего Андрюшечки без малого полтора часа. Все что-то шептала, разбрасывала вокруг него какие-то травы. А потом вынесла свой вердикт: «Все у твоего мальчика будет, и семья будет, и работа будет, и продолжение рода будет!»

5

Конечно, Валентине Павловне выпало очень много переживаний: в 1992 году от инсульта умер муж, ее нигде не хотели брать на работу, опасаясь, что раз она ухаживает за мальчиком, который был облучен, то и у нее есть радиация. А значит, и другие могут от нее тоже заболеть. Это невежество угнетало и возмущало Валентину Павловну. Но ничего поделать с обывательскими разговорами она не могла. И вот уже пятнадцать последних лет ходит к поездкам и продает картошку, огурчики, капустку, хоть как-то перебиваясь в этой жизни.

— Зато я Андрюшечку сохранила,— светится счастьем Валентина Павловна.— Сейчас ему уже тридцать три года. Два года назад сумел жениться: девки все за него замуж не шли, думали, что порченный какой-то. А тут к нам переселенцы переехали — русская семья из Казахстана. Он с ихней Наташей и познакомился. Она в Семипалатинске в детском саду музыкальным работником была. А Андрюшечка в детстве ходил в музыкальную школу, учился играть на фортепьяно. Пришла она как-то к нам в гости, стали они в четыре руки какую-то песню играть, а я сижу на кухне, реву беззвучно. И прошу Бога: хоть бы им вместе быть! Молитвы мои Бог услышал — они поженились. А сейчас она беременная, представляете, счастья-то сколько! А я теперь к поездкам не один, а три раза в день хожу! Сколько денег понадобится! Вот я и стараюсь.

6

А стараться приходится о-е-ей! Первый проходящий поезд через узловую станцию идет в начале шестого утра. Валентина Павловна встает в половине четвертого, варит картошечку, затем перекладывает в пластиковые судочки, посыпает укропчиком, кладет два малосольных огурчика, два тоненьких кусочка черного и белого хлеба, добавляет две столовые ложки квашеной капусты. Если повезет — зараз можно продать семь-восемь порций. Цена стандартная — 50 рублей. Валентина Павловна с

грустной усмешкой говорит, что проезжающие и здесь стараются поторговаться, чтобы сбить цену. Но все продавщицы стоят на своем.

В предрассвете по замерзшим лужицам, а бывает и в распутицу, идет она каждое утро на вокзал. А дома спит ее счастье, ее кровинушка — Андрюшечка, молодожен, будущий отец. Руки у парня золотые — прекрасный столяр. И шкафы-купе сам делает, не хуже, чем в московских мебельных салонах продают. А еще мастерит разные этажерки, комодики... Полрайцентра у него в очередь записано. А вот на работу молодого мужчину не берут, потому что официально читается инвалидом третьей группы. А если вдруг заболит, то все издержки лягут на предприятие. А у нас-то нынешние российские капиталисты деньги скорее в бане или в ресторане оставят, чем поддержат своего же соседа-земляка.

Смотрю на часы — седьмой час вечера. Недолго по времени до моего поезда — пора возвращаться обратно в Москву. Валентина Павловна всплескивает руками и начинает быстро, но в то же время аккуратно чистить картошку: два поезда пройдут, может рублей триста-четыреста заработать удастся!

А на прозвище она не обижается! Каждый поздний вечер за пятнадцать минут до полуночи она повторяет ею же сочиненную молитву: «Слава тебе, райская земля Куба! Слава тебе, Фидель Кастро! Слава вам, замечательные кубинские врачи! Мой приговоренный к небытию сын жив, и живет благодаря вам!» Она крестится истово, в течение нескольких минут, затем на несколько секунд застывает в согбенной позе, потому что колени начинают сильно болеть, а поясницу тянет. Как становится полегче, опираясь двумя руками о кровать, медленно встает. Затем сидит на кровати, растирает колени.

Валентина Павловна никогда не глядится в зеркало, потому что боится встретиться глазами не с той, которой себя помнит, а с превращающейся в старуху женщиной. Но она не старуха, она — крепкий столб, который ставили раньше посреди избы. На нее опираются все: и мама-свекровь, и любимый сыночек Андрюшечка, и милая сердцу невестка. Поэтому она должна держаться, чтобы тянуть нить жизни и судьбы семейства Наумовых дальше — в будущее!

ТЕЩИН ЗАКЛАД

В дикий рынок Валерий окунулся еще в 1988 году — в прошлом веке. При одном из столичных райкомов комсомола стали развивать НТТМ — научно-техническое творчество молодежи, предназначенное для поощрения инициативы старшеклассников и студентов, предприимчивых молодых людей, которые хотели что-либо из своих разработок внедрить в производство.

Друг Валерия подсуетился первым и на базе одного из техникумов начал проводить видеосеансы: продавал входные билеты за 30 копеек, но сами билеты не выдавал. В душной классной комнате набивалось по 50—70 человек, все было внове, все казалось необычным и притягательным — сладость зарубежного быта. Показывали в основном слегка закамуфлированную порнографию.

Валерию было уже 26 лет. Он понимал, что путь, по которому идет друг, может когда-нибудь кончиться разбирательством с милицией, а то и уголовным преследованием. Поэтому он решил пойти своим путем: открыл музыкальный ларек. В райисполкоме ему пошли навстречу, тем более что новоявленный предприниматель не только обещал знакомить с записями лучших прогрессивных зарубежных певцов и музыкальных групп, но и был представителем современных бизнес-веяний, что подтверждалось и рекомендацией из райкома комсомола. Валерию выдали выкипировку и распоряжение райисполкома о месте нахождения ларька. Сгоревший и заброшен-

ный табачный киоск давно уже был бельмом на глазу у местного начальства. А вдруг у молодежи получится — подумали в райисполкоме. Валерий с друзьями не стал ремонтировать старый киоск, а вывез его. Откуда-то привез новый, сверкающий хромом и пластиковыми окнами. По вечерам маленькие лампочки загорались в яркую иллюминацию, а пульсирующий свет разноцветных огней манил посетить «мьюзик-халл» — музыкальный зал.

Никакого зала не было, но было окошко, где сидела привлекательная продавщица и, пошучивая с молодежью, предлагала буквально все, чего душа пожелает. Здесь были и кумиры прошлых лет, и современная музыкальная «попса», пользующаяся спросом у молодежи. Подобная всеядность — от «Биттлз» и «Лед Зеппелин» до «Ласкового мая» и Богдана Титомира приносила свои плоды — живые неучтенные деньги, часть которых не нужно было куда-то перечислять в качестве авторского вознаграждения. Плата за место была чисто символическая, продавщица была честной, потому что ей было приятно быть центром внимания у молодых людей. На этой самой продавщице, 22-летней Анечке, Валерий и женился. Сделал он это не без умысла: во-первых, возраст у него приближался к 30 годам; во-вторых, свою преданность она ему уже в работе доказала и репутация ее как девушки была безупречной; а в-третьих, став женой собственника ларька она уже работала не только за зарплату и за страх, но и за совесть: работала-то теперь и на себя!

У Анечки была мама. Теща оказалась пронырливой и пробивной теткой. Где-то на мясокомбинате она дешево брала колбасы разных сортов, а по вечерам разносила заказы по квартирам близлежащих домов. Мясные продукты были дешевле, чем в магазинах, а качество их было несравнимо лучше с побывавшими ранее в холодильных установках. В середине 1992 года возникла уникальная ситуация: доллар можно было купить еще за 7—8 рублей, автомашина «Волга» пока еще стоила 60—65 тысяч, а денег уже было в виде советских еще рублей великое множество.

Теща и сподвигла Валерия: покупай доллары и золотые изделия. Когда в 1993 году все рухнуло, Валерий увидел, что накопленные — скупленные по дешевке доллары превратились в самый ходовой товар. Однокомнатную квартиру можно было купить за две тысячи долларов. Он и купил три квартиры, потратив 11 тысяч долларов.

Работа в музыкальном ларьке была не такой веселой, яркой и праздничной, как казалась со стороны. Все время приходили какие-то ребята и требовали денег, иначе грозились сжечь. Местная власть тоже почувствовала вкус денег и ненавязчиво требовала внимания в виде подарков, оплаты обедов в ресторанах и даже выделения средств для поездки за границу. Пока это все было дешево и в допустимых пределах, Валерий по совету тещи терпел. Но потом, видимо, в сферу мелкого розничного товарооборота пришли серьезные криминальные авторитеты, потому что претензии к Валерию стали расти и расти. Он видел вокруг, как слегка разбогатевшие ребята очень быстро оказывались у разбитого корыта: у них путем создания искусственного долга впоследствии в качестве его возмещения забирали и машины, и электронную аппаратуру, и даже... квартиры. Что оставалось делать в такой ситуации?

И Валерий оформил все три купленные квартиры на тещу. Анечка не возражала, тем более, что уже родила двойню и была поглощена семейными заботами.

Теща поступила очень осмотрительно: предложила своему любимому зятю остаться проживать в ее муниципальной неприватизированной двухкомнатной квартире вместе со своей дочерью, а сама заняла однокомнатную из вновь купленных. Две квартиры начала потихоньку сдавать — за доллары.

Валерий потом не однажды благодарил мысленно тещу за осмотрительность, потому что в середине 1994 года его из бизнеса выдавили: пришел какой-то рыбoglазый белокрысый парень и сказал, что дает за ларек полторы тысячи долларов, дает два часа, чтобы он вывез весь свой товар, в противном случае ежедневно его долговые

обязательства (неизвестно за что — неизвестно кому — и неизвестно на какой период) должны быть оплачены или будут увеличиваться. По всему выходило, что нужно было побыстрее освобождать место или ждать неприятностей. Надежды на милицию не было, потому он решил с этим видом бизнеса «завязать». К тому времени не было уже и комсомола, так что ни перед кем отчитываться Валерию не пришлось. Теща потихоньку продолжала «колбаситься-мясниться», а Валерий ее везде развозил. Но в 1998 году во время очередного дефолта и этот семейный бизнес рухнул, потому что доллар резко подорожал, а цены отпускные на мясокомбинате фактически сравнялись с магазинными — рыночными. Прибыль с трудом окупала затраты на горючее, содержание машины и получение небольшой зарплаты. Тогда Валерий вспомнил, что в свое время окончил МАДИ (Московский автомобильный институт) и вместе с группой друзей организовал строительную фирму. Конечно, больших денег это уже не давало, но на плаву сохраняться помогало. Кроме того, удалось легализовать 25 тысяч долларов, что способствовало возможности чувствовать себя более стабильно.

Увы, все когда-то кончается. Валерий склонен считать, что его кто-то сглазил, жена Валерия Анечка, еще недавно бойкая продавщица, а ныне — заматеревшая домохозяйка, считала, что любовь прошла, а жизнь одна, а серые будни изводили непреодолимой скукой. Двойне исполнилось по 17 лет, мальчики поступили в вуз. Постаревшая теща стала непереносимой — ворчливой. Дело потихоньку покатило к разводу. Им все и кончилось.

Перед разделом имущества в коридоре райсуда Валерий спросил у тещи: «Не отдадите ли вы мне двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме на Коломенской?» Теща ненавидяще посмотрела на зятя, который совсем скоро зятем быть перестанет, и показала ему кукиш:

— У тебя, Валерий, ничего нет, а потому уматывай побыстрее и ничего не проси.

После без малого двадцатилетнего периода жизни услышать подобное было неслыханным оскорблением. Однако препирательства типа «а я все купил, а вы сидели просто рядом» продолжались до тех пор, пока секретарь не пригласила всех в зал суда. Тут уже родственники сцепились основательно. Судья слушала-слушала, да и отложила заседание.

Кто-то из друзей надоумил Валерию искать адвоката, поднаторевшего на жилищных вопросах.

У настоящего специалиста в любой работе всегда есть собственные наработки, так называемые «ноу-хау», которые и делают его нужным, необходимым и квалифицированным как в глазах страждущих помощи, так и во время судопроизводства. Одну квартиру удалось все-таки переоформить на Валерию — тем более с учетом требований нового Жилищного кодекса, действующего с марта 2005 года.

Супруги разъехались, теща осталась в своей квартире, у Валерия теперь тоже есть крыша над головой. Но желание уйти от любой социальной ответственности перед государством обернулось личной драмой.

Яков Шафран
(г. Тула)

ТАК ЧУВСТВУЕТ СЕРДЦЕ
(Цикл рассказов)

Родился в поселке Брагин Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 году окончил Тульский политехнический институт и в 1997 году высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов — «Любимая, прости» в 2008 году и «Спасение рядом» в 2009 году. Участник поэтических сборников. Имеет свои странички на литсайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>. Живет в Туле.

РОДИНА

Как-то задумался о том, что для меня было родиной лет тридцать тому назад и что теперь. И оказалось, что родина — это пространство постоянно расширяющихся сотканных сердечных связей! Поначалу это могут быть родители, дети, близкий человек, и только.

А теперь представьте, связи множатся и разрастаются, включают в себя знакомых, друзей — близких и далеких, любимых места, и не обязательно только там, где живешь, а по всей стране, любимых русских писателей, художников, музыкантов, мыслителей, твои хорошие мысли, чувства, работу, которую делаешь с душой, совершенно незнакомых тебе людей, о которых хорошо подумал, посочувствовал, к которым проявил милосердие, или которые проявили это все по отношению к тебе, посаженное тобой деревце, читателей, понимающих тебя, города, реки, горы и леса, все, что способно охватить твое любящее сердце...

Этот список можно продолжать и продолжать... И чем больше будет это пространство сердечных связей, тем больше будет родина. Просто так чувствует сердце!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Утро, необычно теплое после череды холодных июньских дней, встретило приятным ветерком. Люди и машины еще спали, и воздух был прозрачен и чист. Тенистая аллея березовой рощи, давний друг, хвалилась своей ухоженной асфальтированной дорожкой. О ее необходимости в свое время писал, чтобы роща стала в любую погоду и во все времена года местом занятий физкультурников.

Один из них и бежал сейчас по алее, а сквозь кроны густых берез поблескивало чистое голубое небо и долгожданное ясно-солнышко. Роща была безлюдна, если не считать единственной собаки, которая прогуливалась своего хозяина, таща его за поводок.

Но вот поворот, и разливанное море солнца ослепило и напомнило о лете. Заиграли бесчисленные бриллианты росинок, рассыпанные по широкой поляне чьей-то щедрой рукой. Захотелось остановиться и окунуться в эту красу... но зарядка требовала хотя бы одного-двух километров легкого бега трусцой...

Еще поворот, снова тень... Но что это?.. Несколько совершенно сухих стволов, пни... Пожелтевшая трава... А вокруг ярко зеленеющая листва. И склонившиеся к этому месту, как бы сочувствующие, березы...

Впереди то тут, то там, среди старых домиков окрестных жителей, сказочными замками виднеются уже добротные двухэтажные коттеджи. За ними видны многоэтажные дома. А между домиками, коттеджами и рощей — обычная проселочная дорога, и по ее краям, со стороны рощи, растут садовые яблони и груши, вишни и сливы... Какой плавный переход от города к селу и роще, все связано и так щемяще красиво!

Тропинка уходит вглубь. Вокруг березы, березы... Прямые, стройные, одноствольные, и двуствольные, начиная от земли, или высоко в ветвях, а есть и трех-четырех ствольные, на любой вкус. На некоторых из них с северной стороны маленькие островки золотистого мха. И внизу заросли — горделиво неприступная крапива, серебристые колосья и добродушно развесистый лопух...

В противоположной стороне, вдали, в окружении зелени видны высокие современные многоэтажные дома. Кажется, что насаждения являются продолжением рощи, и это создает ощущение непрерывности и родства, взаимного притяжения всего вокруг. Свет солнца отражается от домов, и кажется, что они тянутся к роще всеми своими окнами...

Сделав полный круг, вновь попадаешь на большую, залитую солнцем поляну. Вверху океан голубой «перезвени», под ногами зеленое, украшенное белыми, желтыми и редкими, как бы смущенными, синими цветками росистое море. И уж тут не удержаться, снимаешь с себя все до плавок, и окунаешься в эту здоровую, долгожданную прохладу. Сначала ногами — Боже, какая радость эта роса, как приятен массаж от травы, от неровностей земли! Потом лежишься и всем телом вбираешь в себя этот целительный поцелуй Матери-Земли, истинной врачевательницы нашей!

А сверху свисают гирлянды зеленых ветвей. Это березовая роща приветствует, одобряет и благословляет меня на грядущий день.

Господи, как хорошо на Твоей Земле!

САМОЕ ГЛАВНОЕ!

Вот и наступило «бабье лето» и, несмотря на осеннюю прохладу, на солнце и тепло, и весело, и хочется ходить, ходить, и любоваться красотой ранней осени, встречаясь с добрыми старыми и новыми знакомыми. Вот и сегодня я познакомился с новым другом — бледноликой березовой рощей, что тянется белыми руками-стволами к ярко синему сентябрьскому небу. Увидел ее и уже не смог отвести глаз, ибо люблю подолгу глядеть на переливы листвы из зеленого в желтое, на верхушки деревьев, плывущих под небольшим ветерком в бездонную вечность, слушать колыхание ветвей, поющих тихую прощальную песню уходящим теплым дням, вдыхать свойственные только этому времени года запахи. Уже исчезли ароматы цветов, свежих и скошенных трав, вскопанной земли, и прибавились ароматы утренних туманов, дыма костров, опадающей листвы, увлажненной осенними дождями земли, и многие другие, которым нет еще имени. А когда подойдешь к березкам близко, то даже ощутишь их вкус, будто испил березового сока. И гладкие стволы, как девичьи руки, ответным теплом отзываются на ласковое прикосновение, листья нижних веток прият-

но щекочут лицо, и земля такая мягкая под ногами, словно хочет раздарить напоследок свою нежность перед тем, как отвердеть под долгим морозом нашей северной стороны.

Но вот солнце зашло за ствол одной из берез, и всю рощу до самой земли осенили прямые и широкие солнечные лучи, наполняя светом все, что они встречали на своем пути. И стволы, и ветки, и листва, и земля, и трава, и неба синева, все вокруг запело под лучами. Сначала тихо, потом все громче, и вот уже хор, набрав силу, поет: «Славься осень, дивная пора, вот глядится просинь в золото дубрав...» Все чувства обострены, душа летит, как птица, хочется обнять все вокруг, и так стоять и стоять, никуда не торопясь, очищаясь от вкуса сомнений, от запахов раздражения и от прикосновений лжи...

А золотая в лучах листва призывно машет и зовет идти дальше, от такого призыва трудно отказаться и награда не заставляет себя ждать. Я вышел на берег пруда, окаймленного смешанным лесом. Иные деревья стояли совсем зелеными, иные уже вовсю желтели, а меж ними была вся палитра переходных тонов. Лес отражался в чистом синем, как и небо, пруду. Краски были не искажены, в точности повторяя натуру, лишь чуть заметная легкая рябь на воде словно говорила: «Не забывайте обо мне, это — я, вода, и я играю во всей этой красе не последнюю, а может быть и самую, что ни на есть, первую роль!» И так хотелось окунуться в эту прозрачную синь, прикоснуться к камушкам дна, которые играли на солнце, как изумруды. Так хотелось посмотреть сквозь воду на солнце и на лесную красу, почувствовать вкус воды, услышать ее ласковое плескание и ощутить неповторимые запахи лесного пруда, которых нет ни у реки, ни у озера, ни у моря-океана, и смыть с себя все ненужное, все наносное, все несвойственное. Жаль, вода в ту пору была уже не для купания, да и воздух был холоден.

Но можно и, не окунаясь, слиться со всем окружающим. Достаточно мысленно и всеми своими чувствами стать частью этой красоты, раствориться в ней. Раствориться хотя бы на время, не ограничивая себя, столько, сколько захочется душе, мягко отгоняя все мысли и проблемы. И время остановится, и внутреннее пространство станет большим-большим, огромным, бесконечным, и новые силы начнут прибывать, вливаться широким потоком, и ты почувствуешь, что все вокруг — это ты, а ты — это все окружающее.

А это и есть самое главное!

НЕ ОБЕРНИСЬ

Леонид вышел на улицу и под моросящим дождем направился к гаражу, который находился через три квартала от дома. Утром погода была самая ясная, какая только может быть, а прогноз он не слышал. Капли неприятно стекали за воротник, сквозь дождевую дымку тускло светили фары непрерывно проезжающих машин, а настроение, и без того отвратительное, становилось еще хуже. И в эти минуты, как это часто бывает при нарастании негативных эмоций, мысли завертелись вокруг тревожившей его проблемной ситуации.

Вот уже третий год, как Леонид трудился в этой компании, но обещанной и ожидаемой им творческой работы, как не было, так и нет. Он прекрасно понимал, что обещать можно все, но не до такой же степени...

Конечно, для справедливости следует сказать, что Леонид торопился с этой работой, когда его «ушли» с предыдущей, «подсидели», как он любил выражаться. Нужно было содержать семью — у Леонида трое детей, а жена тогда сидела с новорожденной, и друзья помогли, подыскали по своим каналам, и поди плохо, по его специаль-

ности, по его квалификации, не исполнителем, и деньги почти те же. Все бы ничего, да терпеть он не мог рутину, статичность, текучку, чего греха таить, Леонид был творческой личностью, а развернуться в этом плане пока возможности у него не было, и в обозримой перспективе тоже, хотя было обещано... Но, как говорится, обещанного три года ждут!..

И самое обидное было то, что на старой работе такое развитие пошло, такие творческие процессы закрутились, такие результаты... ну, просто завидки берут! Хоть обратно иди... «А, может, и правда вернуться?» — подумал Леонид, открывая дверцу машины.

Запало в душу Леониду это «а может?..» Он думал, метался, курил по ночам одну за другой сигареты, но ничего путного не приходило в голову. Кроме воспоминаний о прошлой работе, где ни один день не был похож на предыдущий. Где были интересные результаты, а общение было доброжелательным и веселым. И совсем уже не помнились последовавшие за тем сплетни и интриги против него, предательство некоторых коллег, которых он считал друзьями. А уж о мотивах этого Леонид вообще думать не хотел.

«Пойти хоть на начало, взять новый участок работы, добиться, создать новое направление... С моими знаниями, опытом, энергией и изобретательностью... Ведь я там все, всех и вся знаю! А?.. Эх, была, не была!..» — решил он, гася под утро очередную сигарету.

Никому ничего не сказав, Леонид позвонил на работу, и предупредив, что будет во второй половине дня, вышел из дому. На улице снова начинался ежедневный, уже порядком надоевший дождь, небо все обложило тучами, а зонтик остался в прихожей на вешалке. В последнее время Леонид становился все более рассеянным и забывчивым. Потоптавшись в нерешительности, он повернул обратно. Сидевшая на лавочке под козырьком подъезда бабушка Шура, выведенная из полудремы этим крутым поворотом, воскликнула:

— Ты куда, милоч, дороги не будет!

— Зонт забыл.

— Да, ладно, не сахарный, не растаешь, чай.

— Вчера, пока от гаража добрался, промок. А сегодня деловая встреча... Буду, как мокрая курица! — возразил Леонид и решительно направился обратно.

На старой работе многие удивились, увидев Леонида, лишь некоторые искренне обрадовались, а кое-кто и насупился. Леонид сам чувствовал себя неадекватно, с одной стороны все до мельчайших деталей было ему знакомо, а с другой он как бы, находясь одной ногой в настоящем, второй шагнул в прошлое. От этого было раздвоение и ощущение, какое бывает, когда кажется, что проснулся, но на самом деле продолжаешь спать, и видишь сон, в котором все до мелочей свидетельствует, что ты уже не спишь, и только какие-то, чуть заметные, зыбкие детали говорят о нереальности, и холодок чувствуешь под ложечкой, и мурашки пробегают по спине, когда понимаешь, что это обман...

Руководство приняло Леонида так, как будто ничего не было в прошлом. Лишь чуть-чуть заметные усмешки в уголках губ, но Леонид на такие вещи никогда особенно не реагировал, и сейчас решил не обращать внимания. Для него всегда только работа имела значение. И они знали, какой он работник и сразу согласились взять его, обещав новое направление, обещав такую же зарплату. Но не сразу, конечно, он же должен понимать, не все зависит от них. Нужно показать первые результаты, получить одобрение у кого-то наверху.

Леонид слушал и, хотя состояние раздвоенности во времени, начавшееся у него,

когда он ступил на порог компании, не прекращалось, знал только одно, что кончились рутина, скука, тоска, которые грызли его на той работе, и хуже которых для него уже ничего не было. И он дал согласие...

Странное дело, за рулем, по дороге домой, состояние не уходило, а, напротив, даже усилилось, что сопровождалось подташниванием. «Простыл, наверное, вчера под дождем», — подумал Леонид, хотя чувствовал, что ни температуры, ни других обычных признаков простуды нет. Что-то угнетало его, руки нехотя крутили баранку, было желание остановиться, выйти из машины, и пойти, куда глаза глядят, а лучше всего в лес, на худой конец, в парк... Но Леонид был очень волевым человеком, и он подавил в себе все это силой одной воли!..

Дома стоял шум и гам. Трехлетняя дочка о чем-то безутешно плакала, как плачут только маленькие дети, словно в их жизни произошла великая трагедия. Жена разбросала какие-то старые коробки в кладовой, выбрасывая оттуда кое-что в комнату. А в детской громко спорили семилетние близнецы Света и Витя, спор их все разгорался. Наконец, дверь распахнулась, и они красные, взъерошенные, крича, и указывая друг на друга пальцем, вбежали в комнату.

— Пап, а чего она дерется?!

— А чего он переживает назад? Разве можно переживать? Я так не играю, понял?!

— Тише, тише дети!.. Во что вы играете? — спросил Леонид.

— В шашки! — хором ответили оба.

— А ни в какую игру нельзя переживать!.. — нашла Света.

— Пап, ну, можно?.. — добивался своего Витя.

— Конечно, нельзя, что ж это за игра будет, если переживать...

— Понял?! — торжествовала дочь.

— Всегда ты, папочка ее за-щи-ща-ешь! — обиженный «несправедливостью судьбы» возмутился, чуть не плача, сын...

Леонид ушел от непривычной для него дневной домашней реальности к себе и сел писать заявление.

«Прошу уволить меня с занимаемой должности, в связи с...» — решительно вывела его рука...

...Прошло три года, Леонид как-то поседел, потолстел, потерял форму. Костюм, ранее сидевший на нем с иголочки, сейчас висел, как мешок, движения стали поугловатее, и глаза его, ранее блиставшие энергией, и заставлявшие верить его словам и решениям, ныне погасли. Машина его была потускневшей, а часто просто невымытой, на домашнем рабочем столе была свалка, Леонид давно не брал работу на дом, не разбирал бумаг, и не наводил порядок у себя.

Но дело было даже не в этом, что это все по сравнению с той глубокой апатией, которая разлилась болотом, трясиной в его душе, и все тянула, тянула его вниз, куда-то вглубь, камнем на шее, топила его, не давала вздохнуть и открыть глаза. Леонид душою медленно умирал, задыхаясь, как от удушья, и сильнее всего это было на работе, там ему стоило больших усилий выводить себя из состояния ступора, ступора мысли и чувств, хотя физически он часто даже суетился.

По дороге домой и дома, когда происходило что-то, что раньше его могло обрадовать, рассмешить, какая-то ситуация, что-то в разговоре домашних, или в телепередаче, вдруг какая-то печать накладывалась на его душу, на уста, на глаза, и все гасло, все... Он жил, как автомат, но автомат с уже почти разрядившимся аккумулятором. И так было уже давно...

...Однажды, придя с работы, Леонид застал жену и детей за чтением книги. Он стал раздеваться в прихожей, как всегда, пассивно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. В этом состояла вся душевная активность, которую он проявлял дома в последнее время. Вот и сейчас он прислушался...

«И как он медлил, то мужи те по милости к нему Господней, взяли за руку его, и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города... Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом».

Жена оторвалась от Книги, и взглянула на Леонида.

— Что ты стоишь, проходи... Ужинать будешь?

Но Леонид стоял, как столб ...

ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА

Антон пришел в офис, как обычно, за пятнадцать минут до начала работы. К этому времени почти все сотрудники уже на своих местах, и ровно в десять начнется размеренный, такой же, как вчера, позавчера, месяц и год тому назад, рабочий день. Никто и ничто не в силах изменить этот заведенный порядок во всех его проявлениях, начиная с одежды, дизайна помещений и кончая делопроизводством на всех уровнях, снизу доверху. Все разнообразие заключалось лишь в том, что сегодня первая выкуренная сигарета будет не в десять сорок пять, а в одиннадцать пятнадцать, предобеденная чашка кофе на двадцать минут раньше, чем вчера, и обедать будут не в Макдоналдсе, а в Ростиксе. И так, каждый день лишь с чуть заметными вариациями, которые не нарушают этот порядок, а лишь подчеркивают его незыблемость. Порядок царил в офисе, все подчинялось ему, это он говорил устами секретарши: «У вас галстук немного ярковат» или «Где вы взяли рубашку с таким допотопным воротничком?» Впереди виделась бесконечная череда одинаковых рабочих дней, одинаковых выходных, тоже с небогатым набором дел и развлечений, повторяющихся изо дня в день. Можно было легко предвидеть, что скажет тот или иной сотрудник, жена или сын в ответ на твой вопрос или замечание.

В этом единообразии жизнь летела, как стрела, выпущенная из лука кем-то, когда-то и без твоего ведома. Хотелось крикнуть жизни: «Стой, остановись! Куда ты несешься, как угорелая?» Но никто не кричал, и лишь глубокое бездонное недоумение по этому поводу читал Антон в глазах сотрудников и домочадцев, предполагая, что они то же самое читают и в его глазах. И имя всему этому было — тоска.

По всей видимости, сегодня она перешла некий предел, и, когда Антон ехал домой, им овладела давящая все и вся отупелость. Мыслей после работы у него уже давно не бывало, а сегодня ничто не оставляло в его душе даже обычных эмоциональных откликов. Каким-то краешком своего сознания он понимал, что это не умственная усталость, а самая настоящая душевная тупость, но ничего поделать с этим не мог. Прогоны между станциями метро пролетали, как дни, месяцы и годы его жизни, и осознание этого еще более усугубляло его теперешнее состояние.

Жена смотрела очередной сериал, оторвавшись только затем, чтобы приветствовать его дежурной улыбкой. Чада были заняты своими обычными делами: сын играл на компьютере, а дочь одним глазом глядела на экран dvd-плеера, где демонстрировался какой-то молодежный фильм, а другим — в свой всегдашний журнал. Все было, как всегда. И ужин был обычным, как всегда, и пиво его любимое, которое он пил каждый вечер. На кухне царил идеальный порядок, все блестело, даже пепельница, возле которой лежали его сигареты и зажигалка — он любил покурить после ужина.

Ничто не нарушало обычного заведенного хода вещей, ничто, впрочем, кроме одного — все усиливающейся тоски. Она опускала ему веки, закрывала глаза, кото-

рые и так ни на что не хотели смотреть. Наскоро поужинав и покурив, не приняв душ, Антон тихо прошел в спальню, и завалился на постель. Сон не шел, сознание тяжело ворочало неясные, но тяжелые глыбы каких-то темных образов, и он долго лежал, изредка переворачиваясь с боку на бок. Откуда-то появились шеренги людей на одно лицо, в одинаковых темно-серых костюмах, белых рубашках, похожих галстуках и черных ботинках, которые шли по улице. Женщины выделялись среди мужчин только формами тела и наличием юбок вместо брюк. Вокруг стояли абсолютно одинаковые дома, по мостовой двигались абсолютно одинаковые автомашины, витрины соответствующих магазинов и их вывески были абсолютно одинаковы. Если кто-то улыбался, то все начинали улыбаться, если кто-то хмурил брови, то все начинали хмуриться, если кто-то покупал гамбургер, то все начинали есть гамбургеры. Антон обнаружил, что и он является одним из этих людей, у него мурашки побежали по спине, он захотел бежать, но не мог повернуть в сторону и перейти на бег, как ни силится — ноги не слушались его, они были частью шеренги, как и он сам.

Но вдруг, что-то произошло, шеренги расстроились, шаг сбился, люди в страхе стали хватать друг друга за руки, любопытные высыпали из магазинов, заведений и офисов. Никто не мог понять, в чем дело, на всех лицах была написана растерянность. Откуда-то стала звучать мелодия, и она была не похожа ни на что слышанное ранее. Когда же ритмичный топот тысяч ног стих, так как люди остановились, Антон услышал музыку. Это играла флейта. Она звучала все громче и громче, заполняя собой все пространство и вовне, и внутри. Вот высокая долгая нота ее задрожала на пределе, задрожала и оборвалась... Антон начал метаться и искать, где же эта флейта, где эта мелодия, искать как что-то родное и близкое, которое столько искал, нашел и, вдруг, потерял — Боже, ну, где же она?! — вначале по улице, расталкивая таких же мечущихся, как он сам, потом в чем-то темном, вязком и давящем, потом в постели...

Он открыл глаза, продолжая шарить вокруг себя по простыни, по одеялу, оглядывая темную комнату и тяжело дыша. «Господи, что же это было?.. Мелодия... музыка... флейта... Флейта, ну, конечно, флейта!...» Это была флейта, его флейта, на которой он играл в детстве и подростковом, по классу которой он даже одно время учился в музыкальной школе, и подавал большие надежды. Все преподаватели говорили ему о таланте и прочили блестящее будущее. Но родители рассуждали практически, да что родители, он и сам так рассуждал — в наш век нужно заниматься бизнесом, все остальное нужно забыть! Забыть?! «Но почему забыть?! Почему нужно было забыть?!» — думал он сейчас.

Антон находился еще на грани сна и реальности, когда размыты все каноны и установки сознания, когда низвергнуты все авторитеты бытия, когда ясно слышен один голос, голос сердца. И этот голос говорил ему сейчас, спустя почти двадцать лет: «Возьми свою флейту. Почему нельзя заниматься бизнесом и играть на флейте? Смешно? Будут смеяться? Почему не смеются над богатыми, которые, как дети, занимаются тем, чем они хотят? Вернись к себе, возьми свою флейту и играй! У тебя талант, и ты должен его реализовать в жизни, ты должен играть, по крайней мере, для себя и людей, которые тебя окружают, это исцелит и возродит тебя, как вода возрождает засохшее дерево, путника, умирающего от жажды, землю, потрескавшуюся от зноя! Играй, не бойся быть инаковым, непохожим, будь собой!»

Флейта лежала на том же самом месте, где она лежала всегда, несмотря на все переезды. Почему она хранилась, никто в семье не смог бы дать вразумительного ответа, но она хранилась, то ли как реликвия, то ли как память, то ли просто в силу своей необычности. Он бережно вытащил сверток, развернул, осторожно взял флейту двумя пальцами, словно боясь сломать, некоторое время просто держал ее, привыкая, потом нерешительно поднес к губам и издал несколько звуков. Руки дрожали, он перевел дыхание и закурил. Звуки, вызванные им к жизни, успокоили его и вызвали к

жизни приятные воспоминания, связанные с музыкой. Антон снова взял флейту, на этот раз увереннее, и заиграл, заиграл, не думая ни о чем — ни о том, что скажут жена и дети, соседи, коллеги по работе, друзья и знакомые, заиграл во всю силу своих легких. И случилось странное, вначале замолкли виртуальные взрывы и выстрелы, затем гвалт и гомон сериальных разборок, и громкие глухие ритмы тяжелого рока, в квартире смолкло все, кроме флейты. Через некоторое время в спальню вошли по очереди с широко раскрытыми испуганными глазами жена, удивленная дочь и насмешливо ухмыляющийся сын. Но по мере того, как они слушали мелодию, которая все больше и больше звучала, заполняя собой пространство, видели непередаваемое выражение глаз отца, движения его рук и всего тела, лица жены и детей светлели и становились естественными, словно очищаясь от всего не свойственного их душе.

На следующий день Антон принес флейту на работу. Он решил играть несколько минут перед началом работы, после работы и подольше в обеденный перерыв. Реакция сотрудников была похожа на реакцию домочадцев, были и насмешки, и откровенные издевательства, и верчение пальцем у виска, и просто сочувственные улыбки и взгляды. Но, затем, люди все с большим и большим интересом стали относиться к игре Антона, а через месяц они уже не представляли себе, придя на работу, что не услышат чудесных очищающих душу и воодушевляющих мелодий этой удивительной флейты.

Вскоре у сотрудников дома появились семейные портреты, писанные маслом и акварелью, натюрморты. Одежда их на работе, продолжая оставаться достаточно строгой, стала более разнообразной. Стали регулярными совместные выезды за город, походы в театр и на концерт, на день рождения виновники торжества получали поздравления в стихах.

Главное же было не это — у всех посветлели лица, засветились и потеплели глаза, подобрели отношения, и после работы люди понесли это состояние и в транспорт, и в свои дома. И там все постепенно стало меняться к лучшему.

Ведь хорошее тоже заразно!

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Ему не везло. И не просто, а очень не везло. За что бы он ни брался, все через некоторое время рассыпалось в пух и прах. И это при том, что он обладал творческим умом, мог выдать фонтан идей, владел многими знаниями, практическими навыками организации и успешного ведения дела. Все равно рассыпалось. И, если бы сразу, так нет, идет-идет дело месяц, год, а потом все рушится, все разваливается. Когда-то быстрее это происходит, когда-то медленнее, но успеха нет. И так уже много лет. К кому, и к чему только ни обращался Борис — и к философии, и к целителям, и к экстрасенсам, и к психологам, всех не упомнишь. Получит временное облегчение души, начнет новое дело, и снова вниз по наезженной колее.

Вот научили его делать круг радости, чтобы любое дело начинать с положительных эмоций, с радости всех его участников и далее периодически подкреплять это состояние.

Хорошее дело затеял он, и с новыми людьми, и в другом городе... Через полгода не только от радости, но и от дела ничего практически не осталось.

Поехал Борис в другой город, где один человек очень заинтересовался его деловым предложением. После первого же делового контакта и потом, в течение полугода, все развивалось на подъеме, подключались все новые и новые люди, открывались возможности и перспективы. И, вдруг, в один прекрасный день, без объяснения причин этот человек, главный партнер Бориса выходит из дела, а с ним и остальные. Позже стало известно о создании этой группой людей новой компании.

Кто-то из специалистов посоветовал Борису работать корпоративно, в духе времени, помогать предпринимателям — своим партнерам, связанным с его делом, в их бизнесе. По принципу, будет успех у них, будет и у тебя. Хороший принцип, но в его случае не сработал. Несколько месяцев он потратил только на то, чтобы помочь им раскрутиться. А в итоге, они стали сотрудничать с его конкурентом.

Однажды Борис решил вернуться работать в родной город. Нашел старых друзей, возобновил старые связи. Сколько радости было при встречах, сколько общих воспоминаний, воодушевления, планов и договоренностей, сколько обещаний — ну, теперь уж навсегда, не расстанемся, будем работать и вместе достигнем успеха, уж если не мы, друзья, то кто же! Создать дело удалось, правда, не со всеми, и поработать на славу удалось, но не более года.

Или взять его проект с китайцами. Лучше не было никогда — несколько направлений, и быстро все заработало, договора, клиенты, деньги, и, что удивительно, оставалось еще свободное время занятиям для души и для личной жизни... Но китайцев в один прекрасный день прикрыли, и все полетело в тартарары: и договора, и деньги, и свободное время с личной жизнью вместе...

Как-то решил Борис не сам дело организовать, а взять дочернюю фирму, мол, не совсем мое дело, да, и я не главным буду, может пронесет... Не пронесло... Руководитель бросил дело, и дочерняя фирма оказалась не востребованной.

Но он не растерялся, вышел тут же на руководство корпорации и сумел доказать выгоду для них его фирмы и ее переподчинения непосредственно им... Не помогло, вернее дело поначалу пошло хорошо, но потом все, как всегда... И тут не растерялся Борис, стал собирать куски дела под свое крыло, сам пошел на рынок, эх, была, не была! Какая тут «была, не была» при таком невезении, это было уже просто бравадой.

После этого порыва, все вообще заскользило с бешеной скоростью по наклонной плоскости. Первым подкачало здоровье, да основательно. Вот было оно, и в один прекрасный момент его не стало, и до сих пор проблемы, то одно, то другое, так, что он уже забыл, что оно было когда-то, его железное здоровье. Потом прогорел его строительный проект, уже не как дело, а как жилье для дочери. Дела стали совсем швах, и пришлось в уплату всех долгов отдать квартиру и жить у матери. От такой жизни ушла жена. Одно хорошо, хоть дочь уже была взрослой.

Жизнь для Бориса закончилась, и деловая, и семейная, и всякая вообще, ибо сама воля к жизни иссякла. Стал он, как тень и от тоски, и от полного одиночества, и от недоедания. Жить они с матерью стали на его случайные заработки от «купил-продал» да на ее пенсию. Благо, что пить не стал, держался, хотя доброхотов-соблазнитель был хоть отбавляй. Курил, правда, одну за другой, да все дешевую отраву. Навалилась депрессия, он мог долго сидеть где-нибудь на лавочке, ни о чем не думая, тупо глядя перед собой.

Так было и в тот день, когда пронзительный детский крик разорвал пространство. Борис вздрогнул и увидел перед собой маленькую девочку, лежащую в пыли на дорожке, зашедшую в крике, рядом велосипед, подростка с испуганным бледным лицом и трясущимися руками, и бегущую к ним, вернее большими прыжками несущуюся, с ужасом, застывшим в глазах, и протянутыми вперед руками мать.

Что-то поразило его в этом подростке, но думать было некогда, он вскочил, подбежал, и, забыв все на свете, отдался этой ситуации помощи и заботы, как своему кровному делу — вправлял суставчик, промывал рану и ссадины, бегал за перевязочными материалами и вызывал скорую, одновременно отхаживал и успокаивал мать, и воспитывал подростка. Приехала «скорая», он посадил девочку с матерью и сел сам...

Это происшествие вывело его из транса, в котором он пребывал последнее время и, когда он возвращался домой пешком, здесь было недалеко, мысли его были уже в

настоящем, он жил этим событием, был здесь и сейчас. Он вспомнил, что его внимание что-то привлекло в том пареньке. Он вызвал в памяти его образ и ... остановился, чуть не сбив женщину с пакетом. «Боже, да он же, как две капли, похож на меня в детстве!..»

Борис не пошел домой, а завернул в парк. Он ходил по аллеям, а в это время внутри ретроспективно проходила вся его жизнь. Словно кто-то прокручивал киноленту с конца на начало, быстро, как в режиме перемотки, но он при этом каким-то образом успевал все осознать.

Он споткнулся о какую-то корягу, ушиб ногу и нагнулся, чтобы погладить ее, и, вдруг, в сознании выплыло воспоминание. Вот он так же, согнувшись, глядит в шелку, а там в комнате отец, вернувшись с сенокоса, моется в корыте, думая, что сын в школе. Он впервые видит отца совсем голым, видит все его достоинство, и что-то заставляет его улыбаться все шире и шире, вот он уже тихо, трясясь, смеется и, обернувшись, зовет Саньку, друга, поглядеть. И вот они уже молча давятся от смеха вместе...

А вот он вечером неслышно ходит за отцом, который хлопочет во дворе по хозяйству, и, кривляясь, передразнивает все его движения...

«Неужели это я, неужели это было со мной?! — думает Борис, но образы такие яркие, как будто только из вчера, и все сомнения исчезают. — Боже мой, отец, как я мог?! А сколько было еще подобных моментов?..» Он передернул плечами, вспомнить не хотелось. «Отец, прости меня, прости, если слышишь, и если можешь, прости!..» Так он ходил по полупустынным аллеям парка и думал, думал о том, что так до самой смерти отца они и не поговорили по душам, и, самое главное, он осознал это сейчас определенно и очень остро, он так и не попросил у отца прощения за свои выходки! Да он и забыл о них начисто!.. Если бы не сегодняшний случай... Что заставило его вспомнить все это и внутренне, в душе просить у отца прощения, он не знал, да и никогда не интересовался такими вещами.

Но вот в его душе, в его голове вновь возникли эти моменты прошлого, и он вел себя в них почему-то уже совершенно иначе, так, как он вел бы себя сейчас! Лента его жизни стала прокручиваться в обратном порядке, останавливаясь на всех ярких моментах его отношений с отцом, вплоть до его смерти...

Долго ли он так ходил по парку, Борис не помнил, но он понял, что сейчас он прожил свою новую жизнь с отцом! Он чувствовал себя по-другому! Он пришел домой другим человеком!

С этого дня жизнь его стала другой.

Алексей Яшин
(г. Тула)

«КОГДА УСТАЛАЯ ПОДЛОДКА...»

♦ Николай Андреянович в морозный декабрьский воскресный день от души погулял в парке, благо вход в него в минуту ходьбы от дома, посмотрел на уток в зооуголке, сбившихся в серую толпу на незамерзающей, подогреваемой водопроводной водой из шланга полынье, вовсе с содроганием понаблюдав за подледными рыбаками, тож густо обсевшими свои лунки на среднем и нижнем прудах... Жалея от всей души, что в новейшие времена знаменитую на весь город парковую стекляшку-забегаловку «Снежинка» уже несколько лет как приватизировали и переквалифицировали под стриптиз-бар, Николай Андреянович мысленно взгрустнул: теперь некуда зайти после освежающей прогулки со вкусом выпить стопку водки, перекинуться парой слов с непременно встретившимися там же знакомыми, а домой явиться уже не цуциком замерзшим, а таким розовощеким молодцем. Эх, времена нынче... Уже смеркалось.

Однако поздний домашний обед подвинул к благодушию: стриптиз так стриптиз — по просьбе, так сказать, трудящихся бизнеса. С часок подремал, а потом уселся за свой рабочий столик, место для которого и полки с оперативного пользования книгами с трудом отвоевал в углу комнаты перед окном с балконной дверью. Занялся своим очередным изобретением — на службе времени на эти дела не оставалось.

Справа раздражающе хрюкал, визжал, порой орал телевизор, который урывками между приготовлением котлет смотрела с увлечением жена. Впрочем, когда звук становился совсем уж громким, выходил из своей комнаты сын и приглушал. Все же боковым зрением Николай Андреянович отмечал помимо воли и желания происходящее на экране: все то же самое, осточертевшее. Америкосы заканчивают свой кровавый спектакль в Афганистане, российские генералы в своих высоченных картузах чуть не взасос целуются-милуются с натовцами, какой-то очередной министр по части экономики со странно звучащей фамилией требует равняться на Европу: там, дескать, население за энергоносители платит в шесть раз больше. Только забывает, малопамятный, что и зарплата у них и не в шесть, а в сто раз больше! Тьфу!

С кухни завлекательно пахло свежеподжаренными котлетами. Скоро и ужинать. Видно, и жене наскучило слушать и смотреть про нерушимую отныне и навек нежную любовь двух великих народов: очень великого американского и несколько менее великого россиянского, и она переключила на другую программу. В этот момент Николай Андреянович вышел в санузел покурить, одновременно ломая голову: как обосновать в своем изобретении, что изменение форм стабилизаторов не скажется на траекторных характеристиках ракеты?

Решение все никак не приходило, потому изобретатель на какое-то время впал в хандру и скепсис: «И зачем я все изобретаю и изобретаю? Вон Серега Зябликов, на что выдающийся по этой части инженер был, а на все плюнул, в бизнес этот самый пошел, весь день телевизор смотрит, ругает нынешнюю жизнь и портвейн пьет, по революционным праздникам — коньяк.

Вот по инерции и для гимнастики ума изобретаю, заявки на патенты подаю, а кому они нужны? Военная промышленность на ладан дышит, да и патенты сейчас сделали все открытые: читай, потенциальный враг, и делай себе на дармовщину. Потом этими же ракетами и нас долбить будут. Ведь до смешного в этой жизни доходит — сквозь слезы конечно. Америкосы не один миллиард своих поганных баксов потратили, чтобы сделать подводную ракету, которая у нас на вооружении подлодок стоит, но не получается. Так они у московского профессора чертежи аж за шестнадцать тысяч долларов (?) купили — видно подсчитали сколько душа продажная стоит. Самое интересное, что агента американского, что чертежи купил, через неделю отпустили восвояси. Дескать, болен он тяжело! Народ на работе смеялся: наверное, и чертежи купленные ему отдали: частная собственность теперь в России священна!» Вдругорядь за вечер сплюнув, Николай Андреевич вернулся к рабочему столу.

Жена, расположившаяся по причине готовности котлет перед телевизором, встретила его словами: «Смотри, за четверть века ни капельки не изменилась!» — на экране за роялем сидела Александра Пахмутова, играла свою новую мелодию. «Не четверть века, а тридцать пять лет она одинаково выглядит», — пробормотал Николай Андреевич, наконец-то придумавший обоснование своей технической идеи. Однако с интересом посмотрел на экран, вспомнил давнее, теплое.

♦ Николка, несмотря на свое «дикое» маячное детство, в школьно-интернатской среде вовсе был человеком не замкнутым, напротив — очень даже общительным, изобретательным шалуном в меру. Однако все же воспитанная веками в его предках старообрядческая традиция отстранения от того, что в наше время называется «общественной деятельностью», зримо жила в школьнике 2-ой ступени. Поэтому Николка очень озадачился, когда его, ничем особым не примечательного девятиклассника, ближе к концу второй же четверти, а точнее в начале опять же второй декады декабря месяца (в новейшие, постсоветские времена это бы называлось: между ханукой и байрамом), через посыльного юного пионера вызвала к себе в крохотный кабинет старшая пионервожатая Ирина Сергеевна и с порога огорошила: ушел из школы Николаев из 10 «Б» — его отца перевели на Черноморский флот — и появилась вакансия заведующего школьным радиоузелом.

Николка, ожидавший чего угодно, только не подобного начала разговора, примерно сообразил, что означает малознакомое слово, на которые Ирина была большая охотница. Припомнил, что и радиоузел, чаще ребятами и учителями называемый по-военному радиорубкой, по сложной должностной расцеховке входит в сферу забот старшей пионервожатой — в миру учителя литературы в средних классах.

— ...Так вот, руководство школы рекомендовало тебя, сама Мария Ивановна о тебе хорошего мнения, Алексей Васильевич говорит, что в радиоделе ты хорошо понимаешь.

По глазам вечно озабоченной своими хлопотными обязанностями Ирины Сергеевны было видно: не отвертись, голубчик!

Здесь и Николке все стало ясно-понятно: недавно ставшая новым директором школы Мария Ивановна хорошо его знала по урокам русского и литературы, начиная с пятого класса, всегда отмечала изустно прилежание устойчивого «хорошиста» (отличникам она вполне справедливо не доверяла — житейский опыт!). А Алексей Васильевич вел у них радиодело — с девятого класса началось производственное обучение, великий эксперимент времен Никиты Сергеевича; Николка выбрал специальность радиотелеграфиста, поскольку с шестого класса уже дружил с паяльником и радиосхемами. Потому был сразу отмечен зорким мичманом-педагогом.

Хотя предложение было совершенно неожиданным, Николка, собрав мысли и доводы, выделил два противоборствующих момента: с одной стороны, дополнитель-

ные хлопоты вовсе не к чему, с другой? С другой — дело представлялось не таким уж и мрачным. Надо сказать, будучи наследником духа все тех же старообрядцев, Николка с детства мечтал о своем «угле», где он был бы единоличным хозяином. А до сих пор получалось так, что этого-то угла он и не имел. До шестого класса включительно, когда семья жила на маяке, а Николка в интернате, и помыслить о подобном нельзя. И теперь, когда переехали в Полярный, в тесноте маленького домика Николка делил крохотную спальню с двумя меньшими братишками. А тут — радиорубка с двумя помещениями, соединенными занимательным коридором-лестницей, с отдельным входом, со своим ключом... словом, Николка согласился.

— Вот и замечательно,— обрадовалась Ирина Сергеевна, приписав успех дела исключительно своим педагогическим способностям,— подходи после третьего урока к радиопузлу, я освобожусь и все тебе покажу. А пока подумай о помощнике — положено по штату и по технике безопасности. Да-а, надеюсь, что ты не куришь? И курильщики *к себе* не пускай!

♦ Помощником Николка, не раздумывая, взял друга и одноклассника Сашку Белозерова, с которым вот уже второй учебный год обслуживал хозяйство радиорубки. Утром он открывал личным ключом дверь, отведя плотную, звукогасящую портьеру, входил в аппаратную — комнатку без окон — и включал студийный усилитель и приемник «Казахстан», тоже профессиональный, находил музыкальную программу и перед общешкольной линейкой с пятю минут транслировал на все три этажа и пристройку для младших классов лихие песни и марши оптимистичных 60-х годов. Затем за портьеру входила старшая пионервожатая или дежурная в этот день по школе учительница, нередко — завуч или сама Мария Ивановна — в зависимости от категории проводимой линейки. Николка переключал усилитель на микрофон.

Другая часть должностных обязанностей Николки и Сашки относилась к озвучиванию всех школьных вечеров и торжеств, происходивших в актовом зале. Поэтому вторая комната, просторная и с большим окном, располагалась на полтора метра выше уровня пола этажа; от входной двери, мимо портьеры аппаратной, в нее нужно было подниматься по крутой лесенке. В стене, отделявшей комнату от зала, имелась пара отверстий, через которые «крутили картины». Кинопроектор был автономным от Николки, а в роли киномеханика выступал учитель труда. Правда, своего ключа от владений Николки у него не имелось.

Музыку на субботние и праздничные танцы Николка давал от проигрывателя и магнитофона «Комета». Имелась и вторая «Комета», считавшаяся хронически неисправной, но Сашка Белозеров как-то привел подчиненного своего отца, матросарадиста с техникумовским образованием по специальности, и тот за вечер вернул его в строй действующих. Николка с Сашкой поочередно брали его к себе домой.

Вошедши в роль ответственного за музыку на школьных танцах, а также на музыкальных лекториях, что раз-два в месяц проводили в актовом зале для старшеклассников, Николка еще раз проверил на себе великую правоту пословицы: что Бог ни делает — делает к лучшему. А именно: общественное поручение заставило его задуматься, склонного сызмальства к философствованию, о сущности музыки, в частности, музыки современной. Анализировал он содержание грампластинок и магнитофонных записей, что входили в репертуар танцевечеров, но многое давали и беседы с Сашкой Белозеровым, закончившим детскую музыкальную школу.

Беседы свои они вели после уроков, всю пользуясь невиданной привилегией иметь свое «хозяйство» в строгих школьных стенах. Вообще говоря, для ребят заполярного города с его полугодовой северной ночью, да еще и учитывая оптимистичские 60-е годы, школа была не только и не столько официальным местом; она же была их клубом. Теплом почти что домашним веяло в стенах здания еще довоенной постройки... По всей видимости, тем же она была и для большинства учителей, то бишь

учительниц, как правило, жен офицеров-моряков, которые постоянно и подолгу отсутствовали дома, находясь в дальних походах, на учениях-маневрах, в длительных командировках на другие флота страны. Флоты в те времена были действующими, корабли у пирсов не застаивались до ржавчины.

Может учительниц, бывших ленинградок, и пугала отчужденность и пустота — без мужей — казенных квартир, потому они и проводили в школе целый день, благо и собственные дети здесь же под рукой: на уроках, в кружках, на ближнем катке, на лыжах на недалекой же горке...

Купив в школьном буфете бутербродов с колбасой и пирожков с повидлом, Николка со своим замом запирались в радиоаппартаментах, заваривали в чайнике на электроплитке чай, сняв пиджаки, облачались во фраки (в этой же комнате в большом шкафу хранился реквизит школьного театра), располагались около журнального столика с бутербродами и свежей заварки чаем в покойных креслах из того же реквизита, включали магнитофон со свежими записями — ранее сделанных от приемника в аппаратной или взятыми на время у одноклассников-меломанов.

После пары стаканов чая наступало умиротворение: желудки уже не урчали, дисциплинарная настороженность уроков исчезала, в окно через узоры изморози синел зимний полдень, через киношные окошки из зала доносились, вовсе и не смешиваясь с музыкой магнитофона, негромкие голоса: «театралы» репетировали новую пьесу; предыдущий их «Ревизор» имел шумный успех и даже попал во всесоюзную прессу.

♦ Музыкальные вкусы того времени и для возраста Николки и Сашки Белозерова можно определить как конец эпохи Миллера* с его «Серенадой Солнечной долины» и начала царства битлов. Кстати, достаточно хорошо чувствуя музыку, но не имея голоса, Николка с тем большим интересом слушал в свое время историко-музыкальные уроки Ольги Викторовны — главной в школе преподавательницы пения, которая даже не музучилище окончила, а консерваторию в Ленинграде по музыковедению. А в старших классах и вовсе с удовольствием ходил на музыкально-театральный лекторий ученой музыкантши. Вот и беседуя по теме современной американской музыки, она обратила внимание на отдаленное следование тем же Гленом Миллером русской традиции в композиции и оркестровке. Заинтриговав же ребят, с торжеством пояснила, что Миллер и Джордж Гершвин были учениками русского консерваторского профессора, уехавшего в 20-х годах в Америку.

Впрочем, битлов, равно как и Высоцкого, слушали только «для себя» с записанных-перезаписанных магнитофонных лент и рентгеновских «ребрышек». Отдельные фрагменты мелодий «Порги и Бесс» Гершвина наигрывала кружковцам на школьном фортепиано Ольга Викторовна — когда приходила в наилучшее расположение духа, а также одноклассница Люда, которая не только окончила музыкалку, но и сама уже вела группу в Доме офицеров, то есть, профессионально работала, набирая, как она объяснила, трудовой стаж для поступления в консерваторию после окончания школы.

На танцах по субботам народ требовал Ларису Мондрус (тогда еще не уехавшую в Израиль) и гвоздь сезона — американскую «Шестнадцать тонн»; свирепствовал шейк, только-только сменивший чарльстон во втором пришествии...

Иногда расшалившийся к концу танцев Николка, когда дежурная учительница, устав бдить, позевывая, уходила в директорский кабинет, ставил «ребрышки» с «Йес-тудей» Пола Маккартни, и для всеобщей потехи — с официально изданной пластинки занимательную песенку в исполнении Эмиля Горовца, начинавшуюся словами: «Из Европы, путь проделав длинный, к нам в Нью-Йорк приехала кузина». Далее Горовец проникновенным голосом распевал, как к кухне сватались всем Брайтон-

* Глен Миллер — американский композитор, погиб в 1944 г. в аварии самолета, направляясь в действующую в Европе армию США — дирижировать военным оркестром.

Бичем, но итог для нее оказался печальным: «Попался ей жених некстати, все ее приданное истратил. Говорят, жених-то был женатым, говорят, что шестеро детей». На этикетке грампластинки имелся подзаголовок: «Народная еврейская песня».

...А по радио, по телевизору звучали бодрые, волнующие душу неясными устремлениями песни Пахмутовой. Они-то Николке больше всего нравились. Что же касается все расширяющегося психоза битлов, то уже в более зрелом возрасте, вовсе не опираясь на разъяснения агитпропа, но только на собственное восприятие и анализ последствий битломании, Николай Андреянович пришел к выводу: если бы ливерпульской четверки не было, то ее следовало выдумать — придумать тем, кто совершил великую диверсию против человечества, с помощью (хотя бы и невольной) «жучков» свернув массовую и отчасти элитарную музыкальную культуру с магистрального пути мелодичности и гармонии на голый ритм, то есть, повернув ее вспять, к доисторическим тамтамам, негрским пляскам и ночным воплям джунглей.

Когда, выпив рюмку-другую под благодушную закуску, Николай Андреянович излагал свою теорию-приговор друзьям-приятелям или сослуживцам — из числа тех кто поумнее, — то те поначалу усмехаясь, недоумевали или откровенно обижались за кумиров всего мира, но, поразмыслив, в основном соглашались. Если собеседницей оказывалась девушка-женщина, то она широко открывала накрашенные глаза, чему-то пугалась и переводила разговор на служебное или житейское.

♦ Надо сказать, что с началом десятого класса забот у Николки прибавилось и весьма значительно. Как всегда в этот период истории страны, виновен в том был Никита Сергеевич, как ранее виновен был в Карибском кризисе (так злые языки утверждали) и особенно в сокращении Советской армии на миллион двести тысяч военнослужащих. Их города, как чисто военного, то и другое коснулось чувствительно. В Карибский кризис весь Северный флот, включая все вспомогательные посудины, ушел в сторону Острова свободы, поэтому жены и дети моряков, то есть, почти все учителя и ученики школ, целый месяц волновались. Но сокращение армии и флота, хотя последнего в меньшей степени, стало ударом ниже пояса: многие ребята и даже учительницы навсегда покинули Полярный — вслед за уволенными с неполной пенсией отцами и мужьями. Но разве понять и осознать было неразумным школярам, что означало сокращение для тех каптерангов и полковников, на которых уже были в штабах флотов и военных округов заготовлены проект приказов о присвоении адмиральских и генеральских званий? — Ведь генерал в России (в СССР тож) это не звание, а счастье, — так сказал в новейшие времена герой одного фильма из бандитской жизни...

Но вот неутомимый сеятель маиса от Калининграда до Камчатки добрался и до Николки и его однокашников: было объявлено в завуалированной форме, что эксперимент с 11-летним сроком обучения не удался, а система образования возвращается к проверенной временами десятилетке. Самое паскудное, что в следующем, выпускном для Николки и его товарищей учебном году ожидается двойной выпуск: и одиннадцатиклассник Николка, и стоящие рангом намного ниже десятиклассники — все получают аттестат одновременно. А это значит, что конкурсы в институты-университеты, без того немалые в середине 60-х годов, возрастут вдвое. Было о чем задуматься ребятам и их родителям, в первую очередь, конечно, ребятам, ибо в те времена выпускники сами поступали в вузы, а не родители их поступали (так сейчас говорят).

Хотя Николка учился хорошо, почти отлично, а по литературе, немецкому языку и химии, которую очень не любил, и вовсе шел по школьному первому номеру, но, будучи истинным провинциалом из Заполярья, сильно мандражировал, тем более, что тогда лелеял мысль о престижнейшем МФТИ^{*}; очень его интересовали

^{*} Московский физико-технический институт

тайны атомного ядра, а еще более — атомной бомбы, которой Никита Сергеевич обещал империалистам кузькину мать показать...

Выход из ситуации подсказал ему отец. По переезду семьи с маяка в Полярный, Андреян устроился работать старшим электриком — по маячной специальности — в Дом офицеров флота. Вот он и завел как-то разговор: дескать, твоя одноклассница Люда уже второй год по музыке у нас работает, стаж зарабатывает, а кто имеет не менее двух лет трудового стажа, того в любой институт помимо конкурса принимают. А вот и кстати его подчиненный, электрик Генка увольняется, тебе же паспорт в мае получать (разговор этот происходил в конце учебы Николки в девятом классе)... Давай, поговорю с полковником Зинченко, начальником ДОФа, а работать будешь во вторую смену, с четырех часов; придешь из школы, переоденешься, пообедаешь, а уроки на работе сделаешь — там тебе нужно-то будет только сцену освещать на концертах, да лампочку-другую сменить, пройдясь по этажам. Все остальное — за мной. Подумай.

Николка особо и не думал, потому согласился и уже с середины летних каникул между девятым и десятым классом влился в ряды пролетариев. Первая в его жизни работа оказалась настолько занимательной, что... впрочем, эта тема отдельного повествования.

Итак, русский человек неприхотлив и счастлив врожденным умением из всякой долуки и обзалоуки делать себе и окружающим приятность; истинно, переиначивая пословицу: что немцу смерть, то русскому удовольствие.

Службу в Доме офицеров Николка начал с трудового подвига: обнаружил при досмотре в коридоре, ведущем в котельную, полузалитый водой потолочный плафон. Притащил лестницу и стал этот плафон снимать, а тут его заметил сам полковник Зинченко, проходивший по своим делам на траверсе котельного коридора. Поинтересовался у нового работника, а тот красочно расписал возможные последствия короткого замыкания, если бы вода достигла уровня патрона лампочки. Полковник Зинченко восхитился; с того момента Николка получил статус «серьезного и вдумчивого работника», а в его трудовой, совсем еще новенькой, книжке появилась и первая запись в разделе поощрений. Поскольку запись диктовал кадровичке в приказ непосредственный начальник Николки — завхоз ДОФа (со слов полковника Зинченко), человек незамысловатый, но очень любивший употреблять официальные слова, да еще вдобавок и в легком подпитии, то Николка, читая врученную ему кадровичкой копию приказа, даже слегка оробел: по своему содержанию и стилю исполнения приказ соответствовал представлению на боевой орден...

Однако через неделю наш герой впал в конфуз. Приехала с «концертом памяти» уже тогда престарелая бывшая кинозвезда Нина Дорда. Николка, стоя на лестнице на сцене, менял сгоревшую трехсотваттную лампу в верхнем софите, а прямо под ним у рояля перебирала с аккомпаниатором ноты сама Дорда. Менять лампу в верхнем софите — дело очень неловкое, поэтому неудивительно, что вывернутая перегоревшая лампа выскользнула из руки и упала прямо на голову экс-кинозвезды. Та отделалась легким испугом, ибо на голове у нее был надет пышный шиньон — по моде тех лет. Дорда, еще раньше отметившая молодость электрика, нестрога погрозила пальчиком, но на всякий случай, пока Николка возился с софитом, отошла подальше.

Принимая Николку на работу, кадровичка провела с ним инструктаж, особо оговаривая, что ДОФ — это военная часть со всеми вытекающими отсюда обязанностями, и дала ему подписать заполненный типографский бланк, называвшийся «Торжественное клятвенное обязательство». На словах же пояснила, что ему придется обслуживать не только оперы и концерты гастролеров, но и большие собрания флотских соединений с присутствием командования флота. Там говорится иногда то, что всей школе и городу знать не положено. «Уши тебе затыкать, конечно, не следует, но

услышанное держи при себе, в чем ты и дал сейчас расписку», — напутствовала его добрая кадровичка на трудовой подвиг в военно-морском учреждении.

И действительно, как в воду глядела добрейшая Варвара Степановна. Не проработал Николка в ДОФе и трех месяцев, как однажды, в начале октября, придя на работу, Николка был удивлен обилием высоких морских чинов, молча прохаживавшихся по бесконечным коридорам учреждения. А на входе стояли два матроса с дежурными повязками на рукавах бушлата. Они было загородили пацану вход, но из окошка караулки высунулась голова Натальи Васильевны, комендантши на правах охранницы и смотрительницы за внутренним порядком:

— Ребята, это наш, пропустите.

Уже в своих владениях под сценой Николку навестил незнакомый каплей, не из ДОФовских, с погонами политработника, поинтересовался именем и фамилией юного электрика и порекомендовал никого из посторонних, друзей и пр. к себе в электробудку, а тем более в оркестровую яму, не впускать. С тем и ушел.

Понятно, что после таких строгостей Николка, включив верхний свет в зале и на сцене, не остался в уютной своей электробудке делать уроки, а все долгое собрание офицерского состава всех эскадр, базировавшихся в Полярном и в окрестных «точках», присидел в оркестровой яме, правда, заперев входную дверь изнутри на ключ.

♦ Экстренное собрание, как сразу сообщил председательствующий адмирал, вызвано «известными изменениями в руководстве страны». Понятно, что Николка еще утром, собираясь в школу, слышал по радио об уходе Никиты Сергеевича со всех своих постов по состоянию здоровья — на пенсию всесоюзного значения. В школе тоже никто не комментировал, да это и не принято было.

Однако адмирала, затем заместителя начальника политуправления Северного флота и еще некоторых выступавших Николка слушал с раскрытым ртом. Говорили о сложной внешнеполитической ситуации, с которой генсек не справлялся, о его волюнтаризме (чуть позднее в школьные учебники истории и обществоведения к волюнтаризму добавили таинственный пробабиллизм), крупно мстили свергнутому за главную боль армии — знаменитое и достопамятное сокращение миллиона двести тысяч человек. Осторожно хвалили вновь избранного генсека — Леонида Ильича Брежнева, боевого офицера, хорошо себя проявившего на высоких хозяйственных и партийных постах. Каждый из выступавших в заключении рекомендовал командирам и политработникам провести основательные собеседования с младшим офицерским составом, старшинами, мичманами и матросами.

Собрание закончилось. Николка выключил свет в зале и на сцене, оставив только боковые дежурные плафоны. Его заботы о сложном электрохозяйстве Дома офицеров на сегодня закончились; семичасовой вечерний фильм в зале обслуживал киномеханик — в его рубке имелась параллельная сеть включения-выключения света в зале. Расположившись в своей уютной электробудке, Николка скушал домашний пирожок, внимательно выслушал в последних известиях сообщения о событии номер один за последние дни (Хрущева он относил ко второму номеру): успешно продолжающемся околоземном полете космического корабля «Восход» сразу с тремя космонавтами на борту.

Посвященный на собрании, Николка уже и не слушал скудного, с утра повторяющегося сообщения диктора о внеочередном пленуме ЦК КПСС и появлении в стране нового персонального пенсионера. Он усмехнулся: знаем, мол, какой-то такой пенсионер! Собрался было взяться за уроки, но тут из экономно-темного коридора, что сложными ходами выводил из-под сцены в малый холл ДОФа, осторожно выступили и заглянули в приоткрытую дверь электробудки два капитана второго ранга. Предупредительно кашлянув, один из них поинтересовался, сославшись на знакомст-

во с Андреем Матвеевичем, не очень ли они помешают, если разопьют бутылочку в электробудке? Николка радушно показал на стол с графином с водой и стаканами, сам пересев с учебником на диванчик.

Офицер опасливо покосился на дверь, но Николка заверил, что никого не ждет, а начальство Дома офицеров уже дома ужинает.

Судя по тому, что кавторанги нарушали строжайший в зоне дислокации флота сухой закон с использованием «зубровки», Николка мигом сообразил, что спиртным подторговывает кладовщица буфета Зина; именно ящик с такой вот «зубровкой» он заприметил давеча в кладовой — Зина попросила заменить перегоревшую лампочку.

Расслабившись, офицеры с разрешения хозяина закурили, начали обмениваться впечатлениями на злобу дня. Отметили, что «Никиту пас в Пицунде сам двадцать седьмой бакинский комиссар Микоян», говорили о все возрастающей роли Михаила Андреевича Суслова, странном поведении во всем этом деле минобороны Малиновского. А Семичастный?..

Николка — с его ясной юной памятью — припомнил читанное в газетах: в ноябре готовился пленум ЦК, где должна была обсуждаться новая конституция СССР. Какая-то мысль на этот счет вертелась в его голове, но воспитание не позволяло вступить в беседу со взрослыми.

... К концу бутылки капитаны сошлись на том, что предательство безнаказанно не проходит: Хрущев предал дело Сталина и его соратников, а за это и его самого предали. С этим офицеры встали, поблагодарили Николку и ушли в темноту коридора. В зале началось кино, которое Николка уже смотрел, потому взялся за физику с алгеброй.

♦ Убей, Бог, но Николай Андреевич, как ни силился, но за давностью лет никак не мог вспомнить: было это еще в десятом классе или уже в одиннадцатом, когда по вечерам, включая рабочую в то время субботу, он уже не мог обслуживать школьные танцы, перепоручая это дело Сашке Белозерову? Но не в этом суть, ибо дело проходило днем, когда он был полным и ответственным хозяином школьного радиоузла.

В тот день, кстати говоря, раннеосенний... нет, значит это все же был десятый класс. Итак, в этот день Николка собирался после уроков сразу идти домой, поскольку Сашка Белозеров составить ему компанию в послеурочной сиесте в радиоузле не мог, ибо вообще второй день не появлялся в школе по причине температурной простуды. Опять же никаких мероприятий в этот день, связанных с озвучиванием, не предвиделось. Однако в свою «квартиру» все же зашел — забрать домой пару магнитофонных катушек — в этот месяц отремонтированная «Комета» находилась у него.

— Вот хорошо, что застала тебя,— Николка вздрогнул от голоса бесшумно вошедшей Ирины Сергеевны,— а я боялась, уйдешь домой! Слушай, Коля, директору позвонили: через полчаса у нас будет Пахмутова с Добронравовым. Они сегодня на подводной лодке с нашей базы в море выходили, ну-у, не в море, а так, по заливу прошлись, а сейчас им рояль нужен. Как назло, в ДОФ настройщика из Мурманска привезли, ремонт тамошнему инструменту задает, вот к нам и обратились. Ты жди, свет им включишь, может магнитофон понадобится... я не знаю, но Мария Ивановна просила — тебе остаться.

Оставшись один, Николка заволновался и по двум причинам сразу: во-первых, боялся, что именитые гости, как люди творческие и увлекающиеся, облюбуют рояль надолго, а он может опоздать на работу в ДОФ (вот теперь Николай Андреевич точно вспомнил: дело было в десятом классе), во-вторых, все дело в той же именитости; Николка заранее оробел. Конечно, пусть за небольшое, но время работ кой-кого из известных артистов и прочих людей творческих профессий он повидал, по привычке: та же Дорда, которой он лампочку на голову уронил; популярный в школьной среде поэт Андрей Вознесенский, приезжавший на литературные гастроли, заходил к нему

в электробудку в неизменном своем шарфике на шее (он уже ранее в ней бывал — в прошлый приезд), спрашивал Андреяна, а потом попросил разрешения воспользоваться стаканом: налил в него из плоской бутылочки коньяка, выпил, пояснил: приходится, дескать, в медицинских целях, чтоб сгладить остатки заикания... Многие в электробудку к Николке за время его работы заходили: ближайшее к сцене помещение, а потом для людей театральных электрик — самый доверенный человек. Это у них в обиходе.

...Однако в ДОФе Николка был членом коллектива, на службе, приезжие знаменитости и не совсем — тоже. А здесь он как бы будет представлять лицо школы, один на один с ними остается. Было Николке от чего разволноваться.

И третий момент его волновал: если придется к гостям обращаться — как их отчества? Действительно, по радио и телевидению их по принятому в отношении творческих людей называли только по именам: Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Покопавшись в памяти, но неуверенно он вспомнил, что Пахмутова — Александра Николаевна, а вот Добронравов так для него и остался без отчества.

Минут через двадцать через киноокошки из актового зала донеслись голоса, Николка прильнул к окошку: на входе в зал стояла хорошо знакомая по телеэкрану очень маленького роста женщина — Пахмутова, полноватый мужчина явно был Добронравовым. Они разговаривали с Марией Ивановой, а старшая пионервожатая показывала рукой на противоположный конец зала, где на сцене, полуприкрытый занавесом, стоял рояль. Продолжая беседовать, вся группа двинулась к сцене. Ирина Сергеевна отодвинула занавес, включила свет на сцене, хотя в зале было светлым светло. Пододвинув стулья к роялю, гости уселись. Николка рассмотрел, что Добронравов вынул из-за пазухи пиджака узкий и длинный блокнот. Директорша и Ирина пошли на выход. Через минуту-другую пионервожатая зашла к Николке:

— Магнитофон им не нужен, зал я потом сама закрою. Так что можешь быть свободен, а хочешь — послушай, ведь они сейчас будут музыку новой песни подбирать — по впечатлениям от плавания на подлодке. Добронравов сказал, что стихи к песне он начерно еще на лодке записал. Так что будешь первым слушателем! Я бы и сама здесь осталась, да Мария Ивановна, как назло, малый педсовет в два часа собирает. Ну, я пошла. Счастливо оставаться.

♦ Николка поуспокоился, сердце чувствительное послушалось и тоже забилося пореже. Он присел на высокий стул-треногу киномеханика; с него можно смотреть через окошко не задирая голову и не вытягивая шею. Занятия второй смены начались, потому в школе стояла тишина, а акустика актового зала позволяла Николке хорошо слышать не только звуки рояля, но и звонкий голос Пахмутовой, даже отдельные тихие слова Добронравова различал.

Закончив разбираться с записями в блокноте, причем Добронравов активно чиркал в нем, оба развернули стулья к роялю — Пахмутова по центру, Добронравов сбоку. Прозвучала долгая первая нота. Затихло. Затем прозвучала вторая — тоном пониже, потом еще одна — повыше первой. «Как артиллеристы цель нащупывают,— подумал Николка,— недолет, перелет и цель!»

После паузы и обмена короткими репликами прозвучала в выбранной тональности уже фраза, хотя и короткая. Полуречитативом Александра Николаевна протянула: «На пирсе ти-и-хо...» Эту музыкальную фразу, сопровождаемую текстом, она повторила раз пять. Затем фраза и текст удлиннились: «На пирсе ти-ихо в час ночной...» И опять несколько повторов, с каждым из которых музыка принимала все более и более законченный вид. Как музыкально непросвещенный школьник понимал, что она приобретает именно законченную форму? — Этого он объяснить не мог, но понимал. Далеко не все в музыке можно пояснить словами и понятиями. Когда уже

шибко взрослый Николай Андреянович прочитал основной труд Шопенгауэра, то раздел «Мира как воли и представления» о сущности музыки потряс его и привел в полный восторг. И читая староизданный том, он сразу вспомнил то первое, юношеское сопричастие к творчеству в музыке. Но — это все сначала в светлом советском, а потом и вовсе в темном демократическом будущем...

Меж тем песня приобретала законченную форму. Как тотчас сообразил Николка, эмоционально-смысловым центром произведения являлась строка: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой». Николка прикрыл глаза, представил спокойную гладь прибрежного моря, отсвечивающее неяркие лучи летнего, незаходящего солнца, огромным багровым шаром зависшим над горизонтом, где это тихое море сливается с небом. Тишина, покой и нежаркое солнце. Николка с веранды маячного дома смотрит прямо на солнце, а справа и слева от багрового шара — крутые скалистые берега, выпускающие Кольский залив в море.

Но вот Николка уловил далекий, колотящий звук, а напрягши зрение, увидел, как на входе в залив появилась серая точка — всплыла подводная лодка, возвращающаяся из дальнего похода, а колотящий звук — это включенные на всплытии дизеля. Время ускорило и вот уже подлодка, бокастая, атомная, напичканная крылатыми ракетами, проплывает мимо острова с опершимся на перила веранды Николкой: усталая, прошедшая два-три месяца под водой океана, а на мостике рубки сменяют друг друга моряки: поглядеть на забытый свет, в лихорадочной торопливости выкурить забытую уже сигарету — и уступить место такому же страждущему товарищу, «годку» по-флотски...

А дальше Николка, не открывая глаз, перенесся в бухту Ягельную, прямо на пирс 4-ой точки — военного городка подводников. Та же светлая летняя ночь. Тихо стуча на самых малых оборотах дизеля, усталая подлодка приближается к пирсу... «на пирсе тихо в час ночной».

Николка открыл глаза и посмотрел в окошко: судя по всему, Александра Николаевна записывала ноты. Закончив с нотами, вновь повернулась к роялю и проиграла-пропела уже всю песню: «На пирсе тихо в час ночной...»

Посмотрев на часы, Николка спохватился: времени дойти до дома, наскоро поесть и обратным ходом в ДОФ,— оставалось в обрез. Песню, первым слушателем которой он был, исполнили по радио через пару недель. Пел известный певец.

♦ Николай Андреянович переписал начисто откорректированную формулу изобретения. Остальное, то есть, составление описания, было делом механическим, на работе доделает, когда устанет чертить. Супруга, также доделавшая кухонные дела, то есть, испекшая пирожков с капустой и картошкой, в чем была большой искусницей, щелкала пультом, переключая канал телевизора: всюду скакали с воплями какие-то немыслимые уродливые рожи, здоровенные негритосы в голливудских боевиках взводами и ротами расстреливали белокожих полицейских и прочих законопослушных граждан; на одном канале вкрадчивый политдеятель с физиономией потомственного дегенерата убеждал в экономической мудрости партии (демократической) и правительства. Еще на одном экране усталый и разочарованный в жизни коммунистический лидер лениво отбивался от телеведущего с веселым именем Славик Шустер, а на соседней «кнопке» пузатый и молодой генерал — рост метр пятьдесят, а с фуражкой и под все два — аргументировано доказывал, что именно он предназначен Богом и судьбой быть президентом крохотной сибирской республики, бывшего национального автономного района...

Генералом Николай Андреянович почему-то слегка заинтересовался, но того сменил осанистый поп в праздничной малиновой рясе, сообщивший, что-де России очень повезло с нынешним ее руководством: люди там собрались *неистово* верующие.

Николай Андреянович отдал пульт жене, мимоходом подумав: много каналов теперь на телевидении, да все какие-то кособокие, с воровским уклоном. Ушел на кухню и с возобновившимся аппетитом скушал полную тарелку пышущих жаром духовки пирожков, предпочитая которые с капустой. Затем вернулся в комнату и прилег на диван, отвернувшись от телевизора: на экране страшная образина в очках и видом напоминавшая типичную школьную заучиху, вела популярную в этом сезоне игру «Как украсть миллион». Супруга с интересом смотрела; женщины, даже самые благовоспитанные, очень любят дармовые деньги.

Полуприкрыв глаза, Николай Андреянович вернулся к теме, навеянной далеким воспоминанием.

Справедливым будет отметить, что, в соответствии со всеми законами физиологии, открытыми на заре Советской власти И. П. Павловым, с возрастом в части восприятия музыки с Николаем Андреяновичем ничего не изменилось, то есть, слушал он ее с удовольствием и правильно понимал: где музыка, а где малоосмысленный набор звуков. Со временем хорошо изучил классику, а так называемая «легкая музыка», то есть эстрада и все эти, постоянно нарастающие ВИА-группы, малопопулярные в стране — до демократов — западные «звезды» — это и само в уши лезло. А про последние десять лет ушедшего века и говорить нечего: телевизор выбросить в окно? — Жена не позволит, ибо женщины, пенсионеры и дети уже наглотались этого опиума, не оттянешь за уши, не перевоспитаешь.

Еще отметил Николай Андреянович, что на ТВ музыкальное неистовство почему-то нарастало к концу каждого года, особенно сейчас — в декабре: от хануки до байрама, далее до рождества католического, а там уже и Рождество Христово Православное...

Видно, супруга, еще в полной мере не отошедшая от горячечной суеты с печением пирожков, нажала на пульте не ту кнопку, потому телевизор взревел звуком и монотонным полуречитативом: «...В желтой подводной лодке мы живем, в лодке мы живем». Упоминание про подлодку Николаю Андреяновичу даже и понравилось бы, но желтый цвет он не любил, потому раздраженно порекомендовал супруге убавить звук. «А я думала — ты уже заснул», — наивно удивилась она, но звук убрала. Заодно и канал переключила.

Николай Андреянович полагал себя консерватором в самом здравом смысле слова. Отсюда и его твердые, никем не навязанные, самолично выработанные на жизненном пути принципы, в том числе и в восприятии различных искусств, музыки и живописи в первую очередь. Проще всего дело обстояло с живописью; здесь Николай Андреянович рассуждал с римской прямолинейностью: если художник умеет рисовать, то он и изображает на своих полотнах людей, как они есть в жизни, точно также животных, деревья, корабли... А если он малюет черные квадраты, кучи угадываемого с трудом дерьма, уродов непонятных, да все это нечетко, грубыми мазками, вместо кисти пользуется дворницкой метлой, а то и просто растопыренной пятерней — это вовсе не художник, а прохиндей, расчетливый делец от так называемого модернизма, кубизма и прочего футуризма. С музыкой же было сложнее, потому Николай Андреянович сосредоточился и постарался сделать для себя некие выводы. Он многожды пробовал собрать в этом вопросе воедино свои размышления, но сегодня вроде как расставил все точки над «и».

♦ Почему в настоящее время сосуществуют музыка и та воинствующая дребедень, которую вернее всего называть антимузыкой? Более того, антимузыка в так называемом «цивилизованном мире» господствует полностью. Но разве это удивительно с позиций эволюционных? Возьмем самое разумное на Земле — человека. Разве до настоящего времени дошел человек, прошедший последовательно и строго все ступени эволюции *homo sapiens* ?

Николай Андреевич хорошо учился в школе, а биология — особенно в части происхождения человека — входила в число любимых предметов. Именно поэтому, спустя десятилетия, он живо помнил картинки из школьного учебника, изображавшие дедушку человека — неандертальца и непосредственного отца его — кроманьонца. Помните, наверное, и вы: неандерталец — этакий увалень, что в народе зовут сибирским валенком, со здоровенной башкой, низким, заросшим лобешником, с плоским затылком. А вот кроманьонец — почти уже человек, можно даже уточнить: восточный человек, юркий, подвижный, со смышленными, верткими глазками, высоким, хотя и несколько покатым лбом, затылок — тыковкой. Словом — наш человек, только бедный очень, нет денег в цирюльню забежать да в магазин готового платья...

И действительно, приглядитесь со вниманием к окружающим вас и просто случайно встречным людям, всматривайтесь в мелькающие на экране телевизора лица заморские — вы придете к парадоксальному выводу: независимо от национальности, расы, степени пресловутой «цивилизованности», географического места проживания, словом — независимо ни от чего, все типажи делятся на две основные группы; в одной из них четко прослеживаются потомки неандертальцев, в другом — несомненно кроманьонцев. Понятно, согласно законам генетики, как их не переkreщивай, все одно нечто усредненное не получится.

Николай Андреевич вдохновенно детализировал свою теорию. Попробуйте проанализировать профессиональную принадлежность потомков неандертальцев и кроманьонцев? Получится весьма любопытная картина. К первым относятся (опять же независимо от национальности) по-преимуществу уголовники-рецидивисты, профорги и парторги крупных предприятий*, генералы и маршалы, ротные старшины, милиционеры-гаишники, завскладами и кладовщиками, шоферы-дальнобойщики, женщины-прокуроры, буфетчицы, продавщицы продовольственных магазинов, изобретатели вечных двигателей и пр. — то есть, люди, обладающие гигантской волей, которая у них верховодит над разумом (который, конечно, у них также имеется) и эмоциями.

Ко вторым же по-преимуществу относятся люди искусства, гуманитарии, ученые, рабочие со средним образованием, воры-карманники, инженеры, истеричные дамы, шулеры высокого полета, университетские преподаватели. Их отличительной чертой является как раз наоборот: преобладание разума и эмоций над волей, несколько ослабленной.

Раз заинтересовавшийся им же сделанным открытием, Николай Андреевич не поленился сходить в областную библиотеку, порылся в каталоге и взял для домашнего прочтения книгу по исторической антропологии. С восторгом вычитал он, что эпохи неандертальцев и кроманьонцев пересекались. Они сосуществовали в исторических и географических ареалах, но что взяло современное человечество от тех и от других — об этом ученые авторы книги ничего сказать не могли, мысленно разводили руками. Однако, Николай Андреевич на этот вопрос ответ уже знал.

Попутно он существенно дополнил и френологическую теорию Чезаре Ломброзо. Об этой теории, не вдаваясь в обсуждение ее сути, неодобрительно отзывались в отечественных учебниках физиологии и солидных монографиях, дескать, если у человека низкий лоб и плоский затылок, то не совсем обязательно это преступный тип... может быть даже и наоборот.

Николай Андреевич созвонился с давней своей знакомой — доцентом философии местного пединститута, у которой имелась роскошная наследственная библиотека, и уже на следующий день бережно переворачивал пожелтевшие страницы дореволюционного издания тома. Все правильно написал знаменитый психиатр и психопат

*Свою теорию Николай Андреевич развивал еще в советское время, отсюда и название исчезнувших в новейшее время профессий и увлечений.

толог, но не объяснил эволюционную причину наследственного разделения людей по их наклонностям, совпадающим со строением черепа. Николай Андреевич придал теории Ломброзо логическую завершенность.

...Итак, по планете рассеяны потомки неандертальцев и кроманьонцев. И смотря по тому, в ком преобладает генотип того или другого, формируется и индивидуальный характер с преобладанием воли или эмоциональной чувствительности, склонности и рефлексии, учености в том числе.

А какое отношение к музыке имеют эти биологические теории? — А прямое, самоутверждался наш герой.

Вся история развития музыкального искусства от примитивных свистелок до высшего развития симфонизма есть совершенствование гармонического строя. Музыка Вагнера и венской школы, русская классическая опера XIX века, а под несомненным влиянием последней и феномен Грига — это вершина гармонической музыки. В России, то есть уже в СССР, в лице живого классика Свиридова гармоническая традиция в высшем ее развитии продолжилась почти до самого конца XX века.

Но с конца века девятнадцатого замечается развитие внутри гармонического симфонизма, постепенное усиление ритмики. В следующем веке ритмика уже торжествует, например, у Шостаковича, да и у Прокофьева тоже. Как положено, появился и теоретик ритмизма в музыке — Арнольд Шенберг.

♦ Этот самый Шенберг подарил наступившему веку XX и всему человечеству додекафонию, то есть двенадцатитоновую музыкальную систему, полностью отвергавшую гармонию. С того времени вся западная классика молится на Шенберга.

В легкой музыке в XX веке гармония и ритмика в приятном для слуха сочетании держалась достаточно долго. Передовым бойцом здесь оказался джаз. В умной Советской стране были и дураки; к последним первоочередно следует отнести агитпроп и минкульт. Обладай они хоть средним умом, то не плевали б на джаз, а заполнили джаз-бандами все эстрады от Бреста до Камчатки — по горизонтали, от Земли Франца-Иосифа до Кушки — по вертикали (если размышлять, глядя на карту 1/6 суши Земли).

Против искусного саксофона, аранжированного вспомогательными инструментами и мужественным, хорошо поставленным голосом, не устояли бы безголосые певцы и певички, отвратительно тренькающие электрогитары и вершина музыкального суррогата — синтезатор. Все-таки Россию губят даже не дороги (национальный транспорт России — СССР — танк* грязи не боится!), но исключительно дураки. Про новейшие времена и говорить не приходится: покрой всю страну от Земли Франца-Иосифа... (см. выше) немецкими автобанами или штатовскими федеральными магистралями — уже ничего не изменишь.

С джазом или без джаза, но в СССР до его разрушения силами Мирового Зла гармония еще как-то сдерживала натиск ритма, но в остальном (западном) мире, как уже сформулировал ранее Николай Андреевич, смертельный удар по гармонии в популярной музыке нанесли жучковатые битлы. И понеслось!

Далее наш музыковед-любитель сделал основополагающий вывод: гармонию, адекватную самой эволюции человека разумного, к концу века и тысячелетия оттеснил голый ритм, присущий человеку на самых ранних ступенях его развития, а в наше время сохранившийся только у диких африканских племен. А вторгся он в современный мир через негритянскую музыку в США: отсюда и Шенберг, отсюда и битлы (джаз не в счет).

* Очень умный анекдот на эту тему: Собрались в кучку американец, француз, немец и русский (т.е. советский). Разговаривают о транспорте: кто и на какой машине ездит на службу, к любовнице и за границу. Доходит очередь до русского: на работу, дескать, на трамвае удобно ездить; к любовнице пешком хожу — рядом живет, а за границу я выезжаю, как все нормальные сограждане, на танке!

Другой вопрос: естественный это процесс или кому-то очень нужно? Николай Андреянович склонялся ко второму, связывал это с одним из стратегических направлений деятельности сил Мирового Зла, кардинальная цель которого: превращение основной массы человечества в скотов с минимальными духовными потребностями, апологетов набитого желудка и кармана, которых интересует только эта самая жратва, койка, доступные бабы и — все. Таким скотом крайне легко управлять, двигая в нужных направлениях. Мелкобуржуазная биомасса и только.

И подобно тому, как человечество и ныне представлено потомками неандертальцев и кроманьонцев, так и в современной музыке сосуществуют воинствующий ритм дикарей и облагороженная веками и тысячелетиями гармония.

...Николай Андреянович таки вздремнул от умственного усилия, но его легонько тронула за плечо супруга:

— Рано еще, не засыпай, а то всю ночь ворочаться будешь. Съешь-ка еще пирожков.

Николай Андреянович повернулся лицом к комнате, с интересом посмотрел на тарелку с горкой пирожков, на свежесваренный чай в личном стакане с подстаканником. Все это супруга поставила рядом с диваном на низенький столик. Занялся делом. Поневоле смотрел и на экран телевизора. Все каналы крутили музыку. Сначала юная татарка из Бугульмы, дочь нефтяного короля тех мест, спела искусственно прерывистым слабеньким голоском невесту о чем. А вслед за ней вскочил таким чертом некто лохматый, раздрыганный, в цыганской рубахе без опояски и звенящим голосом запел нечто двусмысленное, явно относящееся к половым извращениям: «...Каждый хочет любить: югославский солдат и английский матрос, каждый хочет иметь и невесту, и друга».

Николай Андреянович легонько матюгнулся и потребовал переключить на другой канал, а там Боярский в своей знаменитой шляпе мелодично гнусил о зеленоглазом такси... На смену ему вышел голливудский мальчик Басков и спел про шарманку. Николай Андреянович поуспокоился, докушал пирожки и принялся за чай, с удовольствием обнаружив с стакане и лимонный кружок.

Этой ночью ему приснился хороший сон из детства — юности на Севере. По тихой глади залива неторопливо шли крейсера и эсминцы, которым почтительно уступали форватер сухогрузы и рыбацкие сейнеры. Из упрятанных в расщелинах береговых скал губ-фиордов с дизельным стукотком выходили крутобокие подводные лодки. Во всех направлениях между островами сновали быстрые катера. Жизнь была ключом светлой полярной ночью. «На пирсе тихо в час ночной...»

Александр Томазов *
(г. Тула)

ЗАПАХ ЗЕМЛЯНИКИ

Жизненные обстоятельства изменились, и мне срочно понадобилось что-то, что хоть как бы перевернуло мою жизнь и буквально встряхнуло мою замершую душу. Серость и пустота каждого дня съедали радость жизни, и с этим безотлагательно надо было что-то делать. Время шло, а я никак не мог решить, что предпринять. И, о великий случай, именно в это время мой хороший друг и единомышленник предложил испытать с ним радость полета, познать голубизну неба изнутри и почувствовать, каков запах ветра там, наверху... Он предложил мне прыгнуть с парашютом! Но, даже несмотря на отчаянность моего положения, восторга это предложение поначалу не вызвало. Да, спору нет, совершить сие действие очень заманчиво, и абстрактно, где то в глубине души, я, безусловно, хотел этого; но поняв, что это событие начинает вставать передо мной со всей неотвратимостью, представив, как ветер шумит там, на высоте километра и, самое главное, осознав, что именно я и никто другой должен будет сделать последний шаг в пропасть... я отказался.

Особого стыда перед собой за отказ я не испытывал. Все-таки парашютный спорт, парашюты и парашютисты — это где-то там далеко-далеко; да, есть такие безрассудные люди, отчаянная храбрость которых позволяет им творить даже такие вещи, но при чем же тут я, простой человек, за всю свою сознательную жизнь не поднимавшийся выше девяноста метров, да и то по причине работы в соответствующей организации. Поэтому я с легким сердцем отказался составить своему другу компанию, и вновь погрузился в свои невеселые размышления. Стоял зенит лета, синее небо и яркое солнце подчеркивали прелесть жизни, даря людям незабываемые моменты счастья; и странный парадокс: чем голубее был небосклон, тем тяжелее становилось мне на сердце; чем сильнее заливала наша звезда своим светом землю, тем мрачнее становилось у меня на душе. В таком невеселом настроении я встретил следующий день, такой же восхитительный и праздничный... и этот день стал той соломинкой, что переломила спину верблюда. Это произошло за несколько минут: апатия ко всему сменилась решительностью, неуверенность — предвкушением, а страх — нетерпением! Теперь меня аж трясло от ожидания того момента, когда я, облаченный во всю парашютную экипировку, сделаю свой шаг за борт самолета. По моему замыслу, этот шаг станет поворотным событием в моей жизни, перевернет все с ног на голову. И, самое главное, вернет мне радость самого существования на этой земле! Если быть до конца откровенным, то я искренне желал, чтобы парашют в назначенный срок не раскрылся; пусть бы что-то помешало ему, и я спустился бы на запасном; либо, хотя бы, он раскрылся на несколько мгновений позже срока... в общем пусть бы он делал что хотел, лишь бы я осознал всю ценность жизни, понял, насколько я счастлив, живя на этой земле полноценным человеком.

* Наш постоянный автор.

От всех этих мыслей я буквально заживо родился! Апатия ко всему немного отошла на второй план. Не исчезла полностью, нет, но чуть-чуть уменьшилась. И этого «чуть-чуть» мне уже хватало, чтобы дышать свободно, не возвращаясь каждый раз мысленно к тем событиям, которые похоронили меня заживо. На следующий же день по телефону связался я со своим другом, который подкинул мне столь замечательную идею, но ирония судьбы! — обстоятельства его складывались так, что отправиться со мной на аэродром он не мог. Ни завтра, ни послезавтра. Тогда уже я начал предлагать своим хорошим знакомым составить мне компанию. Желающих, помимо меня, набралось еще трое, и к решающей субботе мы должны были уже все обговорить и уладить. Аэродром находился в области моего города, километрах в семидесяти. В назначенный день мы должны были сесть в автомобиль и организованно прибыть к пункту назначения, но, как обычно, кому-то что-то помешало, кого-то покинуло желание, и в итоге на летное поле я шагнул в гордом одиночестве. Не скажу, что это меня огорчало, скорее наоборот. Я один, и бороться с собой буду тоже один. Нет друзей, которые подначивают тебя, не перед кем рисоваться, делая вид, что тебе не страшно... Честная борьба со своим «Я», один на один!

На место я прибыл рано. Пришлось еще час сидеть, ожидая приезда хозяев аэродрома, наблюдая, как завсегдатаи складывают парашюты, самолеты прогревают моторы и, одна за другой, подъезжают машины с такими же желающими покончить с серостью ежедневных буден. Одна компания приехала на двух машинах; веселые парни и симпатичные девушки внесли некоторое разнообразие в унылый серо-зеленый пейзаж. Тишина, которая наступала после того, как какой-нибудь самолет прогреется, то и дело взрывалась смехом и визгом, тех, кто через какие-нибудь два с половиной часа будут ломать себя там, на высоте девятьсот метров. До этого я как-то и не думал, что девушки тоже могут иметь желание прыгать. За ними было интересно наблюдать: развлекать ребятками, они веселились и смеялись, но их лица то и дело становились серьезными. Видимо мысль о прыжке не отпускала их. Я тоже сидел за рулем автомобиля, размышляя о том, что через такое короткое время жизнь для меня будет выглядеть несколько иначе, чем сейчас. Думая об этом я не мог скрывать волнение. С тоской подумал о том, что уже пятый год не курю... Сигарета была бы сейчас очень кстати.

Переведя взгляд влево, я заметил, что у стоящей рядом машины парень, чуть старше меня, пытается собрать большую модель самолета со спиртовым моторчиком. Облокотив фюзеляж модели на бампер, он пытался пристегнуть к нему крылья, но это никак не удавалось сделать: корпус самолета то и дело падал. После седьмой его попытки я вышел из автомобиля и предложил свою помощь. Во-первых, мне было скучно, и время тянулось очень долго, надо было его как-то занять, а во-вторых, мне стало жаль парня. Вдвоем мы за три минуты собрали летающее средство и завели его. А запуск пришлось отложить, потому как на летном поле сейчас хозяйничали настоящие самолеты. Валера, так звали моего нового знакомого, приехал сюда запустить свою модель и полетать на планере, но, подумав, решил также прыгнуть с парашютом, так сказать, заодно. Вдвоем нам было уже веселее. Вскоре желающих покорить небо построили, все поименно записались в тетрадь и бодрым шагом пошли в учебный класс. Скорость подготовки к первому прыжку меня поразила: уже через час мы пошли в медпункт на освидетельствование. За это время нас познакомили с конструкцией того устройства, с которым предстояло шагнуть в бездну после слова «пошел», которое крикнет инструктор; объяснили, за что дергать и как подчинить парашют своей воле. Посоветовали также, непосредственно после приземления, не медлить, как можно скорее собрать парашют и покинуть летное поле, потому как одновременно с нами будут летать планеристы, а им лишние помехи на пути ни к чему. Особенное внимание было уделено непосредственно приземлению, расчеховке

запасного парашюта и моменту раскрытия основного. Откровенно говоря, автомат сам раскроет купол после истечения пяти секунд, но как же так — прыгнуть и не дернуть самому за кольцо? Об этом не могло быть и речи. Никаких пяти секунд. Три — и рывок кольца, затем динамический удар и белый купол над головой. Затем отогнуть краешек кармашка на запасном парашюте, вытянуть шнур из петли и все! Наслаждайся полетом. И только перед самым приземлением, когда начнешь различать траву — сгруппироваться, так, чтобы увидеть свои носки из-за рюкзака с запасным парашютом и почувствовать удар о землю. Свалиться на бок, а затем погасить купол. Оглядеться, собрать все принадлежности в специальную сумку, которая пристегнута к рюкзаку и шагать к месту сбора.

Все вроде бы просто, но один момент тревожил меня. Даже два. Первый заключался в том, что я опасался рвануть за кольцо раньше времени. В полете ты должен отсчитать три секунды, но только полноценных. Существовали реальные опасения в момент прыжка прокрутить в голове цифры один, два, три, и дернуть кольцо. И сделать это можно быстрее одной секунды. А это слишком быстро. И второе — я боялся забыть, что после раскрытия основного парашюта, нужно принять меры к тому, чтобы не спускаться на двух куполах сразу. Для этого необходимо было отключить запасной парашют от таймера сразу после раскрытия основного. Все эти мысли пронеслись у меня в голове, когда мы, обследованные врачом, с измеренным кровяным давлением, стояли выстроенные в одну линию, а на нас надевали ранцы, застегивали карабины, проверяли и перепроверяли ремни. Затем началось распределение по весу. По итогам выяснилось, что судьбою мне предназначено выходить из самолета вторым, чему я немало обрадовался, так как опасался, что буду первым; в этом случае я не мог увидеть, как выглядит человек в момент отделения от борта. А мне очень хотелось увидеть это, увидеть, как влекомое потоком воздуха тело сносится влево и вниз, как меняется выражение лица у парашютиста... Все это мне удалось наблюдать. И этим человеком оказался Валера. Именно он должен был открыть череду наших прыжков.

Прыгали двумя группами в двух взлетах. Проверив нас по последнему разу, инструкторы, тоже с парашютными ранцами за плечами, повели нашу группу к самолету. Машина с синей полосой по борту стояла, гордо развернув крылья, ожидая, когда люди заполнят ее нутро. Распределив всех по местам, выпускающий занял место около люка и подал знак пилоту. Тот завел двигатель и шум заполнил все вокруг. Трава пригибалась от потока ветра, пару раз самолет дергался вперед, словно от нетерпения. И только в этот момент я почувствовал некую тревогу, начиная понимать, что уже очень-очень скоро мне придется делать шаг вперед. Такой маленький, и такой большой! Страх, которого вообще не было до этого момента, начал потихоньку подкрадываться ко мне. Я оглянулся, и осмотрел сидящих. Их лица поражали своей серьезностью. Как позже выяснилось, у меня лицо тоже было каменным. Я взглянул на Валеру, который сидел справа от меня и был ближе всех к люку. Его глаза были пусты и устремлены в куда-то в сторону... Несомненно, он волновался. И в этот момент мы начали взлет. Самолет покатился вперед, набирая скорость. А момента отрыва от земли я не почувствовал. Через пару секунд мы уже были над верхушками деревьев; наша стальная птица рвалась ввысь, оставляя внизу все печали и хлопоты. И страх начал проходить так же стремительно, как и появился. Я глядел в иллюминатор и улыбался: улыбался себе, улыбался выпускающему и приоткрытому им люку, улыбался голубому небу. Одной рукой держась за поручень, другой я изредка поправлял сползающий шлем.

Накатила тошнота, спазмы стали схватывать желудок.— Хорошо, что я с утра ничего не ел,— подумалось мне, и в этот момент прозвучал резкий звук сирены, одновременно с ним вспыхнула лампочка слева от выпускающего. Парень начал от-

крывать люк, требовалось выкинуть два пристрелочных парашюта, точнее — парашютика. Их связали вместе, и бросили вниз. Своим полетом они должны были показать направление ветра. Прошло еще немного времени, и выпускающий жестом поднял Валеру. Тот встал на пороге люка: левая нога на самом краю, правая чуть сзади, руки скрещены на груди и правая кисть обхватывает кольцо. Медленно начали тянуться секунды, врывающийся ветер трепал одежду. Вот Валера перевел на миг взгляд на меня; я ободряюще полуулыбнулся ему, но никакой реакции в ответ не получил. И в этот момент мы услышали: «Пошел!» Валера оглянулся на выпускающего, тот повторил и убрал руку с плеча парашютиста. Бросок вперед — и человек уносится вниз со страшной скоростью. Стал виден раскрывающийся стабилизирующий парашют. В следующее мгновение Валера исчез из моего поля зрения. Люк прикрыли, и самолет пошел на новый заход. Пришло ясное осознание того, что я следующий. Самолет сделал круг, и я посмотрел на лампочку. Скоро она загорится, возвещая о том, что время пришло.

Тошнота усилилась, но я не обращал уже на нее никакого внимания. Я глядел на лампочку. И вот она зажглась, дублируя сей факт резким гудком. Выпускающий открыл люк и жестом показал, чтобы я шел к нему. Самолет раскачивало, и мне пришлось держаться за обшивку. И вот уже я стою на самом краю, и чувствую ветер... Говорят, чтобы было легче прыгать, нужно смотреть в горизонт. Но я упрямо глядел вниз, туда, куда сейчас мне предстояло шагнуть. Там, за люком, были облака; но сейчас это был обычный, густой-густой, но все-таки туман. Земля делилась на квадраты и прямоугольники, пруд был маленьким синим пятнышком. Выпускающий держал меня за скобы на краю ранца, а у меня в голове одна мысль затмила все другие: все, деваться некуда, сейчас я сделаю это. Сейчас, вот сейчас, уже сейчас! Все, в следующую секунду! Вспомнилось, как заходит сердце на качелях, когда вы летите вниз. А сейчас я полечу еще ниже, и сердце зайдет так, как еще никогда не заходило. И может даже не выдержать! — «Пошел!!!» — услышал я над ухом. Так же как и Валера, я посмотрел на выпускающего, еще не веря до конца, что пора. — «Пошел» — повторил парень, глядя мне в лицо и улыбаясь. В ответ я тоже улыбнулся, перевел взгляд вперед, посмотрел вниз и оттолкнулся от борта. Станный момент — я замер в невесомости, мое тело ничего не весило. Это было прекрасно! В мозгу проносились цифры: пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два, пятьсот двадцать три... Пора, понял я, и со всей силы рванул кольцо так, что чуть лямка не треснула. В следующую секунду меня дернуло. Отогнув край кармашка, вытянул шнур запасного парашюта, и только потом догадался проверить, а точно ли мой основной парашют раскрылся. Мгновенно переведя взгляд вверх, убедился в этом, и ощущение счастья пронзило меня насквозь. Я сделал это, смог, решил!

Я летел и кричал во всю силу своих легких: «Я счастлив!» Солнце освещало все-все вокруг, свежий теплый ветер дул слева и я начал оглядываться, размышляя над тем, куда мне править. Увидев скопление строений, и обнаружив в том же направлении свой автомобиль, стропами начал корректировать свой полет. Тошнота еще усилилась. Боковым зрением увидел другой белый купол. Уже на земле я узнал, что двое человек не прыгнули. Вскоре я начал замечать, что земля ускорила свой набег на меня. Пришло время группироваться. Земля все ближе, ближе, удар... Я приземлился. И вдруг мир замер. Запах земляники стоял повсюду, он дурманил! Все поле было усеяно ягодами, красными маленькими капельками. И вдруг меня потянуло вперед. Порыв ветра тащил за собой мой купол, который я не погасил. В ответ я начал подтягивать нижние стропы, затем встал на ноги и потянул сильнее. Агония купола была недолгой, через несколько секунд он, недвижимый, лежал на земле. Я распрямился, стянул с себя шлем и отстегнул все карабины. Тяжесть в ногах пропала, а взамен нее появилось огромное ощущение свободы, счастья и покоя.

Собрав парашют в сумку, я закинул ее на плечо, взял в другую руку запасной парашют и направился к желтому флагу, в виде колпака, который показывал направление ветра. На базе я появился даже раньше Валеры, который подошел после, с растерянной улыбкой, таща в руке сумку. Сдав девушке по описи кольцо, шлем и два парашюта, мы принялись наблюдать за остальными. Белые купола были повсюду, двое спускались на двух куполах. Вскоре появились и те веселые ребята, на их лицах застыли улыбки. Все вместе прошествовали мы к вагончику, где нам выписали свидетельства о первом прыжке, а затем мы отправились в столовую, голод уже давно давал себя знать. Тошнота прошла там же, на поле, когда я только почувствовал запах ягод, поэтому ел с удовольствием. А когда сел в машину, завел мотор и поехал, то увидел ту компанию молодых людей; он открывали шампанское, игристое вино летело разноцветными каплями вверх. Я посигналил, и все замахали мне в ответ. По дороге к городу ехал уже другой человек, тот, прежний, остался в самолете, в стареньком, но бойком «кукурузнике», с синей полосой на борту.

Галина Ключникова
(г. Сергиев-Посад)

ТРИНАДЦАТЫЙ УРОВЕНЬ

Окончила Московский институт стали и сплавов. Работает в ЗАО «Художественные изделия и игрушки». Публиковалась в сборниках: «Братина», «Песня за отечество и веру», в литературном журнале «Форум». Автор поэтических сборников «Зачерпнуть в пригоршни лучей золотых» и «Полинкины стихи».

1

Кирилл проснулся от дикой головной боли. Боль шумела в ушах, наливая голову свинцовой тяжестью, больно было даже открыть глаза и оглядеться. Темно!

— Нина, Нина,— тихо позвал он жену.

Тишина. Нина не отозвалась. Осторожно высвободив руку из-под одеяла, мужчина нащупал на тумбочке у изголовья лампу и нажал на выключатель. Комната наполнилась неярким светом.

— Нина...

Кирилл понял, что Нины здесь нет. Он спал не у себя в спальне рядом с женой на их удобной широкой кровати европейского стандарта, а на узкой тахте в комнате сына. Вернее, эта комната предназначалась сыну, когда он подрастет, а пока это была и комната для гостей, и игровая, и кабинет одновременно, по мере необходимости.

— Почему я здесь? Перепил что ли? Нет, я же совсем не пью. Да и не помню, что же вчера было?

Он еще раз обвел комнату взглядом. Она была невелика и почти без мебели. Тахта, на которой он лежал, тумбочка у изголовья, узкий книжный шкаф в углу, музыкальный центр рядом и во всю ширину окна — компьютерный стол. Монитор подмигнул ему серым экраном:

— Ну, как наш тринадцатый уровень? Прошел?..

— Нина!!! — закричал Кирилл, переполошив квартиру, и потерял сознание.

2

— Кровоизлияние в мозг,— констатировал врач скорой помощи.— Собирайте, будем госпитализировать, он, что, много пил? Жаль. Такой молодой еще...

— Нет, он совсем не пил, он... он много играл в электронные игры. Компьютер и много всяких разных карманных... не знаю, как эта зараза называется...

— Ясно, — вздохнул врач,— чума 21 века.

Кирилла увезли, не позволив Нине поехать в больницу.

— Зачем Вам мучиться остаток ночи. В себя он придет не скоро, если вообще придет. Номер больницы я Вам назвал, утром позвоните, узнаете в какой он палате. Положение у него пока стабильное, так что, оставайтесь дома. Дети-то есть?

— Двое. Дочка и сын, семь лет дочке и четыре сыну.

Доктор сочувственно посмотрел на женщину, успокаивающе похлопал по руке, вздохнул и вышел из квартиры вслед за санитарями, уносившими мужчину из дому, возможно, навсегда.

— Не жилец! — кинул он водителю. — Поехали в сорок восьмую клинику.

— Алкаш?

— Хуже, Игрок!

Нина присела за кухонный стол, опустив руки в ладони.

— Ну, вот и все, вот и все, — билась в виски одна и та же мысль. — Маме позвонить? Нет, лучше утром, зачем сейчас будить...

— Успокойся, я сейчас чай согрею, — Валентин тихо подошел сзади и приобнял за плечи.

Она повернулась к нему и улыбнулась. Улыбка получилась нерадостная, горькая.

— Я ему такого не желала!

— Никто не желал. Он сам выбрал свою судьбу! Ты и так с ним намаялась. Пей чай и успокойся.

Валентин принес плед из комнаты, заметив, что Нину колотит нервная дрожь, укрыл ей плечи. Потом взял ее руки в свои и стал согревать их дыханием. А Нина погрузилась в воспоминания.

3

Два друга Кирилл и Валентин ухаживали за Ниночкой с первого курса. Она, студентка Института Культуры — будущий искусствовед, они — студенты МАДИ. Ухаживали красиво, с выдумкой, развлекая ее, зазывая в свои студенческие компании с гитарами и шашлыками, с байдарками и шумными реками, с Новым годом в Крыму. За три года она побывала в стольких местах, увидела столько нового и интересного, сколько не видела за свои семнадцать лет. Поначалу, ей нравились оба парня, и она не могла остановить свой выбор ни на одном из них. Но потом, она поняла, что любит Кирилла. Парень был детдомовский, жил в общежитии, ей все чаще и чаще хотелось приласкать его, пойти с ним в магазин и выбрать ему достойную одежду, привести в порядок его красивые, чуть выющиеся, черные, как смоль, волосы. Кирилл был красив. Высокий, голубоглазый, усатый. Валентин тоже был красивым, но совсем другой. Единственный сын состоятельных родителей, ухоженный и хорошо одетый, он контрастировал со своим другом во всем: блондин среднего роста, спортивно сложенный. Его зеленые глаза всегда были серьезны, даже, когда он смеялся и шутил. Всегда гладко выбрит и организован. Нине показалось, что в семейной жизни он станет педантом и занудой. На третьем курсе она вышла замуж за Кирилла. Ее отчим подарил им на свадьбу прекрасную трехкомнатную квартиру в новостройке. А Валентин был на свадьбе свидетелем, весь вечер, оберегая ее, не позволив даже шуточного «похищения невесты».

Семейная жизнь потекла безоблачно и счастливо. Они защитили дипломы и устроились на работу. Через полгода после защиты Нина родила девочку. Валентин поступил в аспирантуру в своем институте, а Кирилл с удвоенной энергией принялся делать карьеру в своей фирме. Он любил своих девочек и хотел, чтобы они ни в чем не нуждались. Нинин отчим, в чью фирму и поступил работать Кирилл, всячески поддерживал стремление зятя и дал его карьере «зеленый» свет. Когда девочке исполнилось три года, на свет, к великой радости папы и деда, появился сын. Вот тогда в семье и появился тот роковой подарок.

Маленькая Лидочка радовалась братику, как новой игрушке, Кирилл, казалось, лопнет от гордости — сын Максим, продолжатель рода! А отчим, в качестве подарка

новорожденному, притащил навороченный компьютер, сразу с подключением к Интернету.

— Пусть внучок с пеленок к прогрессу приучается, с компьютером управляться научится раньше, чем ходить и говорить. А пока, ты, Ниночка, его осваивай.

— Да что мне его осваивать! Что я с компом обращаться не умею, что ли? Да я, пока работала, от компьютера не отходила, да и Кирилл весь рабочий день возле него сидит.

— Так то на работе, а то дома. Тут тебе связь со всем миром!

В итоге все пришли к общему знаменателю, что подарок «здоровский», благодарили Сергея Петровича и весь вечер лазали по Интернету, выискивая всякие приколы, музыку, фото, фильмы и игры.

Когда Кирилл наткнулся на эту злополучную игру, Нина не знает. Однажды он предложил ей поиграть в игру с интригующим названием «Последний стон цивилизации, или возвращение Акваториана». Нина прошла первых два уровня, игра ей быстро надоела. Она была почти однообразна, занимала много времени и еще, что больше всего Нине не понравилось, была очень жестока и сделана так натурально, что вызывала у женщины страх.

— Ерунда какая-то! Где ты такое взял? Она же жутко жестокая. Ты в нее не играй.

Но Кирилл увлекся ею настолько, что с Ниной разговаривал только о ней, счастливо сообщая, что удалось пройти очередной уровень.

— Ничего,— думала Нина,— вот закончит ее и снова станет прежним.

Кирилл быстро прошел двенадцать уровней, а на тринадцатом, последнем, застрял. Он забыл обо всем на свете: о Нине, детях, доме, постепенно превращаясь в «зомби». Нина пыталась ругаться с ним, уговаривала, напоминала о детях, но мужа не интересовало ничего, кроме проклятого тринадцатого уровня.

— Нинок, потерпи немножко. Мне чуть-чуть осталось. Вот пройду его и все! Честно, больше никакую игру начинать не буду!

— Ну, пройдешь, и что? Что изменится? Ты что, разбогатеешь, помолодеешь или станешь более счастливым? Дети без тебя растут, видят только спину твою за компьютером!

— Все, Нин, не мешай, иди, спи, я скоро!

— Кир, мне завтра Максимку на прием к врачам везти надо, отпросись с работы.

— А? Хорошо, хорошо... Иди, не мешай.

Назавтра он, конечно, обо всем забывал, и Нина, не дождавшись мужа, звонила отчиму или Валентину с просьбой отвезти ее в поликлинику.

Валентин не раз пытался говорить с Кириллом, но тот все глубже погружался в виртуальный мир. Теперь он играл не только дома после работы, но и, купив карманный вариант какой-то игры, в метро и даже на работе. Карьера его пошла под гору, но он, кажется, этого даже не замечал. Последний год в фирме он присутствовал только номинально, его не увольняли только потому, чтобы не расстраивать Нину, которая думала, что хотя бы на работе он занимается делом. Он превратился в робота, который, позавтракав, бежал к метро, с упоением нажимая на кнопки. В офисе, воровато оглядываясь, включал рабочий компьютер, делая вид, что занят работой, продолжал лихорадочно жать на кнопки, увлекаясь и, в конце концов, ничего и никого не замечая вокруг. Он перестал обедать, а вечерами, возвратившись домой, с жадностью съедал ужин и перемещался к компьютеру, к своему, никак не поддающемуся, тринадцатому уровню.

Нина следила за его одеждой, покупая ему вещи без примерки. Особенно сложно было с обувью, но потом, купив однажды удачные туфли и зимние ботинки, она купила их несколько пар сразу, чтобы не мучиться потом в поисках подходящей обуви.

А Кирилл не замечал ничего, ни подросших детей, ни похорошевшей жены, ни поселившегося в их доме Валентина.

Он играл до тех пор, пока его мозг не отключался. Кирилл выключал компьютер и падал на узкую тахту, иногда даже не раздеваясь. Со временем, когда Нина поняла, что в спальню муж так и не вернется, она стала расстилать ему постель на тахте.

А Валентин помогал Нине растить детей, водил Максимку в бассейн, и Лидочку первый раз в первый класс повел тоже не папа, а Валентин рядом с Ниной.

Дети постепенно поняли, что папа Кирилл занят, а вот папа Валентин всегда рядом. Он поможет починить сломавшуюся машинку, сварит вкусную кашу, погуляет на площадке и научит кататься на велосипеде.

Полгода назад Нина сказала Кириллу, что подала документы на развод. Но он лишь кивнул, едва ли осознавая сказанное. На два уже состоявшихся суда Кирилл, естественно, не явился, хотя и был уведомлен Ниной, а третий, который был назначен в следующем месяце, должен был развести их. Конечно, Нина обращалась к психиатрам, но те ничего не могли поделать без доброй воли Кирилла, который не считал себя больным. А на принудительное лечение Нина не решалась, не веря в его действенность. Она не раз ломала компьютер, но все сводилось лишь к тому, что Кирилл либо ремонтировал свою «игрушку», либо покупал новую, тратя значительные средства семейного бюджета.

Как они будут жить после развода, Нина представляла с трудом. Уходить Кириллу некуда, да и одного его оставить в квартире нельзя. Он или умрет от истощения и голода, или превратится в нечто немытое, нестиранное и нечесаное, забудет про работу и деградирует окончательно. Жить так, как они жили последний год, Валентин, став законным мужем, вряд ли согласится. Нелепо все! Тупик!

И вот, теперь, когда, казалось, все было решено, когда Нинина мама согласилась присматривать за Кириллом после развода, когда после беспросветной боли и разочарования забрезжило счастье, он позвал ее, Нину! Разве сможет она теперь оставить его, когда ему снова надо учиться ходить, говорить и жить...

Валентин внимательно смотрел на Нину. Он любил ее давно и неизлечимо. Он понимал каждый ее взгляд, каждый жест и каждую морщинку.

— Что ты еще надумала? Конечно, мы не оставим его, найдем врачей и сиделку, сделаем все, чтобы поставить его на ноги. Но ты пойми, он уже не тот человек, который был моим другом, и за которого ты выходила замуж. Да и дети давно уже — мои дети, а не его. Он едва ли помнит о них, и давно забыл, сколько им лет...

Нина уткнулась Валентину в плечо и горько заплакала.

Зазвонил телефон.

— Алло... да, квартира Забелиных. Кто я? Друг! Что??!!

Пик... пик... пик...

Они долго сидели на кухне, обнявшись и не разговаривая, трубка, которую Валентин почему-то забыл отключить, пикала, а вода в кране капала редкими каплями, сопровождая их рыдающим сердцем.

Роман Романов
(г. Тула)

В ПРИБЫТКОВО

Публикуется с 1986 года в армейской, центральной и тульской прессе, в литературных сборниках «За жизнь» и «На крыльях Пегаса», член литобъединения «Пегас».

Нестарым было еще селение Прибыtkовo, что на Унд-озере. Всего пять сотен лет насчитывало, и жителям его такой срок считался юностью. Их количество никогда не изменялось — кто-то уезжал на заработки или по своим делам, а кто-то возвращался. Один них кажущийся необщительным инженер-механик, выпускник провинциального вуза Игорь Дашков поселился на время в доме местной доброй колдуньи, костоправки и травницы бабушки Мани. От здешнего лодочника Елисея старожилы знали о первом случае появления здесь Дашкова.

— В ту ночь в окно моего дома постучали,— с легкой хрипотцой говорил Елисей.— Выглянув, я увидел на крылечке двух утомленных дорогой молодых людей. Девушка опиралась на плечо парня, а тот протянул мне холодную, будто отлитую из хрусталя красную звездочку. Я знал об этом знаке из древней легенды, слышанной еще моим прадедом, и я знал, как поступить. Пригласив путников в дом, и, как следует, угостив их, пошел готовить лодку. Вскоре мы направились темной гладью озера к островку. Здесь я открыл потайной люк, зажег фонарь и пригласил гостей пройти по винтовой лестнице вниз. Сам же пошел следом — так требовали обстоятельства. Вскоре мы оказались в пустынном, отделанном гранитом тусклом подземелье. Но вскоре здесь вспыхнул свет, молчаливые камни покрылись золотыми и серебряными узорами, а из-под потолка полилась приятная музыка. Постепенно она становилась все громче, а потоки света усиливались. Кружащие в свободном полете влюбленные постепенно превратились в звезды и поднялись через люк вверх. Вскоре исчезло и видение. Я вышел на поверхность и увидел, что на небосводе блистали две крупные яркие звезды. Мне они показались своеобразными проводниками новых влюбленных пар. Так исполнилась очередная часть легенды, по которой все по-настоящему любящие люди должны попасть в Дом Счастья. Вскоре я вернулся домой.

Теперь он явился один, и о вдовце знали, что к нему являлись иногда гости, с которыми он то долго разговаривал в своей комнате, показывая какие-то чертежи и расчеты, а то и пропадал с ними по несколько недель в лесу или на болотах. Так они решали появившиеся проблемы политического, социального, а то и магического свойства. Иногда ему приносили для оценки потусторонних свойств то небольшие куски агата или выброшенные на берег огромные слезинки соснового леса — янтаря. А недавно Дашков вернулся с новооткрытой, граничащей с Ураном планеты, где утихомиривал разбушевавшиеся магнитные смерчи, о чем рассказывала бабушка Маня. Как раз после этого у порога его пристанища появился престижный внедорожник.

— Игорь, беда! — увидев на пороге Дашкова, вскричал владелец машины.

— Что случилось? — спросил инженер, усаживая гостя за стол и сам устало опускаясь на табурет.

— Я больше не получу депутатского мандата. Это стало мне известно из компетентных источников. Куда идти? Многие НИИ закрыты из-за отсутствия финансирования, а в другие я не пристроюсь даже заместителем заведующего лабораторией. Предприятия закрыты, тресты и главки упразднены, в министерствах тоже сокращения. И кому я теперь нужен с дипломом Бауманского института и двумя диссертациями?!

— Займись коммерцией, — посоветовал ему Дашков.

— Торговать газетами с лотка? Товарами по пять и десять рублей? Боже упаси! Не для того учился, чтобы уподобиться бабкам с рынка! Тебе об этом скажет любой человек моего уровня и престижа. Максимум через полгода попаду в подставу и буду зону нюхать. А это мне нежелательно — не диссидент и не узник совести, поди, да и мода на это вышла. Мне бы место руководящее и блага по статусу. Выручай, старый друг! Я же знаю — ты можешь все. Отблагодарю — сам знаешь. Любое место в столице сделаю!

Много раз слышал подобные предложения Дашков и если бы захотел — добился бы большего и без посторонней помощи, но вместо этого предпочел скромную жизнь в Прибытково. Сейчас же, обдумав предложение, он сказал:

— Во время последнего своего полета я узнал, что на той планете готовится акция под контролем межгалактического разума. В нашу техногенную цивилизацию собираются ввести серьезные гуманитарные поправки, что может принести нам небывалый расцвет. Техника будет все-таки использоваться для облегчения физического труда, и мы упорядочим неизвестно куда идущий прогресс. И для тебя может найтись там работа, место на корабле. Полетим? — предложил Дашков.

«У-у-у! Провинциал-синедипломник! Чтоб я так трудился?! Не бывать этому! Попался бы ты мне в иное время! Да, жаль, он знает, что начинал я простым колхозником и попал в сельсовет лишь благодаря знанию кому и сколько положить гостинцев в багажник машины. Но чтобы это заработать — приходилось таскать со станции комбикорм», — подумал гость, желая при этом грохнуть кулаком по столу, но сдержался и отказался.

А Игорь Дашков вскоре улетел на новую планету, и, говорят, добился там неплохих результатов. Его друг тем временем занял кресло заместителя директора техникума целлюлозно-бумажной промышленности, где-то на Сахалине. Что же ждет их дальше?

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

КУМОВЬЯ ИЗ ЛЕЖЕПЕКОВКИ

На автобусной остановке было немногочисленно. Полуглухая бабка Дарья, отвозившая почти ежедневно дочери в город молоко, почтальонша Лида, два брата-близнеца Андрей и Валерий, которые уезжали в город просто так поболтаться, спешивший на рынок, чтобы успеть продать деревенские творог и сметану, Чернухин Николай и провожавший жену Лежепеков Иван Васильевич. Автобус запаздывал, и Иван Васильевич в который раз запыхтел папиросой.

— Чай, не будет нынча автобуса-то? — непонятно кого спросила бабка Дарья.

— Должен быть, — выдохнул дымом Иван.

— Как говоришь? Не будет? — переспросила Дарья.

— Будет, будет, — махнул рукой Иван.

— А кто же тебе говорил, что не будет-то? — насторожилась Дарья.

— Да будет, говорю тебе! — громко крикнул Иван.

— Что, ай рейс сняли? — не унималась бабка.

— Да ну тебя, — махнул рукой Иван и, отбросив щелчком недокуренную папиросу, повернулся к жене. — Надюшке скажи, пусть за Ромку не переживает, ему у нас хорошо будет, а то лето заканчивается, а он все в городе сидит, пылью дышит. Скажи ему, что дед удочки сделал, будем с ним на рыбалку ходить. Сама-то долго у них не задерживайся, знаешь ведь — хозяйство у нас.

— Что мне у них задерживаться? Через день вернусь, — ответила ему жена Мария Игнатьевна, или как ее называли в деревне, Маруська. — Внука заберу и сразу вернусь. Ты здесь, когда без меня будешь, смотри не вздумай...

— Надысь не было автобуса-то, — перебила ее Дарья. — Тамарка хотела в город съездить, а рейс сняли, так и возвратилась обратно.

Со стороны поселка, прервав все разговоры, показался автобус, и стоявшие на остановке люди засуетились. Кто полез в сумку, чтобы еще раз удостовериться, не забыли ли чего из гостинцев, а кто — в карманы, проверяя, на месте ли кошелек и портмоне.

Проводив жену, Иван направился к своим кумовьям — Петру Захаровичу и Людмиле Викторовне Лежепековым. Надо отметить, что фамилию Лежепековы носила большая часть деревни, да и сама деревня тоже называлась Лежепековкой.

Иван вошел в дом, Петр сидел за обеденным столом и пил чай с малиновым вареньем.

— Утро доброе, хозяйева, — поздоровался Иван с порога.

— Здравствуй, кум, — ответила ему вышедшая из комнаты Людмила, — садись за стол, я тебя чаем напою.

Вспотевший от горячего чая Петр, отхлебывая из блюдца ароматный янтарный напиток, молча протянул руку для рукопожатия. Иван присел рядом с Петром.

— Проводил Маруську-то? — спросила Людмила, наливая Ивану чай в блюдце.

— Проводил, поехала за внуком.
 — Когда вернется?
 — Обещала через день, а там кто ее знает...
 — Надежда не приедет?
 — Нет. Они с мужем в дом отдыха уезжают, а Ромку нам решили отправить.
 — Ну и правильно, ему здесь будет хорошо, да и вам с Маруськой веселее.
 — Это точно. Здеся вон, какое раздолье, не то, что в городе,— проговорил Иван, ставя блюдце на стол.— Будем с ним на рыбалку ходить, да и Петра твоего с собой возьмем. Пойдешь, Петь, с нами рыбу ловить?
 — Угу,— ответил Петр, облизывая ложку с вареньем.
 — Какая вам рыбалка? — засмеялась Людмила.— Вы уже один раз сходили. Помнишь, Вань, как ты Петра моего на рыбалку пригласил?
 — Это когда же?
 — Ну, когда вас рыбинспектор поймал, бумагу составил на Петра, а сеть-то твоя была. Как деловые, взяли с собой удочки, сачки, ведра, а результат какой? Надрались пьяные, как свиньи! Вижу, Петро мой идет, а сам еле-еле ногами переступает, да еще на плечах что-то тащит. Я обрадовалась, думала, это он целый мешок рыбы несет, подошла посмотреть, а это ты, Вань, у него на закорках пьяный спишь.
 — Было-то один раз, а ты нас уже свиньями обзываешь! — обиделся Петр на жену.
 — Один раз?! — округлила глаза Людмила.— А штраф за сеть поехали в город платить? Опять напились до такой степени, что в вытрезвитель попали. А в Москве что натворили, забыли уже?
 — Что мы там натворили? — уставился на Людмилу Петр.
 — Ничего,— поддержал кума Иван.
 — Ничего? Это вы считаете — ничего? Да мы с Маруськой чуть в больницу не попали с сердечными приступами, когда к нам ночью милиция приехала. Ночь на дворе, а вас все нет и нет. А тут милиция! Мы подумали, что вас уже в живых нету! А они давай с нас протокол допроса снимать, а оказалось, что вас в Москве в КГБ забрали.
 Кумовья переглянулись. Вспомнили, как поехали они как-то в застойные годы в Москву за колбасой. Набрали полные сумки продуктов и решили сходить Красную площадь посмотреть. А там мавзолей работал.
 — Слушай, Петро, давай в мавзолей сходим, Ленина поглядим? — обратился Иван к куму.
 — Не, я мертвецов не люблю смотреть,— отказался Петр,— вот у меня, когда теща померла, я даже на похороны не пошел.
 — Ты сравнил — теща твоя или Ленин!
 — А что Ленин? Ты знаешь, что там не Ленин лежит?
 — А кто же? — удивился Иван.
 — Кто? Мумия, вот кто!
 — Какая мумия?
 — Обыкновенная. Смотрел по телевизору, передачу показывали о мумиях?
 — Нет.
 — Вот то-то и оно, что нет! В Египте в гробницах и склепах лежат мумии фараонов и их жен. Лежат они много лет, а не портятся, как обычные покойники...
 — Да ну тебя с твоими фараонами! Ты идешь в мавзолей или нет?
 — Нет.
 — Ну, тогда стой с сумками, а я схожу.
 — Вань, может не пойдешь? На кой ляд он тебе сдался? Пойдем лучше пивка перед дорогой попьем.
 Иван махнул рукой и пошел в мавзолей. В середине зала, проходя мимо мирно

лежавшего вождя мирового пролетариата, Иван не смог сдержать своих эмоций и обратил взор на какого-то человека, молча стоявшего в стороне.

— Во! Видал? Как живой лежит?! А Петька брешет, что это не Ленин, а этот, как его? Фу ты, забыл, ну? А во, вспомнил, это, фараон!

Когда Иван выходил из мавзолея его задержали два здоровенных молодых человека. Показали ему маленькие красные книжечки, и повели к быстро подъехавшей черной «Волге». Петр увидел это.

— Эй! Мужики! Куда вы его тащите? Это мой кум Иван, у нас электричка через час!

— Меня забрали, Петро в милицию! — крикнул растерявшийся Иван.

— А как же вещи-то? — развел руками Петр. — Я тебе говорил: на кой ляд он тебе был нужен, этот Ленин? Попили бы пивка да поехали спокойно домой!

Петра усадили в машину рядом с Иваном и привезли на какую-то квартиру, где похожий на известного киноартиста мужик весь оставшийся день беседовал с ними, объясняя, что любовь к Родине начинается с любви и уважении к умершим людям, на что Иван и Петр соглашались, а Петр вдобавок говорил, что он очень любит свою Родину и очень уважал безвременно покинувшую этот бренный мир тещу. Отпустили их ближе к ночи. А на следующее утро уже вся Лежепековка знала, что Ивана и Петра Лежепековых в Москве арестовали кагэбэшники, потому что они оказались иностранными агентами.

— А ночью-то в их домах обыски делали, — рассказывала собравшимся у деревенского колодца людям бабка Хрычиха. — Нашли оружие, деньги заграничные и в сене радиостанцию.

— Да! — вздыхали деревенские жители. — А прикидывались порядочными людьми!

Вспомнив этот случай, кумовья заулыбались. Поблагодарив хозяев за угощение, Иван, перед тем как уйти, незаметно подмигнул Петру, и он вышел за ним на улицу.

— Приходи сегодня вечером, — полусшепотом проговорил Иван, — у меня бражка поспела, Маруська заквашивала, самогоночки выгоним да посидим по-человечески, пока Маруски нету.

Когда над деревней стали сгущаться сумерки, Петр, сказав жене, что пойдет проверить в сарае электропроводку, напрямик направился к Ивану.

Самогонный аппарат, состоявший из сорокалитрового металлического бидона из-под молока и огромного бака со змеевиком, стоял на печи, в которой, образуя жар, потрескивали поленья дров. Из вмонтированного в бак самоварного краника в банку тонкой струйкой сбегал самогон.

— Что ты так долго? — спросил Иван у вошедшего Петра.

— Ты же знаешь мою Людмилу! — развел руками Петр, — насили убежал от нее. Ну, что тут у тебя?

— Во, видал? — указал Иван рукой на банку с самогоном. — Чистая, как слеза младенца.

— Давай наливай, а то, как бы моя Людмила не заявила.

Налили и, звякнув стаканами, выпили.

— Хороша! — крикнул Петр и отломил корку хлеба.

— Первак! — похвастался Иван, а затем встал из-за стола и сунул руку в бак со змеевиком. — Ты вот что, — обратился он к Петру, — возьми в терраске два ведра и сходи к колодцу принеси воды, надо в бак долить, а я пойду на огород и сорву на закуску лук и огурчик.

Петр взял ведра и пошел за водой. Набрав в колодце воды, он, вернувшись, переступил порог дома и остановился в нерешительности. Рядом с самогонным аппаратом на табуретках сидели два милиционера. Петр быстро пошел к выходу.

— А ну, стой! Иди сюда! — громко скомандовал один из милиционеров, тот что был постарше и с капитанскими погонами на плечах. — Ты хозяин?

— Нет, — честно ответил Петр, — Иван.

— Как фамилия? — спросил второй, что помоложе, с сержантскими лычками на погонах, и, достав из кармана записную книжку, открыл нужную ему страницу.

— Чья? — переспросил Петр.

— Твоя, чья же еще?

— Лежепеков.

— Точно, Федорыч, Лежепеков, — обрадовано заговорил молодой, обращаясь к капитану и показывая ему что-то в записной книжке, — вот написано — Лежепеков.

— Иван-то где? — растерянно спросил Петр и осмотрел взглядом комнату.

— Иван-то? — милиционеры переглянулись. — А Иван к Марье ушел, — ухмыльнулся капитан.

— Как ушел? — удивился Петр. — Она же в город уехала.

— Кто уехала? — переспросил капитан.

— Марья, ну Маруська.

— Какая Маруська?

— Иванова жена, — кивнул Петр.

— В город, значит? — заулыбался капитан.

— Да, в город. За Ромкой. А он что, за ней в город пошел?

— Кто — Ромка?

— Да нет. Ромка — он в городе живет, а я имею в виду Ивана.

— Какого Ивана? — милиционер перестал улыбаться.

— Как какого? — заулыбался Петр. — Марушкиного.

— Марушкиного, значит?

— Ну да. Мужа ее.

— А Маруська, стало быть, поехала в город? — у милиционера задержалось веко.

— Да, за Ромкой.

— Значит, за Ромкой, говоришь?

— За ним, — кивнул Петр, — а что, Иван-то вам не сказал?

— А может, это не Маруська поехала? — закричал капитан. — Может, это твоя крыша поехала? Дурачка решил из себя строить? Я тебе сейчас покажу Ромку! И марью с Иваном покажу! Ты у меня посмотришь, как дурачка из себя корчить! Ты у меня покорчишь! Ты их у меня всю жизнь помнить будешь! — кричал вышедший из себя капитан.

Петр испугался. Он не мог понять. Почему на него рассердился милиционер.

— Ты думаешь тут что, дурачки перед тобой стоят?

— Да не, — замотал головой Петр, — не дурачки.

— А вот увезу тебя сейчас на пятнадцать суток, там ты будешь у меня пропавшую Маруську искать, — продолжал ругаться милиционер.

— Как пропавшую? — у Петра перехватило дыхание, округлились глаза.

— Вот так, — капитан погрозил Петру кулаком.

«Так вот оно что! — осенила Петра страшная догадка. — Маруська пропала! Конечно, поэтому и милиция здесь, а Иван, значит, ее искать пошел. Ну и ну!».

— Товарищ капитан, господин начальник! Вы не ругайтесь, — скороговоркой заговорил Петр, — я же не знал, что она пропала. Вот это да! А до Надежды-то она доехала или еще не успела?

— Кто?

— Маруська, то есть, ну, Марья, значит.

Милиционер подошел к Петру и в упор, не мигая, стал на него смотреть. Глаза у него сузились и стали злыми, лицо покрылось красными пятнами, как у деда Платона, когда он выпивал самогонки.

— Федорыч, дай я его дубинкой огрею, чтобы он знал с кем шутки шутить! — проговорил сержант и двинулся на Петра.

— Не надо! — остановил его Федорыч. — Не надо. Пусть пошутит. Может быть, и впрямь суток на пятнадцать нашутит.

Петр замолчал. Он был в растерянности и совершенно ничего не мог понять.

— Гражданин Лежепеков? — взял себя в руки капитан.

— Да, только я Маруське не муж — Иван муж, а я им кумом прихожусь.

— Федорыч, а, может, он и вправду того? — молодой милиционер повертел указательным пальцем у виска.

Капитан посмотрел на Петра, а затем перевел взгляд на своего помощника.

— Ладно, шут с ним. Давай, начинай протокол составлять.

Сержант достал из папки лист бумаги, разложил его на столе и начал что-то записывать.

— Ну что, Лежепеков, самогончой-то балуемся? — спросил капитан у Петра.

— А как же? Если хорошая, своя, какой мужик откажется? — заулыбался Петр. — Да и вы сами-то, наверное, не откажетесь от рюмочки-другой?

— Так, ладно, надоели мне твои шутки-прибаутки. Я тебя спрашиваю, шутник, давно самогонварением занимаешься?

— Так вы по поводу самогонки пришли?

— А ты думал зачем мы здесь? По поводу самогонки, а без повода мы не приходим.

— Так вот оно что?! А Маруська не пропадала?

— Слушай, ты, еще раз слово «Маруська» произнесешь, я тебя в отделение милиции увезу.

— Так вы же сами сказали.

— Что я сказал? — закричал милиционер. Нижняя губа у него затряслась, лицо побелело.

— Это Марусь... — хотел было сказать Петр, но вовремя вспомнил предупреждение капитана, — что она пропала.

— Когда?

— Ну, я не знаю, когда. Наверное, сегодня, она же сегодня уехала.

— Кто уехала? — капитан вновь подошел к Петру, заглянул в глаза.

— Марусь... — Петр запнулся, — она — жена Ивана.

— Я спрашиваю, когда я говорил такое?

— Когда я пришел давеча с ведрами. Вы сказали, что Иван ушел к Марье.

— Это пословица такая, придурок, пословица, понял? Иван да Марья — понял?

— Понял.

— Ну, а раз понял, вот тебе лист бумаги, садись и пиши объяснение на имя начальника милиции.

Петр написал объяснение и отдал лист бумаги милиционерам.

— Самогонный аппарат и самогон мы забираем для проведения экспертизы, — сказал сержант, убирая документы в папку, а капитан подошел к Петру.

— Ну что, шутник, какая у тебя пенсия? Большая?

— Да нет, не очень.

— Скоро тебя на комиссию вызовут и оштрафуют за самогонварение.

— Большой штраф-то?

— Когда вызовут, тогда и узнаешь. Тогда моя очередь наступит над тобой смеяться. Вот тогда я пошуткую! — капитан поднял вверх руку и зачем-то повертел из стороны в сторону указательным пальцем.

Когда милиционеры ушли, Петр вышел на улицу.

— Иван? — позвал он кума, но ответа не последовало. — Иван? — в вечерних

сумерках стояла тишина, нарушаемая шумом ветра, трепавшего из стороны в сторону ветви деревьев.

Не дождавшись ответа, Петр решил обойти вокруг дома.

— Петро! — услышал он шепот из кустов малины. — Петро! Милиция ушла?

— Ушла, — ответил Петр, всматриваясь в темноту.

Из малины вылез Иван.

— А я думал уже не дождусь, когда они уйдут. Пошли в дом, что мы на улице стоим?

Вошли в дом.

— Самогонный аппарат забрали, — проговорил с грустью Петр.

— Да, — протянул Иван, — теперь мне от Маруськи достанется за аппарат.

— Пойду я, Вань, домой. Меня Людмила уже, наверное, заждалась.

— Погоди, у нас еще немного самогонки осталось, я в буфете бутылочку спрятал.

Выпили и, не закусывая, задымили папиросами.

— Зря, Петро, ты им самогонный аппарат отдал, — проговорил захмелевший Иван.

— Дык, что же мне с ними, драться нужно было, что ли?

— Это меня не было! Я бы им показал, где раки зимуют! Они у меня из дверей повывлетали бы! Не с тем связались! — разгорячился вмиг осмелевший Иван.

Петр встал и молча, не прощаясь, ушел домой.

Прошло больше месяца, когда в дом Лежепекова Ивана Васильевича вошла почтальонша Лида.

— Дядя Ваня, вас в город вызывают на заседание комиссии, вот повестку прислали, — проговорила она, протягивая Ивану серый лист бумаги с темным оттиском печати.

На заседании недавно созданной административной комиссии по правонарушениям при администрации города были вызваны люди, допустившие незначительные административные правонарушения. Нарушившая правила перехода через дорогу женщина, не пожелавший зарегистрироваться приехавший гость из Азербайджана, находившийся в общественном месте в пьяном виде молодой человек, мужчина, выгуливавший свою собаку во дворе дома без намордника и поводка. Ивана Лежепекова на заседание комиссии вызвали под конец ее работы, когда в приемной, кроме печатавшей на компьютере молодой девушки, никого не было. Иван не без волнения вошел в кабинет. За длинным, покрытым зеленой скатертью столом, восседало несколько человек, мужчин и женщин. Перед каждым на сукне лежал чистый лист бумаги.

— Ваши фамилия, имя, отчество? — спросил председатель комиссии, грузный мужчина в галстук и очках.

— Лежепеков Иван Васильевич.

— Знаете, зачем вас вызвали на заседание комиссии?

— Нет, — ответил Иван.

— Владимир Павлович, зачитайте имеющийся материал на Лежепекова, — обратился председатель к сидевшему за столом человеку в милицмейской форме с подполковничьими погонами на кителе.

Подполковник милиции поднялся из-за стола, застегнул не по размеру маленький китель, поправил очки и, взяв бумагу, начал читать: «Гражданин Лежепеков Иван Васильевич изготавливал самогон, а также хранил у себя по месту жительства самогонный аппарат»...

— Было такое, Лежепеков?

— Никак нет, товарищ начальник.

— Как же нет? — удивился милиционер. — Пятого августа у вас в доме работники милиции были?

— Нет. Пятого августа мы с женой Марьей, ездили в город к дочери за внуком, а вернулись только на следующий день,— соврал Иван.

— Подождите, подождите,— заговорил милицейский начальник,— вот же объяснение в материале имеется,— он стал переворачивать лежавшие на столе бумаги.

— Товарищ начальник, я не писал никакого объяснения,— развел Иван руками.

— Владимир Павлович, прочтите объяснение Лежепекову,— обратился председательствующий к милиционеру.

«Пятого августа я, Лежепеков Петр Захарович, вечером пошел за водой к колодцу,— начал читать подполковник милиции.— Набрав в ведра воды, я увидел, что у Лежепекова Ивана в доме горит свет. Я удивился: кто бы это мог быть? В этот день Лежепековы Иван Васильевич и Мария Игнатьевна с утра уехали в город к дочери и попросили меня присмотреть за домом. Мы с ними доводимся кумовьями, и я знал, что Лежепековы из города должны были вернуться только на следующий день. Я пошел проверить, кто находится в доме? Войдя в дом Лежепекова Ивана, я увидел, что на кухне около печи на табуретках сидят два милиционера и гонят самогон. Самого Ивана дома не было, и я удивился: как это они без его разрешения вошли в дом, да еще начали там гнать самогон...»

Милиционер перестал читать и, держа в руках листы бумаги, молча стал смотреть на Ивана. Сидевшие за столом члены комиссии засмеялись.

— Постойте, товарищи,— обратилась к сидевшим за столом членам комиссии женщина с модной прической.— Мы вызывали на заседание Лежепекова Ивана Васильевича, а объяснение написано Лежепековым Петром Захаровичем. Как это понять? — обратилась она к подполковнику.

Тот снял очки, вытер носовым платком вспотевший лоб и обратился к Ивану.

— Вы Иван Васильевич?

— Да.

— А кто это писал? — спросил подполковник, потрясая бумажными листами.— Кто такой Петр Захарович?

— Петр Захарович мой кум. Мы с ним раньше в колхозе работали, а потом, когда...

— Он вам рассказывал, что у него милиционеры отбирали объяснение?

— Нет, о том, что они у него чего-то там отобрали, он не говорил, а говорил, что, когда пришел в мой дом, они заставили его писать записку, как было дело с этим самогоном.

— Ладно, товарищи,— поднялся из-за стола председательствующий.— Я считаю, что материал собран недостаточно и непрофессионально. Милиционеры даже не удосужились прочесть написанное гражданином объяснение,— при этом он посмотрел на подполковника, заместителя начальника городской милиции.— Неясно, кто же изготавливал самогон: Лежепеков Иван, Лежепеков Петр или, действительно, сами милиционеры? — заулыбался председательствующий.— Сам же материал к нам на рассмотрение поступил с опозданием. Пересматривать его и вызывать Лежепекова Петра мы, к сожалению, не сможем. Истекли сроки давности наложения административного наказания. Так что вы, Владимир Павлович, лучше обучайте своих подчиненных, а вы, Иван Васильевич, идите домой.

Возвращаясь в Лежепековку, Иван Васильевич не переставал удивляться сообразительности кума Петра. «Ай, да Петька! Ай, да кум! Надо же: и сам выкрутился и меня выручил. Золотая голова, прямо-таки Дом Советов. Сегодня же поллитровку поставлю. Не смогут теперь наказать-то за самогон! Вот только самогонный аппарат жалко, да от жены за него здорово досталось. У них, у жен-то, сроков давности не бывает».

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

PERSONALIA

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в семье военного летчика-фронтовика. Отец погиб в 1954 году во время учебных полетов на МиГ-17. В 17 лет пошел работать. Окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Служил в армии. Вернувшись на гражданку, работал на фабрике и заочно учился на филфаке пединститута. Около тридцати лет трудится в городской газете. Член Союза журналистов с 1984 года. Вышло десять поэтических сборников. Печатался в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Подъем», «Аврора», альманахе «День поэзии — 2009». Член Союза писателей России с 1993 года. Постоянный автор «Приокских зорь»

КОЛОРИТ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Зимний день стоит понуро
В окнах деревом седым.
Друг отцовский в белых бурках.
«Беломора» белый дым.

Позади четыре года —
Гибель, горечь, имена.
И хранятся по комодам
Боевые ордена.

Есть пилотам, что припомнить
Из своих недавних лет.
Не галопом над Европой
Прогремел победный след.

Слов немного. Сдвинут стопки.
И раздумчивый дымок.

Вьется в сталинский, высокий,
Капитальный потолок.

ФРОНТОВИК

Фронтовик,
Такая вот
Оказия,
Ты в стране моей
С каких-то пор
Стал герой и победитель
В праздники.
В будни —
Маразматик и старпер.
Ордена твои
Крадет подонок.
Жукова и Сталина
Хулят.
Ты не плачь, старик —
Седой окопник.
Ты еще живой.
Еще — солдат...

* * *

Герой умирал стариком бесприютным.
Герой потерял и семью, и страну.
Он спал. И далекое небо салютом.
На миг сотрясало его седину.

Он мессеры жег, слившись с «аэрокоброй».
От трасс уходил и свои посылал...
Советские звезды пронес над Европой
На крыльях своих. И Берлин штурмовал.

Герой умирал на казенной кровати
Никто рядом с ним ни сидел, ни стоял.
И лишь сердобольный сосед по палате
Порой одеяло на нем поправлял.

* * *

Череда, где-то — радость, то — мука —
Позади. Путь на радость отрезан.
Оценил он реальность и трезвость.
Ясность слова и ясность поступка.

Оценил он прямые решения,
Что нельзя оставлять на потом.
Мало времени! Не-ту вре-ме-ни! —
Саданет по столу кулаком.

* * *

Всегда хватало в жизни проституток:
При всех режимах и при всех властях.
И сколько б ни свистело разных дудок —
Им станцевать под каждую — пустяк.

Они всегда — у времени герои.
Они всегда — на выгодных местах.
Простите их, Великие изгои —
На плахах, в заточеньи, на крестах...

ХУДОЖНИК

Он жил в коммунальной квартире.
Зарплата была не ахти.
Но много он думал о мире
И мир тот хотел сотрясти.

По улице шел он привычно.
Привычно пил чай и курил.
Привычный средь жизни столичной
Привычный средь отчих могил.

Он знал про Христа и Пилата.
Про то, что есть «чаша сия».
Ведомый планидой таланта
Сквозь грешную власть бытия...

* * *

Моложе тебя я — не спорю,
Но возраст годами не меря,
Я старше тебя — по горю,
Я старше тебя — по потерям.

Я старше. Иду по карнизу.
Пока устоял — не свалился.
Я старше тебя по жизни,
Хотя и позднее родился.

* * *

Никого не виню,
Никого не хую,
Что был слеп,
Словно днем сова.
Что с высоким крыльцом
Во глубоком хмелю
Не справлялась порой голова
Как есенинский сторож

В отваге хмельной
Я б замерз на дороге ночной.
Если б не было
Женщины рядом со мной
Богом посланной женщины той...
Той, что мне не лгала,
Не щадила мой бред.
И спасала любую ценой.
И смотрела мне вслед
И смотрела мне вслед
Материнской извечно душой.

ЛЕВ

В зверинце, что на спаде лета
Приехал в городок наш, вдруг
Мне улыбнулся лев из клетки,
Как старый подзабытый друг.

А впрочем мы одной породы.
А впрочем, что не говори —
Он царь зверей, я — царь природы,
И значит, оба мы — цари.

И значит, оба без тумана
Мы принимаем нашу суть —
Что прямо в клетку из саванны
Нам не заказан царский путь...

* * *

Когда словесные шаманы,
Когда алхимики словес
Душонок всякие изъяны
Провозглашают до небес,

Внимают дураки и дуры —
Сплошь либеральные натуры —
С почтением жрецам греха,
Как куры кличу петуха...

* * *

Не суетись — все будет плохо.
Сумей унять в душонке дрожь.
С похмелья под забором сдохнешь
На нары сдуру попадешь.
Не суетись. Как верной стае,
С дороги не свернуть судьбе
Я к этому не призываю —
Я это говорю себе.

Себе — меж выдохом и вдохом...
Застынет грязь. Пойдет снежок...
Не суетись. Все будет плохо.
А, может быть... И хорошо...

* * *

Не хотел я
Обидеть тебя.
Но обидел
Невзначай,
как спугнул стрекозу.
Не хотел я
обидеть тебя,
но увидел
эту тихую-тихую
каплю-слезу.
Мне не жалко рыдающих,
шлющих проклятья,
Я не верю истерикам
в их слепой некресе,
Но так больно...
И нету меня виноватей,
отраженному
в горькой
безмолвной слезе...

ИВОЛГА

Прохлада утреннего сада
И водопадом золотым
Льет иволга свои рулады
По кронам свежим и густым.
Ее не видно. Где-то в гуще
Июньских яблонь, вишен, слив
Звучит печально и зовуще
Почти русалочий мотив.
И вдруг мелькнет среди холодной
Листвы, как на солнце на волне.
Какой-то болью первородной
О том, что жив, напомнит мне.

* * *

В час вечерней зари,
Когда тлеет седой костерок,
Когда можно мечтать
Хоть об окуне,
Хоть о Париже,
По реке
Зашуршит,
Засвистит,

Загрустит ветерок.
И заискрятся звезды
Надежною самою крышей.

* * *

Легкий ветер летел с перегона
На асфальт, на пивную, на склад.
На закатные стекла вагона.
На перронных часов циферблат.
Праздник встречи,
Промчавшийся мимо.
Дедов китель. Отцова рука.
Запах шпал. Паровозного дыма.
Привокзального цветника.

* * *

По-старому все в старом мире
С тех пор, как слукавил Адам.
Земля благосклонна к проныре,
Хоть небо грозит: «Аз воздам!»

И к этому каждый причастен
До смерти до самой впритык...
Чего же ты мелешь о счастье?
Заткнись, фарисейский язык.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

Я ПОМНЮ — МНЕ СКАЗАЛ ОТЕЦ...

* * *

Я помню — мне сказал отец:
— Чего бы в жизни не случилось,
Не изменяй стране, малец,
Мы за нее на фронте бились...

Отец теперь в сырой земле
Лежит на кладбище далеком...
А тот наказ — всегда при мне,
Без срока давности... Без срока!

ПАМЯТИ ОТЦА-ФРОНТОВИКА

С войны проскрипел на протезе,
Вернувшись безногим домой.
Сбивалась культа от железа
До крови, до раны порой...
Отец все терпел, зубы стиснув....
Лишь ночью от боли стонал...
Уйдя раньше срока из жизни —
В гробу без протеза лежал...
Хоть здесь полегчало немного...
Нет сил больше тяжесть таскать...
В последнюю эту дорогу
Не надо терпеть и стонать.

СМОЛЯНАМ

Потомки викингов, прибалтов и славян
Не убегали в горы с перепугу,
Смолили струги — верные подруги,
И получили прозвище смолян.

Хранили веру, как Успенский храм,
Сойтись в бою любили в честной схватке,
И до чужого не бывали падки,
Но своего не отдали врагам!

Живи же вечно, древний русский край!
Не зарастай безверьем и бурьяном!
Не забывайся в безнадежье пьяном,
И о своих сынах не забывай...

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Убили парня на рассвете,
Всадили очередь в упор.
В его последний миг на свете
От эха вздрогнул тихий бор.
Не по обычью похоронен,
Нет ни надгробья, ни креста.
В семнадцать лет погиб — как воин,
И была смерть честна, чиста.
Вокруг него цветы — букетами,
И он лежит в живом венке.
Деревья, взбуженные ветрами,
По-женски плачут о сынке.
Зарос травой, исчез из вида,
Но вечен в памяти людей
Тот бугорок, как рана скрытая
На сердце Родины моей.

Леонид Адрианов
(г. Тула)

НЕ ЧИТАЕТ СЕГОДНЯ РОССИЯ

* * *

Не читает сегодня Россия
Ничего кроме сплетен и дрызг.
Всюду взгляды вскипают косые.
Всюду слов необкатанных лязг.
Нарастает глухое брожение.
К олигархам почтения нет!
Ой, кого-то сдадут на съеденье!
Ой, кого-то сомнут в цвете лет!

А поэты усиленно пишут,
Но впустую, как правило, в стол.
Их никто не читает, не слышит,
А везде денег злой произвол.
Поднимается в сердце волнение,
Нарушается в пыль этикет.
Ой, готовится счетов сведенье!
Ой, кого-то сведут на тот свет!

Наших книжечек тонкие стопки
Не доходят до русских людей.
Что ль протест поэтический робкий
Переборет клубок ахинеи?
Но настанет в сердцах пробуждение!
Оклемаются анахорет.
Ой, затянется рук обагренье!
Ой, сломается чей-то хребет!

* * *

Я долго Библию читал.
Я изучал Екклесиаста.
И открывался мне портал
В иное высшее пространство,
Где нету суеты сует,
Где только мудрость и молитва,
Где разливает Небо свет,
Где милосердия палитра.
Там ожидает всех покой —
Грехи простятся, в душах чисто,

И под Христовою рукой
Ни одного нет атеиста.

* * *

Взываем к Господу: «Спаси!»,
А чаще благ житейских просим,
Как будто Он — золотая Осень
Иль в разных шашечках такси.
И не подумал ведь никто:
А вдруг нужна и Богу помощь —
Насущный хлеб и свежий овощ,
А, может быть, к зиме пальто?
Никто Ему не скажет: «На!
Возьми себе чего желаешь
И будь спасен, как нас спасаешь,
А хочешь пить — испей вина!
Коли устал, приди ко мне —
Постлал я чистые полати.
С Тобою если Божья Матерь,
И Ей зажжется свет в окне!»
Зовите Господа к себе,
Ему фигой не докучайте
И сердцем радостным встречайте —
Чего еще просить в судьбе!?

* * *

Оркестрик похоронный
Покойных провожал
Еще во время оно,
Когда я был так мал.
Когда не понимая
Той музыки минор,
Мы, в страхе замирая,
Слетались в старый двор.
Венки и крышка гроба
Пугали детвору.
Плач и стенанья вдовых
Вселяли в нас хандру.
И принимал булыжник
Разбитой мостовой
Ход похорон непышных,
Соседок дружный вой.
Грузили гроб в карету.
Извозчик трогал — но-о!..
Ах, как же было это
Доподлинно давно!

* * *

Что помню я?
Немецкие трофеи —

Машины, танки в поле под Москвой,
Да кавардашки *, что зимою ели,
Да вдовых баб непроходимый вой.
По малолетству вряд ли понимая
Умом тех дней нерадостную жизнь,
Я ощущал Победы праздник в мае
И как немногим удалось спастись.
Ребенок что?

Его всегда накормят,
От лишних треволнений сберегут,
Обувка и одежда будут в норме,
Очаг домашний, ласка и уют.
А каково родителям в те годы —
В разруху, в голодуху, в never more **?
Они стерпели ужас и невзгоды,
Чтоб выжил я судьбе наперекор.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Сараи.

Голубятни —
С помойкой тульский двор,
И солнца предзакатный,
Хладеющий костер.
Еще летают стаи,
Над городом кружа,
Однако вечер тает,
Хитрюга и ханжа.
Он вроде бы и светел,
Но тьме уж продал всех.
Ушел в курятник петел,
Не вьется голубь вверх.
Усталость обнимает
Окрестные дома.
Жизнь вяло затихает:
Пришла к куме кума.
О жизни посудачив
И вспомнив о войне,
О тех, кто пал, поплачут,
О тех, кто жив — вдвойне.
Они попили чаю,
Ватрушкой закусив...
Вот так и полегчает
Скользящей в сон Руси.

* Кавардашки — оладышки из мерзлой, необранной вовремя в полях картошки. В 1946 году мы ходили и ковыряли лопатой в декабре землю, ища клубни.

** never more (англ.) — никогда больше.

Александр Бывшев
(пос. Кромы Орловской обл.)

СЛУЧАЙ В ПУТИ

Александр Михайлович Бывшев родился в 1972 году в поселке Кромы Орловской области; в 1994 году закончил факультет иностранных языков Орловского педагогического института, преподаватель иностранного языка, автор двух книг; печатается с 1991 года, публикуется в центральных и региональных изданиях, коллективных сборниках и литературных альманахах.

* * *

Неустанных колес мерный гул
Убаюкал меня понемногу.
Я, к стеклу прислонившись, примгнул
И увидел большую дорогу.

В отдаленье стоял человек,
И звучал голос хрипло и глухо:
«Рознь посеял бездушный наш век.
Мы ушли кто куда друг от друга».

Слезы капали по бороде.
Старец звал, руки к небу вздевая:
«Люди русские, братья, вы где?..»
А в ответ — тишина гробовая.

Я, очнувшись, тряхнул головой.
Сердце громко стучало в тревоге.
Пригляделся: то столб верстовой
Одиноко стоял у дороги.

ПРОЗРЕНИЕ

Памяти Юрия Кузнецова

Где ты, русский богатырь, скажи?..
Сжалось сердце от тревог и боли.
А вокруг — ни звука, ни души.
Я один остался в чистом поле.

И казалось — нету больше сил,
Побеждает зло на белом свете.
Я уж было руки опустил,
Но в лицо мне вдруг ударил ветер.

С глаз незримо спала пелена.
Новый свет зажегся на Востоке.
Распрямились плечи и спина.
И земли меня пронзили токи.

Я коснулся троеперстьем лба.
Плыли тучи с Запада, чернея...
Нет, еще не кончена борьба.
Мы еще посмотрим, кто сильнее.

ПРИТЧА

Иван, не помнящий родства,
Покинул отчий дом,
Махнув рукой: «Все — трын-трава!
Гори здесь все огнем!..»

Побрел куда глаза глядят
От горестей и бед.
Когда он бросил взор назад,
Руси пропал и след.

Палило солнце. Шли дожди.
И дни сменяли дни.
Однажды видит: впереди
Какие-то огни.

Сквозь все сгущавшийся туман
Манящий свет мигал.
Тянулись кочки, а Иван
Упрямо вдаль шагал.

И думал: «Наконец-то я
У новых берегов...»
Вдруг из-под ног ушла земля.
И только пару слов

Успел он крикнуть в белый свет:
«О Боже, помоги!..»
И быстро разошлись в ответ
Над грешником круги.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Поманила дорога-змея
Парня сельского в сказку-столицу.
Променил он родные края
На неоновую небылицу.

Мишурой повстречала Москва
И с усмешкою бросила Ване:
«Никакого тебе волшебства —
Были б только купюры в кармане».

Поглядел тот с разинутым ртом
И решил: «Вот оно — под рукою.
Сколько разных соблазнов кругом...»
И с тех пор он лишился покоя.

Лихо кружит его «Кадиллак»
И ныряет в машинные реки. —
Оказался повенчан дурак
Со «змеей кольцевой» навеки.

Галина Винокурова
(г. Тула)

АННЕ АХМАТОВОЙ
(Из цикла стихов)

По образованию филолог, педагог. Член литературного объединения «Пегас». Публиковалась в пяти сборниках «На крыльях «Пегаса», а также в коллективных сборниках: «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй, Тула», «Свет любви», «Отчий край», «Тула — наш дом», во всероссийском журнале «Приокские зори», в газетах Тулы. Известна как автор поэтических книг: «Родник души», «Боль», «Звуки сердца», «Я растворюсь в стихах», роман в стихах «Сергей Беседин».

1

В приневской столице
Ты встретила юность,
Любовью была сражена...
И словно блуднице
Судьбою покорность
На годы тебе суждена...

Слезами омыла
Потерю всех близких,
Боль всех поражений, обид...
Из сердца не вынула
Камешков склизких
И черно-кровавый стыд...

Стыд за свой край,
Покорный и грешный,
Глухой, равнодушный к судьбе...
Ищущих рай,
Вне России, утешный,
Дни проводя в ворожбе.

Сама же осталась в России спокойно,
Сторицей за все заплатив,
И жизнью прямой, не лукавой, достойно
Врагов победила, души не сгубив.

2

Как равнодушно и спокойно
Руками ты закрыла слух,

Чтоб речью черной, недостойной
Не осквернить свой скорбный дух...

Свой скорбный дух в России павшей,
Войной разграбленной дотла...
Где, черной смертью все поправший,
Жизнь предана и не светла...

Где многие заключены в столице,
В кругу кровавом день и ночь...
Приносят в жертву бледнолицей
Детей, не в силах им помочь...

Ты, город на Неве любя,
А не крылатую свободу,
Его красоты сохранила для себя
И все великолепие... природу...

Ты голос слушать мглы не стала,
Хоть сердце рвалось пополам...
Лишь помнила, о чем мечтала,
Людской весь отвергая срам.

3

Я говорю с тобой словами теми,
Что только раз рождаются в тиши,
Что только раз созвучны теме,
Созвучны с настроением души.

Души страдающей, равнодушной,
Вкус знающей вина и слез,
Бывавшей в атмосфере душной
Предательства... и желтых роз.

Души, созвучной так с твоею,
Усталой в мире бесприютном,
Томящейся, пока не ослабею,
Во сне не окажусь вдруг... смутном.

Душа моя так понимает душу
Твою... и горькую, и полную любви;
Печалью сон я не нарушу
И не разрушу святости твои.

4

Ветер ноябрьский снежинками веет,
И засыпает природа...
Все меньше солнца. Дождь часто сеет.
И осложнилась погода.

Как равнодушна ты к этой погоде...
Спишь уже тридцать лет...
А как любила гулять на природе...
Солнце любила, а тьму — нет.

Нет больше горькой души на свете,
Многолетен ее покой.
Нет, не тоскует о солнце, о лете,
Не машет в привете рукой.

5

«Не стой на ветру», — любовь сказала.
Ты ей крикнула: «Уйдешь, умру».
Что-то еще, задыхаясь, кричала,
Стоя, дрожа, на ветру.

Не удержала и не простила
Пыл, непокорность и соль.
Вот отчего слезы таила,
Печальна была, как Ассоль.

Трудно прощать, трудно прощаться, —
Ты этого и не умела.
Но как умела всегда возвращаться
К воротам тюрьмы... как смело...

Как ты умела, как ты умела
Духом не пасть, не злиться напрасно
Даже в годы, когда не смела
Думать о счастье... все было неясно.

Как долгие годы была в летаргии
От муки и боли душевной.
Как долго глядела в глаза другие
В тоске исступленной, тревожной.

Как все же сумела счастливой остаться,
Горела в огне наслажденья,
Порою не ведая, что может статься
С душою... в слезах исступленья.

Николай Бухаринов
(г. Соликамск)

В ДЕРЕВНЕ

Родился и проживает в городе Соликамске Пермского края, работает главным архитектором на одном из заводов города. Пишет стихи и прозу. Публиковался в «Литературной газете», «Московской правде», «Соликамском рабочем», журналах: «Юность», «Московский Парнас», «Приокские зори». Член клуба «Московский Парнас».

* * *

В день тот июльское солнце
Раньше обычного встало
И небольшое оконце
Светом зари обласкало.
Солнечный зайчик в ладони
Сжался пушистым комочком;
Скачут гривастые кони
С пола на спящую дочку.
Спи, моя милая, крошка,
Сколько душа пожелает,
Кружатся столбиком мошки,
Скоро дворняжка залает.
Бабушка встала с рассветом,
Русскую печь затопила;
Слышно на улице где-то:
Кошка на столб заскочила.
Дочка и сын мой в деревне
Детство мое повторяют,
Книжку о славной царевне
В травах душистых читают.
Помню я лето на «Глинке»
С холодной поутру росой,
Как по знакомой тропинке
Бегу по ромашкам босой.
Ждут меня те же березы,
Что в ряд на опушке стоят,
Сильные с ливнями грозы
Все также над ними гремят.

* * *

Иду через поле ржаное,
Рукой колоски задеваю,
Я счастье нашел здесь земное
И сердце свое открываю.
Дышу полевыми цветами
Твоих золотистых волос,
И время, пришедшее с нами,
Коснулось растрепанных кос.
Цветут васильки голубые
В полях моей первой любви,
Мы были тогда молодые,
И страсти играли в крови.
Хотелось бежать без оглядки
До самого света зари,
Сминая морковные грядки,
Быстрее добраться к двери.
Просунуть в отверстие руку,
Поднять задремавший крючок,
Забыть на мгновенье разлуку
И слушать ее каблучок.
Стучит он, в рассвет удаляясь
А мама бранится во след:
«Приходишь под утро, слоняясь,
Тебе уж четырнадцать лет...»
Но я не в обиде на маму,
Тихонько ложусь на кровать.
Немного вздремнуть, и на Каму —
Тебя на закате встречать.
Иду через поле ржаное —
Здесь предки его перешли,
Мне счастье открылось земное —
Смотреть, как летят журавли.

ЭХ, РОССИЯ

Эх, Россия! Мать честная!
Погибать так погибать;
Нет беде конца и края,
Не видать былую статью.
То рубаху примеряем
С чужеродного плеча,
И с него же разрубаем
Правду-матку сгоряча.
Все поля вдруг засеваем
Трын-травой да быльем;
Одно место ж прикрываем
Грязным фиговым бельем.
Отыграли марш заводы,

Нет толпы на проходной,
Не гудят нам пароходы
В тихой гавани родной.
Сам Ясон нам землю пашет
Грозным ядерным быком,
Злой чечен лезгинку пляшет,
Отбивая месть клинком.
Благодарность не забыла
Оживить зерно дождем;
Вся природа нам твердила:
Что посеем, то пожнем.
Эх, Россия! В час ненастья
Быть тебе или не быть?
Нету времени для счастья,
Мать родную б не забыть.

МАМА

Мама родная, я пред тобою в долгу
И, наверное, вряд ли когда-то смогу
Оплатить его жизнью счастливой своей.
Мое сердце от этого бьется сильнее
И я в этот день твоего юбилея,
О нашем с тобою былом не жалея,
Хочу пожелать тебе счастья большого,
Которое в истине проще простого.
Оно расцветает, как яркая роза,
И ты, моя милая, входишь с мороза
В светлицу свою, несомненно родную.
Я тоже по розам частенько тоскую
И в мир этот грезовый их улетаю,
А значит живу и тебе пожелаю
Здоровья хорошего долгие годы,
И чтобы прошли стороною невзгоды.
Живи и смотри, моя милая мама,
Как воды несет наша реченька Кама,
Как данную Богом ей самую малость —
Забыть и не чувствовать в этом усталость.
Я снова приду в этот день, дорогая,
Коней своих резвых в поход запрягая,
И ты мне слова подберешь на дорогу,
Как вожжи держать и сказать «слава Богу».
Я в кухне присяду на край табурета
И буду смотреть на огонь до рассвета,
Как бьется в печи нашей русской он вечно,
И думать, как время для нас быстротечно.
А утром уйду в незнакомые будни,
Такой же как все в этой жизни я путник.
Но, где бы ни шел я в любую погоду,
Я знаю — какого я племени-роду,

И то, что ты ждешь меня в сказочном доме,
А я уже где-то спешу на пароме
К тебе переплыть океан или море,
Быстрее поведать о счастье иль горе,
К ногам до землицы склониться до самой
И просто оказать:
«Здравствуй, милая мама!»

АПРЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

Шутки ради, вдруг, апрель
Вышел на дороги
И увидел, что метель
Улеглась под ноги.
«Что ты делаешь, зима?
Это несерьезно:
Встань и в даль иди сама», —
Говорит он грозно.
И пошла она домой
В край далекий, снежный,
Оставляя след каймой
На протайках вешних.

* * *

Слышу радостную трель
За окном апрельских дней;
Во дворе звучит капель
И бежит-звенит ручей.
Это снова к нам весна
В край березовый пришла
И в лучах своих она
Смех веселый принесла.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

СВОЙ ПОЧЕРК

Авдеева Людмила Евгеньевна — журналист-международник, поэт, культуролог, член нескольких творческих союзов, в том числе Союза писателей России, Международной федерации журналистов. Окончила с золотой медалью среднюю школу, с отличием филфак МГУ им. Ломоносова, факультет истории театрального искусства ВТО. Автор более 20-ти книг лирики (Сердце на ладони», «Вновь о любви запели соловьи», «Осенние силуэты», «Путь к свободе», «Чаша мудрости», «Ветер странствий» и др.), сборников стихов для детей («Хорошо среди друзей», «Солнечный мир» и др.). Изданы книги и циклы стихов, посвященные странам, в которых Л. Авдеева работала, с которыми связана общественной деятельностью (Иран, Непал, Афганистан, Пакистан, Корея, Турция, Тайвань, Италия и др.). Стихи и рассказы публикуются в коллективных альманахах: «Истоки», «Орфей», «Русич», «На крыльях Пегаса», в издании «От солдата до генерала» и др. Автор сотен статей, очерков, научных культурологических работ в академических сборниках, журналах, трудах института востоковедения РАН. Стихи и статьи изданы на иностранных языках: фарси, английский, урду, арабский, курдский, непали, турецкий, пушту, дари и др.

Руководит на общественных началах несколькими московскими литературными студиями. Песни на стихи поэтессы есть в хоровом репертуаре. Лауреат и дипломант московских и международных поэтических конкурсов, фестивалей искусств. Имеет более десяти медалей: «Ветеран-интернационалист», «За верность долгу и Отечеству», «За вклад в дело дружбы», «Ревнителю просвещения», юбилейная Пушкинская медаль, юбилейная Московской городской организации СПРФ и др. Награждена дипломом «За вклад в отечественную литературу» СПРФ, несколькими дипломами Московского фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВСН им. Петра Великого в Санкт-Петербурге и др. В 2008 г. была первой российской поэтессой, приглашенной на Стамбульский фестиваль поэзии Бей-оглу, где получила премию Назыма Хикмета. О жизни и творчестве Л. Авдеевой сняты три документальных фильма студией ИРНА (продюсер Гасеми).

МОЛИТВА О РОССИИ

За здоровье поставлю свечку.
Горячий лоб перекрещу.
Мольбою, просьбой, страстной речью
О милосердии прошу.

Не за себя, а за Россию.
«Отмщение мне и аз воздам».
Как мы смогли, как допустили
Вандалов в светлый божий Храм.

Все на продажу. Честь и совесть
Сегодня просто атавизм,
Но час пробьет, и люди спросят
За всей погибших, за цинизм,

За неудачные реформы,
За обнищание души,
За обещанья для проформы,
За слезы горькие вдовы,

За матерей, за ветеранов,
За не родившихся детей...
Кровоточит, гноится рана
На сердце Родины моей.

Страна нуждается в героях
И надо помнить имена
Гастелло, Кошешова, Зои...
Забвенья горькая трава

Должна быть вырвана с корнями,
Чтоб памяти святой набат
Напоминал, что предки с нами
В одном строю за Русь стоят.

Свеча горит и свет спокоен.
Молюсь за здоровье Руси.
Молюсь, как воин перед боем:
«Отчизну, Господи, спаси!

Дай русскому народу силы,
Спокойно свой продолжить род».
Молюсь с любовью за Россию.
Молюсь с надеждой за народ.

* * *

Немало стран я повидала.
Десятки написала книг.
Аэропортов и вокзалов
Гул суеты в меня проник.
Узнала я Восток и Север,
И европейских стран красу,
Но Родине мой голос верен.
Россию в сердце я несу.

ПОЭТАМ РОССИИ

«Поэт в России больше, чем поэт»
Е. Евтушенко

Поэт в России долго не живет.
Его съедают склоки, зависть, бедность.

Скрывать к чему, и горькую он пьет,
Не для него, признайтесь, и оседлость.

Он странник, путешественник, изгой,
Влюбленный в жизнь, в которой места мало,
Влюбленный в жизнь, которая порой
Его же душит хваткою удава.

Слова уже сливаются в поток,
Чтоб указать поэту на пороки,
Чтоб указать поэту на порог.
России не нужны свои пророки.

«Поэт в России больше, чем поэт».
Вот если б это поняла Россия,
Прибавив каждому, хотя б десяток лет,
Быть может, бабы меньше б голосили

По убиенным. Властелин души —
Поэт, свой голос, получив от Бога,
Направил бы ослабшие умы
На истинную, верную дорогу.

Сумел бы, словом он зажечь сердца.
Разил бы ложь и воспевал свободу,
Но злая правда в том, что не нужна
Поэзия ни власти, ни народу.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Шепот ветра, лепет листопада,
Тихое рыдание дождя.
За железной тонкою оградой
Очертания монастыря.

Осени таинственна палитра.
Замысел картин ее велик.
Шепчут губы вечную молитву.
У плаща приподнят воротник.

Холодает. Замерзают кисти
Алых ягод на ветвях рябин.
Разгадать бы хоть одну из истин,
Чтоб понять, кто Господом любим.

Смысл жизни, может быть, и взвешен
На весах и скрытан от людей,
Потому так ветер безутешен
Осенью у стен монастырей.

СВОЙ ПОЧЕРК

У жизни свой почерк, свой росчерк пера.
За каждую строчкой и мысль, и душа,
Страдания, дерзания, творенья, успех,
И горькие слезы, и радостный смех.

У жизни свой почерк. А жизнь-то одна.
Неправильный росчерк — и рухнет гора.
Неверная буква, как в сторону шаг.
С накрашенной куклы осыплется лак.

Слетит позолоты фальшивый налет.
У жизни свой почерк. Паденья и взлет
Начертаны в книге судьбы на века,
Но где-то останется росчерк пера

Поэта, художника или швеи,
Ведь чувства и мысли вложили свои
В оттенки всех красок, в строку, в силуэт...
Бессонные ночи в них, ранний рассвет.

Свой росчерк оставить — подарком другим,
На нас непохожим, совсем молодым,
Но чтоб, прикоснувшись к истокам добра,
Они понимали, как жизнь хороша.

* * *

Есть тетрадь, ночник и ручка,
Значит мне уже не скучно.
И бессонница подругой.
С этой круговой порукой

Разложу по полкам мысли —
Размышления о жизни.
Поделюсь с листом тетради,
Мы давно со словом ладим.

Мы давно срослись со словом,
С тем, где смысл всему основа,
С тем, где жизненная сила,
Чтобы сердце не остыло.

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ СТАРЕЦ

Подвластны старости тела.
В единоборстве с ней не сладить.
Еще скакун галопом скачет,
Но все слабее стремена.

И холода боясь, усталый,
Закрыв плотней свое окно,
Стареет Гете, знавший славу
И слава, знавшая его.

Вольтер, иссохший, с птицей схожий,
Испишет ворохи бумаг,
Но молодость вернуть не сможет
И будет старцем в шестьдесят.

И в Кенигсбергском старом парке,
С трудом отстукивая такт,
Не узнанным больным прохожим
Проходит жизнь познавший Кант.

И лишь яснополянский старец,
Встряхнув библейской бородой,
Как сбитый на века крестьянин,
Взмахнет наточенной косой.

Травой сочной, ароматной
Наполнена, стоит копна,
И одному ему понятно,
Что жизнь для счастья создана.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Памяти Софии Андреевны Толстой

Ах, эта Ясная Поляна,
А ей не ясно. Ей не ясно.
Быть может, не было обмана.
Быть может, ревновать напрасно.

Была легка. Отяжелела.
Была невеста — мать семейства.
Кружилась в вальсе, томно пела.
Теперь в тазах кипит варенье.

Москва близка, но так далеко.
А Петербург лишь в сновиденьях.
Заглушит сад все полувздохи.
Кипит вишневое варенье.

Ответы каждый раз рассеяней.
Сны ночь от ночи суеверней.
Привычно скатерти расстелены.
Привычно собран чай вечерний.

Грубее стали пальцы, жестче.
С кухаркой ссориться не в новость.
Стоит рояль, как в море остров.
Раскрыта на странице повесть.

Все раздражительней, все резче.
Была красива — подурнела.
Заботы, детские болезни.
И словно в молодости, ревность.

Все знает Ясная Поляна,
Но не внесет, наверно, ясность,
Какою непосильной ношей
Была к великому причастность.

* * *

Надеждою взлететь взращен птенец.
Познать себя и мир дитя родится,
Не ведая, что есть всему конец,
Что жизни заполняются страницы
Стремительно. И вереница слов
Слагается в вопросы без ответов...
Но в небеса птенец лететь готов.
Младенец стать готовится Поэтом.

ПОЭТ

Весна надеждами манила.
Любовью ворожило лето.
И пела радостная лира
В руках счастливого поэта.

Подкралась незаметно осень
С дождями, ветром, листопадом.
Поэт стихи писать не бросил.
С задумчиво-печальным взглядом

Склонялся молча над альбомом
И вел со звездами беседу,
А первый снег кружил над домом
И красил волосы поэту.

Он не заметил снегопада
И на подушках угасая,
Весне и юности балладу
Он дописал. В ворота рая
Вошел с улыбкою счастливой.
В руках — перо, бумага, лира.

РУСИЧИ

Нам ли падать, нам ли жалиться,
Нам ли дрейфить перед боем,
Знавшим кнут и знавшим палицу,
Задышавшимся от горя.

Нам, сносившим боль и зависть,
Чашу выпившим терпенья,
Жить, в печалях задыхаясь,
Задыхаясь от сомнений.

Нам, круги прошедшим ада,
Заглянувшим в окна рая,
Клеветы хлебнувшим яда,
Пряников чужих не надо.

Чужеродных, чужеземных
Поцелуев от Иуды
Не желают наши земли.
Не надеются на чудо

Наши страждущие души,
Наши плачущие очи,
Хоть бессонницею душат
Нескончаемые ночи.

Мы, пройдя войны пожары,
Дни расцвета и застоя,
Все же прожили не даром.
Не пятак с полушкой стоим.

Не сломать через колено
И бревном не бросить в топку.
Возродимся мы из тлена.
Племя стойких, а не робких.

Мудрость пращуров извечна,
Безгранична правды сила.
Добрый делом, мыслью, верой
Государством стань, Россия.

Государством, чтобы стадом
Называть народ не смели,
Чтобы гордость и отвага —
Возле каждой колыбели.

ТИШИНА

Береги тишину. В тишине зарождаются мысли.
В тишине пролистаешь страницы ушедшей любви.
В тишине осознаешь жестокую истину жизни
И поверишь в бессмертье стремящейся к небу души.

Тишиной напоенные нервы, избавясь от боли,
Осознав, что жестокость эпохи смягчить не дано,
Утомленному сердцу подскажут, что лучшая доля
Пить свободу глотками, как терпкое злое вино.

Тишина, как молчанье, что названо златом и цену
Тишине узнаем, вырываясь из шума дождя,
Вырываясь из гомона, гама, болтливости плена,
Припадая к земле и в истоме смотря в небеса.

Тишина отстоится, как влага речная в бутылки
И осядет на дно и усталость, и вечный испуг,
И родится мелодия та, о которой забыли.
В суете бездорожья проявится нежности звук.

Берегите его. Не давайте растаять внезапно,
Чтоб, окрепнув, мелодией стал он в глубинах души,
Чтобы с легкостью юности, с силой пьянящей азарта,
Как коня молодого, надежду схватив под уздцы,

Удержать без корысти, лукавства и приторной лести,
Только мудрости власть признавая и властность любви,
И несущий спокойствие тонкий серебряный крестик,
Принимающий боль и волненья вселенской души,

Чтоб планета, познавшая скрежет железа и пушек,
Волчий вой, смертный крик и отчаянье пролитых слез,
Поняла, наконец, как рассвет ей лазоревый нужен,
Как нужна тишина, окруженная светом берез.

БОЛЬ

Стаей замерших птиц, боль, улетай на юг
И уноси с собой отчаянье и испуг.
Тело, свернись змеей, старую шкуру сбрось.
Дай мне побыть собой, вытащить ржавый гвоздь.
Не распинай, тоска, душу и плоть в ночи
И не лишай ума и не шепчи: «Терпи».
Скомкана простыня. Камнем подушек пух.
Боль, отпусти меня. Перевести бы дух.
Вырваться из цепей, сбросить сомнений плащ.
Боль, улетай скорей под журавлиный плач.

БЫТЬ ХОЧУ!

Быть хочу и не хочу пропасть.
Небо ощущать и землю рядом,
Счастье залпом пить, чтобы отдать
Радостью пронзительного взгляда.

Быт и бытие так далеки.
Разрушенье и полет искусства.
Искушенье трепетной души
Самым высшим даром — высшим чувством.

Не жалеть насиженных углов.
Бросить все. Как головою в омут,
Окунуться в бездну нежных слов,
Улететь, услышав птичий гомон.

Быть хочу! Бунтарский дух силен.
Плеть запретов оставляет шрамы.
Не сдержат удушья страшный стон,
Из последних сил, но выбить рамы.

Быстротечна жизнь. Ушедших жаль,
Но меня, подталкивая в спину,
Жало свое, жизнь, не выпускай.
Не желаю. Не уйду. Не сгину.

Быть хочу. И буду. Вот я есть.
Тело в землю. А душе — на небо.
Мое слово, мои чувства, моя песнь
Для кого-то станут слаще хлеба.

ПРОЗРЕНИЕ

Сколько за жизнь накопили вещей —
Пищу для моли, ржавчины, тлена,
А нужен был только плащ от дождей,
Кастрюля для щей и в придачу Вселенная.

А нужен-то был только жбан для воды,
Кусок ароматного черного хлеба.
А если без меры — то верность в любви
И Солнце в объятьях бездонного неба.

* * *

Мы стоим на стыке перепутий.
Время, как палач в кулисах сцены,
Что ему до формы и до сути —
Взмах секиры приближает к тлену.
День за днем проходит аксиомой,
Повторив закаты и рассветы
На Земле — мы гости или дома?!
Будем жить, иль просто канем в Лету?!

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Родился в 1949 году в Рязанской области в семье офицера. Тогда-то и начались мои путешествия по необъятному Советскому Союзу. Поэтому с детства привык считать своей родиной небольшую лесную деревню Югары в Нижегородской области, откуда родом отец и мать.

Окончил в 1972 году Куйбышевский политехнический институт по специальности химик-технолог. С тех пор живу и работаю в городе Тольятти. Ранее практически не публиковался, если не считать публикации отдельных стихов в газетах и в журналах «Книжный клуб» и «Предупреждение». Близки вечные темы — любовь к Родине, отношения между людьми, вера в Бога и состояние души. О том и пишу.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Покинутые избы вдоль дороги,
С глазницами пустыми вместо рам,
С полыньёю, лебедою у порога,
Давно, как мертвые, не имут срам.

Через дорогу кладбище с крестами
Среди могучих елей и берез,
Поросшее травой и кустами,
Уже не ждет рыданий, слов и слез.

И как прощенье всем давно умершим,
Стоит на горке деревянный храм,
А на него с небес сошедший,
Струится дивный свет по куполам.

Быть может, это Родиной зовется?
Тогда о чем грустит душа моя?
И почему же мне легко поется,
Когда гляжу на лес, озера и поля?

Покинутые избы вдоль дороги,
И наклонило кладбище кресты,
И на иконах в храме лица строги...
Прости нас, Родина, прости.

Уходит Русь в нескошенные травы,
И не прощает нам она,
Поклоны перед импортной отравой,
Забывшие родные имена.

ПРОЩЕНИЕ

Срубовая церковь возле кладбища
Пахнет свежей елью, словно бор,
Помянуть родных, товарищей,
Я зашел, перекрестясь, в притвор.

Осмотрел вблизи церковный ящик,
Свечи взял, монету опустил,
К кораблю прошел молящихся,
Каждый о своем Отца просил.

А с иконостаса величаво,
Мудро, с человеческим добром
Взгляд Христа, а рядом, справа,
Николай Угодник в голубом.

В прошлом веке, в тридцатых годах,
Этот храм Николая Угодника
Был разрушен иудами в прах,
Может быть, не любившими Родину.

И камней совсем не оставили,
Поднимая руку на храм,
Растащили его, разграбили,
Не боясь за измену и срам.

Церковь новая возле кладбища
Пахнет елью, сосной, словно бор,
Как святыня стоит, а не капище,
И прощает российский позор.

И в глаза Николаю Угоднику
Я смотрю, а в душе трепещу,
И за всех, не любивших Родину,
Я в прощенье поставил свечу.

УТРО НА ОКЕ

Горы, сосны, буераки,
Ивняки по берегам,
Среди сосен бродят страхи,
Рык звериный тут и там.

И волны крылом касаясь,
Чайки стонут над рекой,
На песок, сбиваясь в стаи,
Будят утренний покой.

Сквозь туман седые ивы
Смотрят в зеркало воды,
Шепчут каплями игриво
На зеленый шелк травы.

Просыпаются поляны,
Птичий гомон, пересвист,
Из-за леса солнце глянет,
И осушит ивы лист.

* * *

Я не привык жалеть о невозможном,
Но признаюсь сейчас перед тобой;
Что я завидую умению художников,
Так не хватало мне его порой.

Накат волны, простор и Середыш,
Свободное течение реки,
Когда на Волгу с трепетом глядишь,
То не хватает кисти и строки.

Николин ключ в лесах у Городца,
Среди столетних елей в тишине,
Как не понять величие Отца,
Не отразить прекрасное в холсте?

А в тишине, с горы Соборной, Плес
Не раз воспел в картинах Левитан,
С вершины этой я в душе увез
Любовь к тем сказочным местам.

Мещерский край в Касимовском районе
Открылся с колокольни на Оку,
И сочный лес в слезах дождя не тонет,
Картину вечную я в сердце берегу.

И что жалеть порой о невозможном,
Того, что не хватает нам с тобой,
Не написав картины, как художник,
Я это все запечатлел строкой.

НА ТЕПЛОХОДЕ

Белыми барашками из стада
Разбежались волны по Оке,

Ничего мне, милая, не надо,
Счастлив я пейзажем на реке.

Тучи хмурят небо надо мною,
И Ока спешит из этих мест,
Зарастился берег тальником, сосною,
Вдруг среди деревьев вижу крест.

Облупились стены старой колокольни,
Крест из-за деревьев смотрит на восток,
От картины этой стало грустно, больно,
И внезапно в горле у меня комок.

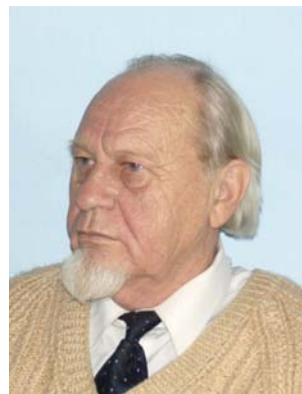
Заросла дорога вербою у храма,
Даже нет намека на жильё людей,
И напрасно волны бьют в песок упрямо,
Кое-где остались лишь следы зверей.

А над храмом дует только ветер вольный,
И какой нам будет от него завет?
Долго из-за леса зрима колокольня,
Словно аркой звона смотрит она вслед.

Среди волн игриво бегают барашки,
Ну, а от пейзажа загрустил я сам,
Над рекою тучи — черные монашки,
Тихо и печально слезы льют на храм.

Евгений Пахомов
(г. Элиста, Калмыкия)

«ТЫ ЖИВ, ТАК РАДУЙСЯ, ХАЙЯМ...»

18 мая 2008 года исполнилось 960 лет Омару Хайяму, одному из выдающихся поэтов Средневековья. Имя его известно каждому образованному человеку как на Востоке, так и на Западе. Достаточно сказать, что в Англии по количеству цитируемых строк из стихов Хайяма, он стоит на втором месте после Библии.

Родился Омар Хайям в городе Нишапуре, тогда это была область Хорасан, а сейчас территория современного Ирана. Окончив медресе, он отправился за счастьем сначала в Бухару, потом в Самарканд. Время было беспокойное. То здесь, то там вспыхивали военные мятежи против завоевателей — Великих Сельджуков. Но Хайям стремился к знаниям. Он изучал математику, астрономию, медицину. Постоянного места жительства у него не было. Жил где придется. Иногда ночевал в палатке, которую ему подарил один купец. Постепенно за ним закрепилось имя Хайям, что в переводе означает: «человек, живущий в палатке». К тому же Хайям всегда стремился к независимости, в диспутах и научных спорах, разгорячившись, мог сказать лишнее. Отсюда его скитания в поиске истины. Со временем он стал сдержаннее, но это было потом, когда ему был присвоен титул, звучащий буквально как «Доказательство Истины».

Сельджуки тем временем укрепляли свою власть на всей огромной территории юго-западной Азии, сделав основной идеологией государства ортодоксальный ислам, где власть и суды при вынесении решений использовали Коран, и толковали суры на все лады. В эти годы появились тысячи толкователей Корана, которые зарабатывали на этом себе хлеб. Ничего удивительного в этом нет. На захваченных территориях ислам в большинстве случаев был новой религией. И местным феодалам, малосведущим в тонкостях толкования сур, ничего не оставалось, как обращаться к знатокам. Хайям обладал феноменальной памятью и многие суры из Корана знал наизусть. Поэтому его взял к себе помощником судья города Самарканда Абу-Тахир. Через некоторое время Омар оказался при дворе местного предводителя, где знания были как нельзя кстати. В это время по всей империи разъезжали люди султана в поисках ученых и специалистов. Султану великой империи для укрепления государства нужна была развитая наука. Так Хайям оказался в Исфахане — столице Великих Сельджуков. Его благосклонно принял главный визир Низом Аль-Мулк, который остался доволен знаниями ученого и представил его султану Малик-шаху. Хайяма назначили руководителем новой обсерватории. Ему было поручено разработать солнечный календарь, взамен устаревшего лунного. Календарь получился на славу. Достаточно сказать, что он точнее современного в 3000 раз. Помимо календаря Хайям открыл кубические уравнения. Позднее их открыл Ньютон — и называются они Бином Ньютона. Из известных философских трактатов Хайяма до нас дошли 15. Четверостишия-рубай — это тоже открытие Хайяма. Насколько многие не знают о его научной деятельности, настолько же остальные знают о нем как о по-

эте, стремящемся развеять земную тоску и уныние. Скепсис оптимиста полезен во все века.

*Что там за ветхой занавеской тьмы,
В гаданиях расстроились умы,
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все...— как ошибались мы.*

После убийства Великого визира террористом-ассасином и неожиданной загадочной смерти султана Малик-шаха жизнь Хайяма при дворе стала трудной и небезопасной. Он покинул двор великого султана, но ему продолжали угрожать наиболее рьяные исламисты, так как в отдельных четверостишиях поэт был явно не на стороне религиозных постулатов. В конце концов Хайям решил отправиться паломником в Мекку. Это спасло его от расправы. После совершения хаджа он перестал общаться со своими учениками и вел затворнический образ жизни. Умер Хайям 4 декабря 1131 года в возрасте 83 лет. Но его рубаи до сих пор совершают свой хадж по всему миру.

*От безбожья до Бога — мгновенье одно,
От нуля до итога — мгновенье одно,
Береги драгоценное это мгновенье.
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно.*

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
Омар Хайям

ВОСПОМИНАНИЕ О НИШАПУРЕ*

Закрой глаза,
И снова мир взглядишь,
Бунтует он грядущими веками,
Движеньем точным продолжает жизнь,
Сомненьем вечным существует с нами.
Где поднималась крепкая стена,
Там пустота зияющим провалом.
Но ты взглядишь,
И там уже видна пылинка,
Что является началом.
А за спиной,
В густом дыму руин,
Мой дом и сад.
И память об отце.
И на чело спустилась без причин
Пылинка,
Что является в конце.

В 1054 году в созвездии Тельца вспыхнула сверхновая звезда. В течение месяца она было видна даже днем, и через два года она исчезла бесследно. На этом месте образовалась Крабовидная туманность. Омару Хайяму в ту пору было 6 лет.

* Нишапур — город в Хорсане, родина Омара Хайяма.

* * *

Когда в созвездьи ас-Саура*
Зажглась сверхновая звезда,
По трактам, бесконечно хмурым,
Пошли могучие стада.
Глядели на звезду с опаской
Предгорий древних пастухи,
Глядели на нее подпаски,
Молясь за прежние грехи.
Стада тянулись вдоль долины,
Быки шагали, не спеша.
Спешили женщины к мужчинам.
Тянулись бабки к малышам.
Звезда рассеялась беззвучно,
Не сделав никакого зла.
И стало на дороге скучно,
Как после праздного стола.
Она исчезла, словно зайчик
От расколовшейся слюды,
И долго беспокойный мальчик
Искал в мирах ее следы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В тиши ночной,
Где воздух чист прохладой,
Цикады затихают утомленно.
А в глубине
Таинственных созвездий
Мелькают метеоров мотыльки,
Баюкала судьба Омара:
«Мой маленький мудрец
В огромном мире,
Смотри,
Как в черном океане плещут
Галактик обнаженные тела...
По волнам вечности
Несутся в даль слепую...
Но берег бесконечности им в тягость —
Они вернутся к дому своему.
В круговороте всяком
Есть причина.
В слиянии сфер
Смещение неизбежно,
А потому движение Вселенной —
Всего лишь способ
Обновленья,
Отжившего во времени пути.
И ты — частица этих обновлений —

* Ас-Саура — бык, телец (перс.).

Мой маленький мудрец
В огромном мире».
И утомленный песней полнозвучной,
Во сне мечтал он
О всеильном свете,
И мириады звезд к ногам летели
Бессмертной песней Млечного пути.

* * *

На плоской крыше
Жухлая трава,
Окаменела и распалась глина,
И где пылит безводная долина,
Веселая мелодия жива.
Ее частенько напевала мать,
И я старался напевать негромко,
Когда она укладывала спать
Омара — беспокойного ребенка.
Здесь надо мною
В прорези окна
Мерз паучок
Прозрачную снежинкой,
И уплывала за дувал* луна
Единственно белой половинкой.
Аллах по небу звезды рассыпал,
Курился Млечный путь над головою,
И медленно Вселенную качал,
Как колыбель,
Всесильный страж покоя.
Была война, катились мятежи.
Мать умерла,
Погиб отец в неволе.
Без гнезд снуют печальные стрижи,
И люди от нужды уходят в поле.
И я ушел,
Покинул отчий дом,
Под слоем пыли
След мой, затаился.
И детский мир
Уснул здесь сладким сном,
А новый в испытаньях родился.

СИРОТСТВО

Летят ромашки облаков,
Шумит весенний цвет,
Среди слежавшихся песков
Пролег знакомый след.

* Дувал — глинобитный забор.

Яр* пробежала к ручейку,
Сомкнулись камыши.
Прижался к слабому плечу
Твой маленький кувшин.
А я настойчиво ищу
Средь трав лукавый взгляд.
Найду тебя и отомщу,
Как было год назад.
Я обниму тебя тайком.
Ты, вздрогнув, замолчишь,
Потом умчишься босиком
И этим отомстишь.
Так здесь играли мы вдвоем
В пятнашки при луне,
И проходили день за днем,
Как в детском ясном сне.
Но лишь стрекозы по утрам
Чуть крыльями блеснут,
Мы расходились по домам,
Где нас давно не ждут.
Удел сирот —
Свой дом искать,
А если повезло,—
Любить,
Любимому прощать...
И ненавидеть зло.

Размышления о жизни ученого, изгнанного из родных мест, и обреченного на долгие скитания, но в скитаниях и заблуждениях находил ученый муж зерна истины. Он погиб при переходе через соляную пустыню.

* * *

Солона земля пустыни,
Горек запах полыней,
По распадкам черных линий
Не журчит давно ручей.
У китайского верблюда
Сил не хватит,
Чтоб пройти
Солью выжженное блюдо,
Что застыло на пути.
Одnogорбый в море пекла,
Будто выцветшая тень,
Он идет дорогой блеклой
День и ночь
Который день.
Миражи пустынной ночи,
Звезды дремлющей рекой.
Мир в движении непрочен,

* Яр — любимая

Как непрочен сам покой.
Где-то в райских очертаньях
Среди гурий лишь одна
Для тебя откроет тайну
Легкой горечи вина.
Там в прохладе,
Утомленный,
Вдруг припомнишь мир и лог,
След, слезами окропленный,
И могильный бугорок.
Там, среди дороги бренной
Старший друг, устав от дел,
Полог, вышитый Вселенной,
Так поднять и не сумел.
Без пристанища, в разлуке,
Все пытался обойти
Человеческие муки,
Словно вехи на пути,
Чтоб добраться до истоков
Звездных блещущих путей,
Чтобы мир забыть жестокий,
Что живет в умах людей.
Что там, в дальнем океане,
Непонятном и родном?
Он зовет тебя и ранит
Скрытым в сути бытием.
Что за ветхой занавеской?
Много пищи ль для ума?
Или снова месть в отместку
И безвинному вина?
Сколько свитков прошуршало...
Вязь твоих бесценных слов
Их срастила и связала
Сложной истиной основ.
Мир, оставленный тобою,—
Золотистой мысли нить
Свяжем с нашей бечевою,
Чтобы занавес открыть.
Пусть осталось очень мало
Бескорыстных делу слуг.
Нас Вселенная вращала,
Как гончар привычный круг.
Шло несчастье за несчастьем...
Сколько гибло на веку...
Жернова страстей и власти
Превращали соль в муку.
Хлеб, замешанный на соли,
Будто каменный пирог,
В нем твоих страданий доля
И друзей моих итог,
Позади опять пустыня.

Что нас ждет в иных краях?
Или время приподымет
Полог,
Чтобы спрятать прах?
Или дали нас отринут
И вернут к родным местам?
И труды, как реки, сгинут
И примкнут к солончакам.
Нет, что истинно, то свято...
Там, за занавесью тьмы,
Мир восходов и закатов,
Мир без страха и вины.
Не обидит слабых сильный,
Он придет, желанный час,—
Там за занавесью пыльной
Мир, уже открывший нас.
У Хайяма нет сомнений —
За холодной пеленой
Мир грядущих поколений
Не забудет нас с тобой.
Не забудутся уроки,—
Тяжкий след былых причин...
Чтобы не был мир жестоким,
К новым истинам, Хаким.

Галина Беспалова
(г. Москва)

ЖУРАВЛИКИ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в Ульяновской области. По образованию – филолог и психолог. Около двадцати лет преподавала литературу в родной сельской школе. В настоящее время живет и работает редактором литературно-художественных изданий в одной из столичных типографий.

* * *

Стихи свои не жгите —
ведь сгорят.
И не губите
вязь словесных кружев,
как беззащитных
слепеньких котят
хозяин хмурый
топит в грязной луже.
Разгладьте ровно
мятые листы,
Сложите на коленях
оригами...
Журавликом
несбывшейся мечты
пусть воспарят стихи
над облаками.

ОН ЖИЛ ОДИН...

Он жил один. Был тощ и нездоров,
надсадно кашлял дымом самокрутки,
но на деревне — в сотни две дворов —
был первый балагур и прибаутник.
И с нами — «конопатыми» — шутил.
Меня забавно называл пацанкой,
а если выпадало по пути —
подсаживал верхом на Молдаванку.
И с высоты пастушьего седла
смотрела я, счастливая малявка,
как покататься очередь росла —
бежали рядом Колька, Мишка, Славка.

Он был один для нас — всеобщий дед —
для сельской ребятни шестидесятых,
чья деда из военных давних лет
смотрели с фотографий, в рамки взятых.
Свистульки вырезал нам из ольхи,
сбивал ходули каждому по росту,
воробышка, что выпал со стрехи,
он возвращал в гнездо — легко и просто.
Запомнилась шершавая ладонь —
он гладил нас по встрепанным макушкам.
И грустный вздох, как приглушенный стон:
«Бездедовщина... Эх, едрит на мушку!»
Но раз в году, когда фронтовики
победным майским днем при всем параде
шли в новый клуб, сидел он у реки,
потом надолго запирался в хате.
Все знали: на войне он был в плену,
а после «искупал вину» в ГУЛаге.
Вернулся — не застал в живых жену,
лишь дом пустой тулился у оврага.
И умер он в одну из годовщин
им «не заслуженного» дня Победы.
Не дотянул всего лишь год один
до весточки, мотавшейся по следу,
что орден боевой еще с войны
Героя поджидал в архивах где-то.
И нет ничьей, как водится, вины...
и человека...
Человека — нету.

ЛЮБИМОМУ ОДИННАДЦАТОМУ

Этот сон является давно:
Шум листвы и аромат сирени,
На полу играют светотени,
В майский день распахнуто окно.
Белым мелом тема на доске —
Что-то там... о будущем, о счастье.
Лучик солнца — зайчик рыжей масти
Вдруг скользнул и замер в уголке.
В классе воцарилась тишина.
Робко ветер шелестит журналом —
Силится запомнить запоздало
Всех моих ребят по именам.
А они... склонились над столом —
Так сосредоточенны их лица,
Будто в яви, будто мне не снится,
Вижу каждого. И знаю, что потом.
А потом... мир — словно кувырком,
От реалий никуда не деться,

Мальчики шагнут в Чечню из детства.
Ни прикрыть, ни спрятать под крылом...
Если бы вернуть тот майский день!
Он и был поистине счастливый:
Все со мной, и все ребята живы,
И цветет за окнами сирень.
Если бы вернуть тот майский день...

СВИДАНИЕ

День февральский плачет по теплу,
с улицы в уют жилья стучится,
размалевывая по стеклу
панораму утренней столицы.
И в багете тусклого окна,
растекаясь акварельной дымкой,
утопают в пасмурных тонах
полусонные дома Ходынки.
Отложу свиданье на потом,
наугад открою томик старый...
Ну, а Он, озябший, под дождем
одинокое мокнет в зимней хмари.
Нет, поеду! У метро букет
самый лучший выберу для встречи.
Издали узнаю силуэт:
головы наклон, осанку, плечи.
Длинный плащ накинут нараспах,
бусинки дождинок — вдоль опушки.
Капельки в кудрявых волосах...
Я люблю Вас,
Александр Пушкин!

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДРУГУ

Кирилл Усанин впервые публикуется в «Приокских Зорях». Прозаик, поэт, член Союза писателей СССР. Автор семи прозаических книг. В этом году вышел поэтический сборник «Моя маленькая. Надежда». Регулярно печатается в «Московском Парнасе», награжден медалью имени А. А. Чехова.

* * *

Крапива в пыли придорожной.
За крапивой — заброшенный сад.
И на сердце — горько, тревожно,
И мысли размыты, не в лад.

Хозяина нет. На погосте
У дальней ограды лежит.
Я стал неожиданно гостем.
Об этом мне сад говорит.

Об этом крапива мне шепчет,
И пыль оседает в груди.
На душе не становится легче,
Что жизнь еще впереди.

Ведь нету заветного друга.
Остался заброшенный сад.
И как из смертельного круга
Мне оглянуться назад?

В те годы, что молоды были,
И малина росла выше плеч.
И в саду мы гуляли и пили,
И себя не умели беречь.

Одного в этой жизни хотели:
Увидеть свой край весь в цвету,
И любимых ласкать в постели
Чтоб понять до конца красоту.

Мы увидели это, но поздно:
Стрелой пролетели года.
То, что было и есть, невозможно
Нам вернуть никогда, никогда...

Нет, не верю! Не верю я больше!
Я — вернулся! Ты — слышишь меня!
И продлится Судьба наша дольше
И этого века, и этого дня.

Я вернулся! И не станет крапивы,
И не будет заброшенным сад!
Я здесь! Я с тобою! Мы живы!
Есть дорога обратно, назад!

ЗАКЛИНАЮ

Жить пресной жизнью не хочу —
Пусть будет больше соли.
И только лишь тогда смолчу,
Когда не нужно предисловий.

И не хочу я быть в тени —
Пусть будет больше солнца.
Ты с высоты на мир взгляни,
А не из тихого оконца.

И не боялся я погони —
Навстречу первым выходил.
Меня носили в детстве кони,
Да и сейчас хватает сил.

Хватает сил, чтоб не сломиться,
Чтоб на своем всегда стоять.
И только пыль за мной клубится —
Я не приучен догонять.

Я лишь одно имею право —
Обязан дружбой дорожить.
Она священной мне, чем слава.
Без славы можно честно жить.

И только божеским законам
Вверять до смерти жизнь свою.
И если буду вдруг закован,
Я песнь свободы пропою.

Мне жизнь другая не годится.
Готов к борьбе я поутру.
Пусть до конца душа стремится,
Где все живое на ветру.

ПРИЗНАНИЕ

Когда я засыпаю, только тогда я живу
Николай Черкасов, артист

Я живу лишь когда засыпаю.
И я вижу спокойные сны.
Я люблю, негодую, спасаю,
И я весь на виду у страны.

И уверен, что все остается
Тем людям, с которыми жил.
И сердце по-прежнему бьется,
И в душе много веры и сил.

И были не просто лишь роли.
Я судьбою своей проживал.
И радости были, и боли,
И надежду я людям дедал.

Только знаю, что люди не в силах
Меня от врагов уберечь.
Мне их жаль, доверчивых, милых,
Мне близка их народная речь.

Но враги оказались сильнее —
Без театра я и без кино...
Враги страшнее, чем змеи,
Ведь знают, что сердце — одно.

И не выдержит сердце всей боли,
Что скопилась с годами в душе.
И все ж не жалею я доли,
Что выпала в жизни лишь мне.

Но только мне горько, печально,
Что так я с собой поступаю.
И всем говорю я прощально:
Я живу лишь когда засыпаю...

Владимир Резцов
(г. Тула)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

* * *

Ты стройна и гибка, словно ива,
И до боли сердечной красива.
Там, где речка играет, бурлива,
Ты игриво полощешь белье.

Нет, я мимо такой не проеду!
Пригласи, моя прелесть, к обеду!
За картошкой и щами беседу
Поведем про жилье и былье.

А когда опустеют тарелки,
После чарочки доброй горелки
Мы с тобой поиграем в горелки,
Ведь горелка тебе не вода!

Будут ночи безумны и жарки,
Позавидуют сестры, товарки...
А потом я уйду на байдарке,
Но останусь с тобой навсегда...

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ЦЫГАНУ

Еще вчера года бежали рысью,
а нынче их аллюр — уже галоп!
Но мы от этой скачки не зависим,
и не даем себе команду: «Стоп!»

Пока далек по жизни хмурый вечер,
о днях рожденья будем вспоминать,
как о предлоге для застольной встречи,
чтобы друг друга завтра узнавать!

Все те же мы — оседлые цыгане.
Но дым — костровый, таборный вокруг!
Нас бубна звон в постели не застанет!
Гитары стон, как прежде, верный друг!

Хмелит недостижимая свобода!
Налог на вольность — с каждым днем растет!
Взрослеют внуки — продолжение рода...
Ну, а весна — по-прежнему цветет!

И пусть не юбилейный день рожденья!
Нам каждый год теперь, как юбилей!
Мой тост за истин жизни постиженье!
Удачлив будь, цыган! И — не болей!

ВЕСНА

Ласкает солнцем майский день,
неся душе покой...
От зелени деревьев тень
лежит на нас с тобой...

Выводит нежно саксофон
мелодий тихий стон...
Плывет по Туле вальс-бостон
в наивности времен...

Фонтан прохладой брызжет ввысь
под хохот пацанов...
Нырнуть в простую эту жизнь
любой из нас готов...

Салатом маечки светя,
бежит навстречу внук!
И это светлое дитя —
важнее всех наук!

НЕ ТЕ

Твои глаза, как амбразуры дота,
готовые пожаром полыхнуть.
И мужики (беспечная пехота)
под их сиянье подставляют грудь.

Вот так и я — на твой огонь рванулся,
усеяв путь остатками ума.
В последний миг нечаянно споткнулся,
а дальше все — ты видела сама.

Твои гдаза, как вечные стоянки
моей любви усталых каравелл.
Конец всему давно пробили склянки,
но им не верит старый корабел.

Кого-то ищет, вглядываясь в море,
кого-то ждет в чернильной духоте.
Ударам сердца волны тихо вторят,
а мы с тобой давно уже — не те....

МОЗАИКА

Осень — лета завершение,
провозвестница зимы,
света белого крушение,
предвкушение тайны тьмы.

* * *

Для нас безверие — химера.
Год високосный выпал вновь,
в нем главный тост — была бы Вера,
а с ней Надежда и Любовь!

* * *

Из тульских засек голос мой не слышен,
московский гул взрывает небосвод,

но, невзирая на него, не буду тише,
я должен делать все наоборот!

* * *

Я не хочу, и я не буду скоморохом,
на сцене жизни развлекающим богов...!
Пусть мой фальшивый вздох
последним станет вдохом,
а слово нежности — любимейшим из слов!

* * *

Уходит, убегает, улетает, убывает
все то, что невзначай
объединяло нас.
И вот уж волчьим воем завывает, заывает
шальная грусть
твоих тревожных глаз.

* * *

Нельзя из прошлого уйти, его не руша.
Оно вцепилось навсегда и в плоть и в кровь.
Так разлетаются впотьмах тела и души,
а слиться в целое уже не могут вновь...

* * *

Ты, чей по жизни не запятнан след,
за кем грехов и не было, и нет.
Ты так хотел в святые обратиться,
но получил плевков судьбы вослед.

ЭПИТАФИИ

Я не ушел от жизненных невзгод.
Мои родные, с вами я навечно!
Пусть каждый без меня прожитый год
дарует вам покой и бесконечность!

* * *

Тобой обретено спокойствие навек,
а нам осталась грусть воспоминаний.
Ты был любимый нами человек,
ты есть, ты будешь, как и раньше, с нами.

* * *

Над смертью вечность торжествует —
в нас память вечная живет!

* * *

Наш памятник тебе из чистых слез любви
окаменел от горя и страданий,
покров гранитный стонет от рыданий...
Сквозь скорбь и смерть — прости нас, и живи!

* * *

Воскресни в слове и явись!
Не торопись угаснуть снова!
Быть может, станет эта жизнь
ко всем нам менее сурова!

* * *

Спокойно спи! Твои труды
живут в сердцах, струящих ясность.
Готовы мы, презрев опасность,
искать поток живой воды.

* * *

Ты отдохни, усталость не тая!
Бессмертен прах, и духом мы едины.
Земля и небо — наши половины.
Мы вечны в бесконечьи бытия.

ПИВШЕМУ

Он бросил пить, но сволочью не стал.
Друзья его оставили в покое...
Благонамеренности рухнул пьедестал.
Он — начал пить! И умер... от запоя,

ЗАНУДЕ

Два дня счастливых родственникам дал:
когда родился он... и умирал...

РУКОВОДИТЕЛЮ

Где Он лежит, не место для стенаний:
в могиле — клад из ценных указаний.

НЕРАЗБОРЧИВОМУ В ДРУЗЬЯХ

Беду друзей всегда считал своей.
И умер — при содействии друзей.

УШЕДШЕМУ

Ушел от нас в одну из высших сфер
наш друг, достойный лучшего участия,

по жизни и по духу инженер,
которому не улыбнулось счастье!

Он взял из прошлого достойный капитал:
он много дал и очень мало взял!

ЧЕРНСКАЯ НОЧЬ

Чернская, черная, чертова ночь
чавкает осенью стылой...
Дождь не стихает... и сердцу невмочь
биться с удвоенной силой.

Ветер свивает рулады баллад
в хлестко-косматую небыль...
Хлюпает жизни промокший наряд
тряпкой по грустному небу.

Так и уходит пустая молва
с истиной рядом — в былое...
Мокнут надежды, сыреют слова,
нет ни тепла, ни покоя...

Чернская, черная, тайная ночь
в сердце моем — до заката.
Только она мне сумеет помочь
сделать судьбу, как когда-то...

КОФЕ С МОРОЖЕНЫМ

Пью глотком настороженным
горечь наших невзгод:
черный кофе с мороженым —
угли ада и лед.

Черный кофе с мороженым —
снеговой аромат,
ловит рот перекошенный
холод прошлых утрат.

Сквозь улыбку миндалится
сласть грядущих побед,
жаркой тьмою оплавится
замороженный свет.

Просыпаюсь встревоженно,
пробуждёнью не рад.
Черный кофе с мороженым —
белой ночи наряд.

ПРИМЕТА

Пока у вишни лист не опадет,
на землю снег не ляжет, не закроет
осенней грязи зябкие следы
на лужах звонко-мерзнущей слюды,
и только ветер безутешно воет,
пока у вишни лист не опадет.
Пока у вишни лист не опадет,
напрасно мы вверяемся надежде,
что скоро снег бывшее запуржит,
зима судьбу судьбой заворочит,
нет, все пока останется, как прежде,
пока у вишни лист не опадет.

Пока у вишни лист не опадет,
ни в чьи слова я больше не поверю.
Как неизбежность: правда и навет
сосуществуют в гонке наших лет,
а в истину, увы, закрыты двери,
пока у вишни лист не опадет.

Александр Волин
(г. Кратово, Московской обл.)

PERSONALIA

Член Творческого клуба «Московский Парнас», автор многих поэтических книг, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки РФ.

Раньше я летал отчаянно
В голубых просторах сна...
Что теперь — со мной, с ночами ли?
Вдруг приснилось: я — сосна.
Я расту в лесу меж соснами,
Строен, зелен и ветвист,
Отстраненно, неосознанно
Я смотрю на землю вниз,
И расту себе на зависть я,
А земля — в началах вся!
И, начавшись в нежной завязи,
Шишки спелые висят
И трещат в тиши чешуйками,
Осыпаясь на весу,
И уже встречаю — шутка ли?
Сорок первую весну.
И уже сухими сучьями
Увядает низ ствола;
Но шумлю ветвями сочными
На верхушке, где смола,
Вытекая вместе с временем,
Плачет в трещинах ветвей.
Я смотрю высоким зрением
В землю милую, ведь в ней
Все начала и кончаются,
Обновляя жизнь в лесу.
Столько лет уже качаюсь я,
Осыпаясь на весу
Пожелтевшими печалью
На густой зеленый мох.

Что теперь — со мной, с ночами ли?
Я всю ночь уснуть не мог...

* * *

Когда трещат дрова в камине,
И ветер воем за стеной
Так, словно месяц не кормили
Собачью свору, а со мной
В притихшем загородном доме
Лишь кот, бутылка и стакан.
Расположившись поудобней,
Не поддаваясь пустякам,
Я улетаю в ближний космос
Сквозь дымоходную трубу.
Земные тяжесть, низость, косность
Здесь подпадают под табу;
Здесь квинтэссенция немая
Первична душам и умам,
Здесь я мгновенно понимаю
Все то, что вряд ли понимал
В земной безумной круговерти,
И даже мой любимый кот
(Вот в этом вы уж мне поверьте!)
Здесь рассуждает, но не пьет.

* * *

От срока жизни мотылька
До срока жизни попугая
Дистанция столь велика,
Что не случайно полагаем:
Срок жизни мотылька — лишь час,
Хотя, на самом деле, дольше.

От верхоглядства не лечась,
Мы, в рамках парадигмы той же,
Живем не дольше мотыльков
В сравненье с вечностью земною.
А признак вечности таков:
Ничто не вечно под луною.

* * *

Возникают порой ощущения,
Что мне лет уже с гаком пятьсот,
Что рождаются муки душевные
Из космических черных пустот,
Что планеты немыслимо дальние
Дарят мне голубые лучи
И таинственный гул мироздания
В голове перед утром звучит.

Подоплеку такой аномалии
Не раскроешь законным путем.
Чушь, конечно, и только. Но мало ли...
Надо все же проверить потом.

* * *

Мы так разительно отстали
От наших внуков и детей!
Но связи кровные остались,
Так что приходится терпеть
Насмешки, колкости, упреки
Скороговоркой, на ходу.
Да, мы отсталые, мы предки,
Но стоит лишь попасть в беду
Смышленным внукам или детям,
И наши акции растут.
Мы за детей всегда в ответе,
Как часовые на посту.

* * *

Ты, красивая и молодая,
Фотографией девять на шесть
На стене висишь, наблюдая
За неведомой жизнью нашей.

Жизнь такой отчужденной стала,
Так печально, невыносимо
В грузном дядьке, седом и старом,
Узнавать любимого сына.

Ты печальна, милая мама,
Ты этюд красоты осенней.
Почему ты жила так мало
И так мало знаешь о сыне?

Если я чего-то и стою,
То спасибо тебе, родная!
Головой усталой, седою
Я в сердцах к стене припадаю,

К фотографии в рамке, той же,
Что на сером камне могильном.
Ищу Тебя, Господи Боже!
Мама, милая, помоги мне!

* * *

Сосны, солнцем освещенные,
Грусть невенчанных берез —
Сторона моя священная,
Где родился я и рос,
Где стихи слагал и песенки,
Где любовь и труд познал!
Здесь на пне — моем ровеснике
Засиделся допоздна,
Жизни радуясь пока еще,

И уже грустя о ней,
А в темнеющей, смолкающей,
Уходящей стороне
Точка светлая останется,
Как спасительный маяк;
На него небесной странницей
Прилетит душа моя,
Все, что в жизни не досказано,
Здесь доскажет, допоеет;
И услышит голос сказочный
Чуткий будущий поэт
В миг духовного общения,
Вроде вольтовой дуги...

Сторона моя священная,
Будь священной для других!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

УЗЛОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ УЗЛОВОЙ

Во второй половине XX в. в среде Тульских литераторов родился термин «Узловская литература — Узловские литераторы». И на это были определенные основания...

Но история литературного поля Узловой уходит в глубину XIX в. в село Шаховское — родовое имение князей Оболенских. На протяжении многих лет Дмитрий Дмитриевич дружил с Л. Н. Толстым. Часто Лев Николаевич навещал князя, отдыхал, охотился с ним в окрестностях Шаховского. Издавна князья Шаховские разводили породистых лошадей. Именно здесь Л. Н. Толстой приобрел своего любимого коня Делера, подробно описанного им в романе «Анна Каренина» под кличкой Фру-Фру. Дмитрий Дмитриевич оставил любопытные воспоминания о гениальном писателе. Писал он и за границей, куда занесло его октябрьским ураганом.

Любопытно, что, несмотря «на вихри враждебные» и грозовые эпохи, разведение породистых лошадей сохранилось, став одним из основных направлений хозяйства и в наши дни.

В 30-е годы XX в. в редакцию Узловской газеты «Сталинское знамя» обком партии направил на работу известного тульского поэта Степана Белоусова, поэма которого «Тульский Кремль» и сегодня читается с интересом. Он-то и возглавил литературное объединение, костяк которого составляли Алексей Киселев-Кузнец, Евгений Ельшов, Николай Комедин, Анатолий Кузьмичев.

Талантливый Степан Белоусов погиб на войне, а Е. Ельшов, Н. Комедин и А. Кузьмичев вернулись с фронта, продолжили дело своего учителя. Первый стал известным журналистом-международником. Многие годы он работал в странах Латинской Америки. Сейчас живет в Москве, пишет стихи и прозу, издал несколько книг. В том числе и книгу о предвоенной Узловой, о молодежи города накануне войны и в первые месяцы военных действий. Не теряет связи с городом — периодически бывает в Узловой.

А. Кузьмичев стал видным писателем. Многие годы он жил и работал в Тбилиси. Последнее время живет в Минске. В свое время в Туле был издан его роман «Одиннадцатый класс» — об Узловой и узловчанах в годы войны. Его пьесы шли на сценах многих театров. Недавно у него вышел роман — хроника в трех книгах «Южный бастион». Его работа потрясает своей масштабностью, реалистичностью событий военных лет, особенно связанных с обороной Тулы и боями на земле нашего края. Роман густо «населен» — от руководителей воюющих стран до маршалов и рядовых солдат.

С Узловой тесно связано творчество В. Е. Максимова. В ряде произведений он описывает события, связанные с нашим городом. Здесь жили его родственники, и он бывал в нем.

В нашем городе родилась легендарная разведчица и известная писательница

3. И. Воскресенская, Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, имя которой носит детская городская библиотека.

В 1948—1949 гг. в Узловой жил и работал будущий знаменитый писатель В. А. Чивилихин. Он из Сибири поехал покорять литературную Москву и задержался на ее периферии, коей и являлась в то время Узловая. Потом он станет одним из читаемых писателей своей эпохи, лауреатом Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола. Его повести «Про Клаву Ивановну», «Елки-моталки», «Шведская остановка», «По городам и весям», роман в двух книгах «Память» принесли ему всемирную славу. Но прожил он всего 56 лет и умер в 1984 году.

Узловая — мать Новомосковска. На узловской земле под руководством партийной организации в 1929 году началось строительство гиганта химии. Тогда здесь часто бывали, а иногда и подолгу жили известные литераторы: Г. Алексеев, Н. Дементьев, А. Жаров, П. Железняков, Н. Незлобин, Ф. Панферов, С. Щипачев и другие.

На строительство Новой Москвы приехал и Степан Поздняков, ставший журналистом и поэтом, большим подвижником. Именно он в «годы невзгод» помог выдающемуся советскому поэту Ярославу Смелякову, приютив его в своей комнатенке. Классик литературы стал наставником начинающих авторов Мосбасса, в который входили около десятка окрестных городов.

Позже дело Я. В. Смелякова продолжил замечательный поэт — фронтовик Н. К. Старишинов. Он был не только общественным деятелем, но и непревзойденным наставником молодых литераторов. Многих тульских, новомосковских литераторов пригласил под своим крылом, дал им путевку в большую литературу Николай Константинович.

Несколько десятилетий литературное объединение Новомосковска возглавлял С. Я. Поздняков. Узловские литераторы не пропускали ни одного занятия у него, публиковались на страницах новомосковской газеты. Тесная связь литераторов Новомосковска и Узловой сохраняется и укрепляется. Ближние соседи — частые гости друг у друга на занятиях, на различных литературных мероприятиях, в издании своих произведений в коллективных сборниках.

В пятидесятые годы Узловское литературное объединение возглавил хороший новомосковский поэт П. В. Поддубный, работавший в нашей городской газете. В эти годы у него учились юные Л. Кальянов, В. Мишин, Н. Боев. Позже к ним присоединились Е. Елманов, А. Кудрявцев. А еще позже в литературное объединение влились М. Крышко, В. Сапронов, Ф. Хрусталева, Ф. Гусев, В. Положенцев, В. Родионов, В. Залотуха. В начале шестидесятых годов литературным объединением руководили В. Мишин и М. Крышко. А в 1966 г. его возглавил Н. Боев и продолжает руководить им до наших дней.

За эти годы профессиональными литераторами — членами Союза писателей России стали Н. Боев, А. Жуков, М. Крышко, В. Сапронов, В. Родионов. Всемирную известность приобрело творчество еще молодых сценариста и прозаика Валерия Залотухи и поэта и музыканта, лидера эстрадной группы «Бахыт — Компот» Вадима Степанцова. Это далеко не полный список, ибо десятки воспитанников литобъединения разлетелись по странам ближнего и дальнего зарубежья. Но приходят другие. Прочно слились с литературным объединением активные участники Ю. Елисеев, Ю. Юрков, Н. Ушаков, И. Беляев, Т. Сапрыкина, Г. Свиридов, Л. Лязина.

Узловские литераторы не затерялись в литературном море. Дважды становился лауреатом конкурса писателей СССР и МВД о милицеевских буднях Михаил Крышко. Девять раз побеждал в областных литературных конкурсах Н. Боев. Он и В. Сапронов — лауреаты литературной премии им. Л. Н. Толстого. Лауреатами областных конкурсов становились Л. Кальянов и Н. Циндель.

Наиболее активными членами литературного объединения являются Ю. Киреев, Л. Бурцева, Г. Рябова, Т. Кутикина, В. Баранов, О. Невенченко, Л. Киселева, Л. Ахвердиева, Н. Панюшкин, В. Воронин, Л. Кольцова, Е. Серегина, В. Полянских, А. Кондратович, А. Шакирьянов, С. Баранова, Е. Кузьмичева, Г. Абрамова, О. Ермолаев, С. Гардер.

Литераторы — нередкие гости на радио и телевидении, на страницах узловских и областных газет, в сборниках Тулы. Без них не обходится ни одно крупное городское и областное мероприятие, как и сама история нашего города. Ими выпущено десятки книг, тепло встреченных читателями и литературным сообществом.

Николай Боев

ВАСИЛИЙ МИШИН

(г. Узловая)

Василий Алексеевич Мишин родился 4 января 1935 года в деревне Трудки Орловской области, ставшей частью величайшей Орловско-Курской битвы 1943 г. Здесь В. Мишин получил тяжелейшее ранение и на всю жизнь остался инвалидом.

В 15 лет Василий Мишин опудиковал свое первое стихотворение. В 1951 г. он переехал в Узловую. Работал и учился. Постоянно писал стихи, которые публиковались в газетах Москвы, Орловской и Тульской областей, в различных коллективных сборниках и альманахах.

В начале 60-х гг. прошлого века В. Мишин являлся руководителем Узловского литературного объединения.

Все годы работы его связаны с железной дорогой.

РОДИНЫ МАЛОЙ БЕРЕГ

* * *

Как там в давности было
Можно только гадать.
Очень Люба любила
У реки погулять.
Потому и преданье
Не на месте пустом:
Было Любе свиданье
На обрыве крутом.
Что же стало с тобою
Люба-Любонька-свет?
Смыло вешней водою
Речки Любовки след.
Где высокий тот берег
И свидетель ветла?
Ни за что не поверишь,
Что здесь речка текла.

И в земном быстротечье
Позабылось давно,
То, что Любовке речке
Твое имя дано.

ДИЗЕЛЬ-ПОЕЗД

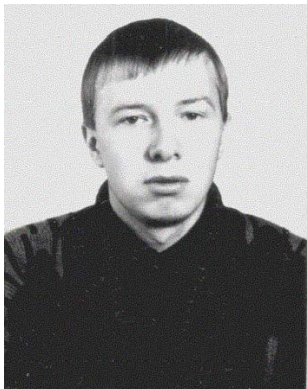
Сяду я в дизель-поезд,
Сяду в урочный час.
В окнах знакомый до боли
Родины малой пейзаж.
Мне выходить не скоро,
Буду в окно смотреть.
Дизеля мерная скорость
Станет мне душу греть,
Да неумолчный говор
Будет со всех сторон:
Веси окрестные, город —
Как разнолик вагон!
Едем мы все по делу.
Чем-то корзины полны,
Пахнет ягодой спелой
И молоком парным.
Рядом радость и горе —
Хочешь — душу излей,
В спорах и разговорах
Время летит быстрее.
Тают за дымкой сизой
Станции, блокпосты.
Катится тихо дизель,
Бьют колеса о стык.

В ДОРОГЕ

Подкладывали хворост под колеса,
А дождь, как очумелый, бил внахлест.
Плелись по обочине березы.
За ними — степь на много-много верст.
Промокли за день до последней нитки,
Пока вдруг не попали на большак.
Усталые, счастливые улыбки, —
Дождем с лица их смыть нельзя никак.
Продрогшие, друг к другу сели ближе.
Дай газ, шофер! Дай газ, шофер, такой,
Чтоб, скрежеща цепями о булыжник,
Колеса закрутили шар земной!

СЕРГЕЙ ГАРДЕР

(г. Узловая)

Родился в 1974 году в г. Узловая Тульской области, в рабочей семье. Предки по материнской линии спокон веков крестьянствовали в наших местах. Предки по отцу происходят из Северо-западной Германии (возможно, из Голландии). В Россию они переселились после известного указа Екатерины и до 1941 года компактно проживали в степных районах Алтая, разводя там лошадей.

Теперь, вместо предисловия, несколько слов самого автора: «Мир, безусловно, идет к краху. Грозные признаки некой катастрофы, Беды растворены в воздухе. В этих условиях всем нам нужна опора, нечто крепкое, суровое, светлое. И ничего, если где-то оно будет примитивным или наивным. Надо отсечь лишнее, наносное, случайное, пусть даже и «милое» и «хорошее». Сердце найдет точки опоры, новые пути и подходы в погружающемся в хаос мире, какими бы непривычными, нестандартными они бы ни были».

* * *

Как царственно-зловещ мир на исходе дня:
Холмы, посадки погрузились в думу,
Тревожнее ветра, мрачнее зелена,
И небо беспокойней и угрюмей.

Огромные дубы над темною водой...
Стою один посередине лога.
И солнце умирает за горой,
Деревня черным высится чертогом.

Взошла луна; ведет наверх дорога.
Назад не повернуть; иду по ней.
И там, среди домов, рябин, собак, людей,
Два озера, глаза земли печальной сей,
Глядят в тебя с надеждой и тревогой...

ТРОИЦА

Стол из нестроганных досок,
Темь... Здесь, на скамье, неожиданно,
Единый — но в трех лицах — Бог
Явился Аврааму.

«Три мужа» — ангела простых —
В лазоревых одеждах,
О чем-то дальнем загрустив,
Не поднимали вежды.

Казалось, что Им дольний мир,
Тем ангелам, беда, веселье
Людские?! Здесь недолог пир,
И тяжело потом похмелье.

Но средний очи приоткрыл.
Подвинул чашу Он руками
И, помолчав, благословил
Ее дрожащими перстами.

А два других, пронзая Тьму,
Полны небесного горенья,
Склонили головы к Нему
В единства знак и одобренья.

Для нас ужасен плотный мир,
Стремится к Высшим сверхсознание...
А Тем дарован вечный пир,
Но Их безмерно сострадание.

ОЛЬГА НЕВЕНЧЕНКО

(г. Узловая)

Стихи начала писать с 11 лет. По специальности — бухгалтер. Печаталась в Новомосковских альманахах «НЛО», «ЛИК», Новомосковской газете «Любава», Узловской газете «Металлист» и в газете «Тульский литератор».

КОШКИ — МЫШКИ

Летят снежки — малышки,
Гудит — поет гобой.
Играю в кошки — мышки
С злодейкою судьбой.

Она за мной вприпрыжку
Бежит который год.
В случайной передышке
Вдаль за собой зовет.

Ласкает нежно ушки
Забавное вранье —
Улиткою в ракушку
Я прячусь от нее.

Удача синей птицей
Мелькает впереди,
И снова мне не спиться,
Кричу ей: «Погоди»!

Мигнут в долине ночи
Узловские огни...
Судьба в ответ хохочет:
«А ну-ка, догони!»

МУЗЕЙ ТИШИНЫ

Где-то в очень дремучем лесу,
На зеленой болотной трясине,
До сих пор я понять не могу,
Как построен музей темно-синий.

Романтично зовет на чердак
Одинокая крыша из веток:
Здесь собрат умудрился чудаком
Тишину всех мастей и расцветок.

Осторожно шагнешь за порог,
И не скрипнет дощатая дверца.
Здесь приветствий обыденный слог
Состоит из особого действия.

Скучной лентой немного кино
Тишина по музею шагает.
Страшно, жутко, немного смешно
Экскурсantu порою бывает.

Убежит посетитель, устав,
На бегу схватит птицу Свободы.
Засмеется, впервые поняв
Силу звука воскресшей природы.

ПРАВО ЖИТЬ

Любая мысль имеет право жить,
И глупость ведь бывает гениальна,
И тонкой лжи чарующая нить
Красивой правдой кажется случайно.

Хочу на крыльях вдохновения кружить,
То камнем падая, то чайкой воспаряя.
Любая мысль имеет право жить...
Вот только выживает не любая.

ЕЛЕНА КИСЕЛЕВА

(г. Узловая)

Елена Киселева родилась в г. Серпухове Московской области. С 1974 проживает в городе Узловой. Пишет стихи с 1998 года. Член Узловского и Новомосковского литературных объединений. Периодически печатается в городских и районных газетах, в альманахе «НЛО», художественно-краеведческом сборнике «Перекличка», православном альманахе «Прихожанин», альманахах стран ближнего зарубежья «Родник» и «Содружество». В 2007 году ее стихи вошли в сборник лирики тульских поэтов «Свет любви», в 2008-м в межрегиональный сборник «На крыльях пегаса» при Тульском отделении СП России, поэтический сборник «Моя талантливая Русь» города Москвы, а также сборник детских стихов «С бору по сосенке».

В 2004 году в издательстве «Инфра» г. Тула вышла ее первая книга «Не сотвори себе кумира», состоящая из любовной лирики. Готова к изданию созданная в соавторстве книга «Фазтон любовных грез».

Художник и поэт по призванию, она работала специалистом по связям с общественностью на крупном химическом предприятии, диктором на кабельном телевидении, корреспондентом заводской многотиражки, в настоящее время обозревателем районной газеты.

Кроме стихов, с большим желанием занимается декоративно-прикладным творчеством, художественной фотографией, живописью, принимает участие в городских и областных выставках, поэтических встречах, литературных семинарах. В данное время работает над новой прозаической книгой.

* * *

Бросить все и к тебе бежать,
И с порога — в твои объятья...
А потом тихо рядом лежать,
Скинув на пол туфли и платье...

Грудь и губы твои ласкать,
И в желаньях не знать предела,
И пороков в себе не искать,
Отдаваясь на волю тела.

Обо всем с тобой забывать,
Не глядеть на часы украдкой,
И счастливой к утру засыпать
На руке твоей сладко-сладко...

ОРЕЛ И РЕШКА

Две стороны одной монеты,
Хоть под каким гляди углом,
Несовместимы, и при этом,
Живу я решкой, ты — орлом.

Играет нами наудачу
Рука судьбы и в суете

То так подбросит, то иначе,
А то завертит на гурте...

Смотрю на юг, а ты на север,
И от того больней вдвойне...
Я аверс твой, а ты — мой реверс,
Так и живем — спиной к спине.

СУРРОГАТ

Снова в кухне одна, в окна звезды глядят,
С сигаретным дымком кофе пью — суррогат,
А за шторами полночь, домов целый ряд
И нигде ни души, все давно уже спят.

Сын тихонько войдет, на меня бросив взгляд,
Вновь отвечу ему что-нибудь невпопад...
Я сама не своя много лет уж подряд
И не женщина будто, а так — суррогат.

А часы на стене как обычно спешат,
Каждый прожитый день, отбивая в набат,
Я ж, дороги не зная, бреду наугад,
Мне за сорок уже! Ах, как годы летят!

Пожалею себя, оглянувшись назад,
Счастье, дружба, любовь — все сплошной суррогат.

— Нужно что-то менять — повторю я сто крат,—
Ведь не фальшь это небо, восход и закат,
Изобилие цвета и звуков каскад,
Неподдельные чувства во мне говорят!

И в рубашке одной выхожу прямо в сад
И вдыхаю, вдыхаю живой аромат...
На озябшие плечи, накинув халат,
Снова в кухню иду — кофе пить... суррогат.

ЛАЛА АХВЕРДИЕВА

(г. Узловая)

Ахвердиева Лала Машух кызы родилась в г. Баку. С 2004 года проживает в г. Узловая Тульской обл. Образование высшее.

Стихи начала писать с детства.

Член Узловского литературного общества и Новомосковского лит. объединения «НЛО».

В 10-м классе ее опубликовал советский журнал «Комсомольская жизнь». Затем, печаталась в журналах «Литературный Азербайджан», «Гюняш», в газетах «Вышка», «Ежедневные новости» и др.

В ноябре 2002 года была награждена дипломом третьей степени на Первом фестивале поэзии «Поэтический Баку 2002» в номинации «Стихи для детей».

В сентябре 2003 года в Азербайджанском государственном театре кукол им. А. Шаига состоялась премьера спектакля «Девичья башня», поставленная по мотивам сказки Л.Ахвердиевой «Легенда о девичьей башне». Вскоре, состоялась радиопередача на радиостанции «Араз», посвященное творчеству писательницы. Также о ней вышла статья в газете «Caspian Business News». Многие из ее произведений публиковались в альманахах «Содружество», «Родник», а так же в журнале «Мутарджим» (на нескольких языках).

В России Лалу знают по многим публикациям в газетах «Металлист», «Знамя», «Петровка, 38», альманаху «НЛО», «Узловая литературная», «Православный Новомосковск», «Приокские зори», «На крыльях Пегаса», «С бору по сосенке» (детский сборник для детей) и т.д. Она часто выступает со своими произведениями на утренниках и вечерах перед учащимися, передачи о которых транслируются по телевидению.

Ее перу принадлежат книги «Dis Manibus» (2004 г.) и «Караван» (2005 г.).

Книга «Фазтон любовных грез» третья книга автора готовится к изданию.

ЗНАЮ, ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ!

Все решено? Какая жалость!
И капли шанса тоже нету?!
Но я, поверь, не испугалась:
Пойду гулять по белу свету.
С собой возьму луну и звезды,
И солнце, даже буйный ветер.
Ну а мечты свои и грезы
Пошлю к тебе в большом конверте.
Мечты расскажут, где брожу я,
А грезы путь укажут верный.
И знаю ты тогда, тоскуя,
Ко мне вернешься непременно!

ОСКОЛКИ

Холодный ветер, воя громко,
Юлит и кружится на льду.
Сухую, жгучую поземку
В лицо бросает на лету.
Хохочет ветер смехом колким,
Затем юлит, кружит опять.
А я любви своей осколки
С земли пытаюсь подобрать.

СПЕШУ К ТЕБЕ СКВОЗЬ ТУЧИ СЕРЫЕ...

Спешу к тебе сквозь тучи серые,
Дождем налитые, свинцовые.
Лечу к тебе я птицей белой,
Лечу на крыльях к тебе снова я!
Мы с ветром вместе в небе плачущем
Разгоним тучи беспросветные.
Тогда поверишь, Рыцарь страждущий,
Что есть любовь — любовь бессмертная!

ПОЛНОЧНЫЙ РАЙ

Бродяга-ветер средь лесов
Гуляет в полночь тихо.
Закрыты двери на засов.
Все спит. Но ветер лихо
Летает, кружит на бегу,
Сгибает станы трав в дугу
И, улетаая спешно ввысь,
Спешит к мохнатым тучам.
На небе звездочки зажглись
И освещают кручи.
Полночный рай. И в нем один
Летает ветер-господин.

ГДЕ ТЫ — ТАМ Я

Ты далеко. Но я с тобою.
Всегда с тобой.
Быть может, ты теперь у моря
И волн прибой
Рокошет громко и протяжно
В вечерний час.
Но, впрочем, мне совсем не важно,
Где ты сейчас.
Ты можешь быть в лесу и в поле,
Иль у ручья.
А я всегда, всегда с тобою:
Где ты — там я!

ЛЕВ КАЛЬЯНОВ

(г. Узловая)

Кальянов Лев Константинович родился в 1933 году в Узловой. Активно сотрудничал в печати. В последние годы трудился корреспондентом в газетах «Знамя» и «Металлист».

Опыт и мастерство оттачивал в литературных объединениях и поэтических семинарах. Стихи публиковались в районной, областной и всесоюзной печати, а также в журналах «Смена», «Советским воин», «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Лев Константинович является одним из авторов семи коллективных сборников, вышедших в Туле в Приокском книжном издательстве и в Москве, и альманахах «НЛО» Новомосковского литературного объединения. Он также пишет стихи для детей, новеллы о природе и рыбалке.

Увлекается живописью. Неоднократно участвовал в городских, областных, межзональных художественных выставках.

За картину «С мамой» награжден дипломом и нагрудным значком «Победителю Всесоюзного смотра в РСФСР». Он — автор двух сборников стихов «Дарите нежность» и «Соловьиная станция».

ЖИВЕМ В КОЛЬЦЕ ОБИД

Живем в кольце обид.
Несем потери.
Но боль не запретит
В Россию верить,
Любить простор берез,
Рек зазеркалье,
И с церковкой откос
В немой печали,
Трав луговых настой,
Птиц песнопенье,
Свод неба голубой,
Людей раденье.
Несем, крепясь, свой крест
В кипенье злого.
Куда идем? Невесть!
Чужда сия дорога.
Господь, нам помоги,
Чтоб Русь была не куцей,
Чтоб через все грехи
К величию вернуться!

СКУЛЬПТОР

Н. И. Боеву

Он отложил резец.
Расправил тяжко спину...
Промолвил: «Наконец
Я изваял богиню!..»
Запястье сжал браслет
В закатной позолоте...
Телесный, теплый свет
Плыл от груди до бедер.
Но главное — в глазах,
Что излучали нежность,
Как мастерства размах,
Сама смотрела вечность...
Творец из брюк достал
Монетку... Вверх подкинул...
Цигарку он скатал,
Дымок пуская синий...

ПОДСТРЕЛЕННАЯ ЛОСИХА

Василию Мишину

Она спрямленную дорожкой
Шла к лежке из последних сил.
А позади ушастый крошка
За ней испуганно спешил.

Багровый свет ложился тихо,
Окрашивая небосвод.
И дымно-серая лосиха
Брела настойчиво вперед.

Чуть отдыхала временами.
Над ней метался птичий гам.
Лосенок жадными губами
Тянулся к налитым сосцам.

И спину мать ему легонько
Лизала, тяжело дыша:
Не дрогнула рука подонка
В беде оставить малыша.

...Сомкнулся можжевельник чащей —
И рухнула лосиха-мать.
Лосенок голосом щемящим
Никак не мог ее поднять.

РУЧНЫЕ БЕЛКИ

Михаилу Крышко

У поляны, сидя на пеньке,
Угощал грибник веселых белок.
Он держал орехи на руке
И зверьки их брали то и дело.

Как они доверчиво-добры!
Радостно глядел на них мужчина.
Те в азарте дружеской игры
Вскакивали вдруг ему на спину...

Был, как чудо, беличий визит.
И светлы их милые проделки.
А в сторонке «говорил» всем щит:
Подкормите! — Тут ручные белки.

ЮРИЙ ЮРКОВ

(г. Узловая)

Юрий Юрков родился в деревне Федоровка Узловского района. Работал на машиностроительном заводе формовщиком, в шахте — лесогоном, стволовым, кондуктором, а также киномехаником, пожарным бойцом, счетоводом, библиотекарем.

Печатался в городских и областных периодических изданиях, участник областных и межобластных литературных семинаров.

Много лет трудился журналистом в узловской газете «Знамя». В настоящее время — редактор многотиражной газеты ОАО «АДС».

БАКУЛКИ

(Были и небылицы)

Никто не помнит, каков он был из себя — Бакулка-то, стар или молод, толст или худ, рыж или черен, давно ли жил Бакулка или недавно, а может, и не было его на свете или сейчас, где еще встретится, объявится... Один долдон, упрямец редкий, токовал мне, что Бакулку-то сам народ выдумал, а Бакулки и не было вовсе... Я не спорил с тупорылым, поди теперь разберись — был Бакулка, не был Бакулка? Одно достоверно, — веселого был нрава человек.

Бакулку-то и я не знал, не ведал, а вот бакулки в старинном селе Дедлове мне учудили, уж я уши вострил, головой вертел, записывал точь-в-точь как сказывали. Занятно и ладно, но не без умысла.

Горел Бакулка — раз!

Бакулка раз у кума на другой слободе гулевал-гостевал. То ли в Свисталовке это было, то ли в Котовке. Сам-то Бакулка в ту пору, говорят, на Добавках вертелся — может, и на Тюконовке, а с Нахаловки звонари всякие ильинским докучали, что он, Бакулка, у них жил — обитался. Вылетовские тоже не дураки были — за себя разговор вели. Но поближе к делу.

...Выпил, значит, Бакулка с кумом кувшинец кваску медвяного и к делу, с которым пришел, стал подбираться. Как вдруг слышат с улицы: «Пожар! Пожар!» Выскочили они из дома с кумом Силантием, глядят — полыхает почем зря соседushка Никифор. Пока разобрались, что к чему, пока ведра похватили, багры выдернули, пока прибежал люд отчаянный и в огонь сунулся — дом почти весь сгорел... Одни стены стоят, да труба печная торчит, а погорелец Никифор вокруг пепелища кружит, спасенную живность по родне тянет и судьбу свою разнесчастную клянет.

Ходит и Бакулка с погорельцами, все утешает их, жалеет. Часа два битых ходил, все сочувствовал. Вдруг липнет к нему мужик — проходец, трубкой смоляной, табачной, что трубой самоварной пыжит: «Ты что здесь походню потерял, Бакулка?» «А что тебе, паря?» — ощерился Бакулка. А мужик — проходец, бороды клок, не отстаёт: «Домой налегай, Бакулка, у вас на слободе пожар еще сильнее взъярился... от твоего дома одна печка осталась — дотла сгорел».

Не спасовал Бакулка перед такой вестью, перекрестился кое-как да и говорит: «Не может быть, паря... я ведь и в прошлом годе горел, хошь расскажу...» Онемел мужик-проходец от такого дива, рот разинул, про трубку забыл, слушает, как дело складывалось... Не забывая — за Бакулку я пересказ веду.

Горел Бакулка — два!

...Любит Бакулка сенокос, косил больше языком, по хворости-старости, лентяйству — об этом — не ведаю. А вот любота ему одна с косарями: выпить малешко, чем угостят, да бакулку потешную на свет божий вытащить. Глядишь, и отступится, отлегнет у мужика от сердца.

Днем какая косьба — трава жестит, овод вредный донимает, больше вечерами да зорьками утренними, ранними мужики в травы с косами лезли. И Бакулка среди них выюном ходит, то косье поправит, то брусочек подаст, но больше всего бакулками потчует.

И в этот раз так было. Выпили мужики с устатку, перехватили голод да внимают Бакулке, его речи занятой. Только вдруг видят — дыминой деревенское место заволакивает, пожар там, видать, большой состоялся. Мужики волнуются, коней ладят. Один Бакулка печали не ведает, бахвалится, спорит: «Если на моей слободе горит, то четверть зелья вам, мужики, покупаю, выспорю — вы мне...»

Тут и верховой вскорости прискакал, выпалил: «Три дома, занялись, два отстояли, а твой дом, Бакулка, не смогли... Сгорел вчистую... одна старуха твоя уцелела...».

Все затихли, на Бакулку смотреть бояться. Знают, что он и в прошлом году горел — выкручивался.

Плохо Бакулке, муторно, а уж характер такой у него неунывающий... Собирает Бакулка мужиков в круг и — такую речь ведет: «Таперича, мужики, с меня не четверть зелья, а две полагается, два раза ведь горел... проспорил». И не мешкая более, посылает верхового в трактир, что в часу ходьбы от косцов торчал.

Подивились мужики Бакулке, вышли, повеселели, погутарили да, и пожалели его — смехом да смехом, а словчились и всем миром Бакулке дом заново поставили.

...И в тот раз, и в этот тоже миром налегнули — это мужик-проходец сказывал — да Бакулке на слободе еще раз дом в бугор воткнули. Толь, кажись, на другой слободе. Каждый желал, чтобы такой весельчак в ихней стороне кружился.

Бакулка там и поныне в окошко выглядывает. Только, где этот дом, где то окошко? — поискать надо. Дедлово село большое — пребольшое, поди сыщи, угадай, кто где в окошко высовывается. Только Бакулку не надо искать, сам о себе знать даст. Вот какой слух, но не про Бакулку, в одно часье вышел.. Люд зряшный, любопытный без меры Бакулке допекал: отчего горел ты? А Бакулка не серчал, всем одно отвечал: «От огня, милок от огня!»

Точило

Едет как-то Бакулка с тульского базару к себе в село Дедлово. Лошадь, значит, притомилась, дождь лупит, такая хмурица в душе мается. Однако Бакулка храбрится, все ему нипочем.

Ехал, ехал и узрел он около дороги под сараями мужиков, эдак подвод десять, а то и пятнадцать скопилось. Прячутся мужики под крышами от дождя, отдыхают, лошадей у обочины побросали. Замерзли мужики, промокли, погоду поругивают, базар плохой, больше всего самосадам чадят. Завидели они Бакулку, оживились — сейчас мы над ним, мол, посмеемся, потешимся. Особо богатеи Семен по кличке Ржавый раздирается. Да не таков Бакулка, чтобы это впросак попадать... Видят мужики, Бакулка на возу что-то веретнем старательно так норовит укрыть. «Чтобы дождем, значит, не побило, не попортило», — соображают самые догадливые. Гадают мужики, спросить желают, что он так прячет. А Бакулка их упредил, как начал кричать: «Мужики! Точило новое везу — недорого возьму!.. Хоро-о-шее точило! В самой Туле купил — продал!» И снова орет: «Кому точило? В Туле купил — продал...» Не пой-

мут мужики, как это — купил-продал. Да точило всем в хозяйстве не помеха. Вот и горланят они ему в разную: «Продай, Бакулка, точило, в цене сойдемся». Особо повторяю — Семен Ржавый вспыхнул, жадный мужик, хитрый, думает: сейчас он купит по дешевке, а потом втридорога сплавит тому же мужику, да еще посмеется над Бакулкой... А Бакулка в цене не жмет, уже с Семеном по рукам бьет, куплю-продажу совершает.

«Хорошее точило-то?» — спрашивает Семен Ржавый. А дождь как назло еще сильнее припустился. «Спасу нет, — серьезно так ему Бакулка ответ держит, — другие стачиваются, а эта, это... год от года все длиннее становится...» Мужики застыли было, а тут в разогрев пошли, что-то не так, чувствуют, в чем дело не поймут.

А тут вскоре и дождь осекся, посыльной с вином успел обернуться. Выпили мужики по одной на даровщину и айда гурьбой на бакулкино точило плясать. Первым Семен Ржавый поспекает, цап за веретень, а там на телеге... старуха-жена бакулкина спросонья моргает. Она от дождя веретнем накрылась пригелась да и задремала встать...

Как она тут запричитала, как начала кастить-точить мужа своего Бакулку и мужиков поедом есть спасу нет! Мужики сначала смеялись, а потом разбежаться стали — над Семеном Ржавым зубы скалить. Семен все хмурился, но ума хватило не обижаться, а потом, послушал, послушал, как бабка Бакулку точит — на лошадь, да тягу домой.

Пришли к тебе...

Бакулка как-то вечером к соседу завернул, Ивану Титовичу. Строгих правил был мужик Титович. Умником себя несусветным считал, да только другие так не думали. Никому хозяин в доме свободы не давал: ни игрищ тебе, ни смеху какого, сидели домочадцы по лавкам, как после похорон, слушали Титовича наставления, слезы глотали за вязаньем бесконечным да пряжей.

Посидел Бакулка на лавке, повертелся, поскучал недолго да и стал домашних банками забавлять. да застревает у них смех-то в горле, потому что Титович на печи лежит — кричит — хмурится. Тут и решил Бакулка проучить злого старика. Потихоньку от старого самовара трубу разыскал... Раньше как было — самовар на полу около печки стоял — грелся, угольями малиновыми млея, а труба самовара, чтоб дым уходил, к загнетке тянулась.

Тут смеркаться начало. Взял Бакулка трубу самоварную, влез под стол, трубу в сторону печки направил и начал бубнить чудным голосом туда, где подслеповатый хрыч угрелся... Слышит Титович спросонья голос грозный:

«Вставай, Титович, иди, ты мне нужен...» Это, значит, ему Бакулка в трубу бубнит. «Да, кто ты, молодец, будешь?» — испуганно вопрошает Титович. Слышит опять: «Я к тебе пришел, открывай...» Куда деваться? Слез Титович с печки, открывать двери пошел-поплелся, а там никого. Думал — со сна. Только влез на печь — опять ему голос мерещится: «Титович, открой, слышал я, что ты горд без меры, веселости не знаешь... ты мне такой нужен». Совсем ополоумел Титович, крестится, трясется от страха, а слезает с печки, как спутанный, к двери волочится... А домочадцы по углам затихли, от смеха давятся.

Так и провел Бакулка старого умника. До трех раз Бакулка Титовича с печки гонял, ругал, пока Титович чуть не заколенел от страха, а домашние чуть смехом не изощли... В одночасье собрал Титович около себя всех домочадцев и объявил: «Смерть моя приходила за мной, потому послабление вам даю, чада мои...» А как догадался, как увидел, что это Бакулка с трубой под столом сидит, страшит, ошалел было совсем, ругаться разошелся, да вдруг и обмяк, смешком затрясся, заморщился,

остепенился, одним словом, и с тех пор власть злую над домочадцами упустил. Вот что смех с человеком делает.

Еще про Титовича

Титович, как известно, себя великим умником почитал, думал, что никто его в деревне не обманет, не проведет. Любил повторять Титович, что нет, мол, такого человека на свете, чтоб ему ума на день хватило, все ошибется, а ему вот, Титовичу, хватает да еще с остатком. С тем и жил. Отошел он вскоре после посмешища, что Бакулка ему сотворил, и опять в дурь наладил, заявил вдруг, что второй раз его никто, мол, не обманет, а в тот раз — он недужный был, смерти испугался, вот и поддался Бакулке. Да еще для авторитету старый олух слух пустил, что на старости лет грамоту одолел, вот только очки к нему из городу приедут и зачитает он. Знал хитрец, что долго к нему очки еще ехать будут.

Посмеялся Бакулка, слыша эти речи и к вечеру Титовичу в гости пожаловал.... Зашел, сел на лавку и завел: «Не обижайся, сосед, за старое, я к тебе с новостью... слышишь — власть приказала... торфища-то, что у тебя внизу за огородами — засыпать велено... залетит лошадь — ногу сломит или человек, невзначай, утонет... тебе тюрьма по приказу или штраф большой». И в доказательство слов своих бумагу исписанную Титовичу под нос тычет, от властей она — бумага, якобы дана. Печать видна.

А Титович для чего себя грамотным объявил да, чтоб над домашними всласть поиздеваться, чтоб, значит, опять они его зауважали, забоялись. Только никогда он, Титович не знал настоящей грамоты — ни читать, ни писать не умел, правда, по печатному разбирал с пятого на десятое, а чтоб писанное от руки прочесть или буквы самому изобразить, так это на него хоть ружжо наставляй — не осилит.

Вот он и просит Бакулку смирно — ты уж прочти, милок, бумагу, а то мне недосуг, видишь, хомут чиню-ковыряю да и очки в дороге. Ну и прочитал ему Бакулка: «Э-э-э.... чтоб, э-это... к завтрашнему дню засыпать торфища, а кто не успеет сделать — тому штраф будет в сто рублей, а первым управишься... премия». Уважал Титович власть, все разбогатеть хотел. В два счета собрал он своих домочадцев и родню сладкую, да две ямны, на ночь глядя завалил. Труда впустую положил — страсть. А народ увидал да посмеиваться стал.

Но торфищ не стало, поровняло на лугу, повеселел Титович. Дело так обставлять стал, будто это он сам торфища додумался засыпать для пользы дела. Только мало кто ему верил, больше люди посмеивались. Бакулка опять в героях хаживал.

Как услышал Титович про свою оплошку, так и заболел с горя — как это его провели, как малого ребенка.

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

**ПРОГУЛКИ С МАДОННОЙ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАДОННЫ: ЭССЕ***

Наум Эфроимович Ципис наш постоянный автор (см. «ПЗ» № 1, 2009; № 1, 2010 и рубрики «Хроника литературной жизни» в номерах за 2009 год). Учитель, журналист, писатель. Родился на Украине, учился в России, долгие годы жил и работал в Белоруссии, сотрудничал с журналом «Неман» (Минск), замещал главного редактора. Сейчас живет и занимается литературной работой в Германии, в Бремене. Редакция журнала надеется на дальнейшее сотрудничество в «Приокских зорях» с Наумом Эфроимовичем.

Младшенькая

Наверное, мало кто из вас видел цветущее болото. Я увидел это майское чудо, когда в конце шестидесятых в группе журналистов, осуществляя, как говорят сегодня, информационное обеспечение выездного заседания Верховного суда Белоруссии. Оно должно было состояться в небольшой веске болотного полесского края, куда мы из Минска добирались в три этапа: самолетом — до Пинска, потом машинами до топи, а потом конной тягой по болотным кладкам до села. Тогда я и увидел цветущее болото... Разноцветный ковер природы.

Это было такое разнообразие и буйство красок, что рождало в душе восторженный праздник и вызывало «человеческое» сравнение — свадьба всех цветов этой земли.

Встреча, случившаяся в том селе, вон когда аукнулась в моей жизни, и еще раз подтвердила слова Юрия Гагарина о том, что земля сверху очень красивая и, оказывается, такая маленькая. К сожалению, ни названия села, ни фамилии хозяина хаты, в которой нас разместили, я вспомнить не смог: дневников не писал, архивов не заводил, а память, оказалось, штука ненадежная, да и лет утекло многовато...

«Верховные» судьи редко выезжают на работу из Минска. Но тут случай был на то время особый: и страшный, и редкий, и массовый.

Приехала в то село по направлению после окончания пединститута молоденькая учительница. Местные власти поселили ее в пустовавшей хате, и стала она преподавать в маленькой школе почти все предметы. Не знала девушка, что среди жителей вески было немало пятидесятников и удивлялась постоянно низкой посещаемостью учащихся.

* Журнальный вариант.

Дурочка наша, училка та, душой чистое дитя, ходила по хатам, упрашивала батков не мешать родным детям постигать разумное-вечное... Ее раз предупредили — уезжай, миленькая, выходи замуж, деток рожай и учи их, сколько хочешь, а нашим вашим учений не надо... А она опять за свое: меня государство послало нести свет — не чините препятствий! Ее в другой раз попросили, по-хорошему. А в третий — подперли двери колом и подожгли. Богу слава, успела девочка в окно выпрыгнуть.

Вот по этому случаю и выехали главные судьи на место преступления, чтобы показательно судить секту при местном народе, чтобы наука всем сектам была.

Гостиницы, понятно, в селе не было. Судей разместили по домам местного начальства, а нас, решено было — в хате одинокого Полищука. Пока с ним договаривались, повела нас эта самая учительница на экскурсию. «У нас нечего смотреть, кроме болота весной и старой маленькой церквушки. Староверы соорудили себе молельню двести лет назад. И что я вам покажу...» — таинственно сказала девушка.

Суровая церквушка была срублена на века, хотя в таком климате дерево стоит плохо. Темно было внутри и тоже сурово. Видно было, что сегодня здесь мало кто молится. Одинокая свечка горела у темной и тоже одинокой иконы. Когда мы рассмотрели ее, оказалась та икона, картиной наивного письма самоучки, а изображена на ней была... «Сикстинская мадонна».

«Хозяин хаты, в которую вас поселяют, принес...» — сказала девушка. «А кто свечку поставил?» «Я ставлю и меняю...» — она оглянулась, когда мы выходили к свету, и добавила, — только свечи сейчас достать трудно. Мне мама привозит, когда навещает».

Хозяин наш был молчалив и хмур, но и то было видно, что рад этой оккупации, — так назвал он редкое в своей жизни событие: «наличие гостей».

«Старуха померла лет с десять, а мне теперь возись с вами...» — ворчал он, сооружая в печи «яешню» с салом. Никогда не едал я ничего вкуснее обычных блюд, но приготовленных в деревянной печи. (Вот кому надо бы, в виде исключения, посмертно присудить Нобелевскую премию, так это создателю русской печи.)

Дальняя от нее стена была сплошь увешана самодельными картинами: пейзажи и, конечно, цветущее болото, портреты каких-то людей — почти все они были в телогрейках. Рейхстаг в дымах. И несколько женских лиц. Они показались мне знакомыми...

Как в любой весковой хате имелся у нашего хозяина «иконостас» — собрание многочисленных фотографий в одной большой деревянной раме. Много там было сорокалетнего хозяина в орденах и медалях. С красивой женой и с тремя дочками. И у рейхстага два сержанта — на память о Победе. Старик прокомментировал: «Мы с другом, он тоже с под Пинска, расписались на этом рейхстаге... Все расписуются, а мы, что, хуже? Ну и написали: «Здесь были два белоруса с Полесья. Можете жаловаться».

Среди фотографий семьи и родни была небольшая «Сикстинская мадонна». И рядом с «иконостасом», уже за рамкой, — еще одна большая репродукция шедевра Рафаэля. Мы поинтересовались. Дед охотно рассказал, что их, сводную роту минеров, направили искать спрятанные немцами ящики с разными музейными «цацками». Пару суток пришлось ползать под землей в шахтах и штольнях, в подвалах. Мин было, как огурцов в хорошем огороде... Но ящики нашли. А он, как увидел одну картину, — молоденькая мать с детенком — ее вместе с другими красивыми картинами сушиться поставили в одном замке, где саперы отдыхали, — как увидел, уже спать не мог: «Сильно похожая была на мою младшенькую... И тогда я взял автомата и стал ту картину охранять».

Такая вот, «дрезденская» бытовая картинка военного времени. Я тогда уже был переполнен и не такими «картинками» из жизни белорусских партизан и подпольщиков: трагедии одна другой страшнее...

Секту осудили, мы написали о процессе в свои газеты, заодно прославили учительницу, и пошли дальше жить и работать. Дед с его картинами и репродукциями «Сикстинской мадонны», на которой молодая мать была похожа на его младшую дочку, забылись.

Не мог я знать, что когда-то еще встречу с ними.

Город

Мы едем по городу, который «стоит того», чтобы по нему водили и возили экскурсии. В моем случае правда состоит в том, что не вся экскурсия является героем (героиней?) моих заметок, но не сказать о городе вовсе, было бы несправедливо.

Дрездену 800 лет: первое письменное упоминание — 1206 год. Я был немало удивлен, узнав, что этот немецкий город вырос на берегу Эльбы на месте рыбацкой деревни с белорусским названием Драждяны. Через 300 лет деревня эта стала столицей саксонского королевства, городом европейской политики, экономики, культуры.

Когда ты «внутри» этой легенды средневековья и архитектурных сказок барокко, никак не можешь осознать, что видишь чудо, восстановленное, как говорят строители, «с нулевого цикла». Почти с него.

О городе, восставшем из военного пепла, убедительно рассказывает панорама, открывшаяся с берега Эльбы. Эту панораму много веков назад запечатлел на своей картине художник Каналетто: мост Августа, Георгиевские ворота; темный, из составившегося песчаника, Дом сословий — музей минерологи — 50 тысяч минералов и 350 тысяч образцов полезных ископаемых; Академия художеств со скульптурами на куполе, и опять здание из почерневшего песчаника с летящей фигурой «на коньке» — Альбертиум — три музея в одном доме...

Отсюда, со смотровой площадки, хорошо видна терраса, которую Гёте назвал «балконом Европы».

Действительно, трудно удержать перо, видя и переживая Дрезден, город заново воссоздавший свою историю и свою материальную культуру.

...Театральная площадь с конной статуей короля Иоганна. Величественный, как и положено Божьему дому, устремленный к небу кафедральный собор Святой троицы, воздвигнутый в середине 18 века.

Напротив — Опера. 19 век. Главный капельмейстр — Рихард Вагнер. Акустика этого здания превосходит даже миланскую Ла Скала. Бомбежка 13 февраля 1945 года полностью уничтожила Земпер-оперу. Так называют этот театр в честь его архитектора. Второй раз театр был открыт после восстановления в 1985 году.

Самая большая в ФРГ протестантская церковь Девы Марии. Как и положено, думаю я, в городе, где живет легендарная картина, показавшая нам, какой была Мария и ее новорожденный сын по имени Христос. Середина XVIII века. Восстановлена с фундаментов.

Когда вы видите Енидце — бывшую табачную фабрику, фантазия отказывается «работать»: перед вами величественная многоэтажная красно-белая кружевная «мечеть» с минаретом...

Такое же ощущение ирреальности испытываешь при посещении молочного магазина «Пфундсмолкерей» недалеко от центральной площади Альбертплац. На многоцветных керамических плитках его внутреннего интерьера — вся история молочного производства. «Экскурсоводша» утверждает, что другого такого красивого и оригинального молочного магазина нет в мире. Охотно верится.

Чудеса непобедимой жизни, а в жизни — неумирающего искусства, Дрезден предоставляет на каждом шагу.

Предпоследняя «остановка» перед Цвингером, бывшей королевской резиденции-

ей, и «Старинными мастерами» — Дрезденской галереей — Альбертиnum. Я не мог не «вернуться» сюда на несколько минут: несколько слов только о двух экспонатах федеральной сокровищницы, выросшей из старинной кунсткамеры.

На месте бывшего арсенала 16 века король Альберт в 19 веке повелел возвести служебное здание. Оно и служит до сего дня. Только не чиновники в нем сидят, а разместились три известных миру музея: «Новые мастера», сокровищница «Зеленые своды» — наследница кунсткамеры 17 века и музей нумизматики и скульптур. Два слова о «Зеленых сводах», и мы завершаем легкое знакомство с общими «злачными» местами столицы Саксонии.

В Европе нет сокровищницы равной этой. Ее историю открыл курфюрст Август Сильный в 17 веке. Сын, Август III, страстно продолжил дело отца. Четыре раздела музея — это четыре сказки: серебро; янтарь, слоновая кость и резьба по камню; дрезденское барокко и ювелирные изделия. А вот и два экспоната, ради которых мы вернулись в Альбертиnum.

Наша шумная экскурсионная группа в молчании стоит перед ними... «Золотой кофейный сервиз» и самый знаменитый экспонат «Зеленых сводов», уникum ювелирного искусства — композиция «Двор великого Могола в Дели»: 137 золотых фигур, украшенных эмалью и 5 тысячами бриллиантов, рубинов, изумрудов и жемчугов. Этот «Двор...» Август купил за 60 тысяч талеров. Охотничий дворец короля стоил меньше.

И последнее — единственная в своем роде монументальная мозаика — «Шествие королей». Это тысячелетняя история династии Веттинов. Конный парад 35 маркграфов с указанием их титулов и прозвищ — «сильный», «богатый», «воинственный», «кроткий», «законный», «гордый», «сиятельный», «укушенный»... Между ними пеший люд: герольды, караульные, знаменосцы, ученые, художники, поэты, слуги, мавры, дети... И так — 102 метра и 24 тысячи плиток майсенского саксонского фарфора ... Женщин в мозаике нет — тысячелетний патриархат.

Подарок судьбы, чудо: в страшной бомбардировке 13-14 февраля 1945 года гигантское хрупкое панно не пострадало...

Не будет лишним еще раз напомнить: не только этот архитектурный ансамбль, не только дворцы, соборы и музеи — восстановлен большой древний город, в котором живут пятьсот тысяч его жителей...

Новая история Дрездена проста, как любая трагедия. Чтобы понять, до какой степени, он был разрушен в войну, вспомним Сталинград и Минск. В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года Цвингер был превращен бомбардировками англо-американских самолетов в строительный мусор. Результат бомбового метода — «по площадям», а не по целям.

В ту ночь более тысячи самолетов наших союзников без малейшей военной необходимости за 56 минут сбросили на Дрезден более 300 тысяч зажигательных и фугасных бомб. Город горел пять дней. Погибло более 35 тысяч мирных жителей и сгорело около двухсот шедевров знаменитой галереи, которых фашисты не смогли вывезти. (Когда про людей и шедевры искусства выговаривается: «почти», «более», «около» — это страшно...).

Парадоксально, но факт: нацисты спасли галерею, спрятав ее экспонаты пусть и в сырых шахтах и штольнях. Правда и то, что худших мест для их сохранности трудно было найти. Но и это объяснимо: война.

Знали или не знали союзники о том, что в музее почти нет картин? Документы говорят, что не знали. И — все же разбомбили. Была ли военная необходимость? Повторим: нет. Цвингер не был военным заводом, как не был он и солдатской казармой. Но был уничтожен. В ту ночь могло случиться так, что послевоенный мир уже никогда не увидел бы картин Дрезденской галереи. И — «Сикстинскую мадонну»... Никогда.

8 мая 1945 года город был занят нашими войсками. Прошло еще два года, и Дрезден стал областным городом Германской демократической республики.

Сегодня это город мощной промышленности и — фестивалей, выставок, праздников и ярмарок. В мае — парад флотилии Саксонского пароходства и диксиленды со всего мира, в июне — фестивали: «Женская красота», «Народные танцы и музыка», ночной показ фильмов на берегу Эльбы; в июле — фестиваль «Эльбские склоны», в августе-сентябре — «Конный парад» и скачки ...

Главные слова в Дрездене, как сообщила нам экскурсовод, — это Цвингер и Дрезденская галерея.

На улицах много молодых людей, красивых девушек и цветочных магазинов с прилавками на улице. И еще, — кажется, что все жители и гости города сидят в летних кафе под большими зонтами. («А кто же работает в тяжелый период экономического кризиса?», — подумал я.)

«...За городским укреплением»

Древний и современный, барочный и сегодняшний, волшебный и реальный — Цвингер. Название означает — «находящийся за городским укреплением».

В 1680-м началось строительство этого невиданного, а сегодня известного всему миру, дворцового ансамбля — резиденции саксонских курфюрстов. Дрезден считает его своей главной достопримечательностью.

Его строили лучшие мастера Европы во главе с талантливыми архитекторами Депплатом, Пепельманом, Пермозером, Земпером.

Помните строчку из песни Бернеса: «А без меня здесь ничего бы не стояло...». Увидев Цвингер, понимаешь: сколько бы денег ни вложил Август II в этот ансамбль, без выдающихся композиторов «застывшей музыки» и тысяч мастеровитых рук строителей, ничего этого не могло быть.

Выразить в словах великолепие и очарование этого творения невозможно. Свои впечатления я только попытаюсь передать. Хорошо бы словом построить зрительную иллюзию...

Автобус едет по дворцовой части города, рядом Цвингер. Опытный шофер остановил машину на смотровой площадке, которая опять расположена на берегу Эльбы, — и вновь открывается незабываемая «двухбережная» панорама, — красота ансамблевой завершенности и величие.

Старая часть города, его «главная» часть по сравнению со всем городом, невелика. Дворцовый комплекс при его сравнительной миниатюрности — торжественно пышный и завершенный. Я видел Версаль, дворцы Вены и другие европейские «цвингеры», — дрезденский по плотности и рациональности архитектурной роскоши «на квадратный метр» не имеет себе равных. Он поражает воображение современного человека.

За общую схему ансамбля был взята самая рациональная и понятная человеку после круга геометрическая фигура — четырехугольник. Но причудливые изгибы фасадов двухэтажных галерей по его периметру и фигурных клумб внутреннего пространства-сада этого «двора», его нижний уровень — грот, фонтаны, скульптуры эллинистического стиля, — человеческий талант превратил простоту схемы в пиршество архитектуры.

Именно этот комплекс «стоял перед взором» Петра Первого, когда он, спустя почти сто лет, строил свои петербургские цвингеры.

Нет, это не только накатанные слова экскурсоводов: «Кто не видел Цвингера и «Сикстинской мадонны», тот в Дрездене не был». Это правда.

...Сын курфюрста Августа Сильного, зачинателя Дрезденской галереи, Август III, страстный коллекционер живописи, собрал более трех тысяч картин и сделал из кунсткамеры отца, хранителем которой был придворный художник Лукас Кранах, знаменитую галерею — «Старые мастера». Когда Цвингер был построен, курфюрст приказал перенести ее туда. Вскоре галерею стали называть Дрезденской.

Все начиналось с кунсткамеры. Она «собиралась» с 1560 года, и была забавой правителя. Как в лавке старьевщика, все здесь было диковинное и необычное, начиная от стенобитных машин и кончая рогом единорога и черепашьям яйцом необычной величины. Были и картины. Незначительно. Одна из них — первая Мария будущей Дрезденской галереи — «Божья мать с младенцем» Дюрера.

Основы знаменитой галереи были заложены в 1722 году, когда из кунсткамеры в здание, называемое «Конюшнями», было передано 284 картины. Через двадцать лет их было уже две тысячи, а всех, вместе с хранящимися в замках Августа, — около четырех тысяч. Как определили специалисты того времени: «3110 картин — ценные, 1598 — менее ценные».

Ранний расцвет галереи, конечно, при Августе III.

Один из главных, образующих, по моему разумению, эпизодов в истории «Старых мастеров».

...К 1754 году монастырь в небольшом итальянском городке Пьяченце погряз в долгах. Обносившиеся монахи обратились к папе за разрешением продать «Мадонну Сан-Систо» — так называлась тогда «Сикстинская мадонна» — и получили разрешение. Этой сделкой с картинной галереей Дрездена, монастырь надолго разрешил свои финансовые дела. А город и галерея получили картину «всех времен и народов».

Сейчас в Цвингере, кроме «Старых мастеров», живут еще несколько музеев. Фарфора — одна из лучших коллекций мира. Удивлению нет места — Дрезден родина европейского фарфора. Его секрет открыл алхимик Бетгер.

В Майсене, в замке Альбрехтсбург, была построена первая на континенте фарфоровая мануфактура. Ее изделия вместе с редчайшими экспонатами Востока и Азии, Китая и Японии поражают посетителей... Жива правдивая легенда о том, как Август отдал Фридриху Великому несколько майсенских ваз, получив взамен шестьсот драгунов. Вазы и сегодня именуются драгунскими. А еще и отдельный павильон майсенских колокольчиков...

Музей измерительных проборов. Салон физики и математики, уникальное собрание старинных приборов, глобусов земли и неба, потрясающая коллекция часов...

Музей оружия, — первый меч, выкованный в Дрездене в 1425 году, турнирное снаряжение саксонских князей, роскошные латы курфюрста...

Все это мы увидели, обо всем этом нам рассказали, было интересно, но... Дрезденская картинная галерея...

Ее немецкое название — «Alte Meister» — «Старые мастера», больше чем оправдано: кроме шедевра № 1, обожаемой и обожествляемой «Сикстинской Мадонны», здесь хранятся и общаются с людьми Кранах, Рембрант, Рубенс, Ван Дейк, Веронезе, Тициан, Корреджо, Джорджоне, Тинторетто, Дега, Мане, Моне, Ван-Гог, Дюрер, «малые» голландцы...

Увидев картины Дрезденской галереи, библиотекарь Викельман, основатель немецкой науки об искусстве, сказал: «Увидеть можно, описать — нет!» И я с ним согласен. Тем не менее...

Небесполезно знать и это мнение земного авторитета — Гёте: «Дрезденская галерея — вечный источник подлинного знания для юношества, как укрепление чувств и настоящих основ для взрослого, и для каждого, даже случайного посетителя, как оздоровление, так как воздействует не только на посвященных».

Здесь и живет та, благодаря которой я отважился на это эссе.

Хвала тебе, Форнарина!

Было такое время в моей жизни, когда я преподавал курс «Эстетическое воспитание» в профтехучилище, в котором готовили высококвалифицированных рабочих для мясокомбинатов Белоруссии: бойцов скота, обвальщиков, кишечников...

В тот многолетний период моей биографии я часто вспоминал Энгельса, сказавшего, что воспринимать искусство может только эстетически образованный человек. Вряд ли вы можете представить, как далеки были от такого образования мои ученики. Однако, когда я выставил перед ними десять репродукций картин и фотографий, на мой взгляд, лучших женщин — были там Венера и Незнакомка, Натали Гончарова и ослепительно обнаженная крестьянка Пластова, купающая ребенка; женщины Ренуара... — объявив конкурс на право представлять Землю на конференции народов Вселенной, — ни одного промаха! Все тридцать две руки класса поднялись за «Сикстинскую мадонну». И это «руки», которые под диктовку, записывали в своих тетрадях — «типография Пушкина» вместо «биография Пушкина» и название репинской картины «Сельский крестный ход на пашне» как «Сельский постный кот на башне»...

Каким «органом» и как эти «доэстетические» дети безошибочно определили в этом творении Рафаэля суть земного человечества? Наверное, еще и потому, что творчество — это, как сказал режиссер-анималист Бардин, очищенное детство. Только первозданным взглядом можно проникать в суть.

Конечно же, истина говорит устами младенца. Но для того, чтобы сказать, надо явиться. Рафаэль провидением был избран найти и зримо явить нам эту истину. И ее восприняли и Гёте, и мои ученики.

Кто же стал моделью этой картины-иконы? Кто смог? О, это отдельная и такая земная новелла, такая же простая, как наши земные жизни. Рафаэль же был землянином — человеком и мужчиной.

То, что возлюбленные художников часто являются моделями их «высоких» картин и скульптур, известно. Но и здесь тоже можно встретиться с тем, что принимается за мистику.

Для полотна Рубенса «Посещение св. Елизаветы» моделью богоматери была его первая жена Изабелла. А мистика в том, что второй женой художника, через двадцать лет, стала Елена, которая была, как клон, поразительно похожа на Елену-Изабеллу-Богоматерь... И она тоже стала «лицом» идеала. И тут же аналогия: Рафаэль тоже увидел в своей возлюбленной Марию.

Чему удивляться, если ясно: художник для того и приходит, чтобы доказать упрямому человечеству, что тело — это не мясо; человеческая красота — не биологический инстинкт, и что человеком, если он человек, неоспоримо правит дух, побеждающий плоть.

...Он встретил ее, прогуливаясь в парке, отдыхая после долгой работы в мастерской, обдумывая новый серьезный заказ. Навстречу шла... Рафаэль, знавший многих женщин, впервые увидел богиню, только-только вышедшую из моря на земной берег.

Люди и в XXI веке не знают ничего, что было бы быстрее света. Как только взгляд художника отразил эту девушку в сознании, как только оно передало этот

«сигнал» в душу, — Рафаэль, «быстрее света», влюбился в нее навсегда. И так же мгновенно, как световой пожар, его охватили страстные желания, необоримые желания — обладать и нарисовать. Нет, нарисовать и возлюбить... Нет! Он и сам не понимал, что впереди чего. Скорее, все вместе. Одновременно. Он влюбился. Он полюбил. Наверное, потому она такая и смотрит на нас через века.

Любимая и обожаемая. Богиня и женщина...

Она была дочерью булочника, ей было шестнадцать лет, ее звали Форнарина, и у нее уже был жених. Это только пути Господни неисповедимы, а пути земные вполне земные. За большие деньги Рафаэль получил разрешение семьи и жениха, и Форнарина стала ему позировать: он уже знал, кого он нарисует на заказанной картине. И, конечно, она стала его возлюбленной и любимой... И потому такой девственно чистой, какой он хотел ее видеть, она и сегодня предстает перед нами. Такими он хотел видеть женщин мира, твердо зная, что они его спасение.

Легенды потому и легенды, что не всегда и не во всем правдивы, но всегда величественны и возвышены. Через века дошла и эта: якобы врачи констатировали смерть художника от истощения организма в постельных битвах со своей неутомимой возлюбленной. До самой смерти Рафаэля Форнарина была и Мадонной, и Мессалиной.

Честь и хвала обоим: вдохновительнице и настоящему мужчине. Как много эта легенда добавляет к существу гения, превращая его божественное предназначение еще и в назначение земное. Гений был мужчиной. А Мадонна, до превращения в богиню, — красивой и сильной женщиной.

На солнце нет пятен, говорит народ. Есть, но по сравнению с солнцем, небольшие, говорят астрономы. Нам нет дела до того, какой Форнарина была в той жизни, в которой ее встретил художник из маленького городка Урбино. Красота живет в глазах любимого, сказали англичане и попали в Рафаэля и Мадонну.

Она омывает нас родниковой чистотой души и тела, и этим сама живет 557-й год, каждый из которых — воскресение. Так же, как каждый Художник немного Христос.

...Она живет одновременно жизнью и «небесной и земной гражданки». Мечту Гоголя о единстве в человеке небесного и земного за триста лет до его рождения осуществил Рафаэль, написав свою Мадонну. И Пушкина вдохновили на его «Мадону» Творец и Женщина...

*Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.*

*В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —*

*Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.*

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести, чистейший образец.*

Это, — Пушкинское словесное эхо живописного шедевра Рафаэля, — объятие через века «невъездного» поэта с вечным художником вечной темы. Почти полное

отражение — «Она с величием, он с разумом в глазах» — и даже в невидимом нами: холст, а не доска, как было принято тогда. Даже это не забыл гений гению... И, конечно же, и у того, и у другого — его женщина — наша богиня.

Мадонна

Если перевести название Дрезденской галереи на язык понятный посетителям сегодняшних дискотек, то это будет хранилище самого большого золотого запаса земли.

Картины здесь висят в два и три этажа. Их много, они шедевры, но и их — устает смотреть.

«Мадонна» на своей стене одна. Словно выставка одной картины. Никто не мешает ни ей, ни тебе... Кажется, что она говорит с тобой одним.

Кто ее заказал художнику? Почему он ее написал? До сего дня точно это неизвестно. Принято считать, что это был заказ монахов бенедиктинского монастыря святого Сикста в Пьяченце. Хочется спросить у тех, кто так считает: это почему же знаменитый Рафаэль, с головой заваленный заказами королей, кардиналов и знати вне очереди взялся за мадонну для монахов-провинциалов; и — впервые писал ее сам, без помощников? И вообще, для этого ли позвал его папа в Ватикан, или для того, чтобы он расписывал здешние станцы (залы).

Часть искусствоведов, считают, что «Мадонна» была написана по заказу родственников папы Юлия II для его надгробия. И небезосновательно полагают, что лицо Сикста на картине — это лицо Юлия.

Небольшое отступление или короткое «выяснение отношений».

Юлий II был человеком сумрачным, неистовым, обуреваемым страстями. И в такую же силу своего непростого характера — могущественным покровителем искусств и меценатом. Как сложилась бы творческая жизнь Рафаэля, если бы Юлий II не принял в ней живейшее участие, и в 1508 году не предложил бы художнику работу в Ватикане, сказать невозможно. Но один из вариантов мог быть возможен: сегодня мы не знали бы такого художника — Рафаэля, а мир не имел бы в одном из своих музеев картину «Сикстинская мадонна».

Портрет своего покровителя художник написал в 1511 году, и портрет этот сохранился. Потому мы и можем утверждать сходство Сикста на картине с Юлием в жизни. А что Юлий в народе звался Сикстом, так основание для такой клички было: шестипалая левая рука папы. Шесть — сикст.

Рафаэль был, наверное, одним из лучших и плодovitых портретистов своего времени. Но кого бы он ни писал — любимую, папу или себя, он не переступает черту, за которой человек может оказаться «голым». Он соблюдает «некую почтительную и вежливую дистанцию между собой и моделью». Даже только по одному портрету, Юлия II, мы можем в этом убедиться: мы видим папу, омраченного тяжкими думами, но его внутренний мир художник закрыл. Рафаэль делает нас свидетелями, но не судьями.

Хорошо это, — когда великий художник обладает «особым возвышенным представлением о гармонии человека, мира, вселенной».

Да, несомненно, лицо Сикста — это лицо папы. Благодарный Рафаэль хотел оставить его будущему в такой «светлой» роли. А если кто-то все же будет сомневаться, то вот вам еще и тиара, головной убор папы, которую Сикст снял перед Мадонной. И украшена она желудем — предметом из герба Юлия II. И святая Варвара, облегчающая страдания умерших, явилась Сиксту вместе с Мадонной. Сиксту — Юлию.

Великая картина была написана. Но великое редко признается современниками

такowym: родственники папы передумали и установили на его могиле микеланжелевского «Моисея». Спасибо судьбе: гения поменяли на гения. А картину Рафаэля перенесли в монастырь св. Сикста в Пьяченце.

Есть и две версии даты ее создания. Одна — создана тридцатилетним художником в расцвете его сил. И вторая — написана в конце жизни как итог всего творчества.

Я часто слышал читательское мнение об отношениях пишущего с тем, что он пишет: автор — хозяин создаваемого. И тут читатель ошибается, самое малое, наполовину. До определенного момента автор, действительно, управляет жизнями своими героями, но с какого-то непредсказуемого мига, они начинают жить «своей» жизнью, и автору приходится следовать за ними.

В моих заметках о Мадонне Рафаэля я все еще обладаю правом высказывать свое мнение. Мне по душе (и по логике инстинкта) такая история создания этого удивительного полотна.

...Делегация монахов из далекого Пьяченце явилась к великому художнику на следующий день после того, как Рафаэлю удалось купить у отца и жениха Форнарины право писать ее портрет. Отсюда и «мое» время написания — год тридцатилетия художника. Он и денег-то взял с монахов столько, сколько они смогли заплатить. Все исходило из главного события в жизни Рафаэля — он полюбил свою женщину.

Эта версия, ближе к истине, еще хотя бы и потому, что такой «третейский судья», как Гёте, заметил, что если бы Рафаэль «не написал ничего больше, она одна обеспечила бы ему бессмертие». А написал он ее так, только потому, что самоотреченно любил. Это и был период после первой встречи с Форнариной.

Тропами истории

Эта вечно юная женщина была в своей долгой жизни и рабою и царицей, не раз возносилась она над властью, и не раз подвергалась опасности, но ни разу ее не смогли лишить высоты, свободы и света. Ее покупали, воровали, прятали, а она смотрела на «прекрасный и яростный» мир людей, и в ее спокойном взгляде светилась вера, надежда и любовь. Душа ее была чиста.

Реальная история картины-легенды — это история падения и возрождения поколений, государств и отдельных людей, это война и мир, это годы, люди, жизнь, это жизнь и судьба... «Краткий курс» этой истории таков.

В 1754 году король Саксонии Август III купил «Сикстинскую мадонну» у пьяченского монастыря за 20 тысяч дукатов. Невероятная по тем временам сумма. Если сравнивать, то средняя цена одной картины в галерее было 165 дукатов.

Внести «Сикстинскую мадонну» в зал мешал королевский трон. Со словами: «Надо дать дорогу великому!» — Август стал помогать королевским гвардейцам передвинуть трон.

Факты истории часто удивляют, но еще чаще остаются малообъяснимы.

Суровый собиратель немецкой империи, свирепый воин-захватчик, неумолимый оккупант — все это — Фридрих II, названный впоследствии Великим. Его фигуры, чаще конные, реже «пешие», стоят почти в каждом уважающем себя городе Германии. В Бремене, где я живу уже полтора десятка лет, на центральной площади у средневекового «двухшпилевого» собора «Старый Фриц», как его любовно кличут немцы, гордо и непобедимо восседает на могучем першероне. (Такие лошади в войну таскали фашистские пушки...) Казалось бы, характер твердый, нордический, как говорил Копелян за кадром. А вот, поди ж ты — такой факт.

В 1756 году Фридрих II начнет Семилетнюю войну. 29 августа пруссаки вступят в Саксонию, а 9 сентября уже займут Дрезден. На следующий день Старый Фриц

будет осматривать галерею «Старые мастера»... В городе уже были разграблены арсеналы, банки, майсенские фарфоровые мануфактуры, дома бюргеров.

Император приказал свите удалиться, снял легкий шлем и в одиночестве пошел по залам музея. Главный хранитель Иоганн Ридель шел за ним, но Фридрих не требовал пояснений, он, молча, рассматривал картины и скульптуры. У «Сикстинской мадонны» остановился и долго стоял. У хранителя упало сердце. Лютый враг саксонцев, гроза Европы Фридрих вздохнул и... — «Как вас зовут? Вы счастливы, герр Ридель, — вы можете любоваться этим каждый день... Я буду вам благодарен, если вы поможет мне снять копии с некоторых ваших картин». Иоганн едва не потерял сознание от радостного стресса.

Мадонна, бережно держа сына, спокойно смотрела на незнакомого императора и давно знакомого хранителя. Она видела и не такое... Она прозревала суть. Может, потому и решила подарить людям божественное свое дитя.

Во время оккупации Дрездена прусскими войсками ни одна картина не была взята из галереи и ни одна не пострадала. Каково было влияние Мадонны на душу Старого Фрица, что подвигло его к столь благородному поведению, можно только гадать. Но так было.

Полстолетия оставалось спокойным. Франция обзавелась Наполеоном — императором нешуточной воли, силы и таланта. В то время французские просветители во главе с Вольтером и Дидро создали знаменитую «Энциклопедию» и теперь уже думали о завершении, как бы сказали сегодня, проекта — о рождении в Париже публичного, первого такого в мире, супермузея — «Энциклопедии искусств». Это была мечта и Наполеона, возбужденная энциклопедистами. И здесь было уж никак не обойтись без Дрезденской галереи, собравшей лучшую в мире коллекцию живописи.

Правда, саксонцы были союзниками французов. Правда и то, что французы вернули им королевскую корону: у Саксонии снова был свой король. Но за все надо платить, сказал Бонапарт, который ничего и никогда не говорил просто так. И он нацелился на Дрезденскую галерею. И опять необъяснимый «зигзаг» истории.

В правительстве Франции министром иностранных дел был самый изощренный дипломат «всех времен и народов» Талейран. Вся Европа знала, что его услуги стоят очень дорого. Узнав о намерениях венценосного «друга Бонапарта», саксонский король отправился на срочную встречу с Талейраном. Никто не знает, о чем министр говорил с императором после встречи с саксонцем. Известно только, что Дрезденский музей с «Сикстинской мадонной» и тысячами бесценных картин остался в Дрездене. На то и Талейран. Что точно известно: министр после этого стал богаче на миллион золотых франков.

Были «прецеденты» и в новые времена. У кого уж там появилась эта идея, неизвестно, но известно, что она обсуждалась всерьез. Во время революции 1848 года, когда королевские гвардейцы обстреливали восставших, было предложено выставить «Сикстинскую мадонну» на баррикады и тем попробовать прекратить обстрел: «Не будут же они стрелять в Мадонну!».

Пройдет сто лет, и художник, а по совместительству и фюрер «Тысячелетнего рейха» Гитлер, задумает осуществить идею Наполеона о Всемирном музее, но уже в Линце. Не успеет.

...Когда советские войска подошли к Дрездену, фашисты уже эвакуировали галерею. Огромную мировую коллекцию замуровали в шахтах, штольнях, подвалах.

8 мая 1945 наши солдаты вошли в Дрезден. И сразу начались работы по розыску картин. Обстановку и условия в напроць разбитом городе; состояние редких, оставшихся в живых жителей трудно представить. Но тем выше подвиг (это слово здесь на своем месте) солдат батальона майора Перевозчикова, саперов лейтенанта Рабинови-

ча и нескольких местных немцев: они нашли и расшифровали схему сорока пяти тайников, куда были спрятаны картины галереи. Ведь каждый «схрон» был замаскирован, забетонирован и заминирован. И тут оказала себя еще одна мистика: никто и предположить не мог, что «Сикстинская мадонна» находится неподалеку от городка Пирне, в глухом туннеле старой каменоломни, в ободранном товарном вагоне.

Молоденький автоматчик позвал лейтенанта к вагону и показал ему плоские дощатые ящики. Их было тринадцать. Самый большой достали и раскрыли: картина. Когда ее осветили фонариками, тишина повисла в подземелье. На солдат смотрела чудесная молодая женщина с ребенком на руках. Такой красоты эти люди не видели. Неземной красоты.

В остальных ящиках были творения Рембранта, Джорджоне, Тициана, Вато, Ван-Дейка...

Как получилось, что среди 45 тайников чуть ли не первой выпало найти ее? Искать объяснения и не хочется. Хочется, подчиняясь внутреннему чувству, — оно обманывает редко, — сказать: «Так и должно было случиться! Она не могла пропасть». Действительно, воплощенный дух не исчезает, он всегда есть и будет. И он всегда первый.

А ведь сколько раз могло случиться... Бомбы, пожары, свои и немецкие мины... смертельные условия хранения: сырость, плесень, вздутие красочного слоя... Чиновники, немецкие чиновники, служители пресловутого орднунга, еще в 1937 году должны были, на случай войны, обеспечить безопасное хранение сокровищ Дрезденской галереи, но так до самого краха рейха не сделали этого. Строки из докладной профессора-искусствоведа Фосса верховному начальству в 1943 году: «...условия хранения самой знаменитой и ценной картины не только Дрездена и Германии, но и всего мира — «Сикстинской мадонны» Рафаэля внушают большие опасения». И это о последнем «надежном» тайнике «Т» у деревни Гросс-Котта близ Пирне в старой каменоломне.

Непоправимое могло случиться и тогда, даже после спасения картин, по пути в СССР для реставрации. И через полстолетия, совсем уже близко от нас, в 2002 году, когда Эльба вышла из берегов. Столь стремительного наступления реки на город не было со дня его рождения. Вода ворвалась в Цвингер и стала затопливать подвалы галереи. Наиболее ценные картины переселили на второй этаж. Был отдан авральный приказ полиции и армии. Вертолеты стояли в готовности № 1. 17 августа вода поднялась до уровня 9 метров 39 сантиметров. Вся Германия с тревогой следила за этой пока только драмой, и легко вздохнула, когда Эльба стала отступать.

...А со свой стены в своем зале так же, как много уже лет, спокойно и ясноноглазо смотрела на нас юная женщина, доверчиво и уверенно вручая человечеству его будущее. Как было реке не отступить...

«Технические» детали»

Эстетические качества этого шедевра вне обсуждения. А вот то, что картина эта неисчерпаемо энергетична — это вам скажет каждый, кто с ней пообщался. Через некоторое время ты уже ощущаешь это: мягкое воздействие, некое невидимое дуновение облагораживающего ветра. В те минуты мне показалось, нет, ощутилось, что в картине живет душа Рафаэля. Можно верить или нет, но — постарайтесь побывать на свидании с Ней. Возможно, и у вас появятся сомневающиеся собеседники. А Она продолжит общение с людьми и «тихо», но непреклонно будет делать свое дело.

Подготовленный к свиданию с «Мадонной» многолетним «созерцанием» ее бесчисленных репродукций, я ожидал встречи с более яркой и многоцветной картиной.

Она показалась мне в едва заметной дымке и больше серо-желтой, чем многоцветной... К сожалению, это не ошибка моего зрения, это факт.

«Мадонна» (к слову, как и «Монна Лиза») теряет цвет. Она стала, если можно так сказать, монохромнее самой себя, родившейся пятьсот лет назад. Этому есть научное объяснение. С появлением холста каждый из художников того времени сам делал свою краску, экспериментируя и каждый раз добавляя новые компоненты для усиления яркости написанного. Мало того, грунтовка тоже была индивидуальной. Составы и не могли быть навсегда угаданы даже титанами Возрождения. Сегодня ученые, с помощью записей Леонардо да Винчи (он единственный, системный ученый, вел их), изучив состав тогдашних масел (и, конечно, рафаэлевского тоже), предсказывают постепенное цветовое умирание картин того времени.

Фрески и скульптуры будут стоять, — материалы были проверены природой. Картины будут стареть. Об этом лучше не думать. Надежда на ученых. Возможно...

Так что первоначального цвета «Сикстинской мадонны» мы никогда не увидим. Мои инстинктивные ощущения первых минут свидания с Ней, как ни печально, оказались верными.

Это была постаревшая картина, но Мадонна осталась такой же юной, какой ее увидел Рафаэль. И это была моя Мадонна.

Не знаю, что такое «динамика игры цветовых пятен», «плотность живописи», «вогнутая композиция пейзажа», «подмалевки и градации», но в данном случае этого и не потребовалось. Как не нужен курс анатомии, когда влюбляешься в женщину. Так, наверное, было и у него: Форнарина — вдох, Мадонна — выдох. Впрочем, один ли он ушел в искусство от женщины, и — пришел к ней. Легион им имя. Но поскольку речь идет о гении, то скажем: «малый легион».

В запись о «технических» деталях просится и такое, уже не техническое рассуждение. В разговоре о Рафаэле упоминать о его мастерстве (технике, умении), значит, опустится ниже этого разговора. О его мастерстве можно говорить только в том смысле, как оно использовано: для чего, что означает «предмет» его рисования. О том, чтобы понять КАК, — не может быть и речи. («Если вы хотите разрушить произведение искусства, попытайтесь его объяснить», — сказал Борис Покровский.). Хорошо бы понять — ЧТО. Если повезет, то хоть как-то приблизимся к пониманию.

Картина пытается нам помочь... Догадываешься об этом, ощущая «концентричность» производимого на тебя впечатления: лицо...лицо...лицо... глаза... глаза... глаза... — на что бы и сколько бы ты ни смотрел. Она достает до твоей души и поднимает «наверх» лучшее, что в тебе есть.

Упаси Бог, писать ТАКОЕ умом. Чувство спасло для нас художника и его творение.

Вот такие не технические детали в «технической» главке.

В присутствии Мадонны

Вспомним и то, что она самая поздняя картина из цикла мадонн «Божественного Санцио», как называли художника земляки. Он был архитектором и монументалистом, мастером портрета и декоратором, но прославился как создатель «мадонн».

Первой была «небольшенькая» «Мадонна Конестабиле». В сфере картины — полусфера пространства, а в нем естественное единство одухотворенных «круглящихся» форм. Невольно вспомнишь гораздо более «юную» рублевскую «Троицу» и последнюю Великую мадонну того же Рафаэля «внутри» круглящихся, обволакивающих накидки-шарфа-пространства.

Объединяющее центростремление. «Графическое» проявление самосохранения всего живого — от зародыша до галактики.

Первую свою мадонну он писал в юности, и она, тоже юная, на века стала выражением этой поры человека и человечества. Писал юноша, но уже тогда гений. Еще одна женщина этого ряда — «Мадонна со щегленком» останавливает нас и вызывает чувства, достигающие предельной высоты при встрече с «Сикстинской мадонной», которая младше своей юной Конестабиленской сестры на пятнадцать лет.

Как же хорошо, что первое дитя Рафаэля живет в Эрмитаже, и мы, у себя, без границ, можем видеть это, почти миниатюрное тондо, вставленное в массивную золотую раму, как драгоценный сверкающий камень в богатую оправу. Она открывает парад рафаэлевских мадонн, который в спокойном величии своей миссии, завершает, как сказал Гейне, «первая картина земли» — «Сикстинская мадонна».

Рафаэль писал ее, в преддверие своего тридцатилетия. Факты сопоставляются «сами», невольно.

Три имени времен Высокого Ренессанса — Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль. Три человека, наиболее ярко выразившие суть этого короткого, всего тридцать лет, но такого солнечного периода земной культуры, главные черты которого — интеллект, гармония, мощь.

Даже современники воспринимали этих художников, как трех полубогов. (Такой одаренности и силы духа, фантастической работоспособности, такого отношения к миру и женщине, прозрения и проникновения в тайны человеческого бытия... Только ли Земля была им родиной? Наверное, и Небо...).

Если первый уравнивал в себе гения, второй был одержим этим тяжелым даром, то в третьем — человек «побеждает» гения, и это стало победой его искусства — он подарил человечеству самые теплые картины земли и среди них — «Сикстинская мадонна».

Первые два «инопланетянина» дожили до глубокой старости, и не все свои начинания довели до конца. Рафаэль же, умерший в тридцать семь «пушкинских» лет, осуществил почти все, что начал. (Неужели так: если Божья надежда тобой оправдалась, то и выжил ты свой срок? Прикасясь к великому, еще и не такое передумаешь...).

И как хорошо, что ничья кисть, кроме кисти самого Рафаэля, не касалась полотна «Мадонны». (Штрих: тогда писали на досках. Сикстинская написана на холсте. Почему? Кто знает... Может, уже тогда провидение сказало ему, что через пять веков, в сырых штольнях и шахтах первыми покроются плесенью картины, написанные на досках...).

К тому времени он уже редко сам рисовал всю картину. После того, когда стало ясно, что и как хочет мастер, ее дописывали ученики. Рафаэль мог после них что-то поправить. «Мадонну» же родила только его кисть. Эта картина сразу стала его возлюбленной. Делить ее с кем-то, было бы кощунством.

Мне кажется, что во время работы над этой картиной Рафаэль часто прерывался, словно прислушиваясь к чему-то. Это был голос его сердца. Он и определил, то, что сегодня мы называем творением гения, которое, символизирует искусства вообще. И что такое искусство вообще, как не трансформация «невозможных» чувств в музыку, слово, картину. Не соверши этот переход творец, человек, рожденный для искусства, он погибнет, не освободившись от чувственной критической массы. Погибнет, по крайней мере, как художник.

Эта картина стала зовом к чистому миру. Заряженная благодатными энергиями спасающей красоты, она призывает нас к встречному узнаванию ее знамений.

Рафаэль, — я это почти знаю, — верил в беспредельную возможность восхищения, заложенную в нас Небом. После любви восхищение самое человеческое чувство, и так же, как любовь, созидающее.

Картины, как и люди, остаются в памяти и в легендах, иногда становясь божеством, не тогда только, когда они мудры и красивы, но тогда, и обязательно, когда они очаровательны.

Когда я стоял перед этой картиной, вдруг подумалось: в ее присутствии надо говорить шепотом, как в храме... Она — триумф вдохновения, конечный художественный тип красоты, шагнувшей из мира иллюзий в мир реальных. Настолько «чистейшей прелести чистейший образец», что стала еще одной загадочной субстанцией живого мира — солнышком без пятен. Первая картина мира...

Любое явление становится собой только в сравнении с подобным. Величие «Сикстинской мадонны», ее спокойное первенство становится очевидным, если представить себя посетителем несуществующего музея бесчисленных «мадонн», написанных в эпоху Возрождения. Она, возлюбленная Рафаэля, ближе и понятнее нам: она из нашей жизни.

Время Рафаэля, Высокий Ренессанс, — это время, когда мерой всех вещей в искусстве (и, трудно осуществляемой, в жизни) становится человек. И совсем не просто так вы ощущаете в его Мадонне совершенно земную женщину. В ее кровеносных сосудах, как и в наших, течет красная кровь.

Правда и то, что спрос на мадонн сегодня поменьшал. Земля повернулась к человеку — непутевому своему творению темной стороной. Спрос на мадонн упал, а цена все та же — бесценна. Как в искусстве, так и в жизни.

Задайте главный вопрос: почему появилась «Сикстинская мадонна»? Заказ? Слава? Деньги? Зависть? Не-ет! Любовь и восхищение. Только они. Все, что «вокруг» — приспособления.

Высшим проявлением этого — диалога с внешним миром, который сосредоточился для него в этой девушке — восхищение и любовь. Рафаэль и перевоссоздал ее, оставив векам. Может быть, он впервые и единственный раз так полно писал «себя» — свой восхищенный и влюбленный мир. А то, что показал нам, как может выглядеть возлюбленная женщина и — Богиня, так это уже попутно. Слава Небу, что мы это увидели и поняли. Охранить бы. Ее, дитя и — мир.

Возможно, общаясь с Мадонной долгое время работы над этими заметками, я стал «легкой» добычей надежды, мечты и мистики, но мне показалось, поверилось, что если на земле есть «чудные» места, некие отправные точки, откуда люди могут начать путь к всечеловеческому единству, то одна из них, — это несколько квадратных метров в зале Дрезденской галереи перед «Сикстинской мадонной».

Рафаэль из Урбино

Художник идеальных полотен, он не был человеком идеального характера, как можно было бы предположить, знакомясь с его полотнами. Часто поступки его были не логичны и не оправданы. Быт был только фоном его жизни.

О характере его брата Микеланджело говорит известный случай, когда он, работая над росписью купола Сикстинской капеллы — заказ Папы Юлия II, запретил кому бы то ни было заходить в капеллу. Лежа на помосте на большой высоте помногу часов в день, он создавал гениальную фреску, которая и сегодня вызывает изумление и восхищение.

Папа решил, что запрет на посещения к нему не относится, и решил посмотреть, как продвигается работа. Едва он вошел в капеллу, как услышал грубые ругательства и рядом с ним грохнулась доска, брошенная Микеланджело. «Ты сошел с ума! — крикнул Юлий. — Это же я!» «Убирайтесь вон, Ваше Преосвященство, по-

ка я вас не убил!», — заорал художник. И Его Преосвященство вынуждено было поспешно убраться.

Когда же Рафаэль, исполняя папский заказ, рисовал его портрет, тот угрюмо, — характер тоже был не сахар, — отказался принять позу, нужную художнику: и так нарисует. Рафаэль только посмотрел на властелина полумира... И что же это был за взгляд, если «железный» папа, сказав: «Ну, ну... Если ты считаешь...», — сел так, как просил его Рафаэль.

Но личность Рафаэля уравнивала стороннее непонимание. Он оправдывал собой любое парадоксальное поведение. Он, казалось, сверял и подчинял не только поступки, но и жизнь свою с неким только ему известным законом бытия. Словно судил его только Божий суд (опять Пушкин...), вверив ему золотую кисть.

Рафаэль родился в Урбино в 1483 году. Три места в Италии были его творческими университетами: Рим, где он учился у Перуджино; Флоренция с великими учителями — Микеланджело и Леонардо да Винчи и Ватикан, где ему покровительствовал сам папа. Энергичный и неукротимый, гордый и независимый характер Рафаэля, высокая и тайная принадлежность к посвященным, о которой он сам только смутно мог догадываться, позволили ему вырваться из цеховой традиции художников-ремесленников, нивелировавшей способности членов гильдии.

Рафаэль был посланником. А иначе, как могла родиться «неслыханной простоты» «Сикстинская мадонна». Тут для хотя бы какого-то объяснения и поспекает мысль Микеланджело: художник, что бы он ни рисовал, «изображает более себя самого, чем воспроизводимый предмет».

Эту картину называют грезой Ренессанса. А Рафаэлю, когда он ее нарисовал, шел тридцатый год: он уже был «одной из трех вершин Высокого Возрождения».

Новатор! О, новатор! Ах, новатор! Что нового можно было «придумать», когда ты окружен гениями. Новое можно было только почувствовать. Потому он и стал Рафаэлем, что писал чувством, а не разумом. Он любил то, что рисовал. И, если, хотя бы для любительского понимания творческого «базиса», сравнивать Рафаэля с кем-то, то для большей ясности мне бы хотелось, не противопоставляя, сравнить его с Рембрандтом, картины которого живут в ночных сумерках. Творения же Рафаэля — при золотом свете дня, и сами излучают свет. С Леонардо да Винчи. «Джоконда» — загадка не только в улыбке, но, и «в сумерках» за спиной женщины... У нашей «Мадонны» — еще и в теплом свете за ее плечами.

Перед первой думаешь о жизни, возле второй — строишь ее: из своего далекого Возрождения, она помогает мне жить сегодня. Она — есть то, о чем когда-то, через пятьсот оборотов Земли вокруг Солнца, в далекой холодной стране скажет человек с воспаленной совестью и разбитой психикой: «Красота спасет мир».

Сегодня это изречение вызывает усмешку: мадонн продают в гаремы и кабаки. А Она, как и сотни лет тому, верит и несет миру свое дитя. Возможно, спасение и начнется с уцелевшей надежды и веры. И тогда опять вспомнят о ней и позовут вести ослепленных мраком к свету и храму.

Нет эскизов и набросков. Сразу. Как заказ Неба. На руках Мадонны — Христос. Основная устоявшаяся и «законная» версия. А моя, частная и любительская — просто сын человеческий и потому божественный ребенок. Как каждый, родившийся от женщины. Что необычного, по-моему, и в пользу той, устоявшейся, так это смещение «смыслов»: у ребенка серьезный взгляд умудренного взрослого, словно он провидит свое жертвенное будущее, а у матери — чистый и доверчивый взгляд ребенка, которому открывается добрый, обязательно добрый, мир. Она этого хочет, она в это верит, и такие чувства не могут не быть созидательными. Возможно, это тоже одна из «загадок» необъяснимой впечатляющей силы рафаэлевского послания.

Неоспоримое совершенство этой картины, как говорят специалисты, в странном сосуществовании ее компонентов — «взбитых» облаков, театральном занавесе, пухлых ангелочков, самого коленопреклоненного Сикста и изящной красавицы святой Варвары... Но, — и в этом «но» и проявлен гений — высоко одухотворенные «человеческие» мать и ребенок побеждают и традиции того времени, и весь подсобный «цирк»: шестипалый папа, ангелочки-херувимчики, которые расположены впереди Мадонны, и, «как-то» все же видят ее... А Варвара выглядит такой прелестницей, хоть и святая. Наверное, только такие и могли помочь ушедшим, облегчая их страдания.

Необыкновенной притягательности юная мать и уже мудрое дитя побеждают само время, и приходят к нам, и придут к нашим внукам. И, возможно, помогут им тоже...

Непреложность искусства, его спасительную миссию в судьбах Земли — вот, что «доказал» Рафаэль в союзе со своей любимицей «Сикстинской мадонной».

Не потому ли у этого спасенного полотна стал на пост охранения в 1945 году крестьянин из белорусской вески в погонах сержанта.

Через 500 лет...

Еще школьником впервые я увидел два этих детских лица — матери и младенца — на обложке альбома «Дрезденская галерея». Первое, что подумалось: такая молодая, а уже мама... Потом, в зрелом возрасте, прочитал запомнившуюся книжку Леонида Волынского о спасении дрезденских шедевров. В рассказе о том, как искали и спасали картины эпизод с «Сикстинской мадонной» запомнился. Через некоторое время я встретился с Волынским в Москве в ресторане ВТО, и он, уже вживую, рассказал об этом...

1945 год. Несколько дней назад кончилась война. В Дрездене работает специально и срочно созданная государственная комиссия по спасению Дрезденской галереи. Одним из ее членов и был искусствовед Леонид Волынский, только перед отъездом из Москвы надевший погоны майора. Он участвовал в спасении картин из полузатопленных и минированных штолен и угольных шахт. Ящики распаковывали в местном замке, расставляя картины на свободе, прислонив их к стенам. Специалисты проверяли степень повреждений шедевров перед отправкой в Москву. Солдаты, помогавшие комиссии, крепко умаялись и получили приказ выспаться. Майор, тоже изрядно устал, но отдыхать не мог: он ходил и смотрел и не мог насмотреться...

У «Сикстинской мадонны» увидел пожилого сержанта, который стоял у картины, как на часах, с автоматом на груди.

— Ты чего не отдыхаешь? — спросил его искусствовед.

— Не могу, товарищ майор. Она же нам свое дите доверила... — он кивнул в сторону картины. — Не можно без охраны. Еще не время. Малец ведь совсем. Да и она... Как моя младшенькая... Вы не беспокойтесь, товарищ майор, охраню в лучшем виде.

«Она же нам свое дите доверила...»

Когда у меня родилась дочь, я, как и любой молодой отец, много фотографировал ее. Часто на руках матери. Однажды меня поразило сходство дорогих мне лиц жены и дочери — с теми, рафаэлевскими!

Открытость миру людей, нежная доброта, — детская доверчивость матери, и ребенок, не знающий греха, и потому он и есть вся Вселенная... Чистота и вера. Он видит то, что нам не дано видеть. Долго я не мог избавиться от ощущения ожившей картины.

Наверное, тогда понял — искусство есть форма жизни. Не сконструированная, а родившаяся под рукой художника спонтанно, во время творчества, как сестра-близнец первой жизни. Лики матери-ребенка и ребенка — символа жизни и ее земно-

го продолжения стали духовным выводом Рафаэля о жизни вообще, графическим выражением нетленной субстанции под именем ребенок-женщина-человек. Земным началом ее и завершением, место которому не на Земле. Субстанции, вернувшейся к нам из космической Прапамяти.

...Спасенные картины решено было реставрировать в Москве. И срочно. Для «Сикстинской мадонны» маршал Конев, пораженный этой картиной, долго созерцавший ее в одиночестве, предложил свой самолет. «Иван Степанович, вы что?! — чуть ли не возмущенно сказала немолодая женщина, руководитель комиссии и профессор. — А вдруг самолет упадет? Вы понимаете, что может быть?!» «Мой самолет очень надежен и пилот опытный. Я часто летаю на этом самолете», «Иван Степанович, вы же маршал, а она! — Мадонна!», — воскликнула женщина. Маршал улыбнулся и приказал готовить спецсостав для картин, а «Мадонне» — отдельный вагон.

Этому составу был дан «зеленый» коридор. Тем не менее, загадочных «приключений» на пути через Германию и Польшу, несмотря на обеспечение безопасности правительственного уровня, было немало. То буксы у «главного» вагона стали греться, то весь поезд, вдруг, отправляется на запасной путь, а то и совсем уже — баррикады из рельсов и шпал. Хорошо, что не стреляли...

Эта картина дает вам возможность долго и с интересом открывателя путешествовать «в ней»: Рафаэль щедро наделил ее тем, что можно назвать диапазоном.

«Призрачное» искусство, — действительно, это же только холст и краски! — открывает мне мою жизнь — от берега и до берега, ее смысл и реальность, — за горизонт...(О, если бы я хоть что-то придумал в этих записках... Как бы легко писалось, а значит, и жилось. Но, отнюдь...).

Как в любом шедевре искусства, — их так мало на земле... — в этой картине, как в театре, много «задников», и за каждым очередной смысл и очередная загадка. Ахматова сказала о Пастернаке, что он наполнил мир новым звоном. Немногим людям всех времен это удавалось. Рафаэль, если перевести с языка живописи на язык музыки, написав свою Форнарину-Мадонну, дал миру «новую краску» и возможность услышать хрустально чистый звук естественного состояния человечества. Смысл ясен, а загадка рождения и воздействия остается. Я бы здесь и в прочной связи с обсуждаемым вспомнил еще одну Женщину земли — Нефертити.

В них — «Сикстинской мадонне» и египетской царице — заключена засмертная тайна, которой суждено быть не разгаданной. И, слава Богу. Отсюда вечность шедевров. Отсюда еще и «дополнительное» величие и без того великих творений человеческого духа.

Как хотелось бы еще в земной жизни хотя бы приблизиться к этой тайне, почувствовать-понять участие этой картины в нашей жизни...

В 1955 году в Москве, в Пушкинском музее, была устроена прощальная выставка спасенных и отреставрированных картин Дрезденской галереи. Четыре месяца не кончалась «всесоюзная» очередь — 1 миллион 200 тысяч человек общались с сокровищами человеческого духа.

Рассказывают, что один из посетителей выставки, остановившись у «Сикстинской мадонны», поразмышлял вслух: «Странно... Почему все так сходят с ума? Что они в ней находят?» Говорят, что Фаина Георгиевна Раневская, оказавшаяся рядом, сказала, что эта дама с картины столько веков восхищала человечество, что теперь она сама может выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет.

27 апреля 1956 года в 13 часов 30 минут к восстановленному зданию Земперовской галереи в еще не восстановленном Цвингере прибыл первый транспорт с картинами. В «почетном карауле» по обочинам дороги и перед зданием галереи стояли люди. Когда первую картину, — это была «Сикстинская мадонна», — вносили в галерею, раздались аплодисменты. После 17 лет разлуки Рафаэль, Тициан, Рембрант, Лиотар, Мантенья... — возвращались домой.

Охраняя, их незримо сопровождал мой давний знакомый, белорусский сержант с автоматом на груди.

...Победители возвращали побежденным их национальное достояние. Такое и в таком масштабе случилось в истории человечества впервые.

Так что же все-таки надо для того, чтобы приблизиться к тайне Рафаэля? Помоему, совсем немного — доброжелательность. Но это, к сожалению, дается, а не приобретается.

В прошлом, когда десятки раз встречался с репродукциями картины Рафаэля, я не видел ни Сикста, ни святой Варвары, ни двух ангелочков — лицо-лик красивой молоденькой земной женщины. От силы, — десятиклассницы нашей железнодорожной школы. Родила ребеночка — и в такое время, наше время, стыдного уродливого понимания жизни и счастья — родила от любимого мальчика и — никого-ничего не боится: вот я и мой ребенок! Смотрите, какой он красивый! Я несу его вам, вы полюбите его — и станете добрее.

Я много раз смотрел на репродукции, и видел прекрасное лицо молодой женщины, моей современницы.

В Дрездене, в галерее, отстав от коллег по экскурсии, я долго смотрел на давно знакомое, почти родное лицо... Мне показалось, что я понял главную мысль художника: флорентийская шестнадцатилетняя девушка — модель его Мадонны, стала современной всех землян на все времена, потому что она Мать и Любимая; и как говорят режиссеры, одновременно, она — Дева Мария с младенцем Христом на руках. И ничто во мне, при абсолютно земном восприятии Мадонны, не противится этому. Уже только тем, что она есть, «неживая» Мадонна заставляет нас, высокомерно живущих, задуматься об экзистенциальной сути человеческой жизни.

Встреча земного и небесного, прошлого и будущего, далекого и близкого... Хотел продолжить еще одним периодом — «своего и чужого» — и вдруг понял: сила этого шедевра не столько эстетическая, — хотя и настолько, чтобы стать непревзойденной, — сколько нравственная: каждое время выдвигает свои «авангарды». Наше — задыхается от нехватки кислорода для души. Осознавая это, мы инстинктивно совершаем попытку уйти «за» холст «Мадонны»... И тогда животворная иконная сила ее открывает нам наш мир как реальность, где нет чужести — он весь «свой».

Отведя глаза от волшебного холста этого, оглянитесь окрест, как советовал еще Радищев, и что вы увидите? Нравится вам окружающая действительность, со всем «превосшедшим» за хотя бы только новую историю?

Рафаэль доверил нам свою Мадонну, она доверила нам своего ребенка. Знак Неба. Знак имени Рафаэля...

Сержант-белорус с семиклассным образованием почувствовал, понял, и охранно встал на Пост. А мы, человечество, как «справились» с этим доверием?

Кто-то из критиков сказал: «Требование человечества к искусству растет». Долгое время, зная «Мадонну» и продолжительное время «общаясь» с ней, я бы прочел это высказывание с точностью «до наоборот»: требование искусства к человечеству растет.

Во все времена искусство пытаются упротить-ублажить-заставить обслуживать и

прославлять власть. А оно,— «как ни крутите, ни вертите, — существовала Нефертити» и ее сестра Мадонна,— оно всегда стремилось взлететь и обслужить любовь, мужество и благородство — душу и красоту. Не каждому из даже посвященных было такое дано.

Одни произведения искусства расширяют понятие «своего» города, другие — страны, третьи — Земли. Это уже масштаб. Но есть творения, раздвигающие твоё мировоззрение — видение мира — до галактического. Они, как совершенные телескопы души — умом не охватить...

Такова «Сикстинская мадонна». И таков галактический дар Рафаэля, Рафаэля сумевшего. Земле же было поручено-доверено (кем? почему? где?) вручить этот дар мальчишке из Урбино, Рафаэлю Санти. Вспомним, что земляки называли его Божественным Санцио. Они не ошиблись. «Мадонна» тому поручительница.

Родившись чистыми, и получив приглашение: «Мир входящему!» — мы входим в мир нечистый. Урок «Мадонны» все еще достигает цели — она, доверяя нам будущее, не только зовет в него; она показывает, каким человеческим оно может быть. Урок длиной в полтысячи лет длится.

Я стою у величайшей картины Земли... Чистейшей прелести...

Вертится далекая пластинка, в памяти звучит нехитрая песня из моей юности: «А у нас во дворе есть девчонка одна...ничего в ней нет... а я все стою, глаз не отвожу...». Рядом со мной невидимые, но такие осязаемые — бабушка, мама, отец, любимая, дети-внуки, друзья... Герои моих книг... Едва не сгоревшая в варварском огне молоденькая учительница, лицом похожая на Мадонну...Рафаэль... Сержант из полесской вески...

Этот, встреченный мной, постаревший сержант, до сих пор стоит на своем посту, охраняя мать и дитя. Как только Рафаэль закончил эту картину, белорусский крестьянин стал на ее охрану, на охрану чистого мира. Оказывается, его можно «завоевать» не атомной бомбой, а доверием. Пятьсот лет Рафаэль внушает это людям — не слышат... Глухие от рождения или временно?

В единстве этой картины — вся множественность нашего мира. И окно в мир будущий.

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Николай Макаров*
(г. Тула)

ПОЛИНКИНЫ РАССКАЗЫ ПРО ДЕРЕВНЮ

Полине пять лет. Она живет в большом городе. Полинины дедушка и бабушка живут в деревне. На 9 мая Полина поехала к ним в гости. И осталась на все лето в деревне.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Девятое мая — День Победы. Такой праздник, такой праздник! Самый лучший праздник! Самый главный праздник на земле! Папин дедушка завоевал этот праздник. Когда была Война, дедушка победил всех врагов. И стал Победителем. За войну у дедушки есть орден. И медали есть.

МЕДАЛЬ

За отвагу!

Вот какая медаль у дедушки. Танк с двумя пушками на медали. Три наших самолета над танком летят. И танк тоже наш. На наших медалях — все наше. Летят самолетики и едет танк, чтобы победить врагов. За это и дедушка получил медаль. Победил врагов.

ОРДЕН

У дедушки есть и орден. Красное Знамя — называется. Орден — главнее медали. Поэтому и висит на кителе у дедушки впереди медали. Получил орден дедушка тоже за победу над врагами. Я, когда вырасту, буду воевать с врагами. Если враги нападут на нас. И получу орден. Как папин дедушка.

* Наш постоянный автор

МОНЕТКА

У папиного дедушки есть другая медаль. Юбилейная. На ней солдат стоит с мечом и держит на руке ребеночка. В Берлине стоит такой памятник нашим победителям. И монетка такая есть. Один рубль. Тоже — юбилейный. За монетку в магазине можно купить конфет. Или мороженое. А за медаль ничего не купишь. И не продашь медаль. Она же — награда! Папиного дедушки награда. Награды продавать нельзя. Потому что ими награждают. За победу над врагами.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Вчера был праздник. День Победы. Дедушка и бабушка отдыхали. Они выпили какие-то «сто наркомовских грамм». И мама с папой тоже выпили. За такой праздник! И я выпила сто грамм наркомовского компота. Вечером папа и мама уехали домой. В город. Завтра им на работу идти. А я осталась в деревне. Помогать дедушке и бабушке.

КАРТОШКА

Мама покупает картошку в магазине, Дедушка достает картошку из погреба. Погреб — яма такая с крышей и дверью. Бабушка в нем хранит всякую еду зимой. Про погреб расскажу осенью.

Сегодня дедушка достал из погреба картошку, чтобы ее сажать. У дедушки и бабушки огород маленький. Дедушка лопатой копает ямки. Бабушка бросает в эти ямки картошку. Потом дедушка засыпает ямку землей и копает другую. Я помогаю бабушке. В одну ямку картошку бросает она, в другую бросаю я. Осенью буду помогать дедушке и бабушке собирать картошку. Убирать урожай.

ЕЩЕ РАЗ ПРО КАРТОШКУ

У нашего соседа, дяди Пети, огород большой. Дядя Петя со своей семьей сажает картошку в длинную-длинную ямку во весь огород. Борозда, называется. Ее лошадь сохой делает. Соха — такой плуг, который крепиться к лошади. Лошадь тянет эту соху, За сохой остается борозда. Вся семья дяди Пети бросает в эту борозду картошку, По очереди бросают. Когда лошадь возвращается обратно, соха роет другую борозду. И сразу зарывает старую. Так соседи и сажают свою картошку.

На огромных полях картошку сажает трактор. Сам пашет. И сам сажает. За трактор цепляют специальную сажалку. Эта сажалка и сажает картошку. Уф, устала и сажать, и рассказывать про картошку.

СЕЯЛКИ И САЖАЛКИ

Картошку сажают и на огороде, и на колхозном поле. А зерно, которым я с бабушкой кормлю кур, сеют. На нашем огороде бабушка зерно не сеет. На больших полях за трактор цепляют прицепы — сеялки, называются. Они и сеют зерно. Сеют пшеницу: для белого хлеба и манной каши, Сеют рожь: для кваса и ржаного хлеба. Хотела хлеб назвать «черным». Но дедушка сказал, что правильно хлеб надо называть «ржаной». Еще сеют овес, чтобы лошадок кормить. И сеют ячмень, которым можно кормить разных домашних животных и птиц.

Вот сколько всего можно сажать из сеялок. Я хотела сказать: сеять из сеялок.

ЧТОБЫ МЕНЬШЕ БОЛЕТЬ

Чтобы не простужаться и меньше болеть, дедушка меня обтирает холодным полотенцем. Полотенце он окунает в родник. Который находится за огородом в овраге. Там вода холодная-холодная. Я даже пить ее сразу не могу. Дедушка приносит воду в дом. В доме вода нагреется — тогда я и пью ее. Вначале я капризничала. Не хотела, чтобы дедушка меня холодным полотенцем обтирал. Потом привыкла. И теперь каждый день дедушка меня обтирает холодным полотенцем. Утром и вечером. Еще дедушка говорит, что к концу лета я буду холодный душ принимать. Закаляться буду.

НОВАЯ ПРОЦЕДУРА

Дедушка приучил меня и полоскать нос. Вначале я так боялась, так боялась. Но бабушка и сам дедушка каждое утро промывают себе нос. Потом только чистят зубы. И меня приучили. Чтобы меньше болеть, когда гриппом все болеют.

Бабушка насыпает в стакан воды соль. Всего-навсего половину чайной ложки. Потом она размешивает эту соль. И наливает из стакана в руку. В ладонь, как в маленькую чашечку. Носом из ладони соленую воду втягивают в себя. Эта соленая вода в горле соберет всех микробов и выльется через рот. Ничуть даже не страшно и не больно. Немножечко только соленько во рту. Зато простужаться не буду, И болеть гриппом не буду. Бабушка с дедушкой никогда не болеют. И папа с мамой тоже не болеют.

КОЗЫ

Рядом с домом стоит сарай. В сарае живут куры, козы и маленькие козлята. Одну козу зовут Катя. У нее очень большие рога. Я ее чуть-чуть боюсь. Она родила недавно двух козчиков и двух козочек. Целых четыре ребенка. Какая Катя молодец. И молока она дает много. Бабушка говорит, что — больше пяти литров. Вторую козу зовут Маня. У нее нет рогов. И она не бодается. Я ей даю сухарики. У нее такие мягкие губы. Когда она берет сухарики из моих рук, то своими губами щекочет мои ладошки. И совсем не кусается. Бабушка говорит, что козы имеют только нижние зубы, а сверху у них какая-то костяная пластинка вместо зубов. Это для того, чтобы удобнее было щипать травку, а зимой кушать сено. У Мани еще нет козлят. Она скоро тоже родит. Ой, не родит — неправильно я сказала. Бабушка говорит, что и козы, и овечки, и кролики, и кошки, когда появляются у них дети, то все они котятся. Значит, и наша Маня скоро окотится. А сколько будет у нее козлят мы скоро узнаем. Денечка через три-четыре.

КОЗЛЯТА

Маня окотилась двумя козлятами и оба оказались козочками. Всего у нас стало четыре маленьких козочки и два козленка. Вначале малышей держали в доме. В моем детском манеже. Но они к вечеру стали из него выпрыгивать. И дедушка, я ему помогала, отнес маленьких козочек в сарай. Посадил их в специальную большую клетку. Рядом в другой клетке жили Катины козлята. Кормили козлят, как настоящих детей, из бутылок с сосками. Бабушка надоит молока, теперь от двух коз, разольет молоко по бутылкам и мы с ней идем кормить козлят. Козлята наперегонки спешат к бутылкам с молоком, думают, что это их мама-коза кормит. Мешают друг другу, толкаются, а возьмут соску в рот и быстро-быстро сосут молоко. Как будто наперегонки, как будто у них кто-то отнимет бутылки с молоком.

Молоком бабушка кормит козлят пока они маленькие. Потом в молоко бабушка добавляет жидкую манную кашу. Дедушка в это время на лугу для козлят сделал специальный загон. Отгородил железной сеткой кусочек луга, поставил в одном углу небольшую крышу и мы стали туда выпускать всех козлят. Они и травку к этому времени стали щипать. И крошки хлеба кушать. И соль специальную стали лизать. Большой такой кусок соли — лизунец, называется. Все домашние животные этот лизунец любят. И наши козлята — тоже.

К осени козлята выросли и дедушка их стал выводить и привязывать к столбикам, как больших коз. Чтобы не убежали в лес.

ПАРНОЕ МОЛОКО

Дома, в городе я пила кипяченое молоко. Мама покупала молоко в магазине в бумажных пакетах. Приносила домой. Открывала пакет и выливала молоко в кастрюлю. Затем кипятила молоко на газовой плите. Молоко остывало, и я его пила.

В деревне я так бабушке и сказала, что пью только кипяченое молоко. Бабушка улыбнулась.

— Хорошо, но вначале попробуй парное молоко.

— Это — которое кипятится на пару?

Бабушка рассмеялась.

— Вечером узнаешь.

Наступил вечер. Дедушка привел коз с луга, где они паслись на травке. Завел их в загон. Чтобы козы не разбежались и не поели растения на огороде и в саду. Загон — эта такая огражденная площадка.

Бабушка выводит одну козу — Катя всегда идет первая — дает ей в чашке еду. Вкусненькое для козы: сухарики, морковку, свеклу, яблоки, другое что-нибудь. Пока Катя ест, бабушка садится на маленькую скамеечку рядом с ней. Моет козе теплой водой вымя. Вытирает. Смазывает вымя специальным маслом. Как же оно называется, это масло? Вспомнила — оливковое. Смазывает и начинает доить в ведро.

Из ведерка бабушка переливает молоко в пузатенькие глиняные горшочки. Махотки — называются. На горлышко махотки бабушка привязывает марлю. И через марлю льет молоко. Марля привязана для того, чтобы соринки не попадали в махотку. Но я ни разу не видела на марле никаких соринок. Так чисто бабушка доит коз.

Вот, из этой махотки, сразу после дойки коз, бабушка и наливает мне целый бокал молока. Молоко в бокале теплое-теплое, вкусное-превкусное, душистое-предушистое.

— Это — парное молоко. Самое целебное и самое полезное молоко. — Сказала мне бабушка. — Теперь каждое утро и каждый вечер будешь пить такое молоко.

Я и пила все лето. Утром и вечером — бабушка два раза в день доила наших коз.

ЗАПАХ МОЛОКА

К нашим соседям из Москвы приехали гости. И попросили у бабушки для своего мальчика Шурика козьего молока. Бабушка дала стакан молока маме Шурика попробовать. А мама Шурика говорит, что молоко плохо пахнет.

— Наше молоко не может плохо пахнуть, — отвечает ей бабушка. — Наши козы чистые, и сарай, где живут козы, тоже чистый. Перед каждой дойкой вымя у коз промывается теплой водой и смазывается оливковым маслом. Запах у козьего молока — не плохой, а своеобразный. Конечно, он отличается от запаха коровьего молока. Магазинное же молоко вообще без запаха, из порошка сделанное. У некоторых хозяек и коровье молоко плохо пахнет — когда за коровами плохо ухаживают.

Шурик слушал, слушал мою бабушку, протянул руку, взял стакан молока и выпил до дна.

— Еще хочу! — Немного подумал и сказал. — Спасибо!

ПОГРЕБ

В деревне у дедушки и бабушки есть погреб. Такая большая яма, которая накрыта досками и засыпана землей. Сверху погреба стоит небольшой сарай. В крыше погреба проделаны две дырки. В эти дырки вставлены трубы для вентиляции.

В погребе хранятся разные овощи и картошка. Картошку дедушка раскладывает по большим ящикам. В ящиках, только других, хранятся яблоки. Морковку, свеклу (и для коз, и для нашей еды), репу и редьку дедушка засыпает мокрым речным песком. Еще в погребе стоят деревянные бочки, кадушками называются. В одной кадушке бабушка солит огурцы. В другой кадушке солит помидоры. В третьей кадушке квасит капусту. В четвертой — замачивает антоновские яблоки. Грибы рыжики и чернушки бабушка солит в разных больших эмалированных кастрюлях. Сверху всех солений в кадушках и кастрюлях бабушка кладет марлю, на марлю кладет деревянный круг, сверху круга — тяжелый камень. Камень — под названием гнет — нужен для того, чтобы овощи и грибы находились все время в рассоле и не пропали.

В погребе стоит большой металлический стеллаж. На стеллаже стоят банки. Банки с другими солеными огурцами и другими солеными помидорами и банки разных размеров с варением и компотом. Банки с кабачковой и баклажанной икрой. Банки с маринованными грибами — маслятами, белыми и лисичками.

Все это хранится до следующего лета и не портится. Потому что в погребе прохладно, когда на улице и жарко, и холодно.

В сарайчике над погребом дедушка развешивает веники. Веники для бани и веники для коз. Бабушка в этом сарайчике хранит разные целебные растения, которыми лечит круглый год всех, кто к ней обращается.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

В доме в деревне стоит большая печка. Занимает почти половину комнаты. Называется — русская печка. Эта печка похожа на печку, на которой в сказке про «Щучье веление» разъезжал Емеля.

Бабушка печку топит дровами, сухими сосновыми шишками и иголками, соломой. Дрова для печки дедушка с папой готовят еще летом. Вначале наберут сухих деревьев в лесу, привезут домой и пилой с двумя ручками пилят эти бревна на чурбачки. Потом топором разрубает чурбачки на полена. Получаются дрова и этими дровами топят и русскую печку, и баню. Дрова лучше всего получаются из сухих дубов, сосны, березы.

В русской печке бабушка печет вкусный ржаной хлеб, в чугунных горшках варит кашу и щи. В печку эти горшки чугунные (бабушка их называет — чугунки) ставит рогатой палкой — рогачом. Рогач — это, как вилы. Только с двумя рожками.

В русской печке еда получается вкуснее, чем на газовой плите. И тепло в доме от печки стоит какое-то другое, чем в нашей квартире от батарей. Зимой Мурзик только и лежит на этой печке. И я с бабушкой днем отдыхаю на этой теплой печке

РАССАДА

Еще зимой бабушка в ящики с землей сажает разные семена. Вначале сажает семена перца, затем семена баклажанов, помидоров, огурцов. Последними сажает се-

мена тыквы, кабачков, капусты. Как только прорастут маленькие росточки бабушка поливает их теплой водой с удобрениями и золой. Ящики с рассадой у бабушки стоят на подоконниках, где много солнца.

К весне рассада вырастает большая, и дедушка выносит все ящики в парник. В парнике ящики с рассадой дедушка ставит в один ряд и над ящиками из проволоки делает дуги. На дуги на ночь и когда холодно, бабушка кладет большую пленку. Чтобы рассада не замерзла.

Потом, когда становится совсем тепло, бабушка пересаживает из ящиков рассаду в землю. В один парник она сажает огурцы, в другой парник она сажает помидоры, в третий — баклажаны и перец. В землю, без парников, бабушка сажает кабачки, тыкву, капусту и отдельно специальный, горький перец.

Огурцы у бабушки в парнике созревают очень рано. И если за Мурзиком не уследить, то он первым съедает огурцы прямо на стебле. Так он их очень сильно любит.

ШАМПИНЬОНЫ

В этом году на грядках, где растут баклажаны и перец появились какие-то белые комочки. Я так бабушке и сказала:

— Смотри, бабушка, какие-то камешки белые из земли вылезли.

Бабушка посмотрела и тоже удивилась

— Это — не камешки. Это — шампиньоны растут. Наверное, когда твоя мама зимой привозила шампиньоны, то она воду, после мытья грибов, вылила на навозную кучу. В этой воде оказались семена шампиньонов — споры называются. Дедушка с этими спорами и вносил навоз на грядки. Поэтому в парнике и выросли грибы.

Мы эти шампиньоны ели все лето. Бабушка аккуратно срезала грибы острым ножом почти каждый день. Так быстро они росли. Интересно, вырастут шампиньоны на следующий год? Надо будет маму попросить, чтобы на Новый год, когда мы поедем к бабушке и бабушке, она купила шампиньонов.

ПАРНИКИ

В деревне у бабушки и дедушки на огороде стоят три парника. У парников стены все стеклянные и даже двери стеклянные. Дедушка сам парники делал. А крышу у парников дедушка с папой каждую весну накрывают пленкой. В марте накрывают, когда еще снег не растаял. Под пленкой на солнышке снег тает быстрее, чем на улице. И земля быстрее прогревается. Когда земля совсем высохнет, дедушка копает вначале землю в парниках, а потом на всем огороде. Прежде чем копать, дедушка на все грядки носит навоз. Чтобы урожай вырос большой-пребольшой. Навоз — это удобрения, которое получается от кур и наших коз. В магазине дедушка никогда никакие удобрения не покупает.

Бабушка в парниках каждый год сажает разную рассаду. Вначале в один парник сажает огурцы, на следующий год в этот парник сажает помидоры, на третий год — баклажаны и перец. И так каждый она меняет в парниках растения. Поэтому и урожай каждый год получается в разных парниках большой и вкусный.

ТРАВЯНЫЕ УДОБРЕНИЯ

Вместе с полезными растениями на огороде и в саду растет много сорняков. Бабушка эти сорняки рвет каждый день, а они все растут и растут. Часть сорняков бабушка отдает козам и курам. Другую часть она кладет в большие железные бочки и заливает их водой. Через неделю, как говорит бабушка, в бочках получается очень и

очень хорошее удобрение. Экол... Экологически чистое. Не сразу и выразишь-то. Правда, удобрения получаются с каким-то вонючим запахом. Но запах прошел и нет его, а растения от такого удобрения растут еще быстрее и вкуснее.

Вот, какое удобрение придумала бабушка.

ГРЯДКИ

Грядки на огороде дедушка делает еще осенью. Под зиму. Копают землю, приносят навоз, речной песок, посыпают золой и известкой. Потом снова копают и ровняют грядки граблями. Грядки получаются красивые, ровные, одно загляденье, как скажет бабушка.

На две большие грядки бабушка под зиму сажает чеснок. На одну грядку, тоже большую, под зиму бабушка сажает лук..

На другие грядки бабушка сажает весной. Морковку сажает, свеклу сажает, горох сажает. Что еще? Петрушку сажает, сельдерей сажает, лук сажает. Другой лук — не какой сажала осенью. Салат сажает. Что еще-то? Забыла совсем. Сейчас вспомню. Ага — на новые грядки бабушка пересаживает кустики клубники и земляники. Нет, нет, вспомнила еще раз: бабушка молодые кустики клубники и земляники пересаживает осенью. А весной она еще сажает разную пахучую траву.

Чуть не забыла: бабушка все лето сажает редиску, целых пять раз сажает на разные грядки. Поэтому мы едим редиску все лето. И редьку бабушка сажает, и репу, и свеклу для коз сажает. Для еды свекла вырастает красная, а для коз вырастает большая-пребольшая. На всю зиму козам хватает.

Вот сколько дедушка делает много грядок. Под каждое растение. А укроп у нас растет по всему огороду. Его бабушка не сажает. У него семена сами падают на землю, когда он созревает. И хрен бабушка тоже не сажает. Он растет тоже по всему огороду. Когда укроп и хрен нужен мы с бабушкой идем на огород и рвем его сколько нам нужно.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК

Дорога в деревню к бабушке и дедушке проходит через лес. В лесу живет много разных зверей. И эти звери часто выходят на дорогу. Поэтому в лесу на дороге стоят дорожные знаки, на которых нарисован олень. Они предупреждают водителей, чтобы они здесь ехали медленнее и внимательнее. И не задавили случайных диких животных.

Однажды летом к нам в деревню приехал мой двоюродный брат Темка. Из Москвы приехал. Ему всего три годика. Ему в деревне все интересно. Он ни разу не был у дедушки и бабушки. Ни разу не видел живых домашних животных. И когда он первый раз увидел рогатую козу Катю, я у него спросила:

— Тема, как называется это животное?

Темка посмотрел на козу, вспомнил дорожный знак в лесу, о котором ему рассказывал его папа, и уверенно так говорит:

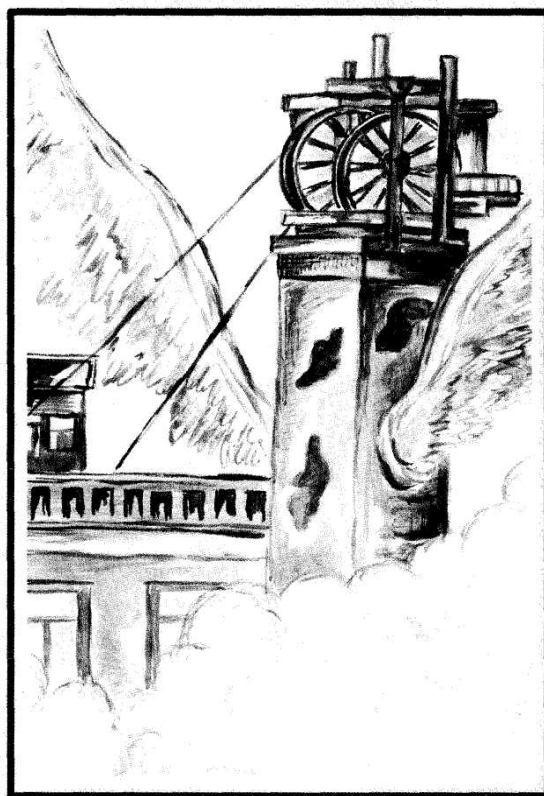
— Это — олень!

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Евгений Елисеев
(г. Новомосковск)

МУЗЫКАНТ
(Повесть-поэма)

Елисеев Евгений Иванович родился в 1936 г., в селе Никольское Ефремовского района. В 1939 г. семья переехала в Новомосковск. До призыва в армию в течение 5 лет работал слесарем на КМЗ. Четыре года служил комендором на крейсере «Железняков» — Северный флот. Окончил экономический и педагогический ВУЗы. Работал в институте ГИАП, исполкоме горсовета, в торговле. Как и все мои сверстники любил спорт: дрался на ринге, катил по лыжне, носился по стадионам и бездорожью. Этим, в какой-то мере, формировался характер с заполнением пустот времени. 35 лет состоял в рядах КПСС. В партии тугих кошельков вступать не собираюсь. В повести «Музыкант» события, связанные с войной, достоверны, они описаны со слов фронтовиков, упомянутых настоящими именами.

*...Будь проклят сорок
первый год...*

Семен Гудзенко

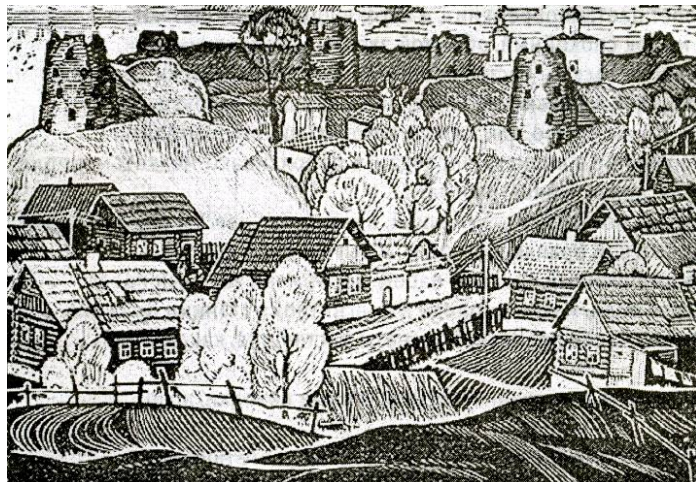
*...Далече от спасенья моего
слова грехопадений моих...*

Псалом Давиду, 21...

I

В клубке исхоженных дорог концы схлестнулись и начала...
Но Память — истинный Свидетель, вдруг высветит забытую тропу
к порогу отчего гнездовья. А там, в сторонке, сиротливо,
стоит, счет времени забыв, мое фамильное ободранное древо.
От бурь, свирепо отгремевших, поломаны живые ветви,
где значилась ушедшая родня.
Все чаще мысли об истоках одолевают, будто недуг,
но лень — наш Лекарь одряхлевший,
совет дает: «повремени», и сном вчерашним отлетают

в мирок спокойный, обжитой заботы новых начинаний.
 И вновь тоска — Сестра потерь, ко мне предательски крадется.
 Рассудок горечью наполнив, она и спящего разбудит,
 напомним о себе, как жажда, которую ничем не утолить.
 Последние в копилке оправдания побрякивают мелкою монетой:
 дела, долги, жилье, работа...
 В душе помятой, истомленной, проснется Совесть, словно сторож,
 и скотской бранью оскорбит, и вытолкнет в дорогу...
 Разгоряченный крепким паром, несет меня зеленый поезд
 через поля, мосты и города к «магнитной» станции Кружиха.
 И семь часов дремотной тесноты растянутся, как вечность...
 Знакомства, жвачки, пересуды, утиные походки, храп...
 Когда я сам себе наскучу, при тусклом свете ночника
 «включу» тихонько наугад колесных дисков запись.
 Сквозь звуки музыки походной, ударника ритмичный стук
 мне кто-то станет задавать нехитрые короткие вопросы
 и странно повторять:
 Как живешь? Куда ты едешь? Как? Куда?
 Нет времени для дельного ответа, в плечо толкает проводник...
 Тепло вагонное покинув, мне с пьедестала шаткого кочевья
 открылась первобытная картина:
 вставало солнце розовым ребенком с пушистой колыбели облаков
 А к горизонту алому сходились знакомые мне с детства
 параллели, и каждая имела назначение:
 Дорога пыльная роднила, речушка живостью поила,
 а выше нервы века — провода с гудящими столбами.
 На них угрюмо восседали горласто ненасытные грачи,
 в когтях стараясь удержать Печаль невидимых общений
 людей, раскиданных далеко вращением земли...
 В пути мне предстояло осмотреть «полотна старых мастеров»
 эпохи помутневшего столетия.
 Селения возникали чередой, в мужских и женских именах:
 Дмитровка, Марьино, Никольское...
 В открытых галереях улиц
 мне попадались на пути земного шара пассажиры.

В одеждах скромных старики мне кланялись, выпрашивая вроде:
«Ты чей сынок? Откудова? Не худо ли живешь?»
Хотелось выбраться из плена и выкрикнуть простору:
«Позволь пройти, Святая Русь!»

II

...Отмерил километров двадцать. Так вот куда меня тянуло!
За зеленью горбатых ветел знакомых изб прескучные картины:
Те крайние, попроще да пониже, хохлов напомнили старинных,
в насупленных папах. Ограды возле них полулежали, как ребра
вымерших рептилий. Дома повыше — в глубине деревни.
Заборы зубчатой пилой смотрели остриями в небо, скрывая быт
от любопытных глаз.
И сердце вдруг забилося учащенно.
(Оно усталости не знало и вот теперь заговорило):
В далекой дымке давних лет, взбивая ту же пыль, топтались здесь
усердно предки, и мне, кто в долгой переключке
по списку значился последним
оставили в наследство Память.
Видения нарушила крестьянка... Всплеснув усталыми руками, она
шажками затрусила ко мне навстречу, причитая:
— Ох, батюшки, кого! Кого я вижу! — Она преподнесла мой лоб,
как чашу с редкостным настоем, к дрожащим выцветшим губам,
пролив две светлые слезы по сморщенным щекам.
Родную тетку — надо ж — в тетке не увидел...
И лишь в глазах улавливал я смутно далекую родимую похожесть на
всех родных, которых знал иль помнил. В обнимку в дом вошли.
Притихшее нежданное «застолье»
пытливо оглядело гостя — по-деревенски,
не таясь, и прямо, как говорится: «с поезда на бал»,
попал на праздник деревенский
(не знаю, по какой причине его не занесли в наш календарь...)
Но главное, что в шумном многолюдье,
все оказались сплошь — моя родня.
В хмельной беседе оживленной кто браткой звал,
кто кумом назывался.
(Кум — тоже ведь родня не из последних).
За добрым тем столом мы пили что-то мутное, лихое:
За встречу, за здоровье и за тех, кто должен быть, да только не был
И никогда, да, никогда не будет... на земле...

* * *

Я видел женщину напротив, худую, с головой полуседою:
казалась странной эта седина, она как будто пополам делила
не только гладкую прическу, но и поблекшее до времени лицо.
С ней рядом был двоюродный мой брат.
На старомодном борте пиджака его
медаль желтком яичным приютилась...
Та женщина — напротив — говорила, с оглядкою в прожитые годы:
«Вот если б мне сейчас сказали, что Гришенька мой ожил...

200

Бесштанную пиратскую братву я разогнал,
 умыл в Неве мальчишку,
 с испугом он глядел по сторонам, меня ручонками обняв.
 И я увидел, в чем его «вина». Была с изъёмом верхняя губа,
 немного коротка, чтоб зубики прикрыть торчащие наружу....
 И вот «как все» — ровесники его жестокому подвергли остракизму.
 Как будто был пришельцем он опасным
 с планеты им враждебной....
 Тогда я мысленно негодовал: «Скажи, жестокость, кто тебя посеял,
 что ты в младенчестве взошла?»
 И вновь за этим песенным столом
 во мне вопрос тот давний всколыхнула,
 как солнца луч, прорезал толщу осенней мокрой черноты:
 «Кто в многоликости людской грустящих, плачущих, поющих
 пошлет везения таким иль крепкого ума, а может, и таланта,
 чтобы восполнилась природная оплошность?!»
 Я мыслью поделился с теткой, а та, слезу косынкой осушая,
 безмолвно показала мне на сына (того с медалью, Васю-инвалида), и
 тут же посмотрела на его клюку, с резной собачьей головой.
 Казалось, будто пес смотрел в окно и деревянной головою думал...
 о деревянной Васиной ноге...
 И кажется, в тот миг я что-то понял, протрезвел и огляделся,
 и стал прикидывать натужно: «В каком же веке здесь живут!»
 Пол земляной, прикрытый кружевами тертой толи, сосновый
 самодельный стол — свидетель редких свадеб, но поминок частых,
 три лавки возле стен, сундук, большое зеркало с автографами мух,
 в плену у сотни рыжих фотографий.
 В углу лампадка с капелькой огня, дающая тепло и свет святым
 и грешным,
 и печь — лежанка в треть избы.
 Не густо благ отпущено всевышним, но на лишения,
 За исключением людских потерь, не сетовал никто.
 И разошлись как по-некрасовски: «Лунным светом облитые», повторяя:
 Другие живут еще похуже.

III

А утром тетка, напоив меня парным и пенным молоком, как на поклон,
 торжественно свела к громаде — тополи в соседнюю деревню.
 Шумел вся округа патриарх, могучей, закрывавшей небо
 шевелюрой
 В его тени мы молча постояли, почуяв всю никчемность слов...
 Мой взгляд остановился на черемухе цветущей.
 На красной «клумбе» щебня она спокойно приютилась,
 светясь чистейшей белизной.
 Недалеко от бывшего жилья колода серых бревен, «журавль»,
 скрипучий и горбатый взирал в глазницу гулко колодца.
 Я не заметил, как один остался среди «развалин детства»,
 похожих на старинную печать больших размеров
 в свидетельстве отживших предков на нестареющей земле...
 А уходя, как будто бы на память, не думая об этом, машинально,

Я поднял из травы обычный камень — замшелый розоватый
талисман-частицу развалившейся стены.

IV

Меня в дорогу провожало семейство голосистых петухов.
И долго-долго позади я слышал по-птичьи разливное,
«О-бер-ни-ись!»
До станции всего мне предстояло, со слов родни,
верст восемь напрямиком, коль через лес — натопанной тропею...
Я шел беспечно по тропе петлистой, купаясь в майских запахах
листвы,
Но вот запахло сыростью болотной, туман пополз в овражки
и низины.
День «светлость» поменял на «серость».
Казалось, прошлогодняя трава лениво истлевала и дымилась...
Клубились под ногами «облака», и я по ним вышагивал, как бог,
и, как младенец, радовался чуду. Туман все выше поднимался,
хватаясь за кусты и поглощая их.
Сомненья и тревога подкатали, тропа исчезла как-то незаметно,
четвертый час был на исходе, и восемь верст давно б пройти пора.
Уж ватный цвет осиливал зеленый, уже трясинным бездорожьем
топал,
И сырость хлюпала в ботинках. Хотелось на макушку дерева
залезть
и воздухом прозрачным подышать иль поскорее убежать из этой
«прямиковой» западни.
Споткнувшись о корягу, растянулся и, обругав свою неловкость,
побрел, доверившись удаче, как доверяет загулявший кучер
искать дорогу другу своему...
Да жаль, удача на сегодня не скорый конь, а тихая улитка.
Туман от ветерка слабел и, уползая, в кустах оставил
он от огорченья
лохмотья редкие да капельки обид на голубой листве.
Темнело. Казалось, что не раз я эту местность проходил,
в глазах всплывали мутные круги в зеленой кружевной оправе.
Пора искать приют. Постелью стала мне подстилка
из сосновых шишек,
а лапник ели — вместо одеяла...
Лжет тот бесстыдно, кто твердит, что в дебрях полуночных страха
нету.
Плач тут иль хохочи, казалось, кто-то смотрит на меня и дышит
тяжело.
А треснувший сучек услужливо рисует сцены...
Пытаюсь развести костер (извел десяток спичек), и вот он
встрепенулся,
как верный пес, лизнул горячим языком хозяина в лицо...
На лежбище колючем не уснул.
Чуть засветились облака, как ветреный рассвет
собрал лесных певцов на состязанье.
Туман исчез, но оставался в голове туман.

Я шел, ориентируясь по солнцу. Да только вот куда?
«Должна же,— думал я,— гнилая сырость вылиться в речушку,
а та уж выведет к жилью».
Но только монотонность переключки неуправляемых племен
квакуш —
в ответ моим соображениям...
И сырость липкая, зудящая, как сыпь,
и тут же жар ознобный чую в теле,
и пот стекает по лицу... Клянусь себя и тетку вспоминаю.
Ее ль письмо наваяло тоску? А что еще?
— Возможно, двоюродный мой брат,
на десять лет постарше, но хлебнул... и к горькой пристрастился... —
Не мог смириться он с судьбою инвалида.
К поездке был еще толчек... последний...
Чужая телеграмма, что примиряет всех родных
О дядьке я узнал преступно поздно...
У гроба... речи боевых друзей...
Он комиссарил в сто забытой Тульской до беды,
А от Москвы до Кенигсберга — от артиллерии скиталец,
На трех фронтах в составе РКК. А между ними были и
Сиваш с Сапун-Горою, и Могилев, и Ленинград.
И три стены рельефно на бетоне оставили на память: «Винокуров»
за тех,
кого не встретил — братьев двух, что там в Синявинских болотах
навсегда...

А мог объединиться до беды, тогда семейственность в частях
Верховным разрешалась по приказу.
И долгие года нас разделяли километры, — за мнимую его вину,
не мог спасти отца и братьев потерял...
А опоздание обернулось похоронкой одной семье,
второй семье — лишь — «Безвести пропал».
И на поминках от седых друзей узнал я:
«казнил» всю жизнь себя он
За оплошность, и оправдание ему — высокий долг.
А дядя был «свинцового замеса»...
Случайно, в Питере, в музее, на Красной улице,
(куда не ходят те — живые
судьи наши, те коренные Ленинградцы), на фотографии у черных
пушек —
земля разрывами изрыта... Стоял он прокопченный и чумной...
Не понимая... что его я вижу.
При встрече, как-то раз, он ни полслова о войне, ни о себе,
ни о родне,
его лицо стеклянно-серым становилось.
А у могилы... вспомнили другие... Печальнее не сыщешь
из знакомств,
знакомство на холме фамильном.
Мысль любопытная, но скверная, по сути, вертелась так некстати:
«Кому ж достались драгоценности его? Планшет, две трубки,
в эмалях синий портсигар — подарки САМОГО, что в воинских кругах

Еда — ничтожна перед жадой, но пить болотную не мог.
Когда ж у края илистой низины я повстречал ничейный родничок,
не удержавшись, шлепнулся с размаха в него восторженным лицом
и втягивал ознобную прохладу, пока не ощутил всем телом холод.
На четвереньках стоя у воды, я заметил узкую тропинку
(с ладонь — не больше — шириной).
По зарослям орешника петляя, она вела — я это знал! К жилью!..
Полянка сонная открылась, на ней, по виду — теремок,
А ближе — с тростниковой крышей ленивая изба.
Похоже было, что в избушке, поставленной поспешною рукою,
отшельник проживает, спасаясь от гнетущей суеты...
Пятак цветущих диких яблонь, что возле дома приютились,
напомнили
старушек модных, что помадились некстати, а огород
со вскопанной
землей на мысль навел: хозяин где-то рядом.
Толкнув незапертую дверь, я увидел у мутного оконца
лежащего на лавке старика.
С полуоткрытыми глазами дремал он в обществе поющего сверчка.
Под головой седою и кудлатой — подушку заменяла телогрейка,
на босу ногу — грубые ботинки, что некогда мы звали «ЧТЗ».
Старик, чуть повернувшись, лицо потер клешнятою ладонью,
как бы не веря приходу моему.
— Каким ко мне, соколик, ветром?
— Да не попутным, батя, заплутал...
— А сам-то чей и по нужде ли играешься с лукавым в топях?
— спросил старик, почесывая ноги, и заворчал, ответа
не дождавшись:
— А я ведь ждал тебя вчера.
Мне птицы весть подали, что в хляби наши пожаловал чужак...
Никак ты новый землемер?
Через недельку, да при ходьбе хорошей, ты мог бы осчастливить
своим приходом Брянск.
— Отец, потом... мне что-нибудь поесть, хоть корку хлеба,
сделай милость.
Дед вперевалячку к печурке подался, чумазый чугунок с картошкой.
Он бодро стукнул — на широкий пенё, что средь избы стол заменил.
— Ты прав, — сказал он, — подкрепись, обсохни, потом поговорим.
— У вас здесь не места — а западня, два дня разыскиваю выход...
— И никого не повстречал? — спросил старик и как-то странно
глянул.
— Ну, как же, дед, встречал: то день, то ночь, то птицу, что не спит
проухала,
со мною забавляясь. Поверишь поневоле в нечисть!
То захохочет — что мороз по жилам, то зарывает,
как на похоронах...,
Перекидал в нее все головешки.
Старик как бы встревожился: «Еще, кого еще встречал?»...
На месте стал топтаться, как зверь вынюхивая воздух.
Проковылял к двери зачем-то, с опаской непонятной в лес смотрел,
как будто рядом притаилось живое существо...

— Какая с виду птица-то? — Такая ж серая, как ты...
Его заросшее лицо брезгливая гримаса исказила.
И весь он, скособоченный и злой, как будто изготовился к прыжку,
Вращая звероватыми зрачками...
Я пожалел, что высказал неловко: «Да ты не злился, отец, я ж пошутил...»
Он как-то весь обмяк, на лавку сел, потряс нечесанностью сивой,
И засопев, как малое дитя, стал имя странное твердить.
И крючьями-руками разводя, как будто воздух разгребая,
Затрясся телом всем, понес несвязно чепуху.
Про дом кирпичный на бугре, который был, которого не стало...
И поменял давно на этот вот шалаш.

VI

Что, что это за люди?! Поплыли, замелькали лица...
И девушки на грядках сажают, вроде бы, сирень.
Сажают молча, увлеченно, как будто зарывают в землю
не корни молодых растений, — тоску стараются зарыть.
Сосед — подранок лейтенант подносит к девушкам рассаду.
У Юры золотистые погоны на ладном кителе зеленом
и сапоги, как водится, гармошкой, но до чего ж чудна походка?
Он при ходьбе трясет ногами, как от налипших комьев грязи.
И старухи, какие-то старухи, с оглядкой тихо говорят:
— Походка — факт, до гробовой доски Меркулову трястись.
Среди деревьев замечаю отца Володьки — своего дружка.
Он ковыляет на протезах, как будто в жутком реверансе,
Поклоны встречным раздает...
Приветствует его, согнувшись, высокий Гриша Задорожный
То спрячет голову в ветвях, то низко наклонит ее,
Пытается он как бы рассмотреть потерянный предмет.
А это кто шагает напролом? Как будто никого не замечает.

Идет, как ходят... босиком по снегу... приподнимая высоко колени
Его я узнаю — танкист Липесин... с лицом в чернильных кляксах.
Уставился он пристально на солнце,
А вместо глаз — пустые лунки...
Ему навстречу катит морячок, но только он без ног.
Тележка — «вездеход» пристегнута ремнями.
Он стержнями колотит по асфальту, спешит — торопится Серега.
И вдруг затормозил... И по привычке поправил потную прическу,
И покатил в обратном направлении.
Мне показалось, будто он припомнил, наконец:
Что где-то за углом оставил свои ноги.
Сейчас найдет, приставит их и выйдет на своих двоих,
веселый и красивый, во весь свой бывший рост...
Вот грохнулся всем телом Жижин — контуженный гигант
артиллерист.
А двое его малых сыновей (как бы нарушив правила борьбы)
стараясь прижать к земле лопатки великана.
Поняв «игры» зловещую нелепость заголосили вдруг:
— Ну, пап, не надо, па-а-п-ка-а!..

А тот с кровавой пеною у рта — за что-то бьет затылком землю...
 Над ним хохочет... Коля дурачок...
 В своей шинели, длинной не по росту,
 Как призрак мечется в поселке, и днем, и ночью хохотом, как воем,
 наводит страх не только на детей.
 Мне одноклассник рассказал, что Коля был разведчиком когда-то.
 Теперь уж вряд ли кто узнает, что с ним произошло...
 Я как бы вижу спину уходящего отца. С простреленным плечом —
 Большой, небритый, строевым спешит на перевязку...
 И я кричу: «Остановись, дай руку!» Отец, не обернувшись,
 грубо говорит:
 — «Теперь ты сам, сынок!»
 До гроба не забуду это «сам» — щепотка букв, а весит сколько!
 Под тяжестью ее потом я постигал сутулости секреты.
 Отца мне не понять, его как будто подменили, он здесь и где-то там,
 ругает докторов: «Лечение, гады, затянули».
 Ворчит и сетует: «Снарядов маловато к пушкам...»
 На станцию иду, зачем — не знаю... скорее, в поисках еды.
 Со стен повсюду грозные плакаты: Суворова, Кутузова портреты.
 Напротив боевые ордена во всю грудь дома...
 И рядом, на другой стене — в два этажа картина —
 Босая девочка (на фоне пепелища) застыла в крике:
 «Папа! Убей немца!»
 В товарных вижу их воочию... И не звериные по виду лица,
 тех первых пленных — из «Московского котла...»
 Они в застывших позах, не выдержав атак
 и лютого славянского мороза,
 Сидят в вагонах стылых, не ждут ничьих команд.
 И нет во мне ни жалости, ни страха, глазею отрешенно,
 на человеческий гербарий...
 ...Я на колхозном рынке городском, уныло пробираюсь
 среди рядов
 не празднично гудящей толчеи...
 махра в мешках, игрушки-безделушки на прилавках, семечки,
 из стружек крашенные мертвые цветы...
 И женщина, прижав к груди, — не оторвать — буханку хлеба
 (ценою непомерной — две зарплаты)...—
 И голодяги — огольцы вокруг нее, глазами поедая драгоценность.
 И нищие галдят наперебой, и в неприветствиях протянутые руки.
 И всюду инвалиды, инвалиды...
 Не рынок — выставка коренных людей.
 Каким крушением планет забросило калек на рыночную площадь?
 Безногий с «козьею ножкой» с тоской хрипит счастливицу,
 (ведь у того всего лишь нет руки), что у него от близости земли
 багровые круги в глазах летают, а горизонт он видит только —
 пыльным...
 на двадцать мужиков — семнадцать ног...
 Я насчитал... под визг гармошек пьяных...
 Затмение нашло: сцепился некий с кем-то...
 И кровь солдатская взбесилась вперемешку с донорской кровью,
 и дикий мат выплевывает разбитый рот.

И чей-то крик, как будто с преисподней: «А ты горел, гад,
на броняшке?»
От этого я крика просыпаюсь? Или ныряю в явь иного сна?
Куда, куда девались эти люди?..

VII

Лежу в избе, знакомой чем-то. Слепит из тусклого оконца
глаз воспаленный предзакатного светила.
Все, значит сон и бред! И сколько ж я проспал?!
Я вышел на порог и огляделся. Так-так! Вон — дед...
Колдует в огороде над чем-то суковатою лопатой.
Он с явною охоткою копал, гнусавя старенький мотивчик...
Меня увидев, словно посветлел, заволосевший рот развел улыбкой:
— Ну, и здоров ты, малый, придавить!
— А сколько ж я проспал? — Туда — сюда — на третьи сутки
перебрался.
— Поесть бы на дорожку, старина, пора спешить, просрочил отпуск.
Старик держась за спину, проворчал:
— Ты днем блудил — куда ж подашься на ночь?
Войдя в избу, все тот же чугунок, но с кашей пшенной поставил на
пенек.
Сам есть не стал... Глядел в окошко молча...
— Питаться бы картофелиной в день — я начал, как бы между прочим,
Я был бы горд и независим.
А то ведь столько подношений желудок требует...
— Да сломай хоть пяток, уж этого добра хватает!
И будь пять раз свободным...
И надо ж так — цыганская свобода... рваньем трясти перед
людьми
и мнить себя свободным — для безделья?!
А впрочем, тоже труд внушать пустой башке,
что от забот она свободна...»
Наперекор, стараясь вызвать старика на откровенность, вставил:
— Ты, батя, странный человек, а может, мудрый, а может, ты другой.
Я знаю, дед, кто молодым черпает удовольствия лопатой,
тому под старость нечего черпать...
Не пустота тебя ли загнала? Иль что-то посерьезней гонит
в берлогу поиграть в молчанку?.. Дед не разгневался:
— Шустер ты, братец! В дверь вошел, а выйти норовишь в окошко...
Мы вышли из избы, старик ворчал: чего-то стынет левое плечо,
Давай-ка разведем костер, чтоб не затухнуть разговору...
Присели у огня, дед продолжал: — Какая разница — где киснуть?
В лесу ли, в городе, в деревне?
Ты разве в шумных городах не замечал унылых одиночек?
Они в толпе — как щепки в половодье. Кто нужен им?
Кому они нужны?
Я в городе не стал бы куковать, где вечно суета да маята,
кого-то кто-то выручает, просит. Делячество кругом,
кричи — к душе родной не докричишься...
Да и природа в городе дурна, где летом зеленью своей

деревья прячут обшарпанность домов.
Ну а зимой дома скрывают наготу деревьев.
А здесь, как на ладони, видно: кто есть кто.
К примеру, вот, не обижайся, что ты за птица мне понятно...
— Давай отец! Люблю когда без дипломатичных шуточек!..
— Коль любишь — слушай, словечко лить — не лес валить.
Ты, парень, погляжу из тех,
которым по душе обидчиков себе искать...
Знакома мне порода эта. Она всегда и всеми недовольна...
А я не лгу — стерегся тех людей, подобных тем дворянкам
неумным,
Что за день — хоть кого-нибудь да тяпнут.
А о себе скажу: меня здесь нет. Я — воздух, оболочка, пустота...
Считай, живым не значусь — в списке...
— Все это разговоры, дед. Ты, вроде бы, не презираешь свидетелей
слепого заточенья, тогда зачем сторонись людей?
Дед покачал линиялой сединой и продолжал с печальной досадой:
— Ты так и не смекнул, хоть не дурак, что для ума —
все двери настежь,
но хитрость ищет тех, которые забыли запретить.
Мне, парень, нечего скрывать ни от тебя, ни от себя — тем боле.
И, слава Богу, я не задолжал, а главное — мне никто не должен...
А падать? — Падал, лишь однажды... Крепко...
Я вижу, что не тот ты чистоплюй, что на миру и в грязь «с народом»,
кляня «народ и грязь» наедине...
тебе скажу, хоть непонятно... скажу, что на сердце слежалось.
Молчал я долго, как пенек...
Тебя толкает любопытство потрогать... вещь до срока...
Но попусту не трогай... пустоту. Не приведишь в ней оказаться.
Попробуй в яму заглянуть, потянет дно ее увидеть...
Понятно, что не каждому дано, то чувство пережить, когда...
В своей же пустоте душевной ты ищешь выход, мечешься,
последнюю
примериваешь петлю, летишь вниз головою в пропасть, кидаешься
под проходящий поезд... и все же остаешься жить.
Таков он слабый человек, что попадая в безысходность,
любому начинает
верить бреду, лишь только б он вселил в него ничтожную надежду.
Вот ею жил, да и теперь живу.
Заходишь в дом чужой и объясненья просишь.
Ну что ж, поговорим, откроем откровенья откровеньем
Вот видишь ту сосну, сухую, с раздвоенным стволом,
похожую на лиру?
Иди, послушай, а после скажешь мне, о чем молчит
Она в своих заботах деревянных?
Я подошел к сосне, как бы приклеился к стволу.
— Что может мертвая сказать, была б на ней табличка?
— Тогда ходи сюда...
Мы подошли к цветущим деревцам.— Потрогай ветку, тронул, ну?
— Пульс дерева почувствовать ты должен! Почуял — нет?
Не проведешь!

Я лишь пожал плечами и с усмешкой от яблонок цветущих отошел
А он к сосне отправился рогатой.— Послушай, бедный человек,
неужто ты не слышишь звуков, что в поднебесную летят?
Хощь, их на зов земли пошлю в обратном направлении?
Он руку приложил к стволу:
«Теперь они струятся сквозь меня и в землю проникают густо».
А жаль, что к этому ты глух...
На пятом метре от комля жук короед от голода проснулся.
Он к ужину себя подарит дятлу. Тот в лет его услышит...
— Старик, все это может и не сказки, ты лучше укажи дорогу к людям.
— Куда заторопился, заночуй, рассвет тропу укажет...
Дед засвистал вдруг с переливом тонко.
Рукой как бы кого-то приглашая.
И глядь — над ним затренькала синица и плюх к нему —
в корявую ладонь.
Головкою забавно повертела, чего-то клонула,
чуть клювик поточила и нырь — в чащобу сосняка.
А через миг оттуда явилась со второю щебетухой.
И вот уж обе — что тебе не ветка! — запрыгали у деда на плече!
Он щелкнул языком, и тут же птицы ответили так дружелюбно!
Я тоже свистнул — не обернулись птички в сторону мою...
— Вот видишь, парень, синичка — тонкая душа.
Она заметит руку, которая беды не принесет...
За то, что люди несговорчивы с природой, они и терпят
от нее подчас.
Простым словам мы учим птиц, не для общенья — для забавы,
боясь глупее оказаться подопечных.
Возможно, птицы знают о звездах истину поярче,
но кто их спрашивал об том?
— Все это, дед, не ново, хоть красиво.
И все же птица, как и зверь, не мыслит, а значит, не способна
и болтать.
— У них нет времени на сплетни, вся жизнь в заботах и тревогах!
Вот, если лошадь слову научить, она бы обязательно сказала:
«Ты рабство уничтожил человек,— животный мир
покуда в рабстве пребывает».
Всю жизнь я тщился сам себя возвысить хотя бы...
над невежеством своим
Да, мне хотелось разумом подняться повыше лошадиной головы.
Но не успел, все время! Время! Что мяло и людей и лошадей...
А в юности пытался я в загадках многих разобраться.
Добраться хоть до дна, но истину потрогать.
Послушай вот... От нашей деревеньки перейти низину.
Местечко звалось Бучалки, там мельница была, затоплена
она теперь,
А раньше из воды торчали камни, как головы намокших истуканов.
Хлестала через камни те каскадом и падала ревушая вода,
Туда не то, чтобы ребят, — гусей хозяин не пускал
— свирепый с виду мельник.
Мальчонкой лет восьми я тайно прибегал глазеть, как бесится
водица,

Потом, дрожа, не знаю отчего, стремительно сдирал я одежонку
 И прыгал в белопенное бучало...
 Как вьюн скользил, крутился меж камней и чуял, к середине тащит,
 Потянет за ноги, спешишь побольше воздуха набрать.
 И вот уж струи ледяные скользят ужами по спине.
 В мгновение тело коченеет, виски тисками давит так,
 что рот раскроется вот-вот.
 Вода наполовину с пузырями, и жутко хочется дышать.
 Сознание дает приказ «Глоток — и нет тебя».
 Однажды промахнулся, хватанул. И в этой кутерьме, за несколько
 Секунд себя и всю родню со стороны увидел.
 Лицо отца — так близко и так ясно, лицо, которое забылось,
 и матушки печальные глаза, застывшие в испуге диком,
 она дрожащими, растущими руками меня пытается поймать,
 как бы в колодец, наклоняясь, кричит, а голоса не слышно...
 Потом мелькание знакомых, близких лиц...
 И тьма... но теплая, не давящая в уши...
 Спиной и пятками цепляю о твердую земли основу...
 И понесло!... Глаза открыты, где-то близко туманится водою свет,
 Уж тут руками успевай махать, как гусь, крылами — на подъеме...
 И вот желанный — бережок! Ухватишься за длинную траву,
 весь измочаленный висишь на ней, как окунь на лесине.
 Еще не веря сам себе, живой ли, наконец,
 Где силы находил, ползешь на суше по-пластунски,
 И вот домой бежишь, как снова народился, себя сам победив,
 И вроде б к тайне некой — причащенный...
 Какие ж мысли навещали, брат тебя, когда ты застревал в гнилом
 болотце?
 — Ну, если б я живал в твоих краях — какая разница, где киснуть?
 Царем ли оставаться у лягушек иль филином деревья по ночам
 считать?
 С привычками и то мы грустно расстаемся,
 как на перроне с близкими друзьями,
 А тут всего лишиться за ничто.
 Я повидал, старик: знал женщин, музыку, друзей, театры, книги...
 И отказаться от таких богатств?
 — Старался я подальше схоронить мыслишку ту, с которой ты себя
 хоронишь.
 Богатство?! Шутишь... ответет и отпадет оно, мил человек.
 Лишь голова заменит цвет волос, а может, растеряет,
 Останется привычка уставать да вспоминать привычка об ушедшем.
 Придет и твой черед стать счетоводом собственных ошибок...
 Ах, молодость, — вздохнул старик, — какой же это праздник!
 Но вспомнишь ты о нем, когда за буднями пойдут сплошные будни.
 Успеешь столько глупостей наделать, покажется потом,
 что только ими занимался.
 Но не найдется простаков с тобою ношу разделить —
 у каждого того добра хватает.
 Но вот что любопытно: и почему любая глупость имеет
 странную привычку
 — выпячивать грудь там, где уж ее как раз-то и не ждали?!

Ты выхвалялся: женщин, дескать, знал, и понял я:
 раз от разу все лучше — умней, красивей и добрей?!
 Как говорят: по восходящей!
 А может, просто так — для арифметики любви?
 Не ерепенься, будь спокойней! Я в этом деле понимаю так:
 Одна нам женщина подарит радость,
 Сомнение — если две, а три — опустошенность,
 Всем удовольствиям, поверь, цена ниже, чем мы платим:
 Авансом — мелочи хватает, а позже крупных не собрать.
 Вот, кстати, женщины: о них мы речь вели...
 Они подолгу молодыми остаются... лишь на раскрашенной
 картонке,
 А в жизни все наоборот, в семь раз их увяданье дольше,
 чем цветенье...
 — Притормози-ка, старина, на этот счет свои познания!
 Конечно, молодость — подаренный природой праздник,
 но с червоточинкой
 внутри: где за столом один сидит, другой за дверью ожидает.
 А не подскажешь ли, мудрец, где та, что будет настоящей,
 из сотни одинаковых по виду, где перенято, как по мерке,
 от слов, заученных на память, до оперенья — их одежды.
 А то все мы бьемся в сетях, что узаконила нелепость
 инстинктов наших и пустых страстей.
 И их любовью по ошибке называем.
 Какая там любовь? Всего лишь одиночества изнанка.
 Мы проповедь читать горазды, а к старости, желанье порастратив,
 спешим занять удобное местечко, хотя бы стражем стать
 у добродетельских ворот,
 что удивляешься причине, как мало на Руси святых!
 Ты опоздал о женщинах судачить!
 Согласен лишь с тобой в одном, в любви они не терпят перерыва,
 а если ты замешкался, они пробел быстрехонько восполнят.
 Нет, я не за праздный принцип вековой:
 «Красивые принадлежат не одному»...
 А с остальными... может, где и забывался,
 Счета пусть безотцовщина оплатит.
 — В твоих словах, дружок, я слышу отзвуки досады.
 Кто тысячи достоинств женщин упрямо превращает в недостатки,
 того не назовешь мужчиной.
 Мужчина — не влачитель, но властитель.
 Его обязанность — нести чрез многие лета рассудка важный груз.
 И не валятель он — ваятель.
 Ведь все зависит от того, что можешь ты извлечь из человеческой
 натуры,
 чем станет ладный материал: подобием твоим, изяществом иль
 глыбой,
 в нем ты себя и утверждай, а чувственность пусть ждет в сторонке,
 пока не станет восхищеньем.
 От бестолковщины тебя заносит.
 Природа не творила чуда — звуков до появления человека,
 Нет ладней звука во вселенной, чем голос женщины любимой.

Ты музыку другую слушал. У всех живых существ она струится
из души,
когда душа чиста и коркой не покрыта.
Запомни, друг, нет музыки ни в низменных страстях,
ни в темных мыслях человека.
Не в музыке ты был, а возле, коль разницы не чувствуешь в том,
когда петух
в веселии поет иль кукарекает призывно,
свой птичий прославляя род.
Какая ж музыка здесь в глухомани? Сезонная? Я представляю:
оркестр
лягушек, птишек, мошек, взамен ударных — хлопки
болотных пузырей.
Вся музыка, старик, прописана в столичных городах,
к тебе не долетал и брех собачий!
— А што у вас там, в городах, вдруг объявился сочинитель.
Цветенье сада он озвучит?
На ноты переложит грусть любимой?
Сыграет волшебство заката и восхода,
Он может убедить в господстве музыки над всеми,
когда она становится соперницей ума!
Раскрыл секрет, как в музыку вложить энергию тепла?
А может «сочинил» рецепт лечиться звуками и
забываться от беды холодными и долгими ночами?
Не ваш ли тот ловкач поэзию озвучил, растворил, теперь она
без слов понятней, ближе стала в различных залах государств?
Та музыка молчала до него, как колокол без языка металла?
К такой музыке нужен поводырь не полоскающий стоялый
воздух руками
старой прачки, а посиневший дирижер, осипший от команды «Пли».
Земная музыка, что снизошла до вас и та — язык немногих.
Из дюжины людей ее услышит половина,
а из шести — один поймет, другой соврет, что понял,
а третий поведет плечами: мол, уши выросли не там.
Спроси толпу про облако, плывущее по небу, кого оно напоминает?
Один увидит в нем лица знакомый профиль,
другой — заметит пьющего верблюда,
а третий — хлеба ситного ломоть.
Кто музыку творит? Обученный горами ветер?
Я знаю, музыка родится от колебанья звезд.
Вселенная нам дарит звуковое отраженье, оно парит,
как эхо в небесах, пока дождем не спустится на землю.
Его подхватят хитрецы, ушастые и жадные до звуков,
Удильщики, ловцы заоблачных шумов, крючками рыболовными улов
в тетрадки натааскают и звукотворчеством для важности
сей опус назовут.
Не звуки, отзвуки мы слышим, а если поточней сказать,
Те чудачки чужие примеряют украшенья, рисуют с отражения портрет,
увиденный в воде от ветра беспокойной...
Я был учителем, как раньше называли, самоучкой.
Дневные позабыв заботы, тетради, книги, ребяtnю.

VIII

214

Давно уж клинопись ученые прочли, но кто бы разгадал,
 о чем так долго и печально шумит осенний лес.
 Он, как больной, задышит, занеможет, то с облегчением вздохнет,
 весь трепетом объят, и вновь заговорит, и залопочет, как малое дитя.
 Лишь первый снег холодной простыней укроет землю
 — в лесу проснутся звуковые блики.
 Я слышу по ночам коней тревожных ржанье
 и переключку дальних голосов, под чавканье увязших в тине ног.
 Спешу помочь, но звуки пропадают...
 То там, то здесь гнездятся тени и голоса, живые голоса.
 Кричу в ночи: «Я здесь, ребята, подождите!»
 В ответ летит по лесу: «жди-те, жди-те»
 да карканье ворон, разбуженных напрасно.
 Утра дождавшись, на покой уходят голоса,
 а я с усталости валюсь. В грязи по самую макушку,
 плетусь, как пьяница, отвергнутый людьми,
 не помню, как в сторожке окажусь.
 А к ночи снова тянет в лес, туда,
 где бродят голоса людей, взывающих из мрака.
 Ослабну, оборвусь, хожу, как скрюченная тень от палки суковатой,
 Пока мороз мозги не охладит...
 По ржавому застывшему ручью чуть свет я к другу тороплюсь,
 раз в год хожу, как на поверку.
 Полдня пути до городка, что возле речки примостился.
 Живет там шустрая братва в беретах женских и тельняшках,
 Они, как угорелые, снуют по перекладам и дыбам.
 Захватит дух от высоты, а им хотя бы что,
 Готовят их для цирка — куража, а может и повыше.
 Пришили как-то к пиджаку погон,
 у них за лесника и лешего я прохожу одновременно.
 Всерьез приказывают мне: «Ты, дед, не спи!»
 Пока им снятся сны, я должен небо караулить.
 Который годя в части на довольствие поставлен.
 Пшеница, сольцы, да спичек с одежкой из БЭУ мне выдаст
 Тюменьков,
 мой старый друг — их главный старшина.
 Нам есть о чем поговорить, а затемно с обновой возвращаюсь.

IX

— Ты, может, здесь в глуши туман наводишь, дед,
 людей разжалобить к себе, заранее готовишь нам вопросы
 и зубы музыкой полощешь? Любовь высокую придумал.
 Я в городе не раз на рынке замечал таких убогих побирушек,
 что страшно посмотреть.
 Случалось, и они властям вдруг заявляли о пропаже.
 Какой же капитал припрятал ты?
 Дед пристально, с усмешкой поглядел:
 — Весь капитал на мне, могу с тобою поделиться.
 А ту любовь, что я придумал — не забыл.
 Тебе она, возможно, и не снилась...

По молодости лет мне нравилась смазливая особа.
На май, когда черемуха растреплет кудели белые свои,
В деревне нашей оживал языческий обычай — он, может,
в силе и теперь,
черемухой в домах святили по углам в горшках и склянках,
дня три спустя в кострах сжигали красоту, чтоб лен прохладней
уродился.
Ходили парни в лес гурьбой, а для проверки крепости поджилок,
те, кто постарше, заранее в кустах страшилку сотворяли.
Не все с цветами возвращались.
Потом уж на вечерке был хохот до утра,
над тем смеялась толчея, кто больше испугался.
Уговорила и меня зазноба черемух попушистей наломать.
Отправился с приятелем на пару через овраг, где заросли сплошные,
там соловьи, страдая до утра, плетут из трелей кружева
и с веток падают, натужась.
Светилось ночью от цветенья. Природа — удивительный театр:
В одном лице ты зритель и артист, валяй хоть дурака
без подготовки.
Но роль мы в чаще исполняем чаще топором, когда и дров не надо.
И надо же так глупо пошутить — я не откликнулся на голос друга,
сама же шутка противницей моею обернулась.
Я пробовал пересвистеть всех соловьев в округе,
но друг как сгинул в темноте.
В ночи метался я с охапкою черемух,
из одного оврага лез в другой, а нужный мне не находил.
Набрел на вырубку, решил дожидаться утра.
Зажег костер, береста свежая корежилась, чадила,
с досады я черемухи охапку в костер пылающий подбросил.
Вмиг взвился и застыл янтарный столб огня.
И чудо! Нет, не может быть — отлитое из пламени живое существо:
в одежде, сотканной из майского тумана, босая девушка
на тлеющих поленьях стояла и смотрела на меня.
Лицо премилое, каких не видел сроду, такое,
что лишь сон сумеет породить.
В глазах, что пламя отражали, росой застыли слезки золотые,
льняные волосы с отливом лунным вдоль тела распушились
и доставали головешек жарких.
Огонь покинув, руки протянула — согреться, как бы приглашает,
и снова пятится к огню.
«Ты кто?» — я девушку спросил пугливо.
В ответ мне голос отозвался, как журавлихи клекотанье:
«Твое желание, — ответила с улыбкой, — не бойся, ближе подойди,
ты первый, кто меня увидел, с тобой я разделю все радости —
печали.
Я подарю тебе бессмертье, парень».
«Ты призрак, — возразил я, — в таких нельзя верить.
Живешь в ладах с огнем, не так, как существа живые.
Ты думаешь, огонь костра спалит во мне дарованное чувство,
что постоянством у людей зовется?
Тебе ли я берег его?» — и, повернувшись, в лес пошел.

Не сделал и пяти шагов — деревья на пути мне встали.
Я лез сквозь частоколы сосен, а ветви жесткие лицо стегали.
Уж стал жалеть, что девки испугался, как услышал знакомый голос:
«Иди сюда» — и струнное «да-да-да» мне эхо трижды повторило.
Деревья мигом расступились, в тоннеле сосен ее вижу.
Она заламывала руки, тянулась и звала,
звала к себе, как бы на танец приглашая.
Я видел через тонкую одежду, как волновалась грудь ее.
Взгляд девушки был полон откровенья,
но не податливость в лице сквозила,
скорей, решительная смелость.
«Ты в мое сердце первым постучался, а та, которую так любишь,
не станет долго горевать.
Лишь три луны сойдет на нет, она с другим утешит душу...
Те чувства светлые, что к ней хранил, они от возраста подарок
и с возрастом остынут, пропадут, как остывает осенью земля,
нагретая теплом за лето.
Меня не станет на заре, и в тот же вечер в вышине,
где неба темного участок,
к Медведице я стану в изголовье, чтоб вновь светить зеленою
звездой.
Когда ж тоска тебя найдет, и холод жизненный настужит, ты в небо
пристальной вглядись, там взор заметишь мой,
расскажешь молча о печали, а поутру в серебряной траве
увидишь россыпь бриллиантов — застывших слез моих.
Пригоршню блесков набери и влагой росною умойся,
— навек бессмертье обретишь...
Внезапно сосны заиграли органной музыкой протяжной,
А травы флейтой вторили в ответ.
Созвучье флейты и органа заполнили всю округу.
Дует, которому нет равных, взлетал и падал, призывая...
«А как зовут тебя, создание?» — спросил я девушку,
весь трепетом обаят
(уже тянула к ней неведомая сила).
«Я дочь Зари и Урагана, Зарингой величать меня».
«Заринга? Имя-то какое! Такого не слыхал я, отродясь».
«Вы матушку встречаете с поклоном при встрече дня и на исходе,
а батюшка, разгульный, невеселый, суровый от Природы у меня.
Он на земле сметает все живое, на сушу изгоняет корабли,
не терпит он застойного покоя, рвет тучи на мельчайшие клочки,
и громы, лбами сотрясая, стремится расколоть хрустальный небосвод,
Виною тому сестричек любопытство.
Наш майский звездопад походит на ваш осенний Юрьев день,
когда дозволено нам, звездам молодым, приблизиться к Земле,
она нас манит постоянно. Кто долетит сюда, девицей станет.
Но сколько тысяч, не дождавшись позывных с Земли,
в молчании горят, холодным блеском дали озаряя!
Мне счастье выпало — я встретила тебя.
Огонь костра ничто в сравнении с огнем,
который ты зажег от сердца своего,
он на земле и в небесах повсюду одинаков —
любовью пламенной зовется».

В глазах ее то радость, то печаль сменялись поминутно,
она взволнованно
согласия искала, но страсть во мне не превышала страха.
Вдруг ледяную дрожь почувствовал я в теле,
и боль сладчайшая прошла грудь.
Я крикнул что есть сил: «Иду!» и испугался голоса чужого.
Как будто кто-то за меня исторгнул дикий крик.
Три раза эхо протрубило, как клятву верности взаимной.
Она мне низко поклонилась.
Поплыли звуки пламенного вальса, мы закружились в вихре огнем.
Не сон ли? — думал я. Ступни уголья обжигали,
распущенных волос густая пелена от пламени меня спасала.
В горячих пальцах ощутил я дрожь, в движениях девушки
жила восторженная страсть воздушной балерины.
В головокружительном вращенье лес ожил
и шумел верхушками деревьев.
Мы стали в те мгновенья невесомы.
Накренилась земля и стала как бы перевернутой площадкой.
Поток стремительного ветра нас подхватил, как облачко белесого тумана,
что стелется над лесом по утрам,
Мы понеслись в ночную пустоту, сплелись руки наши,
Не мог я от волненья говорить, но взгляд зеленых глаз
уверенность вселял,
и что-то нежное шептали губы, но слов не разобрать.
Там на земле всюду колокола гудели — беда стряслась, похоже.
Летели мы к созвездию Стрельца, — вон, к звездам тем,
что в южном полукруге, — старик куда-то в небо указал
корявым пальцем, —
есть там зеленый островок, с земли он точкой кажется на небе.
Среди скопления туманов всех звезд отсюда не видать,
они по яркости пяти размеров.
Зимой в созвездие заходит солнце немного осмотреться,
Взглянуть на разные миры, они рассыпаны в узорчатом порядке.
Земля находится в седьмом ряду, в полете я ее приметил,
два раза темнота сменялась светом.
Полоски рек вытягивались в нитку, все уже сверху становились.
Не более десятка их, бегут от белых льдов до желтого песка
пустынь.
Мы сели на одну из радуг — их много там, окрашенных зарею,
черед свой ждут украсить землю.
Ты знаешь, ведь пока окраска с радуг не сойдет,
цветы в лугах не зацветают.
По радугам сошли к небесному ковшу,
воды пригоршню зачерпнули, она прибавила нам сил,
А музыка! Такое торжество звучало!
Все то, что раньше приходилось слышать, там наверху
нелепостью казалось,
пред ней земное та-ра-рам должно навеки устыдиться.
Та музыка была близка по духу мне, ее я ждал — она являлась.

И, взявшись за руки с Зарингой, дошли до Млечного пути —
он протянулся долгим лугом.
Такие заросли больших ромашек нигде я раньше не встречал.
Мы прятались среди них, друг друга находили,
смеялись беззаботно и целовались, целовались...
Заря будила по утрам багряно-нежным светом.
И как-то ночью, глядя на хрустальные миры,
мне девушка открыла тайну звезд расположения:
к ним надо только приглядеться...
Как в грамоте незрячих, по точкам — бугоркам
прочтешь значение любви для человека.
Откуда он произошел и почему забыл свое предназначенье
стать птицей, рыбой плыть, быть самым быстрым зверем.
Ведь неспроста во сне летаем.
А наяву, кому не приходила мысль слететь с горы,
парить, как птица, в голубом пространстве.
Каких-то тридцать тысяч лет назад
еще летали наши предки в прохладной вышине.
Могли же мышцы рук поднять в пять раз побольше
веса собственного тела!
Любовь тогда возвышенной была, влюбленные встречались
в облаках,
и гордые орлы им пищу приносили.
Теперь народ отяжелел, живет на положении пингвинов,
забывших свой полет, руками машем, а взлететь не можем!
Пропало ощущение полета, а без нужды летать
— переродился человек,
взамен полетных свойств, неистребимое желание жевать он получил.
Да, с ней мы уносились высоко!
Предчувствие беды преследовало тенью,
и я спросил с тревогой затаенной:
«Заринга, девочка, тростинка, что станется с любовью светлой,
когда придет безрадостное время расстаться нам надолго?
А если свидеться придется на белом, синем или черном свете,
как опознаешь ты меня,
когда морщинами лицо, как неводом рыбацким, перетянет,
а волосы колосьев спелых цвета окажутся травой заиндевелою?
Узнаешь в голосе дрожащем свободный голос мой?»
Я увидел лицо ребенка. Она в ответ затрепетала:
«Взамен потерянных годов, прожитых не напрасно, к тебе вернется
молодость отцов, не ставших в жизни пожилыми.
Ты только жди до слабости, до трудного дыхания.
К тебе я прилечу, лишь народятся на земле два новых поколения...
Когда проснувшийся в ночи огромный небосвод
твою притянет беспокойную планету, меж нами
сократится расстояние до полуночного полета.
Когда черемуховый цвет засветит вешние поляны
и хлынет ливнем звездопад, как в первый раз, костер поярче разведи,
чтоб искры, в небо подымаясь, к тебе указывали м-о-й путь...»
Настал тревоги час. Над нами тучи надвигались,

окутав горизонт в зловещий сизый мрак.
 Мы обнялись, единством став перед бедою...
 Тепло сменилось ветром леденящим,
 Гроза, готовясь разразиться, пугала жалами слепящих вспышек,
 катило громыхание на нас.
 Густая темнота настолько плотной стала,
 ее мы трогали дрожащими руками.
 И хлынуло, как будто чашу океана над нами кто-то опрокинул,
 и водопад дыханье прерывал.
 Зеркальный блеск снующих молний кромсал и резал темноту,
 и поминутно ослепляя, пред нами появлялось
 молниеносное словцо «Ис-чез-ни».
 Громов неисчислимые раскаты глушили наши голоса,
 и ураган трубил: «Рас-стань-тесь!»
 ... Потом такая началась пальба — в нас били сверху с самолета...
 — Послушай, дед, какие самолеты?
 Другую оперу ты начал, наверно, перегрелся у костра?
 — Я помню эти погребальные кресты на крыльях и хвосте —
 сажил из трех стволов двухфюзеляжный Фокке-Вульф 412,
 его мы рамой называли.
 В тот день, 2 ноября, я собственной рукой успел заполнить
 похоронку,
 с солдатами отправил на деревню треугольник,
 мол, так и так, не ждите, не печальтесь, я не один здесь...
 А жить пришлось еще три дня. В ночь первую мы встали на Косе.
 Из темноты шли мимо устало поредевшие полки.
 Никто, никто из тех солдат не проронил ни слова!
 И жуть брала, вдали горел громада — город,
 он спины наши жег, а души — леденил.
 И в пекло то входили отступавшие солдаты...
 Весь день нас дождик поливал — последний, знать,
 воды и так хватало, внизу — болотная, гнилая,
 а сверху — божий дар, нередкий гость тех мест.
 Сенияным то место называлось... Пооткрывали все, знать, бедному,
 Досталось болотце открывать, хоть имечко на сырости оставить.
 Все ж дождь устал, а к ночи просветлело и потянуло на мороз.
 И выпал первый снег и полетел...
 Как будто бабки сговорились трясти перины разом все.
 Заравнивал он кочки и канавы, лениво закрывал и наш расчет.
 Четырнадцать нас было, к тому ж, шесть красных лошадей —
 тяжеловозов,
 с небесных колесниц, да пять мешков овса, да пушка-гаубица.
 Одна, но всех тянула под бугор.
 Капризная пушчонка «Габа» — сплошная аккуратность,
 Была сиделкою у форта, ее нам дали напрокат.
 Друг друга поименно знали, и каждый знал, на что годится.
 Теперь их имена выветриваться стали. Иванов три, не то четыре было,
 Два Виктора, Петруха, Алексей, Никола — наводчик из Коломны,
 коломенской верстой прозвали за высокий рост.
 Василий — тоже под два метра, да Петька Кузовлев под статью.
 Комсорг — Абдулов, тоже Коля, тот невысок, но скор, упрям.

Орлов из-под Калинина — худющий лейтенант,
 Сержант Подольский — парень свой, рубаха.
 Его убило наповал осколком в грудь, как только
 мы схлестнулись на рассвете...
 Гуськом поперли немцы в трех верстах, рыча и воздух сотрясая.
 Угарный ветер, словно псиной, валил на наш расчет, опережая танки.
 Но мы о страхе позабыли, с насиженных, пригретых кочек
 вставалось с трудом — одеревенели вроде.
 Сержант словцом непресным разбудил
 и в чувство нужное привел нас быстро.
 На полусогнутых, толкаясь на ходу,
 припоминая чью-то маму, мы к пушке подались,
 шинельки наши задубели, согнулись спины коромыслом.
 И надо ж, кто-то в стороне из автомата
 на ветер очередь пустил, возможно, нас приободрить.
 Поодаль на бугре, посуше где, взводок прикрытия залег,
 верней, что оставалось от взвода, бойцов десятка полтора.
 Был с ними Васька Чернышев, бедовый, смуглый пулеметчик,
 с лицом монгольского покроя и косолап.
 Запомнился мне смех раскатистый и сильный, баском пересыпал.
 В нем столько молодости было, на холоде потел,
 и мокрый чуб ко лбу скобою прилипал.
 Фамилию запомнил, по перводню из нашего знакомства,
 а на второй его с пробитыми ногами к нам притащил боец...
 Спросил лошадку у комбата.
 Эх, малый был, как ртуть, весь так и двигался — вертелся,
 кого за плечи потрясет, кого толкнет — приободрить,
 и на тебе — обвис, как полотенце через руку.
 Мы все боялись за Орлова, боялись и напрасно...
 Нам было по семнадцать, восемнадцать, девятнадцать,
 и разница в годах, как звуки в инструменте,
 где струны тенькают от ноты низкой до ноты чуть повыше.
 Орлов постарше был на целый год, но твердость в нем —
 неизмерима.
 В ту ночь он посчитал, что лишний затесался среди нас.
 Наш ездовой затеял втихомолку пробу фуража,
 сробела молодость — и в этом вся причина
 — Пристрелен был наш Сенька за бугром.
 Суровым оказался лейтенант, но судей для Орлова не сыскалось...
 Так нужно было. Приказ не думать о еде нарушил ездовой...
 В болоте немец нас не ждал. Лишь злобное урчанье затихало
 и наступала передышка, позицию менять нам приходилось
 Ты видел молодость в упряжке, когда по пояс в ржавой мешанине
 на помощь очумелым лошадям,
 веревками, ремнями опоясав, впрягалась изнуренная ватага?
 Мы упирались в небо и болото, молясь одновременно всем богам.
 А мысль, как пойманная птичка, упрямо билась в черепушке:
 «Ну, милая, поддайся, подвинься хоть на метрик!»
 В глазах то желтые, то черные круги,
 И юные тела тряслись, как в знойной лихорадке.
 Под пушкой два бревна и спереди их два, по ним всего

на полверсты до следующей пальбы свернуть мы успевали.
 Лишь к вечеру на третий день к нам фрицы пристрелялись,
 сил не было уже, и лошади не шли.
 Снаряд не каждый рвался, а многие тонули в жиже —
 Сбивала с толку их другая пушка.
 Поодаль за версту, налево от Косы, подружка ухала,
 переключаясь с нашей.
 Фриц разгадал, осколочно-фугасным угостил.
 В тот день не стало четверых: подался к праотцам Иван из Тулы.
 он хватанул осколок сердцем и угасал минуты три,
 потом спокойно лег, ладонь под щеку подложив,
 мол, я устал, немного отдохну, ребята.
 За ним Петруха Мулерман — наш заряжающий —
 из Подмоскovie — рыжеватый парень.
 Вот кто уж анекдотов уйму знал...
 Снарядом забавлялся, как игрушкой, крестился им,
 взяв чушку за головку.
 Ему оторвало по самые колени ноги... Такой короткий стал...
 В горячке он привскакивал на культю, в бреду истошном маму звал...
 Но долгота не шла...
 Последним помню лейтенанта, его прошило со спины навывлет.
 Он кровью в сторону плевал... стеснялся...
 Обняв лафет обеими руками, все тужился,
 как будто приподнять хотел трехтонную машину,
 и навзнич рухнул в колею, раскинув руки,
 белки отболи закатил на небо.

X

К нам на вторую ночь явился ангел в белом, с автоматом —
 широкоплечий, ладный старшина. И лихо доложил:
 «Сидоров — разведчик».
 И, видно по всему, он разбирался в тонкостях разведки.
 Алеша руки нам пожал, со вздохом предложив:
 — Ну, «пушкари», желающие есть проветриться до фрицев,
 прикинуть в адрес наш подарки?
 Я напросился, мы молча шли, и, как на грех — луна, огромная
 желтющая луна, как печенью больная,
 приподнялась над ширмой облаков.
 Мир разделился пополам, стал черно-белым.
 Я, как ворона на снегу, по цвету выделялся.
 Алешка прямоком подался, а я вприпрыжку где темней,
 меж кочек битых два часа к соседям пробирался.
 Нас на пути остановил пейзаж — как нарисованный,
 почти что лунный,
 земли застывшее уродство с блестящей коркой льда —
 «семейство кратеров» от нашенских снарядов.
 А возле них с белесыми крестами танки с разодранной броней,
 без гусениц, и башни набекрень.
 Да, мы накрошили крепко вражьего металла!
 Стояли танки, будто в западне, как скопище слонов,

страдающих от жажды.
 Стволы их хоботами вмерзли в лед.
 Наверно, «археологам» грядущим прибавится работы.
 Мы знали, возле техники исправной нас ожидает пост.
 И вот он показался: Фриц пастухом маячил на пригорке,
 как будто возле отдыхающего стада.
 Я услышал, как цокал Алексей зубами, шепнул:
 «Ну, что, Алеха, дрейфишь?»
 «Боюсь,— ответил он — в лопатку угодить. Подымет шум...»
 Он протянул свой автомат: Мол, подстрахуй,
 попридержи на мушке.
 Зубами ухватил клинок, пополз неслышно...
 Алешка должен угадать: когда фриц отвернется,
 тогда уж торопись — ты пан или пропал.
 Видать Алеха в арифметике отстал — в расчетах промахнулся.
 В лицо врага он встретил,
 Возможно, хрустнул снег, а может, часовой беду почуял —
 Фриц повернулся и застыл, и замычал от страха,
 Алешка в два прыжка достал его, фриц крикнул и присел,
 Алешку притянув к себе. Верзила был пудов на восемь.
 Уж я насилу вытащил Алеху, ну а клинок оставили на память:
 ослабили здорово и не могли мы вырвать.
 Застрял он крепко в грудной клетке.
 Дошли до блиндажа и не рискнули дальше.
 Машин десятка три застыли назавтра солдатню подкинуть.

(Они в окопах наших ночевали) и танки,
 пушки в накидках и чехлах.
 Мы поняли, что завтра жарко будет.

XI

Рассвет от взрыва встрепенулся, фонтаном грязи салютует,—
 Вражье пошло на опережение дальнобоем.
 Вслед за прицелочным рвануло рядом и понесло
 обкладываться осколками и тиной, болотина ходила ходуном.
 Мы с дюжину снарядов подпустили фрицам, а остальные берегли.

За артобстрелом наступленья ждали, и битых два часа
 такая тишина и ни гу-гу, что я, оглохший от стрельбы,
 услышал застекление воронок коричневым ледком.
 Вдруг облака зашевелились, с надрывом странный звук,
 напоминающий шмелиный. Он нарастал и двигался на нас.
 Понятно стало... И так просто увидели последний час,
 успели лишь переглянуться.
 Когда нас тень его накрыла — бойцы под пушку головой,
 как выводок цыплят под квочку, от ястребиного налета.
 Мне в бок ударило, но боли не почувял, лишь обожгло.
 Не думал я, что кровь так горяча в застывшем теле.
 А из ребят лишь пятеро поднялись.
 Еще заход, и тьма в глазах, лечу куда-то в преисподнюю,
 И где-то в светлом далеке играет музыка, манящий предков зов.
 Очнулся от ритмичных перестуков. Где я и что со мной стряслось?
 В покоех движущегося склепа, на нарах в несколько рядов
 мужское население разглядел. Позвал своих — молчание в ответ.
 В боку болит, в башке звон несуразный, всякий.
 На шее тряпка — рукав от гимнастерки, засохший как брезент.
 В плену? — Мысль ядовитая сознание захлестнула.
 Ну, думаю, не жить. Свидетелем я должен стать паденья —
 угасанья.
 Припомнил провода в деревне. На всю околицу возня
 и оглашенный крик.
 Отец дружка, седой и хилый Комов,
 дрожащим голосом напутствовал сынка:
 «Что хочешь, Федь, хоть пулю в лоб, но только бойся плена».
 Старик в Германскую, в четырнадцатом году,
 был раненым пленен, узнал все «прелести» чужбины.
 В вагоне мысль всерьез о клетке завопила, как никогда
 так захотелось жить!
 Другое вспомнилось, как в первый раз попали в перепалку,
 у озера, с названием Иван...
 Нас минометным долбануло так, что в географии тех мест
 от снега не осталось белых пятен.
 тогда меня осколок в ложечку достал, другой — плечо поранил.
 И на беду я был бы похоронен, да немец спас...
 Чужую речь услышал, как в угаре. Ну, думаю, в плену.
 глаза открыть мне все же сил хватило.
 Со мной в воронке неглубокой, такая же недвижимая братва.
 Кто нас собрал и для чего? Напротив фриц залопотал,
 а в метрах трех
 обугленный танкист, он по боку у офицера шарил.
 Наш лейтенант уткнулся в снег, как будто от великого смущенья.
 Но все ж осилил кобуру танкист, и приподнял он пистолет
 на фрица.
 Я помню как сейчас танкиста руки:
 фаланги черных пальцев почти что оголились до костяшек.
 Ух и визжал пораненный фашист, молить стал о пощаде,
 я подполз и выбил пистолет. Застонал танкист с обиды —
 стал оскорблять.

Но почему-то санитары первым на носилки положили фрица,
 Кому-то он нужнее был...
 Нет, я не ждал за немца всевышнее спасибо, я их убивал в бою
 Вагонные колеса монотонно долбили мысли о побеге.
 Стал пружкой ковырять, где бледный лучик пробивался,
 на помощь парни подползли, по щепке доску одолели,
 Ломались ногти — в ход пустили зубы...
 Ворвался свет в вагон, взвопила пленная команда,
 отталкивать друг друга стали, на волю поглазеть.
 Чуть начало темнеть, кто двигаться умел, задумали бежать,
 Тут поезд сбавил ход, я первым прыгнул на подъеме,
 о что-то твердое ударился коленом, ползком по насыпи,
 по снегу, вниз, в кусты.
 Всю ночь, о палку опираясь, я шел и полз неведомо куда.
 Сознание мутилось поминутно. К утру меня окликнул кто-то.
 Чужая женщина моих годов пыталась объяснить,
 но речь ее была мне непонятной.
 Она ушла и вновь вернулась с хлебом, перевязала марлей раны.
 В сарае густо пахло сеном. Я понял: жизнь не кончилась моя.
 Не помню, сколько дней ухаживала пани,
 а поутру однажды принесла пирог.
 Сказала тихо: «Езус Христос» — и по-домашнему взглянула,
 (знать, Новый год был где-то рядом).
 Я набирался сил, надумал уходить, ночами совершая
 долгие прогулки.
 Уж все готово было, нашелся проводник. И надо же беде случиться.
 С высот тоски я в бездну пал глубокого позора —
 Я благодарность в ласку превратил
 и получил приснившийся подарок.
 Нет, не меня, она во мне другого обнимала,
 в беспамятстве шептала Юзеф, Юзеф.
 Но Юзеф в переводе никак уж не походит на Ивана.
 Она звала того, кто год назад стал пеплом в облаках.
 В ту ночь сгорело все, сгорел мой дом, семья, душа истлела
 и сам я стал огнепоклонником лесным, но это уж потом.
 Наутро вдруг подъехала машина,
 трех офицеров в щель увидел — спешили к чердаку.
 Пошарили, ни с чем вернулись, потом — в сарай.
 Зарылся в сено я поглубже. Нашли по стуку сердца, видно...
 На божий свет за ноги потянули и начали плясать...
 Смеялись гады от удачи, все лопотали, называли фишем,
 что значит — рыба по-немецки.
 В барак загнали. «Бежать, бежать, бежать!» —
 И днем и ночью гложет!
 Куда бежать? Кругом чужие голоса.
 Какой-то польский город Рослов, почти как Ярославль.
 Но, к счастью, налетели самолеты, — наши!!! Фашисты — кто куда!
 И мы, конечно, тоже врассыпную, ушли, кто смог...
 Втроем мы забежали в дом старинный, спросили одежонку, —
 ведь все мы в полосатых куртках — живой шлагбаум.

В заброшенном подвале кантовались сутки,
 наутро снова «Хенде хох!»
 Нас, беглецов, затиснули в машины, и вновь в запад, в лагерь.
 Там на воротах клетчатых отлито, три слова в чугуне тяжелом,
 три ржавых слова в переводе: «Свободу дарит труд».
 Из лагеря два выхода имелось: один — в зловещей туче
 пеплом раствориться,
 другой — зарыться глубже в землю.
 Я сделался кротом Европы подземелий, тянитолкателем
 железных вагонеток, рыл землю под землей и на земле.
 В подземном царстве за два года до дыр истерлась
 не одна лопата.
 Теперь же руки — грабли,— посмотри!
 Подошва у верблюда мягче, похоже,
 на четырех ходил-передвигался.
 Старик с досады перебил ребром ладони толстое полено.
 Вот где был мор!... Я выжил только потому,
 что мертвый помогал мне выжить.
 Когда сосед по нарам умирал, мы сообщать не торопились.
 Нас утром пайкой обносили, покойнику с живыми наравне
 давали хлеб в протянутую руку.
 В кормильцах перебоя не бывало,
 им смена ежедневно подходила...
 А ты о книгах говоришь!
 Приврал, знать, Данте ваш об ужасах глубокой преисподни.
 Тот ад был наяву — страшной фантазий. Не видел Данте ада,
 его он сочинил, кошмарами страдая от бессонниц.
 Закрылся старый ад, наверно, на ремонт.
 Европа новый «сотворила» себе и нас не обошла.
 Я и теперь их вижу по ночам,— иссохших, взмыленных Харонов,
 толкающих натужно вагонетки, не с душами усопших,
 а с телами жертв, проживших жизни треть.
 Я выжил — толку что? Теперь смысл жизни равнозначен смерти.
 А научиться честно умирать — нехитрая и скучная наука...
 Кто правит мною, кто?
 Поймать бы те невидимые вожжи и оборвать!
 Тогда еще заметил чудо, рожденное от слабости, наверно:
 поверил в исключительность свою,
 она надежду подарила выжить...
 Я слышал по ночам: вдали от лагеря, в костеле,
 играл орган за упокой сгоревших душ, а может,
 просто так от скуки, наяврил бедняга ксендз.
 Прелюдию играл он монотонно, долго, но вдруг очнувшись,
 поднимет оглашение труб «Иерихона»
 до небывалых басов глубины,
 что кровь внезапно застывала, не удержать непрошенной слезы.
 И до рассвета теснились вождения органа,
 свободно проникая через рамы
 сквози кропленные кровью Христа витражи.
 А в дюнах в унисон на оголенных струнах — корневищах,
 семейство сосен тоской угрюмой подвывало.

Шутили надо мной друзья, прозвали музыкантом...
 Два раза каждый год с больной надеждой встречал
 и провожал я перелетных птиц.
 Но прилетели в марте в сорок пятом другие птицы.
 На бреющем полете били по колючке англичане.
 — Так, ты герой, старик!
 — Я стою лишь себя, герои стоят многих, беречь свой дом,
 да не сберечь — какое ж тут геройство!
 Пройдет не так уж много лет, нас станут вспоминать не чаще,
 чем героев Шипки...

Меня никто не смеет упрекнуть:
 Я отдал все, не прятал сил. Теперь их не хватает даже умереть.
 Чего-то жду, как ворон на заборе.
 — Ну, ладно, старина, война, история и музыкальные кошмары —
 перевернули мне душу наизнанку,
 Ты лучше доскажи о девушке той звездной, и о любви на небесах,
 нам на земле такого не видалось!
 — В твоих понятиях, браток, чем выше, тем искусней.
 Ан нет! Любовь от места не зависит...
 она на стоге сена возвышенной бывает у глупцов.
 И воробью на куче конского навоза покажется,
 что он владелец крупного богатства...
 Да, я любил и не делил любовь по главам,
 теперь, наверно, позабыли так любить.
 — Немало весен пролетело: надежды, муки и костры,
 немало звезд упало с неба — моя недвижима осталась.
 Уж много лет как я на землю возвратился,
 а помню, помню возвращенье...

Как лист осенний, одинокий, кружил я в серых облаках и падал,
 падал медленно на Землю, на лес, уснувший подо мной...
 Очнулся я от голоса кукушки, что мне сулила долгие лета.
 Деревья корнями наружу валялись в страшном беспорядке.
 В руках держу холодный пепел костра, потухшего давно...
 А чуть поодаль — этот посох, забытый кем-то.
 Пошел я к роднику напиться и вижу старца отраженье,
 глядящего с испугом на меня.
 Седые волосы, лицо в звериной шерсти...
 Как маску старости презренной со зла мне кто-то спящему напялил.
 Куда идти? Кому я нужен?
 Пошел на солнце, напрямик и вышел в старую деревню,
 где избы так близки, знакомы, а люди незнакомые совсем.
 на месте дома, где я вырос, крапива поросла глухая
 вокруг краснеющих развалин.
 А где крыльцо когда-то было, черемуховый появился куст,
 стоит и с грустью поджидает. Над ним шумит громада-тополь,
 глаза прохожих пухом застилая.
 На память прихватил с развалин камень
 и вслед за птицами подался.
 Они летели на свои гнездовья, а я — подальше от гнезда...
 Старик умолк и отвернулся, уставился он пристально на небо.
 То тускло вдалеке, то ярко-ярко, прям над нами,

где тополь сухопутным маяком показывал крушение надежд.
На все мои допросы деревенских я получал один ответ:
«Да мало ли в войну и после здесь хаживало бездомных стариков
с протянутой рукой, у каждого тогда забот хватало. Кого спросить?
Сам видишь, от деревни, разлетевшей кто куда от ветра,
остался кукиш с половиной...

Пообещав через годок по новой навестить родных,
собрался через два.

Известно, что годок намного дольше года.
Моим стремленьям на пути вставала суета, и каждый раз до цели
спадали складками без ветра паруса...
Я вновь в дороге, в той же душной качке, все тот же пыльный путь,
и с думою одной, как поскорей добраться до лесной избушки,
увидеться воочью со ставшим близким стариком Иваном.
Нырнув в прохладную пещеру леса, трусцою,

торопясь бежал без усталы,
стараясь засветло прибыть на место.
Вот уж родник, тропа, и вскоре, открылась серая поляна,
совсем другая, где пятаками плешь былых кострищ
мне показалась закопченным циферблатом для Циклопа.
А в центре, на подпаленной высохшей березе, там сучья стрелками,
направленными вверх, показывали вовсе не земное время.
Травой заросший огород навевал смутную тревогу: «Хозяин болен».
Поодаль тихий теремок, где дверь, вихляя на ветру,
меня в дом опустевший приглашала.

Зеленая солдатская кровать, да стопка серых одеял,
да стол дощатый
шаткий, казались дорогим приобретеньем к приходу дорогих гостей.
В сырой избе, где холодней, чем на поляне,
никак мне оставаться не хотелось.

Я вышел за порог, чтоб заглянуть в горбатый погреб, что вырыт был
под елкой в щелке с красной глиной, где светлые ростки
на выжатой картошке змеились к свету, не найдя его.
И, побродив в лесу до первых звезд, я судорожно понял,
что совершил по времени страшную ошибку.
Присев на пень, я будто к дыбе пригвоздился,

не встал до утренней зари,
тихонько от досады подвывая...

Казалось, что я окреп, перегоняя скисшую кровь
сквозь кислородный аппарат целительного леса.
Но таял на глазах «подарочный» запас продуктов,
и надо было что-то предпринять.

Припомнился ночной рассказ Ивана моего,
когда он по замерзшему ручью
ходил в какую-то воинскую часть на встречу
с приятелем давнишним.

Пораньше встав и прихватив в дорогу суковатый шест,
направился вниз по течению ручья в надежде отыскать
и расспросить мне незнакомого служаку Тюменькова.
О, это был соленый марафон, похлеще бишь того, когда
противилась познанию вся фауна и флора леса.

Повсюду выступала мокрота подземных жил, и
 приходилось сырость обходить иль пробираться до сухого места
 по шесту,
 скользя и падая в опасную трясины,
 боясь из виду потерять петляющий ручей.
 Другим ориентиром служили мне следы копыт лосей и кабанов,
 что по ночам ходили к водопою.
 Ручей все шире становился и, благо, появился спасительный ивняк,
 а выше — непроходимо жгучая крапива.
 Она секла бесчувственные руки,
 нещадно жгла через одежду тело и доставала до горящего лица.
 И, наконец, я выбрался к большой воде,
 в стремительных потоках-ручейках
 она была очередной, но радостной преградой.
 На противоположном берегу виднелись в ряд стоящие бараки —
 десятка полтора и два ангара — весь городок в тиши безлюдной.
 Два щупленьких солдата удили рыбу и, глядя в сторону мою,
 нахально ухмылялись.
 В грязи заляпанный от головы до пят, я выглядел весьма картинно.
 Но как добраться до реки? Травой плетенкой заросший
 потрясучий берег
 позволил мне приблизиться к воде коленопреклоненным.
 В холодной обжигающей реке я ощутил блаженство
 в разгоряченном и саднящем теле.
 На берегу, отжав одежду, заметил, что река, как жертву приняла
 лапшю ставшие румынские ботинки.
 Когда пришел в себя, солдаты удочки смотали,
 и я поплелся с ними в часть.
 На проходной меня лениво ожидал сияющий в значках
 чернявый прапор.
 Я долго объяснялся: где служил, откуда, как, зачем сюда причалил
 и почему без паспорта гуляю?
 Когда напомнил в третий раз про Тюменькова и деда-лесника,
 позвали лейтенанта молодого.
 Дальнейший разговор продолжился в столовой за едой,
 где, к огорчению,
 узнал, что старшина-сверхсрочник, — бывалый на фронтах вояка,
 с отбытием полка в сугубо беспокойные «юга»,
 подался на гражданку, а старикан, лесник-чудак, давно не появлялся.
 В подарок получив разбитые десантные ботинки,
 отправился с солдатом
 до стратегической бетонки, что пролежала километрах в трех.
 И подождав часок-другой, с КАМАЗом — лесовозом я двинулся
 «несолоно хлебавши, восвояси»...

XIII

Кто знает, как живет завод, тому известно, чем в цехах прессуют время.
 Там год на год походит, будто братья-близнецы, там и
 народ становится похожим
 не только одинаковостью приемов, шуток, разговором,
 прическами и бренностью жилья,

но даже строчками всевозрастных морщин на лицах.
По ним читай всю биографию страны от потных пятилеток до
сногшибательных реформ, кантующих весь жизненный уклад,
реформ, похожих на грабеж средь бела дня.
Но только там, в цехах рождается коллективный разум, где нет ни зависти,
ни склок, ни фальши, ее закваска зреет в заведениях других.
По мне жизнь сносною была, но, видно, в ней не те крутились
шестеренки,
и надо было механизм менять...
Какой-то ушлый грек, как говорится, «на корню»,
купил и наш задымленный заводик, дающий удобрения полям и
лисий хвост для украшения неба.
И те, кому уж 50, неожиданно выпали в осадок.
А в утешение за долгий труд все получили по сереге вознаграждения.
Я долго отрицал свою ненужность, но через три неполных года,
проев дары и тихий уголок, стал думать,
где искать пристанища другого.
Та жизнь, что боком подползла ко мне, никак со мной не стыковалась.
Мне захотелось вдруг покинуть время, несущее со всех сторон
кричаще раздевающую пошлость.
Не видеть этих красных пиджаков и лиц пунцового покроя.
Я прятался от всех, я вовсе не хотел в свидетели попасть
и тупо унижение созерцать знакомых, дорогих людей.
И как-то сидя у окна, открылось неизвестное доселе, став зеркалом,
свое же откровение души, задав себе вопрос:
«Кто я, что есть во мне, не высоко ли поднял планку, требуя от жизни
сверх того, чего и сам не стою?»
И получил ответ. Живя безвыездно, в плену высоких стен я потерял
возможность хотя бы изредка взглянуть на отраженного себя в воде,
оно поглубже всех зеркальных отражений.
Мне так мучительно мечталось освежить лицо
зарядом вспышек молний
и заодно затеплить искру Божию, у каждого она в душе,
но стал ее гасить я алкоголем.
Мне так хотелось почерпнуть побольше силы воли в колодцах детства,
что стал терять я ощущение веселости глубинной, а с ней смысл бытия,
Мое пристанище должно быть там, где самая красивая река
омывает тела и души людей, а спозаранку гордый колокольный звон
провождает мечту людей под небеса на освящение.
Где живописные холмы, даже под снегом дышат полной грудью
и дарят путнику ароматы земляники.
Где встретившийся прохожий первый поспешит сказать тебе:
«Мил человек, здравствуй!».
Неся на лице своем отсвет иконной чистоты.
Где шик, обжорство, богатство, лимузины, гульба, безверие
всегда считалось за Подло...
И, получив свое же разрешение, собрав продукты, книги, инструмент,
тряпье, навьюченным я влез в электропоезд,
что вдвое сократил до станции терпенье пассажиров.
Автобус под названием «буханка»
всего за полчаса до места докатил.

И что я вижу?! Безлюдный перекресток, ведущий в никуда, лежащий,
словно черный крест на бывшем поселении.

Моя родная деревенька, тебя ни я, ни кто другой,

никто-никто не защитил.

Ты стала малой Атлантидой, погрузившись в пучину невзгод.

Лишь ржавое название на щитке «Никольское» осталось.

Ты в судный день под стены двух столиц без сдачи отдала

всех до одного ходячих мужиков. А овдовев, твои бабенки

три пятилетки восседали на тронах жутких тракторов.

И каждый раз, переводя натужно рычаги и частое дыханье,
молитвенно шептали:

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

И отдавали до последней крохи израненной отчизне.

Страна моя, не так уж ты мала, чтоб делать мелкие ошибки.

Вот и теперь, отдав соседям теплые моря, придвинулась

к седому океану,

чтоб поучиться твердости поморов.

Подвинулся и я. Забудем малую деревню, забудем теплый Крым,

как забывали русскую Аляску.

Сказав последнее «прости» родным местам, отправился я

в поиски дремучего наследства, в пути себя готовя к новизне.

Мне предстояло жить законами обитателей леса, где на ветвях власти

хотел бы я видеть певчих птиц, а не грачей и дятлов,

надеясь, что по месту жительства в глуши, на тех деревьях

не скоро вырастут зла горькие плоды.

Бездежье меня не станет угнетать, поскольку на дармовом жилье

я сэкономлю на обед и получу от собственных реформ прибавку.

В моем послужном списке немало всяческих профессий.

Хотелось мне иметь такую должность, которая позволит правду

и только правду говорить.

Вполне мне подойдет стать осветителем поляны;

негаснувшим сознанием

бытия. А на полставки — луночерпием тусклого света,

поливать им тропинки заблудившимся в лесу грибников.

Не помешает мне никто устроиться водопроводчиком у туч

и влагу направлять к увядшим деревцам.

В конце концов, я мог бы превратиться в лихого коммерсанта.

А если что, не постыжусь принимать подаяния леса

и сдавать их по низкой цене:

аптекам — травы, грибы — на рынок, а желуди — кофейным мастерам.

Пока мечтал и строил планы, приблизился к знакомцу — родничку.

Он вырос, пополнил, стал говорливей. Омытые кругляшки галек на дне

монетами лежали всяческих достоинств. Вода, куда там минералке

до вкусоностей живительной воды!

Тропинка к дому стала неприметной и трудно было угадать поляну.

Вся в плешинах кострищ, по кругу.

В высокой пижме покоился трудяга-огород.

Но домик весь в плену дикушек-яблонь на радость оказался целым,

хотя весь почернел и покосился.

Казалось, кто-то силой к нему придвинул великаншу — ель.

Ветвями колкими она чесала спину дома.
 Найдя в избе охотничьи гильзы, пытался я представить
 гостя с ружьем
 и мерой доброты его. Какими будут наши отношения, явись он вдруг?
 Прошло уже немало лет и зим,
 без рук людских наверняка б домишко разорился.
 Прикинув, что до осени не встретить мне любителей охоты,
 стал место выбирать пожиткам принесенным.
 От хорошо протопленной печурки в избушке стало поуютней,
 и может, потому усталость отдыха просила.
 Но разве можно не отметить и свой приход, и обновленный для меня
 таинственно-задумчивый закат?
 Напав на себя штормовку, на несколько часов покинул я избенку,
 где предстояло мне дней долгих причащение.
 Как поучительно умна природа, но до чего ж в ней
 некудышен человек?
 Освободясь от мишуры житейской, тогда лишь я открою тайну,
 о чем так тяжело и печально шумит осенний лес...
 Поляна с кругляшами от кострищ представилась мне вновь
 гигантским циферблатом, с одной лишь стрелкой посередине —
 высохшим стволом березы,
 где время от нее бросало тень и то в дневное время...
 Над темной кромкой леса вдруг показалась, страдая любопытством,
 пожарно-красная громадина луна, и мир затих завороченный.
 На завтра встану раньше всех я встречать второе разогретое светило.
 И на пороге, наверно, от восторга закричу: «Здравствуйте, птицы!»
 Ну, а сейчас на меня катит гипноз небосвода в крупных ромашках,
 и я становлюсь на время молекулой во плоти.
 Пока мне не известны посевы звезд, томящихся
 в ожидании названий и имен, получаемых в подарок от землян,
 но я и без ученых точно знаю, что там, в прохладной вышине,
 в созвездии Стрельца, в дивизионной планете 189
 живет он, навечно прописавшийся в памяти моей,
 мой самый дорогой отец.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Сергей Мурашев

(д. Малая Липовка, Архангельской обл.)

РАССКАЗЫ

Родился в Архангельске, но с младенчества живу в деревне Малая Липовка Вельского района Архангельской области. Неполную среднюю школу окончил в родной деревне. Среднее образование получил в Вельске. Работал дворником, кладовщиком. Публиковался в районных и областных газетах и журналах, в московских журналах: «Наши современники» и «О, русская земля». С 2007 года член СП России, с 2008 года — студент Литинститута имени А. М. Горького.

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

1

Который уже раз в районной газете можно было найти объявление: «Продается хороший дом в д. Ильменьге. На берегу реки. Адрес: область, район, по-Ильменьга. Индекс: *****. Клавдия Андреевна Сухаревой».

...Клавдия Андреевна, или попросту, по-деревенски, Клавка Хромая, хромой была от рождения, и много натерпелась от своей болезни... Ее долго никто не брал за муж, а когда, наконец, «выпало счастье» с сорокапятилетним мужиком, стало совсем тяжело. Муж ее бил, часто, даже зимой, выгонял из дома, звал сукой хромой...— молодая Клавдия все терпела.

К шестидесяти годам муж умер, и единственную дочку она доучивала сама. Именно к ней, если продаст дом, и хотела уехать Клавдия. Дочка была ее упоительной радостью: она удачно вышла замуж, работала на хорошем денежном месте и родила трех, подрастающих уже, детей.

На деревне одни бабы говорили, что надо в объявлении написать про рыбу, про грибы, про ягоды — другие кричали на них, что где Клавка столько денег возьмет... — каждая буковка денег стоит.

Почти все мужики сошлись на том, что жить в такую глушь все равно никто не приедет, поэтому дом не купят; разве что какой дачник.

Однажды ранней весной Клавдия приковыляла к соседям.

— Приехал ко мне покупатель...— сказала она еще в дверях.
 — Кто?
 — Не знаю, то ли моряк какой-то, то ли рыбак. Пенсионер уже, собирается жить...— Клавдия, тяжело отпихиваясь, присела на лавку около печи.— Молочка вы бы, Лида, не налили для гостя... Я и денежки принесла...
 — Ладно, ладно, Клавдия Андреевна... А какой он?
 — Знаете, такой еще моложавый, сам все время улыбается, приветливый.
 — И точно уже покупает?
 — Все, все, место очень понравилось, дом понравился... Только цену не обговорили... А если надумает молочко брать, я на вас, Лида, скажу.
 — Хорошо, Клавдия Андреевна, хорошо — скажите.
 — Пойду я, а то ждет. До свидания, Лида.
 — До свидания.

Пока хозяйка ходила за молоком, гость уже переоделся в фуфайку, штаны и шапку-ушанку, которые дала Клавдия.

— Как раз вам в пору, а я молочка принесла.

— Холодно сейчас молочко пить... А почему у вас молочко? — он опять широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Недорого совсем, вот у соседей можно брать... Холодно — печку надо истопить. Я уже два месяца здесь не живу. Только бумагу прожжем, а то задымит.

...Клавдия Андреевна уже давненько не жила дома, как зарезали последнего барана, и стали кончаться дрова. До лета она переехала к сестре. А там видно будет...

Еще на рассвете Клавдия Андреевна пошла за обещанными деньгами: хотелось скорее отдать все долги, заказать с кем-нибудь билеты, хотелось к дочери... Вчера гостя никак не удалось зазвать на ночевку к сестре, остался раскладываться. Но ничего, угореть не должен.

В доме уже топилась плита, на ней что-то шипело. «Хозяйственный»,— подумала Клавдия Андреевна.

— Здравствуйте — я пришла.

— За деньгами пришли, хорошо. Я уже все приготовил: вот, пожалуйста, пересчитайте.

Раньше Клавдия Андреевна всегда считала, но последнее время ей нравилось доверять людям.

— Ладно, не надо,— сказала она.

— Нет, пересчитаем. Смотрите,— гость по бумажке переложил всю пачку и отдал Клавдии Андреевне. Та сровняла на столе и, стесняясь того, что берет деньги, завернула их, в специально принесенную, газету.

— Потом, может, сестра моя придет, я-то уеду. Поможете ей вот эту кровать-полutorку вынести? Будьте добры!.. У нее летом опять Леша с Леней приедут, а спать негде, ладно?

— Нет.

— ...Почему нет? — испуганно засмеялась Клавдия непонимающим старушечьим смехом.

— Вы, Клавдия Андреевна, дом продали — и, значит, выносить ничего не будем,— гость расплылся в улыбке.

— Да куда вам, хватит тут кроватей...

— Пригодится, пригодится, Клавдия Андреевна. Сначала кровать, потом диванчик... Выносить ничего не будем,— и снова улыбка. Так и запомнился Клавдии гость. На голове шапка-ушанка, завязанная сверху, красивые ровные зубы и широкая улыбка, обволакивающая все лицо.

Клавдия Андреевна не стала больше спорить — она немало пожила, немало видела разных людей. Зачем тратить нервы? Много ли ей теперь надо? Гость быстро выхлопотал и оформил все бумаги. На следующий день после этого, Клавка Хромая уехала. Моряк (именно так и стали называть его в деревне) быстро обжился. Через неделю он уже сидел в перевозной будке-избушке бригады колхозных мужиков, валивших лес в делянке, и договаривался насчет дров. Он доставал из своей большой красной сумки бутылку, за бутылкой, сало.

— У меня этого добра...— говорил Моряк.— Заходите, если надо. В магазине, пожалуй, кусается?! А если что сделаете — мгновенный расчет! — Он взмахнул ладонью так, словно хотел отрубить кому-нибудь голову или сбить горлышко бутылки.— Мне сделают — я сделаю.

— Ну, держим.

— ...Да, да, мужики, пейте... Ну что, Рома, завтра дрова сделаете?

Пьяный, оглуевший от вина, бригадир Роман кивал головой и издавал мычащие, неизвестные до этого звуки согласия.

После обеда, бригада не вышла на работу. Мужики были довольны, они пили за чужой счет, но, видно, не знали, что счет этот им еще предъявят.

Жена Романа, Ира, еще ни разу не видела мужа смертельно пьяным и, не ругаясь, уложила спать. Раньше Роман почти совсем не пил. Примером ему в этом служил отец. На свадьбе подружки, завидуя, шептали: «Повезло тебе, Ирка,— непьющий, некурящий». Но после смерти отца, с самым близким человеком Иры что-то случилось, что-то сломалось внутри... вернее, стало изнашиваться. И вот, за несколько лет изменилось. Ира вспомнила, как в эти новогодние праздники Роман открыл форточку и несколько раз крикнул в темноту: «В будущий год будем встречать миллениум, конец света!»

На следующий день после пьянки трактор с избушкой колхозных лесорубов изменил свой обычный маршрут в делянку и остановился напротив дома Моряка. Роман вылез и хотел зайти за бутылкой, но Моряк уже ждал у дверей. Бригадир обернулся назад, мужики стояли около избушки и курили, перетаптываясь на месте.

— Ну что, Рома? Дрова вот сюда привезете, притяните ближе к дому. Не забудьте только пару сушин. Хлыстами ведь?

— Пузыря дай, опохмелиться.

— А сделаете?

— Да все я сделаю — пузыря дай! — зло ответил Роман и снова оглянулся на мужиков.

Моряк, в обычных для него теперь латаной фуфайке и ушанке, суетливо забежал на веранду и сразу же вернулся с двумя бутылками. Роман взял обе...

Работа сегодня у лесорубов не ладилась. Часто перекуривали, ходили пить чай, водка давно уже кончилась.

Вечером к дому Моряка трелевочник приволок здоровую пачку берез. А Романа, опять пришедшего домой пьяным, ругала жена. Он огрызался, бурчал что-то. Ира плакала и, наконец, утирая слезы, ушла на кухню...

«Хорошо, что сегодня выходной»,— подумал проснувшийся утром Роман. У него болела голова, тело ныло.

— Полоскать пойдем! — бросила проходившая по комнате Ира.

«Хорошо, что сегодня выходной»,— снова подумал Роман,— за выходной отойду. Вставать надо». Он встал, оделся, тяжело пыхтя, сначала попил чаю, потом молока... Накинув суконный пиджак, вышел на улицу и молча потащил к реке приготовленные женой санки с бельем. Ира, казавшаяся Роману надзирателем, шла сзади.

Дорога к реке проходила как раз около дома Моряка. Вчера привезенные дрова

уже кто-то пилил... Пилил Сашка, если можно так сказать, младший друг Романа, недавно пришедший из армии.

Когда Роман поравнялся с Сашкой, тот заглушил пилу, схватился за чурку — откинул.

— Здорово!

— Здорово!

— Что, калымишь!? — у Романа внутри что-то подскочило к горлу, он обернулся на жену.

— Ага...

2

Дома у Романа не было денег. Ира изводила его насчет этого и отправляла занять к брату. Роман пошел, когда уже почти стемнело и пора было ужинать.

Стояло начало апреля и, наконец, потеплело: с крыш бежало, на дорогах снежная слякоть. Вечером идти плохо — ничего не видно. Над головой нависло тяжелое черное небо.

Денег у брата не оказалось; на обратном пути Роман зашел к Моряку. Тот сразу поставил.

— Мне дрова, которые ты привез, Александр и распилил, и расколол — приложить только осталось. Я с ним все, хорошо расплатился, а вчера он мне пилу приволок. За три бутылки, плохо что ли?.. Правда, шина кривая, но шинку-то найдем, да и новень...

(...Бизнес Моряка процветал: каждую неделю ездил он за водкой в город. Почти все покупали у него, так как было дешевле. К нему несли и вещи. На деревне Моряка костили, его водку-отраву ругали, но все равно покупали. Пополз слух, что Моряк продает и школьникам. Роман к Моряку не ходил, только давал деньги кому-нибудь, чтоб купили...)

Роман сам наливал себе и глотал одну за другой стопки, тупо смотря, на что-то говорящего Моряка: тот не пил. «Он, гад, не пьет. Нас спаивает, а сам не пьет. Пилу у Сашки забрал, на которую я денег... давал. Надо ему...»

Вдруг до Романа донеслось:

— Вы мне, Рома, хлевок под теленка срубите? С мужиками там договоришься. У меня уже все — лесобилет выписан. Вы там сами вырубите, окорите, все что надо, потом на пилораму плах закажем, досок. Все мне под крышу подведете; я хорошо заплачу... Вот аванс дам. Я, Роман, на тебя надеюсь! Роман схватил положенные на стол деньги, сунул в карман и выбежал на улицу.

Он шел, спотыкаясь и падая в лужи, потерял шапку. Запутавшись в деревне, забрел в Сашкин дом. На стук, в коридор вышла Сашкина мать. Роман, качаясь перед ней, и, видимо, не понимая, почему вышел не друг, бубнил:

— Сашку, Сашку мне, Сашку мне...

— Иди, Сашка, сам разбирайся, к тебе тут пришли...

Сашка вышел.

— Нуу, Ромка...

— Сашка, Сашка, пилу не надо, не надо... не ходи к Моряку, не надо, Сашка.

— Роомка...

— ... Я хожу, я хожу, я не могу... — Он не удержал равновесия и упал. Опершись руками о ведро с помоями, хотел подняться, но ведро опрокинулось...

Роман сидел в луже помоев, что-то бурчал, хлопал руками по мокрому полу.

На грохот и шум сбежалась вся семья: мать, отец и младший брат Сашки.

— Уууу... Куда он теперь? — тихо сказал отец.

— Дома не оставлю! — мать взбесилась. — Дома не оставлю! Волоки его, Сашка, отсюда!

— Батя!? Куда его, батя?

— Что, к Иринке поведем. Больше никак,— отец был спокоен, он уже одевался.— Что стоишь!?

После отцовских слов успокоились и остальные...

Романа было вести трудно: везде скользко, сыро и лужи. Хорошо, что впереди бежал младший брат Сашки, Витька. Он деловито покрикивал: «Тут лужа, тут лужа! Тут токо снегом можно!» На полпути Роман немного протрезвел, но от этого начал только «придуряться»: поджимал ноги, виснув на мужиках, пытался вырваться и стонал, чтоб его оставили подышать. Под конец он перепутал Сашку с женой, стал приставать к нему с ласками, хватая за колено и крича: «Какая ты, Ира, сдобная! Какая сдобная!»

...Ира долго была ничего непонимающего мужа. С ревом горланила на весь дом, забившейся под одеяло, дочери: «Любка, он нас продал! Этот алкоголик продал нас, Любонька?»

Утром Роман отдал моряков аванс Ире, та взяла. Люба, проспав, в школу пришла только ко второму уроку. Некоторые почему-то косились на нее с интересом и смешками. Почти вслед за Любой в класс заглянул старшеклассник Витька. Он, подмигивая ребятам, в вразвалочку прогулялся вдоль доски туда — обратно. Потом подошел, к сидящей на своем законном учебном месте, сжавшейся сейчас в комок и забитой взглядами, Любе, облокотился о парту и «прошептал»: «Ну че, отец-то вчера с запашком пришел?»

— Опрокинул вчера на себя ведро помойное,— обратился Витя уже ко всем,— и сидит, как поросенок. А потом, вообще корки, когда уже домой вели, Сашку стал за яйца хватать... Голубой, что ли, какой-то!

В школу Люба не ходила несколько дней. Ира на прогулы дочери не обращала внимания, только ставя их Роману в упрек. Наконец за Любой пришел директор школы, узнавши в чем дело.

...Так как в деревне у многих ребят отцы пили, Любу больше не преследовали. Прошло время, и потерявший совесть Роман был уволен из колхоза. Теперь он пропал только на «калымах» у Моряка: даже носил дрова и воду. По деревне говорили, что Ира от него отказалась. Роман часто не ночевал дома, заснув у своего «хозяина» на кухонном полу. Что-то случилось с Романом, нарушилось в его голове, лопнула какая-то капсула с едучей жидкостью, растекшейся по всему мозгу.

...Бывший бригадир, с отличием окончивший техникум, теперь не мог протрезветь, даже когда не пил несколько дней. Жена и дочка казались ему обузой, данной в наказание за что-то.

В конце мая Моряк созвал к себе мужиков, строивших ему хлев, на день рождения. В доме, в такие теплые деньки, когда все начинает зеленеть, и уже выпускают коров, сидеть душно и неохота. Пошли на природу, опустились к неширокой, но красивой реке Ильменьге. Моряк расстелил скатерть, стал доставать закуску.

— Вы, мужики, разбирайте стопочки, наливайте.

— Ты хозяин...

— Нет, нет, пока я разложусь...

Кто-то потянулся за бутылкой. Роман, любовавшийся Ильменьгой и березками на той стороне, распустившими почки, сказал:

— А давай, мужики, будем купаться.

— Ты не дури, Ромка, опять у тебя зашиб,— ответил за всех, жевавший кусочек сала, Сашка.

— Вода больно холодная,— добавил кто-то.

— Ну давай, мужики... За твое здоровье, Моряк, имени не знаю...

— ...Моряк — и ладно...

Они выпили по несколько стопок. Роман снова заладил свое.

— Пойдем купаться,— говорил он пьяно и упрямо.

— Холодно, дурак, вода холодная. ...Замерзнешь...

— Пойдем купаться. Пойдем... Я пойду один...— Он встал.

— Куда, пропустишь ведь. Держи!

— А, держать!? Буду держать...— Роман опять сел и выпил. Но упрямку его, стержень, который не давал приспособливаться к изменениям жизни, не смог сжечь даже спирт. Правда, изуродованный водкой, не имеющий подпитки извне, стержень этот стал примитивной, идущий поперек общего мнения, палкой, что суют в колеса.

— А я пойду купаться,— сказал Роман неожиданно и встал. Сашка успел ухватить друга за пиджак, но тот сбросил его, сбросил и рубаху, оставшись в замызганной майке.

— Дурак,— сказал кто-то.

Роман, сильно шатаясь, шел к реке. Сегодня его развезло быстрее, так как начал праздновать день рождения он еще вчерашним вечером.

— Ну что, кто пойдет купаться... Никто что ли?

— Вода холодная!

— Холодная!? — Ромка глянул на реку, потом снова на мужиков.— Холодная, значит нагреем,— тупо заулыбался он.

Ромка пошел к старому гнилому плотнику Клавдии Андреевны, с которого та раньше полоскала белье. Небольшой деревянный плотик уже давным-давно кем-то хозяйственным был привязан к берегу тросом, и лишь поэтому не уплывал в половодье.

— Сейчас нагреем, сейчас мы вам нагреем,— все еще улыбаясь, бормотал Роман. Он ступил на плотик, сгнившие доски, насланные на бревна, проломилась.

— Утонешь, дурак... Э!?!..

Роман ступал дальше, отживший свое, намокший плотик немного погрузился под его тяжестью.

— Вам холодно!?.. Я нагрею, я нагрею...— Он расстегнул ширинку и хотел... но доски снова проломилась. Роман не удержался и, как-то смешно раскинув руки, упал головой вперед, Потом еще раз шевельнулся и замер.

— ...Рааман, вставай, не притворяйся. Ро-мик?! — сказал один, шутя.— Вставай, а то выпьем без тебя! Держи!

— Что-то не так,— вскочил Саша, выкинув налитую стопку.— Что-то не так!

Он забежал в воду, приподнял голову Романа.

— Ромка! Ромка!... Он головой об железину стукнулся! — зло повернулся Сашка к мужикам.

Роман стукнулся головой о, не знаю зачем, забитый огромный, кованный еще в кузнице, гвоздь, который, потеряв шляпку, вылезал теперь из прогнивших досок и бревен, острым штырем, стоящим кверху.

На следующий день Люба снова не пошла в школу, но теперь по другой причине.

УЖАС

Вечером к Кате пришла соседка по лестнице. Мать двух детей. Старшему десять. Соседка третий месяц ухаживает за свекровью, которая не встает с постели. Так что уже и работу пришлось бросить. Все разговоры сводятся к одному — болезни свекрови.

— ...Младший придумал: «Возьму баночку с таблетками и трясу». А то ведь стонет и стонет, днем и ночью. ...им уроки надо делать... Ваня все перепробовал: и свистел, и кричал, по батарее колотил... А Коля, младше, а ... и смешно и грешно. Ужас. ...Мой сегодня... — «Дорежь...» Ужас...

...А утром соседка пришла снова. Остановилась в темно затененной прихожей:
— ...Умерла.

ГИМН

БУБЕНЦЫ

Над темной осенней рекой нависла старая черемуха. На ее самых тонких, будто нити, веточках, почти дотрагивающихся до воды... намерзли прозрачно-белые округлые льдинки. Ветер покачивает черемуху, льдинки, касаясь друг друга, слегка позвонивают бубенцами.

Откуда взялись эти бубенцы? Кто их повесил?

...Похоже, до приморозков вода в реке была больше, и валил густой снег. Упав на воду, снежинки, как бывает, не таяли полностью — их, сбившихся на переборах кучнее, несло течением словно рваные клочки размокшей тяжелой ваты...

Вот эта вата и удержалась за опущенные в речку ветки черемухи. После заморозков вода в реке спала, кое-где появились забереги. А на черемухе сказались бубенцы.

В ВОЙНУ

...У матери тогда телята на телятнике начали дохнуть. А она не может ничего, изробилась, заболела. Лежит на кровати пластом; застонет иногда сильно-сильно. Ириша в зыбке не ревет — мне качать не надо. Сашка с Манькой уже большие — где-то чего-то делают. ...Витька еще дома. Он меня на два года старше, а тогда совсем карличек был. На подоконник (велики ли окна), веришь — нет, скочит! И помещался. Чуть только голову приклонит, за косяки руками придрживается, что-то все на улице высматривает. И тогда тоже смотрел... Вдруг! как спрыгнет на пол.

— Идет!!!

А кто идет, чего идет? Я в рев. И реву, и реву. (У меня слезы близкие, но быстро и высыхали.) Слышу, кто-то застучал на мосту, затопал громко-громко. Я реветь перестала, за сундук спряталась и совсем не шевелюсь. А Павел Иванович, председателем тогда был, вошел, поздоровался. Никто не ответил — Витька тоже боится, стоит рядом с матерью. А Павел Иванович к матери подошел. Спина вся в снегу, — мело тогда сильно... в правой руке шапку держит... Подошел, постоял, постоял, опустил перед самой маминой головой на колени (у него спина была надорвана, наклоняться не мог). Долго присматривался к матери близко-близко, ухом прислушивался. Потом и сказал:

— Что ж ты? Что ж ты делаешь-то, Лидия? Лидия, Лидия. Фуур с эма с телятами! Пусть... У тебя же пятеро детей! Лидия!?

Постоял еще, повсхлипывал. А снег на спине так и не растаял, белеет... Поднялся после с трудом, на Витьку посмотрел и ушел.

И не померла ведь мама. Не померла! Выкарабкалась. С того света воротилась. Здоровее только еще стала. И нас всех вырастила. Одна.

НАЛИМЫ

Глубокая осень. Лист с деревьев осыпается, а снега нет. Льда на реке тоже. Он, от последнего приморозка, тонкий как стекло, только на лужах.

Вдоль лесной речки тянется узкая тропинка вся усыпанная опавшей, смерзшейся теперь, хрусткой под ногами, листвой. По тропинке идут два охотника, идут с шумом, разрывающим приречную тишину.

Один из охотников лет шестидесяти, седой, голубоглазый. Сухопарый и высокий. Николай. Второй, Мишка,— лет сорока. Ростом поменьше и телом поплотнее. Волосы черные, как смоль. Лицо скуластое, усы густые, верхнюю губу закрывают.

Оба в резиновых сапогах, широких шерстяных брюках, в суконных серых пиджаках, в шапках лесорубов. У обоих большие набитые рюкзаки, ружья: у Николая одностволка за правым плечом, у Михаила — двустволка, ремень ружья перекинут через голову, так что за спиной оно наискосок. Охотник торопятся.

В пересохшем староречье, луже, лужице, которая едва больше, чем след лошадиного копыта, но глубокая, словно выкопанная, Михаил, шедший первым, проломил носком сапога ледок...

— Стой-ка, Мишка! Смотри! — Николай перекинул ремень ружья через голову, присел к лужице и стал отламывать пальцами оставшиеся льдинки.

— Мальки! — догадался Михаил.

— Уже не мальки, но малыши совсем. — Николай окунул в лужицу ладонь и осторожно-боязливо приподнял в почти разжатой горсти двух темноватых, сразу выскользнувших, рыбок. — Налимчики как будь?

— Налимчики,— кивнул Михаил. Улыбнулся: — Кишит?! — ...тоже присел на корточки, но слишком резко, рюкзак перевесил и Михаил упал на спину. Тут же встал,— и снова к Николаю. Снова присел на корточки, наклонился совсем низко над лужей, так что двустволка Михаила стукнула о одностволку Николая. Николай поднял голову и взглянул на Михаила.

— А давай, Мишка, выручим налимов?

— Давай.

Поставили ружья к Ольшине, от рюкзаков высвободились, расправили плечи и принялись друг за другом налимяю мелкоту пригоршнями из лужицы черпать и к реке носить. Зачерпнут... — поднимают: у каждого в пригоршне по три-четыре! изгибающиеся, выскользнуть торопящиеся рыбки... — к груди ладони с живым чудом прижмут, чтобы ни одна из рыбок не потерялась,— и к реке. Собаки бегут вслед за хозяевами, а понять ничего не могут.

Уже в избушке, поздней ночью, Николай проснулся от едкого запаха сигаретного дыма. Сразу спросил:

— Ты чего не спишь?

— Да думаю... — В темноте избушки на секунду показался огонек — Михаил затянулся.

— Чево думаешь?

— Да все курю, курю,— не могу успокоиться.

— Да вот думаю... — Он снова затянулся и затушил сигарету в консервную банку, которую, похоже, похоже, привычно держал левой рукой у груди. — Думаю, лужа от реки далековато. А налим икру зимой мечет. Как он туда попасть смог? ...Конечно, может, река в староречье заходила, и вода там была; а по весне замыло. А, может, мальков по большой воде самих туда принесло. Не знаю... Я спать сейчас.

Михаил поставил банку-пепельницу(слышно как стукнулась), но сразу не лег, а еще посидел минут пять так. Потом забрался в свой спальный мешок, повернулся немного и вскоре притих...Николай странно растревоженный, ждал этого. Он чувствовал, что не уснет до утра. Почему-то боялся пошевелиться. Лежал на спине с широко открытыми глазами, словно что-то увидел в темноте. Думал.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТНИЦА ПЕРЕД ПАСХОЙ

Кривулина, болванка на сани из березки, выросшей с комля круто изогнутой, у Сашки была заготовлена еще осенью. Шел на лыжах с охоты, увидал и нужной дли-

ны вырубил. Но когда на плечо взвалил — одумался. Тащи такую! Надо сперва обла-
дить — легче станет. Охотничьим же топором-малышкой... тесать не к сердцу.

Вынес кривулину на полянку, в снег кинул, а место запомнил... и вот теперь уже,
весной, как только начали открываться поля, пошел,— чтоб зазря не пропала.

Снега еще много. Но ничего, ничего,— где бугром, где по ельнику,— вышел на
примеченную полянку. Глянул, точно! Лежит! На солнышке вытаяла, слегка покрас-
невшим отрубом выказывается.

Подошел к кривулине. Постоял. И дальше зашагал. Там, на другом краю полян-
ки, береза стоит,— на топорище замечательная, рубчина загляденье... Надо посмот-
реть, как она.

До березы дошел до самой. На взгорюшке выросла. В широко оттаявшем вокруг
ствола кольца, сереет прошлогодняя слежавшаяся трава, высохла уже,— под ногами,
как ступил, ломким шеркотом отозвалась.

Ладонью березы коснулся.

— Стоишь!?! Хорошие из тебя, девонька, топорища выйдут, вековечные.

Ворона прилетела. (Откуда и взялась.) Села на березу, закаркала.

Запрокинул голову.

— Что?..

Как! В затылок стукнуло; в глазах помутнело, побелело... Когда голова опуска-
лась... заметил: что лишь самый комель березы не в тумане — корнями в землю
уперся... Его руками и охватил, щекой прижался.— «Ширшавый». Отдышался. И
пошел потихоньку, как старик совсем, со вздохами. «Какие санки, какая кривулина.
Топорище! Дойти хоть...» — «А что ты хочешь? Пост. Последняя пятница перед пас-
хой». — «С вечера ничего не ел,— конечно. Конечно,— не ел ничего с вечера... Со-
всем я что ли...»

...К кривулине подошел... «Аахаа». «Ну-ну». Достал топор из-за пояса — («Батя
ведь этак носить приучил») — и рубанул. Еще раз! Еще!

Ууух!

Легонько прошелся вдоль по всей кривулине с внешней стороны изгиба,— этой
стороной полозья новых саней скользить будут. Теперь надо с внутренней стороны...
с внутренней стороны, выбирать намного больше. Сначала сделал несколько глубо-
ких, глубже сердцевины, зарубов,— чтобы не скололо. Вытер рукавом выступивший
на лбу пот и принялся счесывать. Осторожно выбрал изгиб. «Ладно как». Стал полоз
намечать. «Как ладно». Топор больно ловко щепу снимает. — «Помогают мне! — все
обладил,— красавица!»

— Ой какая! Ой какая! — Саня, оперевшись о топорище, присел перед чистой
древесной белизны кривулиной. Взявшись рукой за ее изогнутый конец, поводил
осторожно по истоптанному усыпанному щепками снегу. Потом заулыбался, заулы-
бался чего-то. Засмеялся тихонько; с неожиданными слезами... Вдруг, затаив дыха-
ние, прислушался...

— Прилетел! Прилетел журавушка. Поздоровался. В пору. Снежок по буграм
стаял... И тебе тоже здоровья хорошего! — Во весь рост распрямился. Заткнул топор
за пояс. Кривулину на плечо закинул... А она вся в снегу. Так что осыпал себя зерни-
стым снегом.

— Пойду уже!

Дома, как высохнет, распустит пилой облаженную кривулину на два полоза, ост-
рогает. Все сработает. Потом свяжет две готовые половинки черемуховыми прута-
ми — будут корневушки-сани.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Наталия Парыгина
(г. Тула)

СЛОВО О ПИСАТЕЛЕ

Наталия Диомидовна — автор более трех десятков книг, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, награждена орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», Почетный гражданин города Тулы.

8 августа 2010 года писателю Николаю Константиновичу Дружинину исполнилось бы восемьдесят шесть лет. Теперь счет идет от другой даты: 21 ноября 2005 года. В этот день ушел от нас неустанный труженик с малых лет и до последних дней жизни, мужественный воин, выживший и вернувшийся на фронт после двух тяжелых ранений, добрый и заботливый семьянин и — талантливым писатель

Николая Константиновича нет с нами, но книги его живут. На полках библиотек и в руках читателей... В сердцах читателей! Книги для детей: «Ох, ух эта Натка!», «Жила-была девочка», «Лицом к огню». Книги о Подвиге Советского Народа в годы Великой Отечественной войны: романы «Без вести пропавшие» и «Тульский рубеж». И — последняя в его жизни книга «Голоса из бессмертия», в которой Николай Дружинин выступает не только как писатель, но и как составитель сборника, в котором собраны многие письма, воспоминания фронтовиков, стихотворения и очерки о героическом и суровом времени Великой Отечественной войны. Эта книга, дважды изданная в Туле, служит своего рода литературным памятником известным и безвестным защитникам Родины.

Да, большая часть книг писателя посвящена событиям трагического и героического военного времени. Но увлекателен и его роман о горячей любви и самоотверженном труде на стройках Сибири «С любимыми не расставайтесь». А в ящике его рабочего стола лежит неопубликованный роман о его собственной жизни, а значит — и о жизни страны, о жизни его поколения «Страницы бытия». Отрывок из этого романа под названием «К родному дому» помещен ниже в нашем журнале.

Но сначала — несколько строк из его короткого размышления о себе «Вместо биографии», сохранившегося в архиве писателя.

«А. П. Чехов утверждал, что любой человек обязан в своей жизни посадить дерево, вырастить сына и построить дом. Я выполнил все эти условия. В городе Ефремове растет посаженный мною сад. В далеком Стрежевом в Сибири в построенных и моими руками домах живут люди, а мои сыновья и внуки живут и на Алтае, и в Сибири, и в Туле.

Успел я написать и несколько книг...»

Николай Дружинин

К РОДНОМУ ДОМУ

На улице было как-то беспокойно. Куда чаще, чем раньше, проходили военные. Зенитчики, громко ругаясь, принялись вытаскивать из ям свои пушки. Потом потащили их в сторону вокзала.

Ночь стояла лунная, ясная, нам все хороша было видно.

— На погрузку? — следя за зенитчиками, уверенно определил Сенька. — Наверно, — ближе к фронту. Что ж такое у них...

Внезапный стук каблуков идущих по тротуару людей заставил прервать фразу, а через секунды группа военных появилась перед нами.

— Что за люди? — осветив нас фонариком, строго спросил идущий первым. — Что здесь делаете? Документы!

Мы объяснили, что охраняем техникум.

— Что? — словно бы малость обалдев, спросил военный. — Какие еще студенты? Какой техникум? А ну, быстро по домам!

— Это почему? — не понял Сенька.

— Да вы что, глухие? Немцы сюда идут?

Теперь обалдели мы.

— Как-кие немцы?

— Те, которые стреляют. Или не слышите? Ну — дурачье!

Я напряг слух. И в привычном ночном грохоте в стороне Рославльского шоссе ясно расслышал далекие пулеметные очереди.

— Стреляют! — растерянно произнес Сенька. — А говорили, что немцы под Оршей, что...

— Быстро по домам! — перебил его военный.

И тут мы в два голоса заголосили о том, что дома-то наши слишком далеко.

— Дела! — озабоченно протянул наш собеседник. — У вас — что же, местных не нашлось? Кто же это придумал?

А правда: кто же это придумал? Ведь были же местные?

— На мост не ходите! — все поняв, инструктировал нас военный. — Не пустят. Если кому на ту сторону, уходите по Днепру вправо, там где-нибудь переберетесь. Ясно?

Ясней было некуда. Так вот почему уходят из города военные! И мы понеслись в кубовую.

— Подъем, мужики! Тревога!

А когда, собрав свои вещички и наскоро расхватав остатки продуктов, выскочили на улицу, треск пулеметных очередей и звонкие удары пушек на Рославльском шоссе стали еще слышнее. И именно в ту сторону надо было бежать троим из нашей группы.

— Ладно! — торопливо прощаясь с нами, решили они. — Как-нибудь проберемся. — До встречи осенью!

Наша же группа двинулась в сторону Днепра.

По Советской улице вниз к Днепровскому мосту тек непрерывный поток людей и машин, не было никаких патрулей, и мы, спустившись вниз до храма, повернули на окраину, в спешке, совсем забыв, что здесь — сплошная стена. Пришлось повернуть вверх по остаткам сгоревшей улицы, по которой тоже поспешно уходили к мосту военные.

Вот и Молоховские ворота. Раньше здесь всегда был часовой, теперь же никого не было, и мы взапуски понеслись к Днепру. Стрельба сзади то ли прекратилась, то ли не стала слышна, но мы не сбавляли хода, стараясь уйти берегом как можно дальше.

В первой же деревне, куда, потные и уставшие, мы примчались на рассвете, оказалось, что переправа через Днепр шла полным ходом. Местные жители на лодках перевозили на тот берег всех, кто этого хотел. За рубль с человека! А у нас — ни копейки!

— За фотоаппарат перевезешь? — не растерялся Сенька, обратившись к весело улыбающемуся, сидящему на корме большой лодки дяде.

— Садись! — великодушно разрешил он.

— Сенька! — разозлился я. — Ты что? Это же — фотоаппарат!

— А что делать? — усмехнулся он.

— Верно, парниша! — поддержал его перевозчик. — Немец прижмет — так и последнее отдашь. А вы, должно, комсомольцы! А он таких не любит. Так поедете, или как?

Мы молча погрузились в лодку. Но когда оказались на том берегу, Сенька, выходя последним, схватил со скамейки свой фотоаппарат выскочил из лодки. А возмущенному дяде негромко сказал.

— Только сунься! Изменим так, что на тот берег не доплывешь.

Все-таки нас было семеро, а он — один!

— Да вы что, ребята? — забормотал дядя. — Идите себе!

К обеду мы были в Колодне. Здесь тоже оказалось полно и военных, и гражданских, но поезда никуда не ходили. И пришлось нам распрощаться, ибо только одному мне нужно было на Ельню, откуда, по слухам, еще ходили поезда. Пожали мы друг другу руки и потопали в разные стороны. Ребята в сторону Вязьмы, а я — по шпалам, вслед за бредущими в сторону Ельни людьми.

День стоял теплый, погожий. Идти бы да идти, если бы не мой чемодан. Он буквально отмазывал руки, от него горели ладони, но я продолжал идти среди спешащих неизвестно куда, скорее всего не домой, а от дома уходящих новоявленных странников.

— Да брось ты, парень, свой чемодан! — посоветовал один из них, видя, как я мучаюсь со своей ношей.— Или золото у тебя там?

— А вещи куда я дену?

— Вещи? — он усмехнулся.— Вот прилетит немец — так сразу про все вещи забудешь. Я свои все пошвырял.

Он действительно шел с небольшим узелком в руке. И, намучив свои ладони так, что они горели огнем, я к вечеру обменял на полустанке свой чемодан на обыкновенный мешок, а из полученного в придачу куска веревки сделал к нему лямки, и зашагал куда веселее. А уже в вечерних сумерках мне пришлось пережить несколько очень неприятных минут.

Группой человек в десять мы решили передохнуть у ручья, благо рядом стояли только что скошенные копны сена. Мои спутники начали вытаскивать свои запасы, чтобы перекусить, их примеру последовал и я. Совсем не учтя, что иду не просто с людьми, а с теми, кого из родных мест выгнала война.

— Ого! — совсем неожиданно произнес один из моих соседей, когда я принялся за сало.— Живет парниша! У него даже и сальце есть! И лепешек сколько!

— Небось, в магазин лапу запустил! — сердито отозвался другой.— Теперь ворья полно.

— Да вы что? — обиделся я. — Какой магазин?

— А где же ты тогда так подзапасся?

— У нас столовая сгорела...

— Ну правильно! Раз горит — тут и грабь! То-то он мешок к себе прижимает.

Чуть ли не плача от обиды, рассказывал я, как достались все эти продукты, стараясь хоть как-то оправдаться перед жующими голый хлеб и запивающими его водой беженцами.

— Пожалуйста, берите! — раскрыв свой мешок и изо всех сил стараясь погасить их скептические усмешки,— пригласил я.— Я не вор! Вот мои документы, я домой иду!

Поверили они мне, или нет... Но взяли они только по кусочку вареного мяса, да и то больше для женщин, не тронув двух банок консервов и подгоревших лепешек. Совместно доели и сало. Переспали пару часов у копны сена и двинулись дальше.

Задержка произошла только на мосту через Днепр. Как мы ни просили — часовой ни за что не пустил по мосту.

— Идите в обход! — сердито орал он нам, не понимая, как это могут идти люди туда, куда идти нельзя.

А мы не понимали его. Мы же не диверсанты, и по мосту — всего десятки метров, чтобы оказаться на той стороне реки, а в обход — длинные для уставших, полуголодных людей километры под палящим июльским солнцем! Но нам пришлось их пройти.

В деревне нас перевезли через Днепр без всякой платы.

— И куда же вы идете? — с сомнением разглядывая нас, спросил пожилой колхозник, отвязывая свою лодку.— Война же!

Мы все ответили по-разному, а он слушал и недоверчиво улыбался. Меня эта его улыбка обидела: не верит! И только потом дошло: по-крестьянски немногословный, он еще не знал, но уже, наверно, догадывался, что от войны уйти нельзя, что в любом месте она догонит тем или иным образом, и накажет тем жестче, чем меньше ты готов к противостоянию ей. Поэтому и улыбался той самой, обидевшей меня улыбкой, не собираясь бежать, но по-крестьянски рассудительно готовясь к встрече с ней.

В Ельне, куда я добрался к вечеру третьего дня, мои попутчики разбрелись по городу, а я отправился на вокзал. Запас продуктов кончился, денег у меня не было, а

просить я еще не умел. И оставался единственный выход: попасть на любой поезд в сторону Сухинич. Доеду — буду жив и сыт, так как пешком мне просто не дойти.

К моему полному удивлению, на вокзале оказалось по-мирному тихо. Не было толп людей, не бегали, как это видел в Колодне, военные, женщины спокойно торговали вареной картошкой, молоком и лепешками, в пристанционном сквере бесечно бегали ребятишки. А на путях спокойно стояли два товарных состава, о которых на мой вопрос проходящий мимо железнодорожник ответил коротко:

— Куда надо, туда и пойдут.

Стемнело, я уже начал клевать носом, когда один из составов вдруг дернулся, и без всяких гудков пополз по путям. «На Сухиничи!» — вовремя сообразил я, и бросился на первую же тормозную площадку. А поезд все набирал ход, и колеса его постукивали все чаще. «Еду! — чуть ли не орал я от радости, сидя на скамеечке тормозной площадки и глядя в летящую навстречу мне темноту.— Еду!»

Однако, через час я понял, что малость поспешил на станции, не придав значения, на какую площадку лучше вскочить. На этой, оказавшейся в передней части вагона, дьявольски продувало, и, хотя я сполз со скамейки на пол, ветер гулял и здесь. Пришлось вытаскивать из мешка и натягивать на себя все, что в нем было, но и после этого мне не стало теплее. А поезд все шел и шел, изредка делая короткие остановки, чтобы пропустить встречный состав и дать мне возможность малость согреться бегом у вагона. А потом я просто уснул.

— Эй, мужик! Документы!

Я с трудом раскрыл глаза. Во всю светило солнце, поезд стоял, а по обе от меня стороны стояли двое штатских с наганами на поясах.

— Какая станция? — ошалело спросил я.

— Документы! — рявкнул один из них.

Я безропотно подал ему все, что имел: паспорт, студенческий и комсомольский билеты. И пока он их рассматривал, я с величайшей радостью сообразил, что поезд стоит в Сухиничах! Все, приехал!

Но строгие дяди думали совсем иначе. Высадив меня с площадки, они минут десять допрашивали «подозрительную личность», а я весело (добрался же, черт меня возьми!) сыпал им и о живущих рядом родителях, и тете Лене в пристанционном поселке, и о школе, в которой учился, и обо всех деревнях, которые знал. Они в конце концов поверили, но отпустили меня явно неохотно.

— Ладно, иди! Лазают тут всякие!

Эшелон, доставивший меня в Сухиничи, остановился на запасных путях далеко от вокзала, возле которого тоже стоял товарный состав, а рядом с ним — огромная, заполонившая весь перрон, глухо галдящая толпа.— «На окопы, что ли, провожают?» — подумал я, прибавляя шаг.

Но это оказались не окопники. Сухиничи провожали очередную партию мобилизованных в армию, и масса сбежавшихся на их проводы детей, женщин, стариков и старушек толпилась возле вагонов, в которые уже садились мобилизованные. Многие женщины плакали, другие что-то кричали своим мужьям, или, расталкивая толпу, куда-то бежали, видимо, ища своих. Лица уезжающих мужчин были хмуры, а то и суровы, и только в одном из вагонов сидел, свесив ноги наружу, во весь рот улыбающийся молодой мужик и наяривал на гармошке «Как родная меня мать провожала». Кажется, его самого не провожал никто.

Вскоре эшелон тронулся, провожающие, размахивая руками, отступили от набирающих ход вагонов, и вдруг в этом промежутке появилась женщина средних лет со сбившейся на плечи косынкой и развивающимися волосами.

— Ванька! — во весь голос кричала бегущая за уходящим эшелоном. — Ванька! Ты прямо сразу в плен иди! Прямо сразу! Мне одной ребят не вытащить! Ванька!..

Я остолбенел. Женщина, забыв обо всем, кричала мужу, чтобы он шел в плен! Ее же сейчас арестуют! Но никто к ней не поспешил, никто не остановил, и она прошла за плотной толпой сгрудившихся на перроне женщин, все еще выкрикивая свое, вся отдавшись охватившему ее отчаянию.

В пристанционном поселке жила моя крестная мать тетя Лена, и я прямиком отправился к ней.

— Коля! — охнула она, увидев меня. И заплакала.

Она уже знала, что Смоленск взят немцами, и не чаяла увидеть меня живым, а я стоял перед ней, и мои двоюродные братья и сестры глядели на меня словно на чудо: он — из Смоленска!

— А вашего Витю убили! — вдруг сказала тетя Лена.

Я буквально замер на месте.

— Как убили? Кто?

— Ракетчика немецкого он с ребятами ловил! — у тети Лены снова хлынули из глаз слезы. — А тот в него и выстрелил. Уже десять дней, как похоронили.

У меня по телу побежали мурашки. Витю похоронили? И я схватил свой почти пустой мешок. Скорее, как можно скорее домой!

— Куда? — испугалась тетя Лена. — Поешь хоть!

Да, добираясь до Сухинич, я только и мечтал, чтобы как можно скорее поесть и отдохнуть. Но теперь все это вылетело из головы. Отец с матерью только что похоронили моего брата, ничего не знают обо мне, а фашистские ракетчики уже бродят возле нашего дома. Нет, мне некогда сейчас отдыхать, нам сейчас нужно быть всем вместе!

Два километра, до села Кипеть, где в новой школе жили родители, я почти бежал. Но на моем пути к дому, на окраине села, лежало сельское кладбище, и я повернул с дороги, прошел несколько десятков метров под старыми, неизвестно кем и когда посаженными ветлами. В тени одной из них темнел скорбный холмик еще не успевшей по-настоящему подсохнуть земли. Я бросил на траву свой мешок и опустил рядом.

Не было ни слов, ни слез, и была лишь неимоверная усталость от всего того, что пришлось повидать, пережить и услышать за эти тяжкие дни. По-моему, я даже не скорбел по поводу гибели брата. Просто сидел, тупо глядел на могильный холмик, уже понимая, что Вити нет и никогда не будет, и не соглашаясь с этим. Ведь он же был! Всегда был! И убегая из Смоленска, я спешил и к нему. А его уже нет. Нет? Да! Война нагнала меня и здесь. Но сначала — Витю!

Мы никогда не были с ним дружны по-настоящему. Витя был на два года моложе меня, но его голодание с детства, больного ребенка, как бы разъединяло нас в играх со сверстниками и в поведении дома. Что мог сделать я — не всегда оказывалось доступным ему, и меня буквально заставляли приноравливаться к его возможностям, что рождало мое недовольство и чувство превосходства у него.

Да и вообще мы были очень разными. Я рос не по годам длинным, он же всегда выглядел таким приземистым крепышом. Я любил гитару, он отдавал предпочтение мандолине. Я не любил рисовать, Витя же с ранних лет рисовал очень неплохо. Я был легковверен, быстро увлекался разными новинками или чем-то увиденным впервые. Он же старался во всем основательно разобраться, задавая иногда родителям такие вопросы, на которые я бы не решился никогда. И еще у него была удивительная страсть копировать чужие почерки. Помню, когда я учился в шестом классе, нам в руки попала поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с факсимильной подписью поэта или ее подделкой. Подпись была красива, весьма витиевата, но я не обратил на нее никакого внимания. Брат же принялся ее копировать.

Он бился долго, но ничего у него не получалось. И тогда Витя начал расспрашивать у отца, чем писали во времена Руставели. Узнав, что гусиными перьями, он отправился на речку, нашел там несколько таких перьев, очинил их с помощью отца и... Од-

ним росчерком, словно расписывался так много лет, вывел на листе бумаги «Шота Руставели» точно так, как было начертано на заглавном листе поэмы. Отец и мать были в восторге, а я ничего так и не почувствовал. Красиво, конечно! Но кому это нужно?

И вот только теперь, сидя у свеженасыпанного могильного холмика, я вдруг понял, что да, было нужно. Ему! Для того чтобы обрести уверенность в возможности сделать задуманное. Я был страстным охотником, он же никогда не брал в руки даже рогатки. Он жил по другим, совсем не подвластным мне законам. Рядом — и отдельно. И теперь наше восприятие окружающего нас мира уже никогда не сольется воедино. Нас навсегда разлучила война!

Сколько прошло времени — я не знал. Окружающее словно бы отодвинулось куда-то вдаль, оно меня уже не волновало. Было только то, что пришлось пережить лично, и я по отдельным, крупитцам перебирал его, перескакивая с одного, на другое и не стараясь связать воедино, и ветлы над головой чуть покачивали своими тонкими ветвями, отчего пробивающиеся сквозь них солнечные лучики то вспыхивали, то гасли на потемневшей земле холмика. Наверно, так же вспыхивали и гасли и мои мысли.

— Коля? — вдруг раздался за спиной голос матери.

Я мгновенно оглянулся. Отец и мать, обнявшись, стояли в нескольких шагах от меня. За всю свою жизнь я никогда еще не видел их в такой позе. Даже находясь в мире, отец и мать были как-то скупы на ласку друг к другу, никогда не обнимались и не целовались. Теперь же они стояли обнявшись, плотно прижавшись друг к другу. Какую же беду надо было им пережить, чтобы, забыв все прошлое, в едином порыве, в поисках так нужной им опоры снова стать семьей. Смерть сына сделала то, чего они сами за столько лет сделать не смогли.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

Борис Петров
(г. Красноярск)

Борис Михайлович Петров, по профессии педагог, работал учителем, партийным функционером, журналистом, пройдя путь от литсотрудника районной газеты до собкора-известинца. Им написано 19 книг многожанровой прозы. С 1968 года живет в Красноярске.

КОНЦЕРТ В ОСЕННИХ СУМЕРКАХ

Нынешней осенью я несколько дней жил в заброшенной полевой избушке, на краю обширного таежного болота, в одном из дальних районов нашего края. Когда-то была пашенная заимка, да надобность в ней отпала: забросили дальние поля, где сеяли хлеб, буйно разгулялись бурьяны, одичала земля. Избушка имела вид запущенный, печка развалилась, и я, приходя сумерками, жег за углом костер, сушился, варил похлебку. И в первый же вечер услышал...

Мгновенная мысль была такая: как будто настраиваешь приемник — протяжно провыло, и тут же грянула неразбериха разнокалиберных звуков — тиликанье, визг, лай, подвыв,— мешанина радиопомех. Но эта схожесть была только первым случайным впечатлением. Сразу всплыл в памяти давний день, когда я уже слышал все это, и пришло холодно осознание: волки. Где-то в километре или меньше от меня — логово, около него серое семейство устраивает свой обычный осенний концерт. Ну, конечно, снова затянули.

Первым заводил солист — густым басом, начиная низко и постепенно возвышая тон: а-а-оооуу-ы-ы! На подъеме подхватывала «втора» — потоньше, баритоном, зато как-то фигуристее. Не успевали два воя слиться в дикий дуэт, как вступали тенора, и следом — вразброд — целый хор с гиканьем, визгом, подбрехом! Они-то больше всего и создавали впечатление свистопляски в эфире. Так поддерживали матерых и переярков молодые волчата: выть еще не умеют — подлаивают, скулят, взвизгивают.

Да, такой концерт не забудется. Тоскливые, щемящие душу голоса солистов, вакханалия звериного хора — ощущение жуткое; даже когда знаешь, в чем дело, невольно мурашки начинают бегать. Одарил же нечистый дух проклятых такими «нечеловеческими», безысходно-заунывными голосами! У меня под рукою ружье, да и точно знаю,

что они к дому не пойдут, а каково простому запоздалому путнику? Само собой забормочется: «Спаси, Господи, с нами крестная сила!..» Вся вековая их дикая тоска, отрешенность всем миром ненавидимых и всех ненавидящих слилась в этих звуках...

Еще два вечера я прожил на заброшенной заимке, и каждый раз, когда осенние сумерки сгущались, и холодная ночная мгла лиловым туманом затапливала болото (недаром еще раньше я про себя назвал его «Хмурая марь»!), а в небе проглядывали первые звездочки, начинались эти жутковатые концерты. И в памяти моей все отчетливее возникали совсем, казалось, забытые встречи и разговоры...

Самые первые послевоенные годы. Я, начинающий охотник, услышал такой же вот концерт и прибежал к знакомому старику Василию Филипповичу Косареву. О нем говорили, будто слыл когда-то завзятым волчатником, егерем старинной закалки. Услышав мой возбужденный, сбивчивый рассказ, Василий Филиппович оживился, даже почти засобирался — как же, ведь выводок найден! Обязательно надо теперь же всех порешить. Да вскоре и заохал, стал хвататься за спину — какое там ему в лес... Но мне при тех встречах порассказал многое.

Среди разных охот на волков почетное место занимало умение вабить, то есть подвывать голосом серого. Кстати, сам старый егерь в разговоре старался избегать слова «волк» — употреблял всякие иносказания вроде того: «зверь», «кум», «Кузьма» и т. п. По старинному поверью считалось, что поминать его напрямую нехорошо, как и всякую нечистую силу, с которой он, несомненно, в сговоре. Рассказывал, что начинают они выть с конца лета, когда волчата подрастут и первыми подадут голос перелякам, которые все время обитают в окрестностях логова. Самое верное дело — заставить откликнуться молодежь, когда старики ушли на промысел, стало быть, поздними вечерними и ранними утренними сумерками.

— Ну, вот они отозвались, а дальше что? — нетерпеливо допытывался я.

— А дальше уж, почитай, в твоих руках они! Хорошо, когда идешь вдвоем или втроем: расставишь всех по разным углам, каждый со своей стороны засекает, откуда голоса, вот и получается точная картина.

— Ага, «запеленговали»! А потом-то что?

— Да мало ли. Можно во флажки их затянуть, взять облавой. Ино попытаться на подвывку выманить и стрелить...

Долго я уговаривал старика Косарева показать, как вабят. Он отнекивался: дескать, и голос стал не тот, и давно не практиковался, и соседей нечего полошить. Но однажды решился. (Признаться грешным делом, принес я ему «чекушку» для куража.) Тщательно откашлялся, сложил руки рупором у сухого рта, придавив горло с обеих сторон оттопыренными большими пальцами, а указательными слегка сжав переносье, закинул голову и затянул — сперва низко, угрюмым басом, потом забрал повыше, тоскливее (раскрывая ладони рупора у рта) и, стихая, вовсе безысходно опустил звук к концовке «арии»:

— Аааа-оооууу-ыы!

Жуткое впечатление. Хоть и сидели в комнатенке, и видел я перед собой живого человека. А ну как захватит тебя эдакое в дичающем к ночи лесу? Поневоле морозом всю кожу продерет.

— Нет, не то,— горестно проговорил Василий Филиппович, кончив вабу, отирая губы.— Мощи настоящей нет, гнуси — настроения.

А мне запомнилось на всю жизнь. Вот когда всплыло в памяти — сколько лет минуло с тех голодных послевоенных.

Кстати, это всегда так было — волки искони размножались и процветали на человеческих несчастьях. Как война, мор, голод, людское лихолетье, так серые берут силу и торжествуют. Вот, видать, и нынешние «реформы» пришлись волкам по вкусу. Да и не только тем, которые в тайге орудуют...

ХОЗЯИН СТАРОГО ПЧЕЛЬНИКА

В конце сентября у меня выкроилась охотничья поездка дней на пять. Тихая, смиренная пора, когда осыпается легковесное золото листвы, дышат грустным запахом увядания березняки и осинники и хлебные поля желтеют стриженной стерней сквозь белые стволы колков. Я забрался в самый глухой угол далекого района, в сторону от оживленных дорог, и душа замирала в предчувствии покоя, одиночества и полной расслабленности.

Давно не езженная колея привела на обширную поляну, молодо зеленевшую сочной отавой; посреди чернела старая-престарая приземистая изба с насупленной замшелой крышей и криво распахнутой тяжелой дверью из плах. Я слышал, где-то в этих местах сохранился брошенный пчельник, и сразу понял, куда попал. Но рано обрадовался ночлегу под крышей: уж очень запущенным оказалось жилье. Пол за порогом провалился, перекособоченная дверь еле затворялась, всякий раз издавая ржавый скрип, а матица потолка угрожающе провисла, при ее виде голова сама старалась вобраться в плечи. Хорошо еще, что в низких окошках уцелели стекла, только одна рама была выставлена, однако сохранилась снаружи, прислоненная к бревенчатой стене в зарослях почерневшей крапивы. В общем, картина полного запустения. Это тем более удивляло, что поляна возле пчельника имела обжитой вид. Рядом с избой из горбыля и рубероида был сколочен аляповатый балаган, громоздился длинный артельный стол на колченогих козлах, чернел обширный круг кострища, валялись вокруг напильные бензопилой чурки. Бригада жила капитально, о чем свидетельствовало также количество консервных банок и пустых «флаконов» за углом. Ставили сено или заготовляли дрова. Ребята, видать, молодые и веселые, что я определил по художественному оформлению стана — по притолоке над входом было выведено: «Аттракцион «Проверь себя», а на двери мелом же представлена прекрасная русалка с фигурными губками карточной дамы, легкие волночки ласкали обольстительно пышные груди. Я усмехнулся романтической фантазии небесталанного художника. Одно было непонятно: для чего понадобилось разваливать в избе печку? (От нее осталась лишь груда закопченных с одного бока кирпичей.) Сами квартировали в жаркую пору, но зачем же безобразничать? Э-хо-хо, забыты старые таежные законы.

Ужинал в темноте, одиноко, за длинным столом, как председатель, покинутый членами коллегии. Отблески огня играли на двери — казалось, прекрасная русалка иногда шевелилась и подмигивала, я нет-нет оглядывался на нее. Спать, разумеется, пошел в избу. Притащил из балагана охапку утолоченного сена, сверху расстелил пиджак, в изголовье, пока устраивался, затеплил свечку. Наконец вытянул усталые ноги, прикрылся курткой и задул огонек. В темноте проплыло облачко едкого парафинового чада, затем из углов потянуло тонким, впитавшимся в стены медовым духом и ароматом сотового воска. Я глубоко вдыхал этот старинный ладанный дух, истома расслабленных мышц разлилась по телу. Сладкий сон принимал меня на свои пуховые крылья...

И тут в темноте неподалеку что-то зашущукало, зашептало, невидимо прошестелo проворными лапками и поскреблось. Вот же тварь — мыши, терпеть не могу. Спасу от них нет в таежных избушках: все источат, крупу просыпят, сухари обгадят, полиэтиленовые мешки издерут в мелкую крошку. Я громко постучал ладонью возле себя и выругался:

— У, паразитки, пошли прочь!

Как будто они меня послушаются... Пришлось зажечь свечку. Тщательно осмотрел нару вокруг себя, на всякий случай поколотил по ней торцом топорика, еще поругался. Мыши пришипелись. Однако стоило загасить огонь и отдаться дреме, темнота снова ожила. На этот раз звуки слышались более грубые, откровенные и...

непонятные. Не рядом, а в противоположном углу — кто-то ворохнулся, почесался и вздохнул. Хрустнула старая прогнившая матица. Только этого не хватало! Потрещит да и рухнет на голову. Парни жили молодые, а лодырюги: нет чтобы подпереть потолок — все бросили и убрался на улицу... Не успел я про себя поругаться, как в раме слегка задребезжало стекло, что-то прошелестело от стены к стене и будто слегка опахло. Нет, это не мыши, скорее — птица. Живет под крышей сова и в темноте начинает шастать. Что ей делать-то в избе, в лесу надо охотиться! А-а, я же вставил раму и затворил дверь — не может вылететь! Чтоб у нее глазищи лупатые вовсе выпучило. Придется вставать еще раз. Поднялся, распахнул дверь в темноту.

— Прошу, пани! Совушка, чертова вдовушка. Выметайся и не мешай отдыхать порядочным людям.

Постоял у порога, придерживая дверь рукой наотмашь, подождал... И вдруг подумал: «Но если она живет на подложке, то как попала ко мне в избу через закрытые окна-двери? Ерунда какая-то...» Плюнул, затворил дверь (до чего отвратительно скрипит!), снова устроился на своей лежке. Подождал, прислушался,— кажется, стихло. Нет, опять в темноте кто-то зашевелился и даже как будто презрительно фукнул, потом что-то ударилось... Ну, вот что, все равно больше вставать не буду, хоть распляштесь посереде избы!

Конечно, любопытно, что это может быть. Ласка гоняет мышей? Для нее звуки тягеловаты. Кстати, когда сегодня черпал в ручье воду, видел на грязи медвежий след, довольно свежий. Эдакая первобытная растоптанная лапища с узенькой пяткой. А когтищи! Так и подворачиваются под след, глубоко впиваясь в грязь. Разумеется, миша тут ни при чем, просто вспомнилось. А вот кошку парни могли бросить — одичала и шмыгает, вполне реально. Хотя звуки вроде крупнее, как бы сказать, собачьи.

Я лежал в темноте и спокойно перебирал варианты, может, лишь немного сердясь. Однако усталость после долгого дневного перехода брала свое, дрема одолевала. «Надо днем слазить на чердак, посмотреть, кто там обитает»,— подумал я, засыпая.

Утром, прежде чем отправиться на весь день, я по двери взобрался под крышу избы. Там было пыльно и пусто. Валялось несколько старых рамок для сот, сопревший мех с железным клювом — остатки дымокура, пучок пересохшей, потерявшей вид травы. Никаких признаков чьего-либо присутствия — ни следов на сухой земле, ни птичьего помета, пахло пылью и сажей.

Зато в горнице, в углу под потолком, я обнаружил не замеченное накануне в сумерках гнездо ласточек. Вот для кого была выставлена рама из окна! Вспомнилась детская примета: «Кто ласточек зорит, будет конопатый!» Обитатели гнезда давно улетели. «Может, в нем поселился кто-то другой? — мелькнула догадка.— Сломать гнездо — разогнать ночную нечисть...» Стать конопатым я уже не боюсь, но... какое же существо может спрятаться в этом гнездышке? Даже молодые охламоны, жившие до меня, не тронули птичьего дома (хотя и развалили печь...). Нет, просто смешно: с перепугу начал громить ласточкино гнездо! Стыдно, братец, стыдно.

И в этот момент с удивлением заметил на подоконнике коробок спичек — тот самый, мой. Утром собирался разжигать костер, хлоп, хлоп по карману — не бренчат. Оставил рядом со свечой? Вернулся в избу — на нарах коробка не было. Пришлось доставать запасные. А он вот где, вчерашний, на подоконнике... Но я не подходил ночью к окну, прекрасно помню! Что за ерунда, в самом деле? И по воздуху перелететь не могли. Тоже мне шуточки — прямо сказать, боцманские! Как они туда попали-то? Выходит, я не все помню, что тут колобродил ночью, вот до чего заморочил себе голову.

Охота в этот день не сложилась: бродил, бродил — все без толку. И нет-нет вспоминал ночные события. Пытался подшучивать над собой, но получалось натяну-

то и невесело, только росло раздражение. И еще эта пышногрудая русалка в бликах огня — опять вечером шевелилась и подмигивала за спиной...

Стоило мне, снова устроившись на ночлег в избе, погасить свет, как в темноте сразу воспрянула чертовщина, будто ждала с нетерпением. Фантомас мой вовсе расходился. Послышалось сопение, кто-то начал бродить, уронил что-то на чердаке, затем принялся копать в углу. Я тихонько протянул руку за фонариком (всегда кладу на ночь рядом), резко схватил — рраз! — и высветил угол желтым лучом. Ничего нет... Пошарил круглым пятном по стенкам, потолку — пусто. Но затихло. Выключил фонарик, прислушался — тут же возобновилось. Так и спать, что ли, при огне? Главное, непонятно. Вдруг так же включишь, а оно — вот оно, волосатое, рогатое, с козлиными глазами... Хотя явно: е-рун-да все это, чушь собачья!

Черт ее знает, взрослый и образованный, в общем, человек, а все равно в ночной темноте что-то такое вздымается со дна подсознания — тоже темное, пугающее. Никогда не могут люди отделаться от древних ночных страхов. Наверное, мы получаем их с генами от своих пращуров, как остатки волосяного покрова (который научились облагораживать в современные прически, лихие усы и гусарские бакенбарды). Помню, мальчишкой — идешь ночью и все время ощущаешь спиной и затылком, будто позади кто-то крадется. Вдруг замрешь, чтобы застать его врасплох, — тихо вокруг. Страх охватывает тебя, жуткий, доисторический страх. И теперь, случается, знакомые женщины недоверчиво восклицают:

— Так и ночуете в тайге один?! А если вдруг...

А что, собственно, вдруг? Чего реально остерегаться ночью в наших лесах? Волки да медведи сейчас сыты, лихие разбойники, которые могут напасть... Кто же теперь пойдет ночной порой, чтобы нападать? Все по домам сидят, телевизор смотрят. А из лесных обитателей ночной образ жизни ведут зайцы, мыши, совы — господа, и пусть себе ведут! Остается разная нечисть — лешие, ведьмы да кикиморы. Так ведь всякому с первого класса известно, что это бабушкины сказки — только в книжках и мультиках. И все равно ночью боязно. Почему?

В детстве было — потому, что ночной жизни леса я не знал. А раз шорох или очертания не объясняются — возникает испуг. Совершенно законное, надо сказать, опасение неведомого. Если б все живое перло без опаски на рожон, короток был бы его срок на земле: страх спасает от неведомого. Чем меньше знаний, тем больше опасений. Дети трусят — еще мало знают. Древние люди всего в мире боялись — потому что большинства явлений не могли объяснить. А теперь никаких леших-водяных в моем лесу не водится — все только бездуховные деревья вокруг, неразумные зверушки да птицы, у которых и мозгу-то с наперсток. Не стало у меня боязни перед природой, воображению в моих лесах дела почти не осталось, фантазии и мифам вообще места нет — одни знания между нами, только холодный, расчетливый ум. Да, мир стал скучнее, все равнодушнее мы к природе. А ей теперь каково? Ну, природе-то вообще худо: коли боязнь у меня перед нею исчезла и никаких богов-святых в ней не осталось, то... Да, худо теперь ее дело.

Но мой неведомый обитатель старого пчельника — совсем другая штука, вообще не память о страхах древних предков! Вполне реальные события и ощущения... И отношения у меня с ним складывались все более напряженные. Стоило задуть свечку — начиналось: мягкими шажками прошлепает по полу в угол, по пути что-то зацепит — раздастся отчетливый бряк падающей железяки. Нервно хватаю в темноте фонарик — шелк! Луч пересекает избу наискось — никого. Но посреди пола поблескивает моя ложка. Которая только что — я точно помню! — лежала рядом на наре, вместе с котелком и кружкой. (Это от нее такой металлический гром?..) М-да, скажи спасибо, что не опрокинули на голову котелок с похлебкой. А кто должен был опрокинуть-то, кто?! Нет, или у меня самого крыша поехала, или кто-то есть. Бред какой-

то. Главное, что теперь делать? Собирать манатки — и на улицу, в дырявый балаган? А там уже часа два мерно и неторопливо бормочет по листве, по траве холодный ночной осенний дождь. Мокресть, промозглость. Да и глупо ведь, глупо! Чего испугался, от кого бежать?!

Э, вот почему не стали спать в избе покосчики, хотя и устроили нары! И что означает надпись «Проверь себя»? Значит, этот леший красноплеший и до меня тут обитал, не надо мной первым потешается. («Надо бы с ним повежливее: услышит — обидится... Чур меня, чур!» — хмыкнул я про себя.) И печку наверняка потому развалили — думали, что в ней кто-то прячется. Да только не помогло. Спасибо на этом, теперь хоть будет спокойнее, что не сам я тряхнулся мозгой. И русалочку, поди, хозяину избы преподнесли, чтобы отвлекся и оставил в покое. Только, видать, стар уже наш доможил... А, чтоб его, опять, опять!

— Эй, кончай шкодить! — во весь голос заорал я. — Кыш, нечистый дух! А то сейчас... как это вас раньше заклинали: «С нами крестная сила, свят, свят, свят!»

Ффу, да что это я бормочу? Вот бы кто из знакомых услышал. А рука между тем непроизвольно шарилась в темноте — ближе пододвинуть ружье. Нервная дрожь пробежала у меня по всему телу, родившись где-то под затылком и спустившись до живота. Брр! — передернул плечами (так, что ли, русалки раньше щекотали?). Вот ведь погань навязалась.

Опять, опять! Я с ужасом почувствовал, как кто-то пахнул возле самого лица и ткнулся в грудь... У-у, тварина, кыш, брысь, свят-свят!.. И, схватив ружье, я грохнул в противоположный угол из обоих стволов: ббу! ббу! Там что-то посыпалось, в избе кисло завоняло выстрелом-бездымкой.

Кое-как я перебил эту кошмарную ночь. Рассвет пришел мутный, слезливый и долгий. До полудня просидел в избе — идти в лес было бесполезно, сразу вымокнешь до нитки от нависшей в листве, на голых ветвях и в траве мороси. Да и дичь отсиживается в такую непогоду по укромным местам. Варил кашу, чистил и смазывал ружье, пересчитывал патроны — тоскливо убивал время. И поглядывал в угол, где раньше было ласточкино гнездо. Дробью его разворотило, комочки сухой грязи, перемешанной с былинками, раскрошенные, валялись на полу, внутри распотрошило пуховую лунку, нежные перышки. Неприятное зрелище разора, собственного постыдного поступка... Но разве я виноват? Что теперь делать-то? Голова после бессонной ночи была тяжелой, как чугунок с картошкой. В довершение всего, на этот раз я никак не мог найти кружку. Была — в руках держал! Ясно помнил, что с вечера, как обычно, поставил рядом с котелком. Искал-искал, но как-то обреченно, расшатанная ночными чудесами психика устала реагировать остро. Махнул рукой и стал пить из крышки котелка. «Итак, домовый, здрасте-пожалуйста», — растерянно думал я, прихлебывая чай. Даже забыл: языческая это нежить или христианский бес, как с ним бороться — молитвой с крестным знаменем либо заговорами, рубяху наизнанку вывернуть? Разницы нет: ни молитв, ни шаманства я не знаю, совершенно перед этой таинственной стихией беззащитен. Эка учудил — дробью по нечистой силе, с огнестрельным оружием — на антимир! Смешно... Акт отчаяния. Гм, по законам, так сказать, драматургии: висело ружье — вот и выстрелило... Кстати, какие они из себя, настоящие домовые?

Мне почему-то представился старичок с грубым деревянным лицом, прямой бородой и твердым носом — весь вырубленный из чурки (теперь пошла мода — деревянные фигуры на детских площадках...). А может, он такой мягкий поролоновый дедушка со щеками, покрытыми белой шерстью? Какой это дух — злой или добрый? Не ведаю... Похоже, не злодей: в старые времена их, помнится, специально зазывали в новую избу. Хотя мелкое вредство порой проявлял: скотину пугал («не ко двору пришлась!»), заплетал гривы... Наверное, они, как и люди, были разные по характеру.

Или приходилось напоминать о себе, чтоб чтили. Ага, крошки ему в подпечек бросали, брызгали винца. Хотя тоже непонятно: если хозяин в доме, мог бы и так взять, что понравилось. Вон ложку чуть не утянул, кружку к рукам прибрал... Рассуждал-то я печально, однако порой не мог удержаться от ухмылок — над собою, конечно!

Дождь на улице прекратился, но в воздухе было сыро и морошно; я занес котелок с супом в избу, пристроился обедать на углу нары. Усмехнувшись, прежде чем хлебать, бросил в угол несколько крошек хлеба:

— Садись-ка со мной, дедушка, в такую погоду горяченького похлебать вот как хорошо!

И подумал: «А что, правда, я с ним воюю? Кому от этой конфронтации польза?»

— Нет, в самом деле, дорогой, давай лучше жить миром, а? Чего нам делить? Я через пару ночей уйду. Вон, понимаешь, ласточкин дом пострадал, безвинных птах...

Вечером все же сходил погулять по окрестным лесным покосам. Всюду по отаве торчали последние грибы — мокрые хлипкие шляпы. Ненастные облака постепенно расходились, перед закатом проглянуло слабое солнышко. Вернувшись на пчельник, первым делом увидел пропавшую кружку — она преспокойно белела на дальнем конце длинного уличного стола. Сам поставил и не заметил? А мог и дед мой пошутить. Он тут так давно живет, такой, поди, старенький. Всеми брошен и забыт, никому не нужен. И вдруг появляются какие-то проходимцы, начинают наводить свои порядки. Я бы на его месте, пожалуй, тоже... Ну, позабавился маленько, но, если честно, ведь не шибко — лень ему со мной заниматься. Это я сам затеял свару, начал хвататься за оружие. А к чему? Пару ночей осталось — чего зря конфликтовать?

Вечером, устроившись на своей наре, я полежал, полежал при свече и, прежде чем задуть огонек, пробормотал в угол:

— Покойной ночи, соседushко... Даже веселей, понимаешь, когда кто-нибудь рядом...

(Но честно — это я ему льстил, кривя душой.)

Он сызнава принялся шастать и вздыхать в темноте, да так печально и одиноко. А я лежал под курткой, притаив дыхание, и делал вид, что ничего не замечаю. Вокруг в темноте колесом летали ложки, кружки и коробки, коловращалось неведомое — ну и пусть. Вдруг мягкой шерстяной лапой провел мне по лицу. Я вздрогнул, сжался, весь внутренне напрягся. Но ничем не выдал своего ужаса и отвращения. И он постепенно отстал. По-прежнему вздыхал, скребся и шуршал, но меня больше не трогал. У него были другие привычные заботы.

Бесы, нежить бессловесная, агенты антимиров, дематериализованная энергия, полтергейст — все перепуталось на земле... Главное, я сам чуть было не развязал с ними форменную войну не на жизнь, а на смерть. А зачем, спрашивается? Наш дурацкий принцип — выяснять, «кто под кем ходит»... Прашуры тысячелетиями мирно жили со всякими соседями по планете — и не вымирали, даже наоборот — множились! Но постепенно, набираясь сил и знаний, человек стал преисполняться гордыней: «Все постиг, могу повелевать и переделывать! Царь природы... Реки — поверну, горы — перенесу, леса — сведу и посажу другие, недра — выверну наружу, буду летать быстрее звука и выше неба!» Достиг. И что, живем теперь счастливее? Нет, счастья на земле больше не стало, только что количество людей на планете выросло, это математический факт. Ну и что, разве в том смысл жизни?

Главное, и численности своей, самому собственному существованию создал невиданные прежде угрозы — сам сотворил! Если не всесветный атомный катаклизм, то медленное вымирание от ядовитого воздуха, отравленных почв и вод, смертоносных осадков. Доцарствовался, допокорялся! От собственной гордыни и погибнешь...

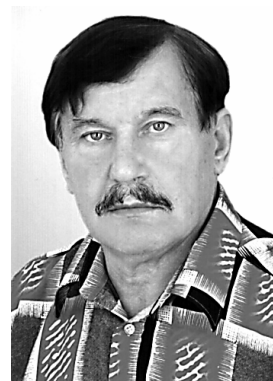
Так не проще ли жить с окружающим миром в ладу? Я попробовал — мир снизошел на мою душу: в эту ночь впервые спал спокойно. Пусть себе шебаршит — видишь же спокойные сны под ночной шорох дождя... Вот, оказывается, что только и требовалось от меня.

Через год я опять поехал осенью в те края. И заранее настраивал себя: да-да, жить со старым домовым в согласии, не ссориться, не раздражаться, все решать по-любовно... Однако приготовления оказались напрасными: старый пчельник сгорел. Наверное, выведенные из терпения новые постояльцы не нашли ничего лучше, как сунуть головешку под угол иссохшего трухлявого сруба. А свой безалаберный стан перенесли дальше вверх по ручью.

Тоже, так сказать, решение: спалить все дотла...

Сергей Ставер
(г. Назарово Красноярского края)

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

* * *

Обо мне не тревожься;
Я вернусь непременно
На родимый порожек
Из фашистского плена.

Не убит я, а ранен,
Ты не плачь — не смертельно!
Я бутоном герани
Расцвету на постели

Алым шелком на белом
Майской ночью лунной.
Вострубив о победе —
Лепестками по струнам

Золотого далека,
Что ушло без возврата...
И в свечении окон
Ты увидишь солдата.

Ты не бойся, потрогай,
Я живой... значит, вечен!
И, спасенные Богом,
Наши души излечим,

И опять непременно
Наши встречи продолжим...
Ты ведь мне во Вселенной —
Всех родней и дороже!

* * *

В фотографиях роясь,
Примечаю одну:
Дядя Саша и поезд,
Что идет на войну.

С пожелтевшего фото,
Улыбаясь, глядит
Не вернувшийся с фронта
Молодой замполит.

Дяде было за двадцать,
Но не будет полста!
Навсегда красноярца
Приняла высота.

Над могилою небо,
Рядом пенье Днестра...
Никогда я там не был,
Были мать и сестра.

И священную горстку
Молдаванской земли
Из далекого края
Мать с сестрой привезли.

С неба солнышко льется,
Золотая струя...
Он погиб, чтоб под солнцем
Жить сегодня мог я.

* * *

Ни мосточка, ни брода...
Боль вгрызается в нерв!
Опустилась пехота
В обжигающий Днепр...

И прижата шрапнелью
К красно-мутной волне;
Не спастись под шинелью
Мне в разбитом челне.

Не спастись... и не надо
Знать, что смерть впереди!
Надо выйти из ада
И врага победить.

Только выйти непросто
Из кипящих глубин...
Три броска до откоса,
А до смерти один.

Но приказ непреложный
Исполняет наш взвод:
Нам назад невозможно,
Можно только вперед!

* * *

Мы с тобой — из Сибири.
Майским солнечным днем
Нас под Прагой убили
Пулеметным огнем.

В сорок первом — под Ельней!
В сорок третьем — у Цны,
Мы в окопах сгорели
На дорогах войны.

Мы погибли у Вены,
Под Варшавой лежим!
Мы во имя Победы
Бились насмерть за жизнь!

Победили, не струсив,
Не вернувшись с полей,
Мы взлетаем над Русью
Островком журавлей,

Чтоб еще наглядеться
На рассвет и закат...
И с простреленным сердцем
Возвратиться назад.

**МЫ С ТОБОЙ ИЗ СИБИРИ...
МЫ УШЛИ ПОБЕЖДАТЬ... МЫ, КОМБАТ, ПОБЕДИЛИ!**

Мы убиты вчера... плачет синяя Влтава...
Нас с тобою, комбат, в одночасье не стало.
Девять граммов свинца... из него смерти льются!
Мы ушли умирать, но с победой вернуться.
А до Праги бросок, только самая малость!
Зажигает свечу мне в Назарово мама...
А тебе — Красноярск, мой убитый товарищ...
Да невеста твоя в голубой Ванаваре
Не получит письма, белой весточки сердца...
Не дарите нам марш из веселого скерцо.
А сыграйте вальсок или грустное танго...
В наш последний бросок догоревшего танка!
Закатилась звезда... в саван нас обрядили...
Мы ушли побеждать... мы, комбат, победили!

ПАМЯТИ БРАТА ПАВЛА

Я к дому родному причалил,
Как луч догоревшей звезды...
Игриво, совсем беспечально

Шумят золотые сады.
Шумят, превращаясь в орнамент,
Ранеточным жаром горя...
И неба багряное знамя
Над крышей полощет заря.

А где ж те деревья, что братом
Посажены, будто вчера?
В победном году сорок пятом
Надеждой их пела кора.
Надеждой и в будущем, значит,
Но что же тогда на звезду
Так горько и жалобно плачет
Черемуха в нашем саду?

ПОСЛЕ БОЯ

*Моему отцу,
Разведчику Петру Ставеру*

Распласталась пехота средь черных аллей;
Плачут пеплом сожженные вязы...
Никогда не забыть мне смоленских полей,
Мертвых окон разрушенной Вязьмы.

Мы уходим, уходим на новый рубеж!
Но клянемся — назад возвратиться!
Из днепровской воды я всплываю в Серез
И целую родимые лица.

Не стреляйте по яблоням; сладок их мед,
Сахарятся зеленые груши...
Пусть поймет пулеметчик — устал пулемет...
И священный покой не нарушит.

От сибирской черемухи «белый налив»
Так далек и так явственно близок!
.....
Спят уставшие парни у розовых лип,
Словно ангелы в солнечных ризах.

ПЕТРУ КОВАЛЕНКО И ВОИНАМ-ФРОНТОВИКАМ

Серебрят вам виски жизни долгой метель;
Разлинованы лбы непростыми годами...
На веку повидали немало смертей
И немало друзей на веку потеряли.

Вы шагали от Волги до Эльбы-реки,
Вы бросались под танки, ложились на дзоты...

Вы теперь ветераны, теперь старики!
Поседевшие армии, батальоны и роты.

Пулеметным свинцом вас косила гроза,
И сметала шрапнель, и взрывал вас фугас!
И не раз вы смотрели злой смерти в глаза,
И не раз умирали, спасая всех нас.

Но любовь и огонь пронесли сквозь года,
Позади новый мир и победные горны...
На руинах страны возвели города
Поредевшие армии и батальоны.

Вы уходит вдаль, и редуют ряды.
Будто в битву опять и к атаке сигнал!
Подарили вы вечность и жизнь молодым,
Чтобы каждый любил и печали не знал.

Серебрит вам виски жизни трудной метель,
Разлинованы лбы непростыми годами...
Вы в века проросли из побед и смертей
Самой страшной войны полевыми цветами.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

Владимир Куликов
(г. Тула)

В ЭТОТ ДОМ МНЕ ЛЕГКО ПРИХОДИТЬ

Раз увидев его — запоминаешь надолго. Он приметен не только в этой части города, но выделяется среди собратьев «лица необщим выраженьем», входит в список зданий-памятников, составляющих понятие «облик города», и уже потому известен многим тулякам, тулянам (как модно стало называть жителей города Тулы). Если уместно высказать свою точку зрения по данному вопросу, то к проживающему на территории Тулы более, как мне кажется, применимо определение — туляк, а для живущих на территории тульщины или тульской земли, тульского края более применимо — туляне. Пользуясь этими определениями, надо осознавать, что «тулянин» более общее определение, чем «туляк», то есть житель Тулы может называться как туляком, так и тулянином, а вот проживающий на территории нынешней Тульской области туляком называться не может. Впрочем, это всего лишь мои рассуждения или, если хотите, предложения... Я себя считаю тулянином, а более — туляком в седьмом поколении, поскольку предки мои по отцовской линии — выходцы из села Куликово, что на краю Куликова поля. Так поведала мне моя тетя, сестра моего отца — Надежда Сергеевна Куликова (в замужестве — Волкова) незадолго до своей кончины.

Дом, о котором ниже пойдет речь, находится на улице Каминского, (прежде Площадной), числится под номером 51. Ныне здесь размещается правление тульской организации (отделения) Союза писателей России и Фонд поддержки творческой интеллигенции. В народе чаще слышишь — Дом творчества. Зданию более сотни лет и оно имеет интереснейшую историю. Только перечень имен, проживавших в нем вызывает трепет. Этот дом-особняк связан с именами командира крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева, писателя В. В. Вересаева, видного партийного и государственного деятеля Г. Н. Каминского, первого военкома Тульской губернии Д. П. Оськина.

У Викентия Викентьевича Вересаева (4.1.1867, Тула — 3.6.1945, Москва) (как известно, Вересаев — псевдоним, настоящая же фамилия писателя — Смидович), в его воспоминаниях о тульском периоде жизни есть строки об обитателях этого дома, где проживали сестры Конопацкие, к одной из которых он был неравнодушен. Сестер было трое — Люба, Катя, Наташа — и, как он сам признавался, был влюблен во всех сразу и безраздельно, но, тем не менее, одну из них — Катю — выделял больше.

Эта его юношеская, а точнее подростковая влюбленность относится ко времени его учебы в тульской классической гимназии, то есть к концу семидесятых годов XIX столетия. Этому предшествовало сближение семей Смидовичей и Конопацких, у которых были общие польские корни.

Глава семейства — Адам Николаевич Конопацкий — был инспектором училищ губернии. Его жена и мать девочек — Мария Матвеевна — держала школу и пансион, готовила «подготовишек» — мальчиков и девочек для дальнейшего обучения в гимназиях и реальной школе.

Мой давний знакомый и добрый мой просветитель, наставник в вопросах краеведения, человек поистине энциклопедических знаний, с завидной, несмотря на возраст, памятью, хранящей сотни, тысячи имен, дат, событий, наш краевед № 1 (как про себя мы, краеведы, его величаем) — Вячеслав Иванович Боть (а я сравнительно близко был знаком и часто общался с покойными краеведами Вадимом Николаевичем Ашурковым, Владимиром Николаевичем Уклеиным, Николаем Александровичем Милоновым, Ростиславом Романовичем Лозинским, Венорием Матвеевичем Рудневым, Сергеем Андреевичем Рассадневым, Станиславом Дмитриевичем Ошевским, а также ныне здравствующими Владимиром Васильевичем Пеньковым, Аркадием Аркадьевичем Петуховым, Галиной Петровной Присенко, Гавриилом Михайловичем Чудновым, Игорем Николаевичем Юркиным и многими другими ведами Тульского края и по этой причине могу с полным основанием подтвердить это закрепившееся за ним определение — краевед № 1) к тому, что я знал уже об этом доме и людях, связанных с ним, дополнил мои познания некоторыми интереснейшими деталями, дотоле мне неизвестными, а также воскресил в моей памяти некоторые факты и события. Например, что в семье Смидовичей было одиннадцать детей, в то время как С. А. Рассаднев в своей книге «Доктор В. И. Смидович» называет только девять, где Викентий упоминается вторым. В семье Конопацких детей было четверо: три девочки и мальчик.

В первое время, когда семьи стали общаться, Викентий Викентьевич отмечает, что скорее для них, детей, это было общение неинтересное, более навязанное родителями. Девочек же он «заменил» и открыл для себя заново в рождественские каникулы 1880-го, когда ему было 12 лет и он учился в 4-м классе гимназии.

В одну из первых встреч во время каникул в доме Конопацких, в зале, самом большом помещении дома, называвшемся хозяевами просто и более уместно гостиной, они веселились и часто танцевали вальс. Викентий приглашал их всех по очереди. Вечер был чудесный, настроение приподнятое. Он отметил, что старшая из них — Люба — вблизи (в танце) несколько грузновата, с жестким корсетом под тканью облегающего платья, а на расстоянии — настоящая красавица с темной косой до самого пояса. Средняя — Катя — лицом чудного матового тона с улыбкой Моны Лизы, с рыжими волосами, заплетенными в косы, обрамляющими ее голову в виде короны. Вальсируя и веселясь, он сказал ей: — Буду называть — золотая рыбка! Младшая из них — Наташа, блондинка. Он отметил, что все они по-своему хороши. В дальнейшем это чувство закрепилось, но отметил он и то, что Катя как-то более к нему расположена. Именно она при расставании в тот вечер, при всех пригласила приходить на следующий день, что поддержали и другие. И встречи были продолжены и длились эти веселые и радостные мгновения до конца каникул...

В греческой мифологии встречается Мнемосина — одна из жен Зевса — родившая ему девять дочерей — покровительниц искусств, поэзии, истории, наук. Их называли Музами. Одна из них — Клио — муза истории имеет к нам всем, пожалуй, наибольшее отношение, поскольку каждый человек, кто бы он ни был, в той или иной степени имеет самое непосредственное отношение, соприкосновение и даже определенную зависимость, ибо приходит он в мир не на пустынное место, а возде-

ланное предшествующими поколениями пространство совместного бытия, и уходит из него, внося свою лепту, лепту в историю своего рода, своей земли, края, лепту в историю всего человечества. Так все мы взаимосвязаны и взаимозависимы. Так было всегда, так есть и так будет.

И если представить историю как определенную сферу человеческой деятельности, то есть как описание и объяснение событий, происходящих вокруг в каждый момент, в каждый период времени, то, безусловно, история как повествование о нас самих будет тем правдивей и точней, чем объективней будут те, кто берет на себя смелость и обязанность отражения событий своего времени, а по сути — бремя историка. И если писатель, в художественной форме отражающий жизнь и события, может себе позволить некоторые вольности и даже фантазию, то историк, а равно с ним и краевед, не может отражать непроверенные, необоснованные факты и события. Постараюсь и я следовать этому правилу.

Пожалуй каждому туляку, интересующемуся историей города, известен дом на улице Гоголевской (бывшей Верхне-Дворянской), где жили Смидовичи. ныне здесь размещается литературный музей имени В. В. Вересаева. В этом доме (№ 82) в 1873 году Елизавета Павловна — мать Викентия — открыла первый в городе детский сад для девочек и мальчиков, а затем элементарную школу для детей 7—11 лет.

Вот как писатель отзывался об улице в своих воспоминаниях. «Тихая Верхне-Дворянская улица... Одноэтажные особнячки, и вокруг них — сады. Улица почти на краю города, через два квартала уже поле... Внизу, в котловине, — город. Вечером он весь в лиловой мгле, и только сверкают под заходящим солнцем кресты колоколен» (Вересаев В. В. Воспоминания. — М., 1948).

Викентий, выходя из дома, сворачивал налево и спускался по Старо-Дворянской (ныне — Бундурина) до Площадной (ныне — Каминского), сворачивал за угол и «с душевным трепетом» входил в дом Конопацких. «Очень большая, — писал он — темная гостиная с полированными деревянными восьмигранными колоннами. Колонны на середине высоты охвачены венками из резных дубовых листьев (ныне — утрачены — В. К.). Стрельчатые окна; сверху их — разнообразные мелкие стекла: синие, красные, зеленые, желтые». Когда Конопацкие съехали и куда, неизвестно.

Позднее дом перешел во владение купца Черемушкина, который несколько перестроил его, но в чем заключалась эта перестройка, точно установить не удалось. Известно только, что вплоть до Октябрьской революции в доме проживала вдова Черемушкина со своей дочерью.

Известно также, что в этом доме жили Рудневы. Об этом факте С. А. Рассаднев в своей книжке «Прогулки по улицам Тулы» (Тула: изд. дом «Пересвет», 2003) упоминает так: «В какие-то годы здесь жили Рудневы, сын и невестка легендарного командира крейсера «Варяг»... На что «краевед № 1» в приватной с ним беседе уточняет, что приехали сюда жить в 1916 году (очевидно снимая площадь у Черемушкиных — В. К.) вдова Всеволода Федоровича Руднева с сыновьями: средним — Георгием и младшим — Пантелеймоном, но жили недолго. После февральской революции 1917-го приехал к ним старший сын — Николай, служивший до той поры в Алексинском уезде, и все вместе они уехали в Севастополь, где и провели более двух лет, с 1917 по 1919-й. Позднее об этих событиях Николай написал в своих воспоминаниях.

В 1918 году в одной из комнат (предположительно — гостиной) здесь проживал Г. Н. Каминский (1.11.1895, г. Екатеринослав (ныне Днепропетровск) — 1938, Москва), руководивший в это время Тульской организацией большевиков и губисполком. Его бывшая жена Ольга Борисовна Розен, с которой я, составляя проект реставрации этого дома, переписывался в конце 80-х годов, вот что вспоминала об этом периоде: «В этом доме, т.е. на Площадной под номером 51, у него была комната... направо от входа, окнами на улицу. Напротив нее, окнами во двор, была большая комната, где

помещался штаб Красной гвардии и дежурили, а может быть, и жили, сменные красногвардейцы — «караул»...

Затем, некоторое время здесь размещался военкомат, которым руководил Дмитрий Прокофьевич Оськин (16.9.1892, д. Сокольники Епифанского у. Тульской губ. (ныне Новомосковского р-на Тульской обл.) — 7.2.1934, Москва), прибывший в Тулу в 1918-м по решению Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) как ответственный организатор Красной Армии на территории Тульской и Калужской губерний. Д. П. Оськин известен не только как первый военный комиссар, как организатор аппарата губернского и уездных военкоматов, как один из создателей 36-х Тульских пехотных курсов (где проходил переподготовку мой отец — Василий Сергеевич Куликов, участник первой мировой и Гражданской войн, чтоб по окончании курсов командовать подразделением в сражениях против войск Врангеля... погиб в Отечественную в конце 1942-го на Северо-Западном фронте, командуя ротой), как член Военного совета, как один из создателей 2-й армии и командующий Приволжским военным округом, но и как литератор — автор автобиографической трилогии, о событиях Первой мировой и Гражданской Войн: Записки солдата, Записки прапорщика, Записки военкома.

Сведений о первоначальном облике здания нет. Известно, что до переделок дом был полностью деревянным. Но вот перестроенное здание выдает руку профессионального архитектора, имя которого, к сожалению, не известно. Особняк строился на окраине города, почти в поле (и улица называлась в то время Полевой) и поэтому был обнесен высокой глухой кирпичной стеной — оградой. По-существу, эта была целая усадьба с хозяйственными постройками на участке, значительная территория которого занимала угол улиц Полевой (позднее переименованной в Площадную, а затем в Каминского) и Старо-Дворянской (ныне Бундурина). Южная стена ограды усадьбы шла вдоль Суровского переулка, исчезнувшего при реконструкции этой части в 80-е годы, чему я сам был свидетель.

Особняк был выстроен (или реконструирован) с применением готических стилизованных черт, проявившихся в его декоративном оформлении.

В статье «Весьма запоминающийся образ... Архитектурная летопись города», опубликованной в 1995 году от 28 декабря в газете «Тула вечерняя», я отмечал необычный, неконструктивный, а как бы «прилепленный», фальшивый характер «готических» элементов и деталей. Пилястры на фасаде и башенки на кровле — на деревянной основе, по которой наносился слой штукатурки «под камень». Примечательны окна, имеющие в верхней части цветные витражи, а также витражи над восточным и западным входами. Особенно хороша «роза» — витраж в круглом проеме над главным входом из чистого венецианского стекла. Все витражи в металлических переплетах. К моменту начала восстановления и реставрации здания, начавшихся в 1984 году, многие витражи имели значительные утраты.

Пилястры двух видов украшали все четыре фасада. По периметру здания в верхней части стен тянулся фриз с готическим рисунком декора в виде лучковых вдавненных арок, переходящих в сложнопрофилированный карниз. Крышу на углах четырех скатов венчали башенки, покрытые металлическим гонтом, штампованным по «чешую». Такие же башенки завершали с обеих сторон своеобразные, с витражами фронтоны, выступающие над главным и боковыми входами.

Памятник четверть века тому назад имел утраты и мелкие разрушения, портившие его общий вид. Были утрачены водосточные трубы, имевшие витые стволы за счет рельефной их выколотки. Исчезли декоративная парапетная решетка из кованого железа и некоторые башенки на крыше, а также своеобразные затейливые дымоходы над трубами. Внутри были нарушены декоративные оформления интерьеров некоторых помещений, дверей и входов. Утрачены во множестве дверные и оконные

ручки, шпингалеты, задвижки, петли и прочая скобянка, а также печные приборы и выбиты местами изразцы. Нарушен лепной декор карнизов, фриз и розеток почти по всем помещениям. Паркетный пол, набранный из дубовых клепок, во многих помещениях рассохся и требовал ремонта и восстановления. Все это — результат эксплуатации здания в послереволюционное и последующее время «на износ».

При реконструкции этого района под многоэтажную застройку в конце 70-х годов многие жилые дома и иные постройки, составляющие историческую среду вблизи памятника, были безжалостно снесены. Встал вопрос о сносе и этого здания. И только благодаря решительным действиям заинтересованной общественности города, тем людям, которым небезразлична судьба старинных зданий и самой истории Тулы, к числу которых не без гордости отношу и себя, удалось отстоять от сноса сам особняк. Но все же были подвержены сносу хозяйственные службы и подсобные постройки усадьбы, а также кирпичная добротная ограда по периметру участка, которые спасти не удалось. А особняк я и мои единомышленники по обществу охраны памятников (ВООПИК), где я в то время возглавлял секцию архитектурных памятников, внесли в список охраняемых объектов, то есть в число памятников истории и культуры. Но в охранной зоне памятника, в непосредственной к нему близости, позади него возвели панельный 9-этажный жилой дом, который своим масштабом «унизил» стоящий «у его ног» памятник.

Долгое время, еще до начала восстановительных работ, в этом здании размещались лаборатория эпидемиологии и микробиологии облздрава, областная санэпидемстанция и медицинская библиотека.

Когда Тульский реставрационный производственный участок приступил к восстановительным работам, здание не имело хозяина и не было ясности, под какие функции его приспособлять. Чтоб его не растащили мародеры после того, как отсюда съехали медики, власти временно разместили здесь группу художников-оформителей Центрального парка. В этот период здание не ремонтировалось ни снаружи, ни изнутри, приняв за какие-то 5 лет весьма плачевный вид. Только в 1988 году решением горисполкома оно было передано в аренду Тульской организации союза писателей и Литфонду.

Помню, пришел ко мне Виктор Трапезников, бывший в то время председателем правления ТОСП, с просьбой разработать проект приспособления здания под нужды писательской организации. Я тогда возглавлял проектный отдел в реставрационном участке и принял заказ.

Заданием к проекту приспособления помещений под новые функции оговаривалось и такое условие: на базе 2—3 комнат создать музей Г. Н. Каминского. Сюда была доставлена даже памятная доска из темно-коричневого гранита с портретным его изображением, отлитым в металле, до того размещавшаяся на фасаде старого здания Тулоблисполкома, снесенного в 1987 году.

Финансирование проходило по двум каналам: на реставрацию фасадов средства выделялись органом охраны памятников — производственной группой, а на ремонтные работы по приспособлению помещений — Союзом писателей. Но и тех, и других средств не хватало, и работы растянулись на годы, тем более, что в процессе производившихся на здании работ выявлялись непредвиденные трудности, появлялись все новые и новые проблемы.

Здание имеет два этажа: цокольный, с высотой 2,6 метра, и верхний — в сущности первый этаж, с высотой около 4 метров. Цокольный выстроен более капитально, из кирпича и облицован снаружи блоками пиленого белого камня — известняка, которым отделялись многие цоколи и крыльца старинных зданий Тулы. Верхний — деревянный сруб из брусев, обшитый был тесом с засыпкой в качестве утеплителя гречишной шелухой, а затем по дражке оштукатуренный.

В процессе ремонтно-восстановительных работ обнаружилось плохое техническое состояние древесины стен, которая была во многих местах поражена грибом-плесенью. Гнилые участки были в подмокаемых местах разрушенных водостоков, откуда гниль распространялась далее.

Было принято решение: пораженные участки заменить и обложить деревянный сруб кирпичом, создав дополнительную несущую опору для конструкций перекрытий и крыши. А через некоторое время пришлось заменить полностью конструкции перекрытий и чердачных стропил и, конечно, покрытий. Обкладка сруба кирпичом и замена конструкций крыши повлекли за собой замену (исполнение вновь) почти всех архитектурно-декоративных и художественных элементов, что весьма осложнило процесс производства работ и значительно удлинило сроки. Все это требовало все новых и новых трудовых затрат и фанасовых вливаний. Но по линии Союза писателей поступление средств было прекращено, что заставило искать нового хозяина, и областной комитет культуры предложил помещения центру народных промыслов. Около двух лет велись работы, финансируемые комитетом культуры под народные промыслы, а вскоре было принято другое решение — отдать здание под нужды краеведческого музея, испытывавшего по тому времени крайнюю нужду в дополнительных площадях. Но поскольку финансирование продолжалось все по той же линии — всегда нищей культуры, то дела шли далеко не споро, и было время — около года, — когда на этот объект не поступало ни рубля, а здание стояло под замком. И неизвестно, сколько бы это продолжалось...

Памятная доска Григорию Каминскому, стоявшая сначала в нише входного тамбура, по распоряжению бригадира — «от греха подальше», — внесенная в одно из внутренних помещений, попала под обрушившуюся балку (при замене конструкций перекрытия) и разрушилась на части. В одно из посещений в качестве авторского надзора я сфотографировал ее остатки и сделал общие замеры с целью ее восстановления в дальнейшем, но эти — «лучшие времена» — так для нее и не настали.

В 1994 году последовало решение областной администрации — передать здание-памятник Фонду поддержки творческой интеллигенции, возглавляемому Валерием Масловым, входившим в коридоры власти, с выделением средств на восстановление. Около года велись работы, но... это даже при большом желании назвать реставрацией невозможно, поскольку велись работы чисто ремонтно-строительного характера, без привлечения не только реставраторов, но и авторского надзора. Но в этом, скорее, большая доля вины государственного органа охраны памятников истории и культуры, должного стоять на страже Закона, но допустившего к производству работ на завершающем, самом ответственном этапе организацию, не лицензированную в области реставрации, не настоящего и в обязательном осуществлении научного руководства по всем видам работ на памятнике, как требуют нормативы. А последствия этого таковы: крыша в местах выхода печных труб и вентиляционных каналов дает течь, что отражается на состоянии чердачных конструкций и перекрытий, на потолках появляются разводы; в интерьерных помещениях лепные элементы, детали фурнитуры, светильники и многое другое либо не соответствуют проекту реставрации, либо отсутствуют вообще. И перечень этот можно продолжить, но... нынче во всем городе это единственное место, где творческой интеллигенции есть возможность устраивать выставки, проводить презентации, отмечать юбилеи и, наконец, просто общаться, а это уже много. В этот дом мне легко приходиться...

СВЕТЛЫЙ ХУДОЖНИК

20 февраля в Выставочном зале, что на Красноармейском проспекте, на суд общественности и своих коллег представил в очередной раз свои работы художник-

пейзажист Евгений Жидков. Его последняя персональная выставка была семь лет тому назад.

Я давно, более четверти века знаком с ним и его работами, часто бывал у него в мастерской и почти на всех его выставках. Наблюдал за его становлением и совершенствованием. Отрадно, что он не стоит на месте, растет от выставки к выставке, что и было отмечено многими на вернисаже.

Одна из первых крупных персональных его выставок состоялась в Туле в 1985 году, на которой туляки имели впервые возможность в полном объеме соприкоснуться с его светлым и по большому счету добрым искусством, полным любви и восторга к родной земле, природе во всей ее красе, многообразии и многоцветье. Выставка называлась «Под мирным небом». Само название настраивало по-особому. Посвящалась 40-летию Победы, он связывал ее с памятью всех павших, с памятью отца...

Память об отце — тема близкая и мне. Наши судьбы во многом схожи...

«Первые его отчетливые воспоминания,— писал я о нем в газете «Молодой коммунар» за 1 марта 1986 года,— снежно-грязный ноябрьский вечер сорок первого года, пропитанный тревогой, заполненный звуками дальних взрывов, проникнутый чувством тоскливого страха, затаившегося, кажется, в завешанных плотно темных окнах. И вдруг — двери настежь, вваливается измотанный, грязный и мокрый отец, с ним еще сосед. Оба — оттуда, с переднего края, из окопов, где самое главное вершится. Рассказывают наскоро, как там и что. Главное — немцев в Тулу не пустили и не пустят, это уже ясно, иначе быть не может...»

Интересно — до этого вечера он отца не помнит ясно, был и был, как все вокруг было из привычного. Только разговоры — все о заводе, об оружейниках, о сборщиках — отцовых друзьях, о маминых друзьях по другому заводу... А вот этот вечер в памяти остался — и отец, как бы впервые увиденный, из боя пришедший, из заболоченной траншеи. Как мылся (для того и пришел), как чай наскоро пил, как обнял в последний раз мать, сестер и его, Женю, как сосед зашел за ним, и как они ушли в ночь. Навсегда ушли. Через несколько месяцев пришла похоронка из-под Калуги. И уже значительно позже, повзрослев, узнает и осмыслит Женя Жидков многое о жизни отца своего, Николая Ильича, мастера-оружейника, ушедшего, несмотря на бронь, в Тульский рабочий полк, отстоявшего вместе с товарищами своими родную Тулу и ушедшего от нее с полком дальше...

А тогда, в сорок первом, всего четыре года было ему, и мало он еще понимал умом, лишь сердце уже жило ясно — и трудностями, и радостями тех дней.

Жизнь сердца, жизнь чувств. Уж так повелось, что кому-то дается она в большей мере, чем другим. Удивительно чутким бывает тогда сердце, удивительно зорким и приметливым глаз, каждую мелочь отмечающий и подмечающий по-особому. Такая душа, озаренная особым светом, впитывает в себя впечатления мира жадно, глубокий и яркий след оставляют они. Так было и с Женей. Кировский поселок с деревенским тогда уютом, Площадка со звоном трамваев, Лентяевка с садами и немощными улочками, покрытыми щетинкой гусиной травки. Стадион, где зимой — серая гладь льда, а летом — любезные сердцу заросли «лепешки», которыми можно подкормиться. А дальше — Глушанки со звуками гармошки. А за ними — полевой простор и милота полной свободы. Шалаши из ветвей, лужи дождевой воды, мокрая под босой ногой трава... И родное, знакомое — и разное все в каждую минуту, а не только в разное время дня или года. По цвету разное, по настроению, по ощущению, душе подаренному. В каждый миг любая травинка любое облачко — чудо неповторимое и единственное...

Так шло детство — через нелегкий быт семьи, где мама растила детей без отца, через радость весенних дней, когда впервые открываются после зимы окна с ватой и неизменными блестками или искусственными цветами между рамами, блеск чисто

вымытых стекол, радость победного дня...» Так писал я о нем, а, по-сути, о себе. Настолько были схожи наши судьбы в начальный период жизни! Мы — одногодки, безотцовщина... Мой отец погиб также на этой, проклятой нашими матерями войне, в одиночку выхаживавшими детей в военное, да и в послевоенное время, испытанными голод, нужду — постоянных спутников нашего детства и отрочества. Только он испытал это здесь, в Туле, а я в городке на Южном Урале, в эвакуации, куда занес нашу семью ветер войны из Тулы. И увлечения нашего детства так были схожи... стремление в рисунках запечатлеть свои ощущения своего мира...

Да, уже тогда в его рисунках жило души отражение, уже бились рука и глаз над еле уловимым оттенком, над настроением.

А совсем близко, во Дворце культуры завода, на котором когда-то работал его отец, находилась самодеятельная изостудия, в которой в разные годы начинали свой творческий путь известные живописцы М. Серегин, Б. Вагин, М. Батов. Одним из активнейших и способных студийцев был П. Крылов — впоследствии член крепкого содружества трех художников — «Кукрыниксы».

Сюда, в изостудию был прямой путь и Жене, и очень ему в то время повезло, что первым здесь его наставником стал человек одержимый, заставивший и его жить формой и цветом, всецело отдаваться во власть рисунка, картины, изображения простых истин, чувствуя любые, даже еле уловимые, оттенки. Благословенный Николай Иванович Орехов, ниспосланный Жене судьбой! Сам неистовый фанат своего дела, он сумел заметить пробивавшийся к жизни талант в юном художнике. Он сумел увести от улицы, выросшего в коренной рабочей семье подростка, привить ему чувство красоты, заставил всецело, самозабвенно уйти в этот мир красок, мир душевной гармонии...

Затем были годы учебы в Пензенском художественном училище имени Савицкого, довольно известном в то время. Помню, когда я учился в 6-7 классах средней общеобразовательной школы в уральском городе Медногорске, рисунок и черчение вела молодая, весьма привлекательная учительница и талантливая художница (по-крайней мере, мне так виделось), выпускница этого училища. Заметив во мне способности к рисованию, она настоятельно рекомендовала продолжить учебу именно в этом заведении, приводя аргументы в его пользу, описывая достоинства, специфику и процесс обучения. И я уже склонялся к этому решению, но судьба распорядилась иначе...

Еще в училище Евгений стал на путь поиска собственного стиля, своего «лица», своей темы. Если сказать, что путь этот был очень уж трудным и мучительным — наверное будет не совсем правдой: от впечатлений детства и отрочества, оставшегося навсегда с ним чуткого восприятия и видения красоты мира лежала дорога ко всему, из чего сложился затем зрелый Жидков — художник-поэт, тонкий и лиричный певец природы средней полосы России.

Рассматривая его работы, представленные на первой персональной, рассуждая сам с собой и делясь своими впечатлениями с читателями «Молодого коммунара», я писал в упомянутой статье: «Трудно вообще писать о картинах, особенно о пейзаже. Описывать пейзаж Жидкова трудно особенно, потому что это не просто красиво и достоверно, это — удивительным образом представленные настроения, миг времени, его неповторимость, отношение художника к этому мигу, состояние его души и одновременно — вся жизнь с прошлым и будущим, во всей своей многогранности, во всем многообразии, кусочек жизни и его, художника, и общечеловеческой.

Спокойными, чаще всего светлыми, прекрасно-трогательными ландшафтами с широкими далями российскими, с полями, перелесками и взгорьями, с водными просторами, лесами и купами деревьев заполнены его холсты.

К небу — вечно меняющемуся, бесконечно разнообразному — он относится, кажется, с особым чувством, с особым пристрастием». Это осталось у него с детства. Кто из нас не любил, раскинувшись на траве, долго всматриваться в это сине-голубое

бесконечное пространство, осознавая, определяя себя как бесконечно малую величину этого огромного мира, засматриваться на облака, быстро меняющие свои причудливые формы, и в зависимости от собственной фантазии и настроения видеть те или иные фигуры животных, людей, образы понятного нам окружения. Так у Евгения сохранилось и поныне это трепетное и в тоже время вдумчивое отношение к небу, к облакам, заполняющим его, где он видит символы и знаки. «Стараясь удержать на полотне то или иное его состояние, его мгновенный и поминутно меняющийся образ, он пристально следит за малейшими изменениями этого великого пространства. В картине «Жатва идет» небо занимает более чем две трети полотна, именно купы облаков, пронизанных лучами солнца, создают впечатление напряженности страды на полях, раскинувшихся под ними, зарождают ощущение труда, хотя каких-то производственных деталей в картине нет».

Я помню то время, когда многие художники, следуя наставлениям свыше, писали полотна на производственные темы, изображая человека труда, и это было главной темой выставок тех лет. Но Евгений и здесь нашел свой подход. Это вообще удивительное свойство Жидкова — писать пейзажи, но говорить в них о труде, и об отношении человека к труду, и о многом еще. Вот картина «На полях тульских». На ней — огромное поле, вплотную подступающее к городу, к заводским корпусам на горизонте, все окутано дымкой весеннего воздуха, весенним маревом, на поле — пар, грачи, сквозные вершины еще почти голых берез. Все торжественно и нежно, все рождает ощущение пробуждения, рождения нового. Но здесь — ощущение романтики труда на земле, и мысли о соединении в нашем, сегодняшнем мире новой индустриальной мощи, искусственно созданных предметов и вещей с вечным, непреходящим и хрупким — с природой, и чуть-чуть легкой грусти... Он не просто художник, он философ, раздумывающий о многом, и важном и сложном, и умеющий о своих раздумьях рассказать в зримых образах.

Считается, что пейзаж — жанр наиболее далекий от конкретных жизненных проблем, зачастую пейзажиста даже упрекают за то, что он уходит от жизни, от всего, чем наполнено время.

У Жидкова же в пейзаже — именно наше время, с его проблемами, с отношением к миру природы сегодняшнего человека и гражданина. Природа для него — не нечто отвлеченно-прекрасное, она — суть жизни, суть ее глубины и средоточие ее проблем. Вечные и сегодняшние связи человека и природы, их взаимодействие, их конкретно-реальное влияние друг на друга — вот что, в сущности, пишет Евгений Жидков, а не просто пейзаж. Это доступно не всякому.

Важно еще, что каждому из нас многое на картинах его знакомо. Вот это — поле за Петушками, это старый дворик на Менделеевской, а это Ясная Поляна, вот сквер у тульского кремля, а это — окские просторы. Он — поэт земли именно тульской, его пейзажи — это всегда признание ей в любви и восхищение ею.

В последние годы он порой целыми месяцами живет в Егнышевке, не переставая восторгаться окружающей природой, ее неповторимостью в разное время и в разное время года. Сиренево-розовый цвет распустившегося иван-чая на фоне зелено-голубого леса и бело-голубых облаков — это «Иван-чай цветет». Изумрудно-синеватые цветущие хлеба и густозеленый океан поля — «Хлеба цветут». «Бурный день» — на дачном участке буйство садовых цветов и зелени на грядках. «Полдень» — обед в саду, все залито ярким солнечным светом. Осенние цвета и настроение — в картине «Бабье лето. Сентябрь», где все соткано из теплых желтых и оранжевых тонов...

Он никогда не пишет эскизов, лишь легкую почеркушку сделает — и сразу за главное. Он говорит об одной картине: «Вот это удивительный был день — конец марта, снег сходил, ручьи трезвонили, трава уже вылезла — на солнце глазееет, небо пронзительной синевы. Весь день там провел — и каждую минуту все по-новому,

снова смотришь во-о-от такими глазами и не удивишься, хоть каждую минуту пиши заново...» Он сам — как часть природы: пшеничный цвет волос — от спелости хлебов, яркая голубизна глаз — от незабудок, нежно им любимых...» Так писал я о Евгении Жидкове почти четверть века тому назад, но и сейчас, несмотря на то, что он давно перешел в иную возрастную категорию, в его работах по-прежнему отражается оптимистическое настроение, они пронизаны светом, восторгом, и так же, как и прежде, настраивают на добро и удивление. Только теперь в них видится еще большее техническое совершенство, объемность изображения, свой «почерк», рука зрелого мастера, трепетная любовь к родной земле, раздумья о смысле жизни, более серьезное отношение к миру.

И не даром другой художник — художник слова Виктор Пахомов на открытии последней выставки охарактеризовал работы Евгения Жидкова как значительнейшее явление, а его самого, как мастера российского уровня. Ну что ж, с этим нельзя не согласиться, тем более, что я давал творчеству нашего героя высокую оценку еще тогда, выделяя его не только среди художников региона, но пророча ему более высокий пьедестал. Это было в подлиннике статьи, переданной в редакцию «Молодой коммунар», той самой статьи, выдержки из которой здесь приведены. Но в опубликованном варианте редактор Элеонора Коробицкая подкорректировала в моем тексте именно этот пункт, очевидно из осторожности, к тому же без моего ведома она подписала статью и своей фамилией. Таким образом у материала (статьи) стало два автора. Я попытался выяснить по какому праву это произошло, но она вскоре уволилась из газеты. Ну что ж, Элеонора Коробицкая, пусть это останется на Вашей совести.

Я же верил художнику и нисколько не сомневался в его неординарных способностях письма красками, в его таланте живописца, видя в его произведениях гармонию природы и души. И время подтвердило это. Начиная с первой персональной выставки 1985 года его работы стали экспонироваться на всех городских, областных выставках, и далее, несмотря на строгий отбор, на многих российских и всесоюзных, в Рязани, Тамбове, Костроме.

В 1987 году организуется его крупная выставка в Калуге. А в 1989-м на него обратил внимание коллекционер, ценитель и меценат Эдмонд Розенфельд, имевший частную галерею и сбыт в Париже. С его помощью были организованы выставки в Париже, Бордо, Тулузе, Белнер-де-Люшоне, Боне (Франция), Женеве (Швейцария), сопровождавшиеся к тому же и реализацией — продажей картин, что было большим материальным подспорьем. Их отношения продолжались до 2003 года. В этом же — 2003-м его работы были представлены на выставках в залах Тульского художественного музея, в галерее на Тверской в Москве. Затем персональная в Доме художника на Крымской набережной и в гостинице «Марко Поло» в 1998-м в Москве. Потом крупная выставка в 2000-м, персональная в 2002-м, участие в региональных и российских выставках в разные годы. В 2008-м Жидкова избирают председателем правления Тульской организации Союза художников России. И вот крупная персональная выставка, высветившая его в который раз как состоявшегося мастера пейзажа, как яркого, светлого художника, работающего в лучших традициях реалистической школы, со своим индивидуальным художественным мировосприятием, являющего широкий диапазон и спектр окружающего мира с использованием своеобразных средств и приемов восприятия реальности, с темпераментом присущим его таланту и неумному характеру.

И вполне заслуженно его рекомендуют на заслуженного!

Ирина Кедрова
(г. Москва)

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕЙСТВУЕТ

Ирина Кедрова — зав. отделом критики журнала «Приокские зори»

Академия Российской литературы — молодая общественная организация, поставила перед собой насущные задачи. Отстоять русское слово, не дав ему опуститься, как образно выразился вице-президент Академии Л. Ханбеков, до уровня «телесного низа». Терпеливо возвращать поэтов и прозаиков, критиков и публицистов, для чего создавать условия публичного выражения художественного творчества современных писателей. Организовывать литературные объединения, кружки и студии, в которых возможно качественное воспитание литературного вкуса, прежде всего, у современной молодежи, нуждающейся в защите от пошлого, хамского, низкопробного текста.

Завершив в основном организационные вопросы, Академия перешла к изданию художественных произведений, чтобы заявить о себе и об авторах — сторонниках ее стремления сохранить в российской литературе лучший опыт прежних лет и раскрыть читателю новых авторов, откликающихся на реалии сегодняшнего дня.

Коллегии детской литературы и публицистики в настоящее время готовятся к выпуску первых изданий.

Коллегия прозаиков выпустила первый том Антологии современной прозы*, в котором заявили о себе такие авторы как Н. Гнатюк, Г. Дубинина, Н. Квасникова, И. Кедрова, Э. Клыгуль, В. Кузнецов, В. Мирнев, И. Нехамес, Л. Попова, И. Рухович, З. Фомина. Широкий тематический круг рассказов. Авторы пишут об осознании человеком своего места в жизни, о его отношении с природой, о семейных и бытовых проблемах, о чеченской войне и ее последствиях. Обычные темы, касающиеся каждого жителя российского общества, но раскрыты они так, что вновь и вновь убеждаешься: только нравственная человеческая основа способна удержать современное российское общество в рамках цивилизационного процесса. Анализ произведений, включенных в Антологию современной прозы, мы бы хотели отложить на некоторое время, поскольку уже готов к изданию второй том и формируется третий.

В этом же очерке мы привлекаем полновесное внимание читателя на деятельность Коллегии поэтов, оказавшейся застрельщиком в важном деле публичного общения с читателем. В 2009 году выпущены четыре тома Антологии современной поэзии под названием «Созвучье слов живых»**. Название символично. Оно утверждает: Слово живо, оно принадлежит поэтам. Созвучье же убедительно, поскольку слова, близкие по духу, силе воздействия, красоте звучания, способны «мир перевернуть» и душу человеческую возвысить.

* Сверхбыть и небыть. Антология современной прозы: Рассказы. — М.: Московский Парнас, 2009.

** Созвучье слов живых. Антология современной поэзии. Том I, II, III, IV. — М.: Московский Парнас, 2009.

В Антологии объединены как члены Академии, так и кандидаты. Это сделано для того, чтобы показать читателю тот огромный художественно-литературный потенциал, что имеется у общественной организации, стремящейся привлечь в свои ряды творческих и одаренных людей.

На наш взгляд, писатель не только одержим литературным делом. Он видит и остро чувствует те процессы, которые происходят в обществе, в природе, в человеке. Он умеет творчески отразить их развитие. Владеет русским языком (или любым, на котором пишет), способен выразить полновесным словом то, что, переработав внутри своего «я», отдает читателю.

Такие поэты объединены в академической Коллегии, и, следовательно, в поэтической Антологии. Они — разные по настрою, творческой теме, умению стихосложения, — близки по духу, не смотря на то, что живут в различных уголках нашей большой страны. Эта близость проявляется, прежде всего, в любви к отечеству и к людям.

Сегодня поэзия, как справедливо отмечает Л. Ханбеков, нуждается и в санитарно-врачебной обработке от пошлости и грязи, и в стихотворцах, способных противостоять негативным общественным явлениям [т. I, с.3]. В этом противостоянии состоит важнейший смысл выхода в свет обсуждаемого издания.

Широко представлена в Антологии тема России: с историческими победами, с осознанием трагических событий и явлений, с признанием в любви к отечеству. Разве мы с вами, думающий и влюбленный в Россию читатель, не откликнемся душою на такие строки?

*В твои не наглядеться воды...
Травинкой в поле обернусь —
И будут ясными восходы,
И будет лик твой светел, Русь!* [Е. Антошкин, т. I, с.40].

*Был день — как лед,
Холодный, синий,
Серели тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение ее...* [Ю. Ключников, т. II, с.188].

*Какая сила нас влечет
К тем далям, временем поросшим,
Где по лугам и через рощи
Речушка малая течет?* [Г. Азанов, т. IV, с.16].

Авторы поэтической Антологии, осознавая себя носителями общественных дум, размышляют о значении поэта в современном обществе. В этих размышлениях уверенность в великом назначении поэта, в осуществлении миссии, которая не каждому под силу, и предъявление к творцу поэтического слова требования высоты духа и стойкости.

*Несет поэт земное бремя,—
Угрюмо тащит груз забот.
Судьбы непознанное время
Его без усталости зовет...* [Г. Осипов, т. I, с.275].

*Поэт приговорен, как дважды два,
Он жизнью всей идет к смертельной плахе.
Не зря по нем звонят колокола,
Держа владык на непонятном страхе...* [Г. Дубинина, т. I, с.161].

*Большой поэт не просто редкость —
Среди сверкающих вершин,*

*У каждого своя известность,
Большой поэт всегда один...* [И. Рухович, т. I, с.333].

*Поэтом быть — всмотреться в синеву:
Вселенная — предстартовой площадкой!..* [Ю. Бердников, т. II, с.7].
*Пространство, полное любви,
Творит поэт, забытый миром* [Н. Дубовицкая, т. IV, с.205].

В томах Антологии заявили о себе стихотворцы, остро чувствующие красоту слова, а также ритм и музыку строки, рифмовое единство и разнообразие. Среди авторов, кроме тех, кого мы уже назвали: П. Ашукин, Т. Булевич, В. Кузнецов, И. Нехамес, А. Ореховский, Р. Тишковский, Е. Токарева, В. Широков и др. О каждом из них можно написать статью, выделить его главную тему, рассмотреть особенности творчества.

Если же характеризовать тома, ставшие реальным воплощением деятельности поэтической Коллегии, то следует отметить: тематика разнообразна — о родине, любви, природе, семье, о назначении и сущности человека.

Современным поэтам, как и в прежние времена, присущи такие качества как гражданственность, четко выраженная позиция, острота взгляда.

*В деревенской большой избе,
Где всем вместе и черт не страшен,
Выбрать есть из кого судьбе
И для космоса, и для пашен* [А. Третьяков, т. IV, с.249].

Стихотворцы по-прежнему являются философами и лириками, стремятся к свободе самовыражения и творческому поиску.

*Как Божий знак
Над космосом склоненный,
Мерцает в пустоте бездонной
Путь бесконечный — Млечный,
И это вечно...* [В. Владимиров, т. I, с.93].

Образность слова, богатство мысли, широта взглядов являются естественным состоянием их творчества.

*Как в октябре багров стыдливый клен!
За чьи грехи так явно он краснеет?
Верхушку клонит гибко, будто шеею,
Дождю и ветру отдает поклон ...* [Н. Квасникова, т. II, с.164].

Боль за все, что происходит в Отчизне, бьется в поэтических строчках:

*Деревья падают, невежеством убитые,
Так падал храм столетие назад,
Так падал, сломленный и всеми позабытый,
Под топором судьбы вишневый сад...* [О. Астафьева, т. IV, с.47].

И радость бытия заполняет страницы:

*Стихия ветра, стихия снега,
Я вас люблю...
Какая воля, какая нега...
Земли и неба
Свободу пью...* [С. Вермишева, т. IV, с.91].

Вместе с тем, требовательное восприятие поэтического творчества авторов Антологии заставляет нас снова и снова размышлять о том, что есть поэзия, что отлича-

ет ее от простого, мы бы сказали — бытового, сложения предложений в строки, заканчивающиеся созвучными слогами-словами. Если человек составил фразу: «льется кровь — пришла любовь», это еще не значит, что он стал поэтом.

Разумеется, одно из главных условий поэтического творчества — актуальность поднимаемых тем. Эти темы должны быть интересны не только автору (иначе — пиши для себя и читай сам себе), они должны находить отклик в сердцах читателей. Далее — тематическое разнообразие, отражающее многомерность человеческой жизни. Пусть даже не всегда автор показывает позитивные явления. В том и заслуга мастера — увидеть позитивное и высветить; обнаружить негативное и заострить на нем внимание, чтобы привлечь читателя к раздумью.

Известно, что поэзия сильна чувствами, которые она вызывает в людях. Возникли чувства у читателя в душе, и откликнулся он на поэтические строки — засмеялся, заплакал, взгрустнул, взрастил в себе сочувствие, испытал горделивое или радостное состояние. Возможно, и злость проснулась, и даже обида. Чувства разнообразят жизнь человека, расширяют его мировосприятие. Поэтическое творчество в воспитании чувств играет великую роль.

Конечно, нужно поэту словесное богатство. Тогда не возникнет при чтении стихов ощущения однообразия и скуки. Более того, придет наслаждение словом — его красотой, звучанием, разнообразием способов выражения мысли. Тропы, эпитеты, сравнения, метафоры, несомненно, придадут поэтическому тексту образность. Они способны повести мысль автора и читателя в новое, еще неизведанное.

Однако нельзя увлекаться образностью до такой степени, что смысл теряется, идея прячется, и нет ясности, что же хотел сказать поэт. Идея, смысл того, что желает донести миру, не должны ускользать ни от автора, ни от читателя. Совсем не обязательно, чтобы мысль выдвигалась на первый план, и незамедлительно проявилась. Вполне допустим способ выражения, когда не сразу авторская мысль становится достоянием читателя, однако она всегда должна присутствовать в произведении.

И, наконец, золотое правило поэтического творчества — соблюдение рифмы и стихотворного размера, что создает определенный ритм произведения. Мужские, женские, дактилические, гипердактилические, точные и неточные рифмы, а также ямб, хорей, амфибрахий и т.д. Законы стихосложения созданы не для того, чтобы измучить голову начинающему поэту. Они не только влияют на ритм стихотворения, но и разнообразят стиль, создают особый колорит.

Впрочем, все, о чем мы сейчас пишем, является качественной огранкой таланта. Есть талант, есть знание основ стихосложения — тогда напишется произведение, волнующее сердца.

Как отзвук трепетной души,

Как грань величья Духа,

Оно рождается в тиши,

Чтобы дойти до слуха

И прошептать: «Пиши, пиши!...» [В. Кузнецов, т. III, с. 112].

Многотомное издание Антологии современной поэзии призвано решать важнейшую задачу — возвращать поэтов, помогать им в осознании себя и своего стиля. Человеку, поэтически настроенному, способному к усердию в познании законов поэзии, надо помочь: то есть поддержать, дать возможность выразиться.

Поэту, который выработал стиль и определил тему творчества, жизненно важно встречаться с читателем, прежде всего, на страницах книг. Да и читателю это необходимо, ибо поэзия ему нужна.

Замечательно и верно сказал о поэзии Л. Ханбеков: «Мы ее растим в себе, а она растит нас, одухотворяя, наполняя светом, согревая в тяжкие минуты» [т. II, с.4].

Вячеслав Лютый

(г. Воронеж)

ТЕРПЕНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

(Поэзия Дианы Кан и современность)

Лютый Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором, заведующим литературной частью театра, менеджером коммерческого банка, работал в русской редакции издаваемого в Европе журнала «Континент». В настоящее время является членом редакционной коллегии старейшего всероссийского литературно-художественного журнала «Подъём», издаваемого в Воронеже. Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Лауреат Всероссийской премии «Русская речь». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже. Литературоведческие и культурологические работы Вячеслава Дмитриевича публикуются на страницах таких изданий, как «Литературная газета», газета «Российский писатель», «Независимая газета», «День литературы», «Литературная Россия», журналы «Сура», «Русское эхо» и многих других.

...В стихотворениях Дианы Кан* практически невозможно обнаружить то бесильное уныние, которое, словно паралич, поразило нашу поэзию в последние годы. Не беря во внимание стихи бравурные, во многом внешние и крайне несовершенные в литературном отношении, можно увидеть, что тяжкий недуг тоски все более утверждается в русском поэтическом организме. Крайне мало поэтов, которые не призывая к немедленной борьбе за возрождение родимой земли, так чувствовали бы ее мощные подземные токи, так понимали бы ее глубокое и величественное дыхание, так спокойно созерцали бы ее почти мистическую красоту — бессмертную: ибо уйди человек-варвар в никуда, и воспрянет все природное в своем дивном совершенстве, будто и не было века жестокости, беспамяත්ства и сухого ума. Жизнелюбие — едва ли не уникальное свойство в современной литературе — есть примечательнейшая духовная черта поэзии Дианы Кан. Это движение сердца, взгляда, ума охватывает в ее стихах видимый земной мир и человеческое прошлое, оно устремлено в завтрашний день, вернее, к той черте, что отделяет сегодняшнюю, непроглядную ночь от наступающего рассвета. В поэтической речи Кан нет резонерства и петушинных уверений в неизбежности русской победы над злом. Но есть какое-то тайное знание, что эта победа определенно произойдет... Поэт должен обладать невероятно большим ростом, он парадоксально возвышается над временем, ему по силам ози́рять огромные земные пространства и приближать к глазам крохотные детали мира. Конечно же, перед

* Диана Кан — автор нашего журнала; см. «ПЗ» № 1/2010, а в № 2/2010 представлены своими произведениями участники литобъединения г. Новокуйбышевска, которым Диана Кан руководит.

нами метафизическая фигура певца, спрятанная в человеческое тело с неповторимым лицом, движением глаз, взмахом рук, голосом и походкой. У него есть имя и фамилия, родичи и друзья, отчий край, любовь, ненависть, борьба и милосердие. И еще — чувство рода... Ясно понимаемое слово «мы» наполнено для поэтессы не только совершенно реальным расширительным смыслом, но и мистическим, когда на одной линии могут стоять и древний богатырь, и крестьянин-пахарь прошлых десятилетий, и солдат Великой Отечественной, и учитель-подвижник, не жалеющий себя в нынешнее, вероломное и подлое, время.

...У Дианы Кан всякое упоминание воды связано с реками, ручьями, дождем... Малые — говорливые Татьяна, Криуша, Сухая Самарка, величественная Волга со своими притоками-воложками, песенный казацкий Урал-Яик, Москва-река, мертвящая живую влагу, что питает ее течение... Иные речки кажутся людьми, со своими повадками и житейской историей. Хотя их долгий век несопоставим с мгновенной человеческой жизнью. Они исподволь, как бы невзначай могут рассказать певцу многое о давнем времени, о людях былинного прошлого, о чудесных знамениях и пророчествах. Вода у Кан всегда течет, животворит, утоляет жажду и вместе с землей дарит крестьянину хлеб... Таинственная родовая стихия, вода связывает землю и небо, касается человека, омывает его, но в руки не дается, потому что является чем-то изначально живым, в отличие от любого иного предмета, даже луговой травы. По сравнению с измученным цивилизацией человеком, бег речной воды кажется мудрым и наивным одновременно... Речной говор перекликается с песенным словом, и шире — с народной речью. Поэт одухотворяется этой языковой средой, ее сокровенной правдой, исповедальной как в мистическом, так и в земном смысле, когда важно рассказать другому обо всем, что мучает твое сердце. Совершенно реальные земли и реки у поэтессы соседствуют с былинными образами. И если реальность, попадая в художественное произведение, становится некоей идеей, словно бы парящей над грубой земной поверхностью, то мистический антураж, совсем наоборот, превращается во что-то осязаемое — его можно не только видеть в деталях, но и потрогать рукой. Таковы два стихотворения Кан о реке Смородине и Пучай-реке. В них лирическая героиня предстает в виде воительницы, призванной остановить нашествие тьмы и смерти на Русь.

В славянской мифологии Смородина — река, отделяющая мир живых от мира мертвых; место обитания Чуда-Юда поганого — от Родины, Руси Святой. Через Смородину переброшен Калинов мост, а меж берегов течет огненный поток, кипящая смола (название реки от древнерусского слова «смород» — сильный, резкий запах, зловоние, смрад). У моста находится ракитов куст. По преданию, он вырос на самом первом на земле камне, выброшенном рыбой из моря. Это — место обитания птиц и животных, обладающих даром предвидения и особой силой. Среди них — Соловей-разбойник. Противостояние на Калиновом мосту, на реке Смородине есть вечная битва Добра и зла, в христианской мистике — происходящая в сердце каждого человека.

Перед нами — не только преддверие битвы с нечистью, но и сторожевой дозор: «Ракитов куст. Калинов мост. // Смородина-река. // Здесь так легко рукой до звезд // достать сквозь облака. // И — тишина... И лишь один // здесь свищет среди ветвей // разгульный одихмантьев сын // разбойник-соловей. //Почто, не зная почему, // ступив на зыбкий мост, // вдруг ошетинился во тьму // мой верный черный пес? // И ворон гаркнул в пустоту: // «Врага не проворонь!», // когда споткнулся на мосту // мой богатырский конь. // Здесь мой рубеж последний врос // на долгие века... //...Ракитов куст. Калинов мост. // Смородина-река».

Тишина, словно перед бурей, зловещий посвист соловья-разбойника, небо закрыто облаками. Но взор богатыря видит звезды сквозь тучи, и его рука, кажется, в состоянии достать до них. Здесь нет прозрачности природы, однако очевидна просвет-

ленность главного героя. И очертания его роста, несопоставимого с бытовыми представлениями. Важно понять существенную особенность этих метафизических контуров воина: он — не надмирен, а как бы «сквозьмирен» и способен проникать в своем шаге и взгляде и времена, и пространства. Образы рек, и в особенности Волги; лица простых людей, тянущих нелегкую жизненную лямку; печаль разорения и сердечное умиление красотой русского пейзажа; тяжкий труд униженных и оскорбленных соотечественников; почитание таинства свежего, теплого хлеба; любовь и ненависть, терпение и стоицизм — все слилось в некий художественно-бытийный поток, вдохновенный и властный. Такова поэзия Дианы Кан, в своей полноте и национальная, и православная... У Дианы Кан образная речь, по видимости, пряма и понятна, однако почти всегда в ее строках содержится отблеск метафизики, едва заметный надмирный знак, свободно соседствующий с реальным чередованием слов и ритмов, красок и предметов. Это как мимолетный жест или мгновенное изменение лица, когда за наглядным — вдруг приоткрывается бездна.

...Множество стихотворений Дианы Кан рассказывает читателю о скромных русских реках, в которых поэтесса видит приметы самых разнообразных людских характеров. Скромница Татьяна, ворчливая, тщеславная Вазуза, суетливые и старательные Самарка и Сок, погруженная в себя, неторопливая речка Моча. Мастерски развертывая сюжет, Кан словно бы ведет речь о дорожном попутчике, соседе, служивом человеке, о шумливой ребятне, оживляющей своими звонкими возгласами притихшую деревенскую улицу, порушенный городской двор. Она с поразительной легкостью поведает как будто житейскую историю, но внимательный взгляд обнаружит в одной ее стихотворной строфе точные координаты времени и пространства, нравственные вехи и выбор, перед которым замирает человеческое сердце. Бытовое незаметно раздвинет свои границы, подобно театральному занавесу, и бытие замерцает неясным светом, обнаруживая то один мистический знак, то другой. Это свойство присуще едва ли не каждому стихотворению Дианы Кан. Кажется, нет темы, которая не смогла бы развернуться в полноте и противоречиях под пером автора. Соединяя в собственном сознании и крови характер Востока с чувствами, воспитанными православной Русью, Кан словно бы дает современной русской литературе ключ к пониманию отдельных событий и исторических глав. Преодолевая внутренний мировоззренческий разрыв, она научилась сочетать страстность духовного подвижника с мягкостью православной мирянки, требование жертвы и самоотречения — со снисходительностью к человеческим слабостям.

Когда поэтесса говорит, что учится у русских рек двенадцати наречиям, — это не поэтическая фраза, а настойчивое вникание в историю людей и земли: «они всегда по-разному расскажут о Руси». Тут необходимо терпение и спокойное желание понять коллизии прошлого и настоящего. И Кан обращается к образу Волги: «Плывущая вдаль по просторам, как пава, // и речь заводящая издалека, // собой не тончава, зато величава // кормилица русская Волга-река. // По чуду рождения ты — тверитянка. // Слегка по-казански скуласта лицом. // С Ростовом и Суздалем ты, угличанка, // помолвлена злат-заповедным кольцом. // Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи — //они и пыхтят, и копят, и дымят... // Нет-нет, да порой замутится от сажи // твой, матушка, неба взыскующий взгляд...» Широкое, просторное сказовое повествование, неспешное и негромкое. И одновременно — учительское слово воды, в коем таится что-то надчеловеческое. Как и в других стихах Дианы Кан, река — нить, связывающая воедино разные племена и народы. И потому говор волжского течения — как проречь, интуитивно уловимая разноязыкими людьми. Реалистический эпизод, рисующий героиню на берегу Волги, на редкость точен в деталях, свобода передвижения взгляда рассказчика очень естественна... Так и певцу, который дерзнул вести беседу с Волгой, должен быть присущ огромный метафизический рост. В противном

случае невозможно передать то уважение — почти семейное, по интонации идущее со стародавних лет, которое звучит в словах Дианы Кан, обращенных к Волге: «матушка». Также и дочернее стремление рассказать ей о самом потаенном («когда печаль-тоска сжигает душу, // и Волга-мать за далью не видна, // часами на Татьянку и Криушу // люблюсь из высокого окна»). Порой река предстает в образе старшей сестры или даже подруги... Называя речки-воложки своими сестрицами, лирическая героиня вместе с ними сливается в объятиях «с Волгой — матушкой родной»... Диана Кан попала на берега Волги из Оренбуржья. В стихотворениях о Самаре-мачехе она не раз упоминала о черствости этого города — примерно так, как принято говорить о Москве, бьющей приезжего с носка и не верящей слезам. Подлинный поэт всегда и везде одинок, нищ и горд. На Востоке хан может умертвить певца, здесь же толпа — множественный образ хама — в состоянии перекричать песню и затоптать ее автора тысячу спящих ног. Волга примиряет героиню с Самарой, умиротворяет душу и неожиданно дарит ей связь с землей, которая ее не желала и гнала. Диану Кан по праву можно назвать поэтическим голосом Волги, которая является для нее источником вдохновения и примером присутствия в мире. В образе главной русской реки поэтесса видит отражение «реки словесной», стремящейся стать полноводной, большой и сильной...

...Русская традиция с древних лет была одухотворена неосознанным присутствием Христа в обыденном человеческом распорядке, в семейном, домашнем укладе, и через Богородицу — в фигуре матери. Этот образ в поэзии Дианы Кан зримо привязан к Волге — матери русских рек. Однако речь поэтессы, обращенная к современникам, старым и молодым, содержит множество оттенков, которые подчеркивают сострадательное и одновременно требовательное материнское начало ее лирики. Не показываясь портретно, в привычном облике зрелой женщины или согбенной старушки, голос Кан исходит словно бы от невидимой женской ипостаси — материнской души, которой дороги дети и внуки, малые и большие, далекие и близкие, живые и отошедшие в мир иной. Даже бесприютный ветер похож на сироту, которому не хватает теплоты и ласки: «Много ль, право, надобно ему? // Приголубь да обогрей дыханьем. // Да засунь в пустую котому. // Да утешь, как дитятко, сказаньем. // Ибо в мире все растет во сне... // Спи, родимый, чутким сном объятый! // Вырастешь и на большой войне // будешь своей родине солдатом...» Так повелось в многострадальной и долгой русской истории, что мальчики становились защитниками родины, а девочки держали дом на своих тоненьких плечах, растили ребятню и сохраняли землю-кормилицу в достоинстве и красоте. Этим мальчикам и девочкам, которых стоит воспринимать как неугасимую надежду на торжество русской Правды, посвящены проникновенные строки поэтессы: «О, эти чудо-одуванчики, // льняными бывшие и рыжими — // совсем как новобранцы-мальчики, // паленым ветром бриты-стрижены. // Они по отчим неудобиям // встают рядами поределыми. // Иль жмутся к воинским надгробиям // с их матерями поседлыми. // Ужели им (уже не верится!) // под всхлипы вешнего соловушки // весной венки сплетали девицы // и водружали на головушки?... // Ужели совали им в карманчики // гостинцы ласковые матушки?... // Вчера лишь — маменькины мальчики... // Сегодня — русские солдатушки. // Они взойдут на поле ратное // и сложат буйные головушки... // И отцветут цветочки ранние — // недолгие, как вдовьи солнышки».

Здесь присутствует некое общерусское материнство, пожалуй, не знакомое иноязычной литературе, которая ушла в частности — пусть порою очень важные, но расчленяющие народ на изолированные друг от друга судьбы. Тогда как в России чувство общей земли и доли всегда вело к единению людей, к возникновению неопостижимого родства, истоки которого — в христианской любви и подвиге. Православное «братья и сестры» светится в этих юных лицах: «Поднимутся ранешенько с

постели — // за всем в хозяйстве надобен догляд. // Они прядут тонешенько кудели. // Они белым-белешенько белят...» Это — глубинная Русь, как географически, так и духовно. Подо всем наносным, что легло черной печатью на облик русского человека, его «белое тело» не повреждено, так же как и сокровенная земля, однажды порученная ему Богом. Отблеск такого понимания отечественного бытия, чуткого и терпеливого, наполняет строки Дианы Кан... В стихотворениях поэтессы чрезвычайно много просторечных и диалектных слов, как услышанных где-то, так и новорожденных, впервые введенных в языковой обиход — литературный и разговорный. Русский язык в поэзии Кан резвится и радостно плещется, словно малое дитя в купели. Уже одно это дает ей ключ к отображению всего спектра глубокой и противоречивой русской жизни... Диана Кан — явление поэтически универсальное. В ее стихах постепенно возникает художественная полнота русского бытия на пороге Апокалипсиса.

Публикуется в сокращении

Эдуард Анашкин
(с. Майское Самарской обл.)

«...И ПЕЛА РУСАЛКА...»

Анашкин Эдуард Константинович — член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Гарина-Михайловского, премии журнала «Русское эхо». Автор книг прозы и литературной публицистики — «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», предисловие к которой написал лучший современный русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, книги «Ангел с огненным мечом» и др., изданных в Самаре и Москве. Активно публикуется в московских и региональных изданиях России. Живет в селе Майское Пестравского района Самарской области.

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной.
И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.
...И пела русалка. И звук ее слов
Долетал до крутых берегов...*

Михаил Лермонтов

*...О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя...*

Евгений Семичев

*...Русалочка печальная моя,
Твои глаза нерусского покроя
Искрятся, как восточные моря,
Средь русского заснеженного моря...*

Евгений Семичев

...Я в реке живу, а не купаюсь...

Диана Кан

Последнее время меня занимает немаловажная, на мой взгляд, для понимания истоков творчества Дианы Кан тема, которая пока остается за рамками внимания литературной критики. Я говорю об русских народных истоках творчества Дианы Кан, и о теме воды, реки и напрямую связанную с водой и реками теме русалок, которые время от времени всплывают то в одном, то в другом стихотворении поэтессы. Причем, каждый раз в самом неожиданном ракурсе. На Троицу, за которой, как известно,

следует русальная неделя, взялся я как-то перечитывать стихи Кан, имеющиеся в моей домашней библиотеке. В русальную неделю по древним русским поверьям русалки выходят из воды, гуляют по полям, раскачиваются на ивах и березах, могут очаровать и увлечь за собой в реку беспечного путника и поминай, как звали его... Всю русальную неделю, по поверьям русского народа, купаться в реках и прудах ни в коем случае нельзя. А если уж идешь на реку, прихвати с собой «окаянную траву» полынь, запах которой отпугнет русалок. Это, конечно, легенды, но не в них ли заключена глубинная родниковая поэзия?... На мой взгляд, далеко неслучайно тяготение творчества Дианы Кан именно к тем деревьям, которые в русском народе считаются «русальными» — березе, иве. Осознает ли сама поэтесса неслучайность своего предпочтения или нет, значения в данном случае не имеет. Важно то, что уже в ранних стихах Кан такое предпочтение очевидно: *«Быть просто березой на вашем пути — // Такой, чтобы вам ее не обойти, // Такой, чтобы взгляда не отвести // Хочу быть березой на вашем пути. // Быть грустной ивой над синим прудом, // Чтоб нежить в тени солнцем мучимый дом, // Чтоб думать, склоняясь, лишь о вас, об одном, // Быть грустной ивой над синим прудом...»* Спустя многие годы «древесно-русально-речное» преломление темы любви в стихах Дианы Кан просматривается не менее отчетливо. Вот, например, одно из новых стихов поэтессы, вошедшее в ее сборник «Обреченные на славу»: *«С южным ветром встречается огненный ветер востока. // И, обнявшись, идут шалобродить в окрестных дугах. // Растревожат и разбередят молодую осоку, // И заснут у задумчивой ивы в зеленых кудрях. // Убаюкает их, приголубит печальная ива, // Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...»*.

Традиционно в тему несчастной женской любви у Дианы Кан вплетена «русальная» речная тема. Лирическая героиня Кан стремится не просто уподобиться священным в народных поверьях славян деревьям — березе, иве. Героиня стихов Дианы как бы воплощается в эти приречные растения, становясь березой, ивой, осокой... Из мотива слияния с окружающим миром во многом проистекает неподдельное очарование стихов Дианы Кан, которое не могут до конца объяснить исследователи ее творчества. С темой русалок связана и определенная лунность многих стихов Кан, потому что русалки — создания, ведущие ночной образ жизни. Испокон веков луна у славян ассоциировалась с женским началом, как солнце — с мужским. Позднее мотив слияния со стихией родной природы проявится у поэтессы уже не только в плане лирики, но и в лироэпических стихах о русских реках, и, конечно, о главной русской реке Волге. Первым на размышления о теме русалочье-лунного аспекта лирики Дианы Кан навел меня критик Вячеслав Лютый еще в своем первом исследовании творчества поэтессы, которое называлось «Поручение»... Эпиграфом к «Поручению» были вынесены лермонтовские строки: *«...И звуков небес заменить не могли, // Ей скучные песни земли...»* Лермонтовское «лунное» начало ранней поэзии Дианы Кан очевидно: *«Подошел. Ресницы опустил. // Наклонился долу. // Робкие кувшинки положил // К моему подолу. // Он сказал: «Я видел вас вчера...// Вы купались... вы не рады встрече?...» // Он сказал: «Прохлады вечера...» // И накинул мне пиджак на плечи. // Стала даль упряма и чиста, // И заклято ала. // С чешуи змеиного хвоста тишина стекала. // Я сидела с ним на берегу. // Глаз поднять не смела. // Я клялась ему, что сберегу // Голубое тело. // Заживем в кувшинковом раю, // Милый мальчик, всем другим на зависть...// Бедный мальчик, баюшки-баю, // Я в реке живу, а не купаюсь»*. Последняя строчка этого раннего стихотворения — одно из первых упоминаний реки вообще в поэзии Дианы Кан. Это отмечает Вяч. Лютый в предисловии к книге «Обреченные на славу». Попутно уважаемый критик из Воронежа замечает весьма показательную особенность творчества Кан — полное отсутствие в ее стихах моря при обилии всевозможных рек, речек, речушек, прудов... Думаю, что такая особенность закономерна в творчестве поэтессы, в чьих жилах течет славянская

кровь. Древние славяне с древнейших времен обитали по берегам равнинных рек. Древнерусские русалки, в отличие от западноевропейских морских сирен, жили в пресной речной воде... Впрочем, русалка Дианы Кан — существо широкого ареала обитания, была бы пресная вода, как например, в стихотворении про ташкентское море: *«Ты сядешь за руль, и появится вскоре // Лазурною чашей ташкентское море. // Я лишь пригубить этой чаши хотела, // Но все пересилило жаркое тело. // Волною прибитое к берегу платье. // Мы с морем раскрыли друг другу объятия. // Напрасно ты с берега кличешь и плачешь. // Ты третий. Ты лишний. Ничто ты не значишь. // В полуденном солнце сверкнув чешуею, // Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою...»*.

Вполне естественно лирический герой повествования этого стихотворения волнуется за уплывшую далеко за горизонт подругу, боясь, что она утонула. Волнуется, потому что не знает, что она в реке (море, пруду и т. д.) живет, а не купается. *«Уже никого и ни в чем ни виню, // Молюсь навсегда уходящему дню. // И смотрят последние астры в саду // На то, как топиться хожу я к пруду»*.

И тут странновато с обычных позиций выглядит поведение лирической героини. Но странно такое поведение опять-таки только для обычной девушки, не для русалки, которая водную стихию воспринимает, как продолжение своего существа. Русалочья тема очень важна в творчестве поэтессы Дианы Кан еще и потому, что эта лирическая тема со временем продолжилась в творчестве Кан в эпической теме российских междуречий, реки-речи, как символа течения русской жизни, собирания народов-языков вокруг реки-речи. Тема Волги и Урала в творчестве Дианы Кан представлена не только в лунном, но и в солнечном свете. И не только в стихотворении про ташкентское море. Тема русалок и тема луны в творчестве Дианы Кан ненавязчиво, но соседствуют. Само имя Диана символизирует луну, что придает некую символическую подсветку многому из того, что написано Дианой Кан. А древнетюркское слово «кан» в Сибири является обозначением реки вообще. Лунная тема более ярко звучит в раннем творчестве поэтессы, символически ассоциируясь с той непростой сумеречной эпохи, которая выпала на долю поэтессы. Однако далее в творчестве Кан происходит метафизическое возвращение лирической героини к началу начал — тому солнечному яркому Светояру-Яриле, которому некогда поклонялись скифы-славяне, называемые Дианой Кан «обреченными на славу». *«Мы пасынки своей земли родной // Под блеклой остывающей луной // Немые тени на глухой стене. // И солнце, отбродившее в вине. // Отпело в скифских золотых веках // И запеклось на сомкнутых губах // Угрюмое славянское вино, // От коего в глазах темным темно. // Бредем ли пеше, скачем на коне, // Иль стынет в ледяном крещенском сне, // Полынного похмелья тяжкий вздох // Тревожит тишину былых эпох...»*.

Это одно из самых трагически «лунных» стихотворений Дианы Кан. И очень нетипичное для поэтессы, категорически несклонной к пессимизму. Но слова из песни, как и стихотворения из книги, не выкинешь. Показательно в этом стихотворении эпитет-определение похмелья — полынное. «Трава окаянная» в данном случае — образный оберег погрязшей во мраке родины, которую смута-русалка грозит безвозвратно утянуть на дно пучины. Но важно в данном случае не отдельно взятое трагическое стихотворение, а все более отчетливое движение творчества поэтессы от луны к солнцу, от безысходности к надежде. Тема лунного «русальства» в творчестве Кан особенно показательна в этом смысле. От него идет непреклонное движение лирической героини Кан в сторону солнечного «русофильства» — поклонения перед славной и трагической историей русской родины, вера в ее возрождение. Родина большая и родина малая в творчестве Кан нераздельны.

«Сладко спит, озаряемый полной луной, // Весь продутый ветрами поселок Степной...» — пишет Диана Кан об Оренбурге — городе, в котором на протяжении многих поколений жили ее предки-казаки. Этот город — поэтическая родина Дианы

Кан, ведь именно в Оренбурге, по ее признанию, она написала первые свои стихи, издала свою первую книгу, вступила в Союз писателей России. Полночный Оренбург в стихах поэтессы по-русалочьи и по-лермонтовски озарен полной луной и является, по сути, отражением самой Дианы Кан. Именно в этом лунно-русальном и речном свете совершенно иначе читаются многие стихи Кан о Согдиане, греческой античности, стихи о волках...

«...Мы или во мраке, путая следы, // И шла за нами дикая охота. // Да, где ж ты Спиридон-солнцеворот, // Да сгинет нечисть под лучами солнца...// Но все всегда приходит в свой черед. // Так на Руси из века в век ведется. // Тогда хоть ты чужда добру и злу // Луна сиречь античная Диана. // Взойди на небо, разгоняя мглу, // Качачьим волчьим солнцем окаянным...».

С темой «русальства» связаны античные мотивы в творчестве поэтессы. В стихах Кан, навеянных античными мотивами, древнеславянские русалки трансформируются в древнегреческих нимф, которые тоже были жительницами рек и водоемов. *«...Под сенью оливы зеленой // К ручью наклоняется вниз // В свое отраженьё влюбленный // Античный красавец Нарцисс. // И нимфа-насмешница Эхо // В предугрошенной знобкой тиши // Порой откликается смехом // На крик истомленной души».* Перекликается с темой «русальства» в творчестве Кан и тема ревности, воспоминания о юности и переживание ошибок юности: *«...Соперниц погубленных жалко. // Я в пруд с головою войду — // Там плещут хвостами русалки // В моем воспаленном бреду. // К которой из этих колдуний // Крадется, как тать в тишине, // В часы роковых полнолуний // Мой свет ненаглядный во тьме. // Лукавый дрожащий отравный, // Продрогший на стылом ветру...// Захлопну высокие ставни. // От ревности лютой умру...».*

Это, казалось бы, исключительно лирическое стихотворение показательным тем, что в нем омутно темная лунная русальная тема вдруг начинает обретать движение в сторону света. Да, пока еще свет видится лирической героине «лукавым» и «дрожащим», но важно само движение. Отношение к русалкам в народе разное. Древние славяне опасались этих «бледных дев», считая, что они губят заплутавших путников. Полюбивший русалку человек считался пропащим для мира людей. С другой стороны считалось — там, где русалки бегали и резвились, трава росла гуще и зеленее, а хлеба рожались обильнее. Русалка Дианы Кан уникальна, она не боится солнечного света, она радуется не только закату, но и рассвету: *«Надменной Волги кроткое лобзанье // Босой ногою сладко ощутив, // Стою на берегу июньской ранью...// Щенком в колени тычется прилив. // Вовек себе не знающая равных // Могучая свободная река — // Все ей к лицу — надменная державность // И нежность беззащитного щенка. // Здесь ветерка сквозное дуновенье // Хранит пьянящий аромат ухи. // Здесь так легко в приливе вдохновенья // Стихия превращается в стихи...// По плесам бегать, ноги обжигая, // Секретничать с прибрежным камышом. // Хоть он не сват, не брат мне, не приятель, // Я с волжским камышом накоротке. // Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье. // Плескаться по-русалочьи в реке. // И знать, что ни в одном из всех течений // Мне Волга, исповедница моя, // Не станет изрекать нравоучений, // Приняв меня такой, какая я».*

После того, как моя статья о водно-русалочьей составляющей поэзии Дианы Кан была напечатана в московской газете «Российский писатель», Диана Кан как-то позвонила мне и рассказала следующий случай, недавно приключившийся с ней. В качестве лауреата всероссийской премии «Служение России» имени святого благоверного князя Александра Невского Диана в Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавре, где проходила церемония вручения, встретила с выдающимся современным русским прозаиком Владимиром Николаевичем Крупиным, который в этот же год стал лауреатом премии святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Проза». «Крупин подарил мне свою новую книгу, времени было мало, поэтому

мы побеседовали накоротке, Владимир Николаевич не досидел до конца церемонии награждения, у него был поезд на Москву, а оттуда он должен был ехать в Вятку. Почему-то он заговорил о Русском Расколе, о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне, они, оказывается, были самыми что ни на есть близкими земляками, из одной нижегородской деревни. И если у Аввакума в роду было несколько поколений православных предков, то Никон говорил, что он тоже очень русский. А на самом деле, как выяснили позднее историки, реформатор русского православия патриарх Никон был сыном черемиса и русалки. Вот Крупин меня почему-то и спросил: «А кто такие русалки, Диана?» Я пожала плечами: «Ну, рыбы, наверное. А, может, морячки, поморки?..». Крупин улыбнулся и сказал: «Русалками на Святой Руси называли некрещеных русских женщин». Тут началась церемония награждения, и мы были вынуждены прервать разговор... А потом уже, когда я получила газету «Российский писатель», где была опубликована статья про русалок и про меня, я поняла, что Крупин ко времени нашей встречи успел прочесть эту статью, потому заговорил о русалках. Но я крещеная верующая православная женщина, Эдуард Константинович! Какая же я русалка?..»

Мне вполне понятно недоумение Дианы Кан с позиций канонического Православия. Но русская поэзия шире всех конфессиональных канонов. И я, нисколько не пытаясь умалить православного чувства Дианы Канн, тем не менее читаю, что нельзя в полной мере понять ее стихи о русских междуречьях и Волге без учета «русалочьей» составляющей творчества. Потому что слова не выкинешь из песни. Прочитав в качестве примера одно из «титულных» стихотворений Дианы Кан «Сказ о Волге»: *«Плывущая вдаль по просторам, как пава, // И речь заводящая издалека, // С собой не тончава, зато величава // Кормилица русская Волга-река. // По чуду рождения ты — тверитянка. // Слегка по-казански скуласта лицом. // С Ростовом и Суздалем ты, угличанка, // Помолвлена злат-заповедным кольцом. // Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи. // Они и шумят, и копят, и дымят. // Нет-нет, да порой замутится от сажи // Твой, матушка, неба взыскующий взгляд. // Устанешь под вечер... Позволила б только // Водицы испить с дорогого лица. // Красавица Волга, работница Волга, // Заботница Волга, сказительница... // ...Мила твоя речь о былинных верховьях. // О том, как роднишься в Москвою-рекой. // И как в астраханских твоих понизовьях // Цветет дивный лотос, омытый зарей...»*.

В дельте Волги цветет кувшинка, которую лирическая героиня Дианы Кан (поэтессы, родившейся, на Востоке) склонна принять за восточный цветок лотос. На научном языке кувшинку называют нимфеей. Так тема нимф и русалок снова возникает в волжских стихах Дианы Кан, как естественное начало и продолжение темы Волги — колыбели славянских мифов.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, в частности, администрация области планирует включение журнала, начиная с 2011-го года, в Культурную программу области. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — представле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Во втором квартале 2010 года в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2010, №№ 1—5.

2. *Три века тульской поэзии: Хрестоматия* / Сост. В. Ф. Пахомов, Н. Н. Минаков.— Тула: Гриф и К, 2010.— 864 с., ил. (Уникальное издание, среди участников-поэтов которого многие члены редколлегии «Приокских зорь» и авторы журнала).

3. *Краснова М. И.* Факты справедливости истории России.— Тула: «Папирус», 2010.— 48 с. (Документы, свидетельства, авторитетные комментарии о роли И. В. Сталина и Г. К. Жукова).

4. *Толстой И. А.* Из Индии в Китай через Тибет.— Тула: Издат. дом «Ясная Поляна», 2008.— 119 с. (Первое издание на русском языке (первое издание на английском языке вышло в 1946 г. в США) книги внука Льва Толстого — Ильи Андреевича Толстого, полковника-разведчика армии США. В 1943 г. по личному заданию президента Рузвельта организовал экспедицию из Индии в Китай через Тибет, где был принят в Лхасе Далай-ламой XIV. Экспедиция преследовала целью организовать маршрут доставки в Китай военных грузов для армии Чан-Кайши, несших основную нагрузку в войне против японских оккупантов).

5. *Белицкая Т. М.* Человек предполагает: Повесть.— Тула: Издат. центр Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н.Толстого, 2010.— 142 с.

6. *Белицкая Т. М.* Разорванные нити. Вендетта по-русски.— Тула: «Инфра», 2009.— 264 с.

7. *Горчаков В. В.* Среднерусские сказки.— Тула: Гриф и К., 2009.— 180 с. (Содержит исторические очерки о вятячах — древних насельниках тульской земли).

8. *Малиничев В.* На закате: Историко-экономический очерк о жизни Тульской области в последние десятилетия Советской власти.— Тула: Гриф и К., 2009.— 72 с. (Воспоминания известного в Туле соработника, разочаровавшегося в советской жизни и приветствовавшего «демократические преобразования 90-х гг. XX века»).

9. *Трещев Е. И.* Личные впечатления. Часть 1.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010.— 80 с. (Очерки об известных тульских писателях и поэтах).

10. *Скаредов А. С.* Ночью: Стихи.— Тула: «Тульский полиграфист», 2010.— 84 с.

11. *Лукьянов И. В.* Камень у дороги: Стихи.— Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова», 2009.— 131 с.

12. *Лукьянов И. В.* Избранное: Стихотворения.— Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова», 2008.— 268 с.

13. *Новиков К. И., Гуляева Г. И.* Шахматы — гимнастика ума / Предисл. А. А. Яшин.— Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010.— 320 с. (Книга руководителя тульского детского шахматного клуба «Знайка» и его сестры, тоже шахматистки. Содержит уникальную подборку высказываний исторических личностей о шахматной игре и более 1000 задач-миниатюр).

14. *Сверья* быль и небыль: Антология современной прозы: Рассказы / Сост. И. Н. Кедрова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 280 с. (Первый том прозы членов Академии российской литературы и кандидатов в ее члены. Авторы: Наталья Гнатюк, Владимир Мирнев, Галина Дубинина, Игорь Нехамес, Наталья Квасникова, Людмила Попова, Ирина Кедрова, Иосиф Рухович, Эдуард Клыгуль, Зинаида Фомина, Виктор Кузнецов — многие из них являются авторами «Приокских зорь»).

15. *Кристалл*: Литературно-художественный альманах / Гл. ред. И. В. Пархоменко (член редколлегии «Приокских зорь»).— Плавск: ООО «Щекинская типография», 2010.— №№ 1, 2.— 8 с.

16. *Лебедев С. А.* Лесная дорога: Сборник стихов.— Тольятти: Типогр. ОАО «КуйбышевАзот», 2010.— 132 с.

17. *Макаров Н. А.* Награды. Полководцы. Города-герои.— Тула: б/у изд-ва, 2020.— 127 с., ил. (Книга-альбом, цв.; содержит описания и фотографии наград Великой Отечественной войны, выдающихся советских полководцев и городов-героев).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в I—II кв. 2010 года вышли следующие книги:

1. *Наука с музами дружит*: Литературно-художественный и публицистический альманах. Вып. 2: К 80-летию Тульского государственного университета / Гл. ред. и сост. А. А. Яшин.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2010.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). (В альманахе помещены произведения нынешних и бывших сотрудников и студентов ТулГУ и его предшественников: Тульского механического ин-та, Тульского горного ин-та, Тульского политехнического ин-та, Тульского горного техникума, Тульского государственного технического университета) и голоса: Сб. стихов участников I слета молодых поэтов Тульской обл. / Под ред. В. Ф. Пахомова и В. Г. Сапожникова.— Тула: «Полиграфинвест», 2010.— 52 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также при-

глашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2009-го года объявлены в № 1, 2010 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2010-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

Лауреатами Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо» стали Владимир Архипов (лучшее стихотворение о Великой Отечественной войне), Татьяна Смертина, Геннадий Фролов, Виктор Тимофеев. Среди поэтов, пишущих на языках народов России, лауреатом признан Эрдни Эльдашев из Элисты. Дипломантами конкурса стали Елена Кепплин, Александр Щербаков, Виктор Пахомов, Дмитрий Мизгулин и другие.

(«Литературная газета», 19—25.05.2010 г., № 20(6275).— С. 5)

Примечание редакции: среди дипломантов — Виктор Федорович Пахомов — первый зам. главного редактора «Приокских зорь».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «ПЗ» поздравляю своих коллег и авторов журнала — победителей литературных конкурсов и получивших другие награды:

— первого заместителя главного редактора «ПЗ» Виктора Федоровича Пахомова (см. выше);

— заместителя главного редактора по сибирским регионам Тамару Анатольевну Булевич — победителя Международного конкурса «Золотая строфа»;

— нашего автора Иннокентия Медведева из Братска — лауреата Международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010» имени Николая Рубцова;

— главного редактора «ПЗ» Алексея Афанасьевича Яшина с присуждением ему почетного академического звания «Основатель научной школы» и награждением его Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации.

Так держать, товарищи литераторы!

Также поздравляем членов Тульской писательской организации Союза писателей России: Александра Меситова с 60-летием, Александра Вишневого с 50-летием.

Успехов Вам в творчестве и жизни!

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

От редакции: в предыдущем номере (№ 2, 2010) «ПЗ» были помещены воспоминания участника Великой Отечественной войны М. Чернякова «Военные будни лейтенанта-артиллериста», подготовленные к печати его сыном Юрием Черняковым (г. Петрозаводск). Недавно Юрий Михайлович прислал нам запись рассказов своего двоюродного брата Сергея. Эту запись сделал брат Ю. М. Чернякова — Николай.

Ю. М. пишет нам: «Посылаю небольшое письмо моего брата Николая о нашем двоюродном брате, бывшем военнопленном. Разные в жизни бывают ситуации...» Полагаем, что нашим читателям будет интересно ознакомиться с воспоминаниями «от первого лица» о судьбах бывших советских военнопленных, которые современные СМИ трактуют, мягко говоря, однобоко, по схеме германский план — эшелон — Сибирь. Не все так просто.

СЕРГЕЙ В ПЛЕНУ

Рассказывал это мне он в Березовском Рядке (Бологовский район Тверской области), в доме своего отца летом. Я не расспрашивал, т. к. тема деликатная, что рассказывает — то и хорошо. Сергей, 1921 года рождения, в июне 1941 г. был фельдшером, призвали. В плен попал в 1942 году летом, всего год в действующей армии. Утром очень рано встал — тишина, никого нет, раненные лежат. Медсестру нашел, тоже спит, ничего не знает. Где все, куда идти, утро прекрасное, раненные, которых не бросишь. Решил остаться, — что будет, то будет. А будет нехорошо. Немцы пришли, сразу же всех разделили, неходячих расстреляли прямо в койках. Попал в лагерь, условия ужасные, голод. Решил бежать, бежал. Поймали, били, когда рассказывал, то головой вертел — даже вспоминать было страшно. Как склонного к побегу отправили в лагерь в Западную Германию, это и спасло в дальнейшем. Первоначально условия были ужасные. Попытался продать свои часы — попался. Возможно, это запрещалось правилами внутреннего распорядка — опять страшно били. Западная часть Германии была далеко от боевых действий, более развитая часть Германии, и там не было такого внимания к пленным, как на Востоке, — бежать некуда, поэтому расстреливали меньше. К концу войны пленных расконвоировали. Кормить их было нечем. Каждое утро выпускали на работы. У каждого была тканевая сума через плечо. Каждый сам ходил по селу, искал работу. Обычно за день работы расплачивались двумя буханками хлеба. Буханки были крупнее наших советских. Но работу надо было найти. Работали на бюргеров, сельхозработы и не только. Часть хлеба выменивали на курево и др. Возвращались к определенному времени, потом проверка. Утром тоже проверка и на работы. В это время за проволокой по соседству находились военнопленные негры, индусы и просто англичане и американцы. Лагерь состоял из двух частей. Наши военнопленные и союзники. Союзники не работали, и их кормили. Они получали посылки от Красного креста с питанием и куревом. Особенно возмущало то, что сидит этот воин-союзник с лиловыми губами (негр или индус — история умалчивает) по соседству на чем-то возвышенном, ест шоколад, мается от безделья, кидает окурки сигар на нашу сторону и смотрит, как наши бросаются за каждым окурком. С тех пор легкая неприязнь к личностям с лиловыми губами осталась. Правда она никак не проявлялась, только в этом единственном разговоре.

Сергей все же встретил своего начальника госпиталя, капитана, они далеко уйти не смогли, их немцы взяли в тот же день или чуть позже. Встретил он его в офицерском лагере, где уже не помню (Германия или Россия).

Союзники пришли, стало получше. Кормили, не работали, появилась возможность свободно выходить из лагеря. Стали ходить на танцы, Сергей ходил играть к бургомистру в карты вечером. Легкая жизнь закончилась в октябре месяце. Посадили в теплушки и отправили в СССР. Добирались долго, около месяца. Лагерь был под Москвой. Начались допросы, допрашивали почти каждый день.

Наступает 7 ноября. Перед праздниками Сергей попросил у ротного разрешения съездить домой к матери здесь недалеко, в Бологое. Лагерное начальство было не против, и Сергей отправился домой. Повидал родных, попил водочки, поел. Вернулся без приключений.

В Новый год было все по-другому. Вернулся, а лагеря нет. И «враг народа —

предатель Родины» пошел искать его. Вернулся на Ленинградский вокзал и пошел к коменданту вокзала. Тот выругался, поскольку проситель был пьян, но, тем не менее, положил «врага народа» на диван в своем кабинете, сказал чтобы отсыпался. Лагерь нашел в Тульской области. Извини, комендант сказал, не могу тебя отправить в поезд, поедешь на задней площадке товарного вагона. И в шинельке с надписью «OST» Сергей отплясывал на ветру от Москвы до Тулы. Рядом в тулупе и валенках с винтовкой стоял на защите груза часовой. Доехал еле живой, как не заболел — чудо, ибо сам уже спуститься с площадки не мог.

В Туле (области) лагерных сидельцев распределили на работы в шахте. Сергею это не понравилось, и он пошел в Тульский горисполком наниматься на работу. Там встретили с распростертыми объятиями, т. к. медработники были нужны. Обещали жилье. Допросы в лагере стали реже. Дали жилье, переселился, но отмечался в лагере время от времени. Потом сняли с учета совсем. Лагерь как-то потихоньку рассыпался. Сын его Александр родился, кажется там же, в 1948 году. Чуть позже Сергей съездил куда-то на юг, прошел переквалификацию, стал зубным техником и переехал в Бологое.

В 1953 году уже в Бологом Сергей играл в карты, в т. ч. и с военным комиссаром г. Бологое. Тот сам без намеков спросил о военной службе и узнал, что Сергей был в плену (Сергей это не афишировал). Спросил о наградах, звании. Сказал, что прошедшим проверку в свое время (пока сидел в лагере) по новым законам это все можно восстановить. Восстановил. Сергей стал ветераном войны с наградами и со всеми привилегиями.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О БЫВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Татарский Василий Александрович, в 17 лет получил легкую контузию — забросало землей при разрыве мины или снаряда. Еле выбрался. Отметины от грунта, пятнышки, как татуировка, остались на всю жизнь. Попал в плен в первый или второй день войны. Весь плен провел у бюргера в работниках и в июле 1945 года уже работал на «Мурманской судовой верфи». Отличный конструктор был. Он, кстати, из Ковды и женат на ковдорчанке.

Патрикеев Владимир Андреевич аналогичная история (17 лет, первый день войны, июль 1945 на «Мурманской судовой верфи»), только как попал в плен и чем занимался в плену, — не знаю. Был начальником БИХа.

В 1968 г. я был прикомандирован в помощь к подменному экипажу. Корабль (АПЛ, К-128, проект 675) находился в доковом ремонте в Полярном перед автономной. Днем я был в казарме, поскольку имел освобождение от работ от врача, — приболел. Лежу на койке одетый, скучаю. Входит Бушуев Александр (Иванович кажется), бывший военнопленный. На режимном объекте работает комендантом здания. При той промывке мозгов, что была у нас, я, первое что вспомнил, так это то, что он был в плену. Для меня было невероятно встретить его здесь. Я знал его сына, Геннадия, 1947 г.р., знал и его.

Это я все вспомнил к тому, что все стенания по поводу того, что эшелоны с бывшими военнопленными гнали в Сибирь — чистая пропаганда. Туда гнали только тех, кто на самом деле запятнал себя. И занимаются этой фальсификацией или сыновья предателей, чтобы обелить отцов, или недобросовестные люди. Это относится и к поражению людей в правах. Вышеприведенные примеры говорят об обратном.

А как объяснить сотни эсэсовцев, марширующих в Прибалтике и на Украине? Они то должны были быть уничтожены в первую очередь. Что-то два тезиса на экране телевизора не согласуются между собой (уничтожение своих военнопленных и предателей и марширующие эсэсовцы).

ПИСЬМО ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА

Уважаемый Алексей Афанасьевич, здравствуйте!

Наконец-то могу доложить Вам о том, что Ваше поручение выполнил. 2 апреля я вручил книгу «Страна холода» и журнал «Приокские зори» № 4 заместителю директора областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского Людмиле Федоровне (тел. 359-82-80). Дар она приняла с благодарностью.

А я извиняюсь за то, что затянул с исполнением этого приятного дела. Но... был отпуск, а за ним — надо было разгрести завалы в накопившихся делах.

В «Стране холода» я побывал с удовольствием. Многие места, о которых Вы пишете, носят названия, для меня тоже говорящие о моей североморской жизни. Пусть смутно, с трудом, но многое вспоминается. Спасибо Вам! А Николка очень занятный, живой пацан. Мне с ним было интересно вновь побывать на Севере.

В моей творческой жизни ничего интересного, заслуживающего внимания нет. Идет уже естественное торможение. Но небольшую подборку стихов для «Московского Парнаса» подготовил, а к осени, если примите, то что-нибудь соберу для «Приокских зорь». А журнал у вас хорош!

Не смею больше отвлекать Вас. Думаю, что наши отношения на этом не прервутся. Готов к выполнению Ваших новых поручений. А за медлительность еще раз простите!

Низко кланяюсь Вам и земле Тульской.

Г. Азанов
12.04.2010 г.

От редакции: Геннадий Георгиевича Азанов — наш автор и внештатный представитель в Екатеринбурге.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 30.08.2010
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

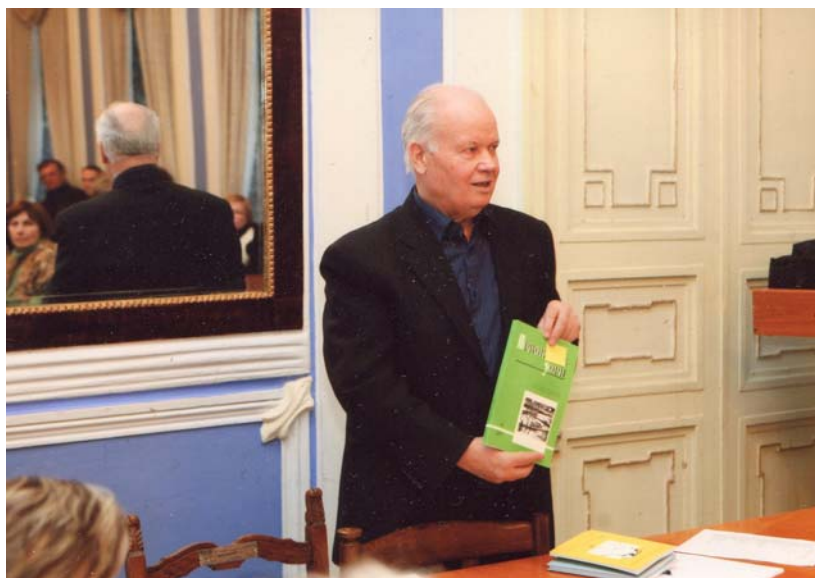
Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЧЛЕНОВ РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

Леонид Васильевич Ханбеков — вице-президент Академии российской литературы, директор Независимого литературного агентства «Московский Парнас», главный редактор одноименного альманаха (журнала), один из ведущих в России литературных критиков

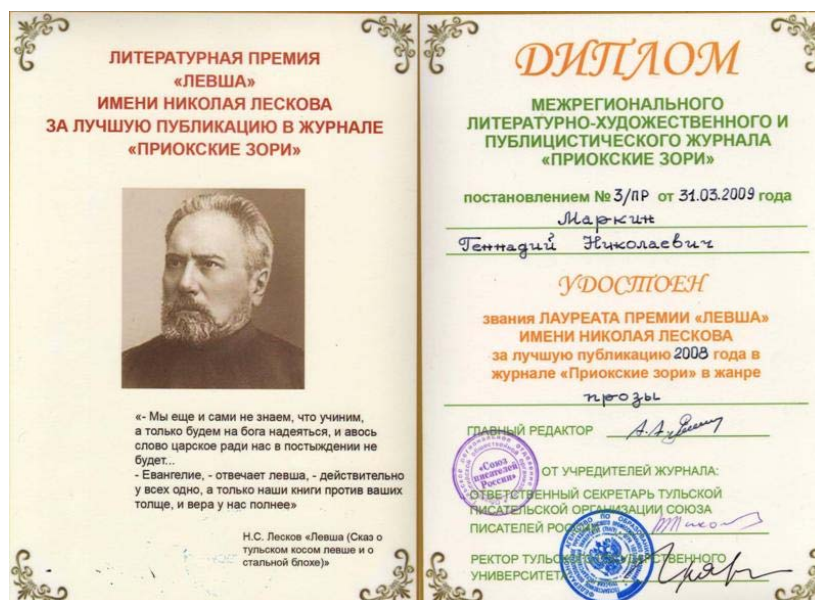

Валентин Васильевич Сорокин, проректор Литературного института им. А. М. Горького по Высшим литературным курсам (ВЛК), один из ведущих современных российских поэтов

**ВРУЧЕНИЕ ДИПЛОМОВ
ЛАУРЕАТА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА**

Валентин Сорокин вручает Галине Дубининой диплом лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2009-й год в жанре поэзии. Место вручения: ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького

Диплом лауреата литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова; лауреат — Геннадий Маркин — в жанре прозы за 2008-й год